

HISTORIA
ROSSICA

Виктор Таки

HISTORIA ROSSICA

Виктор Таки

ЦАРЬ И СУЛТАН

ОСМАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ
ГЛАЗАМИ
РОССИЯН

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЦАРЬ И СУЛТАН

HISTORIA
ROSSICA

Victor Taki

Tsar and Sultan

RUSSIAN ENCOUNTERS
WITH THE OTTOMAN EMPIRE

I.B.Tauris & Co Ltd
London

2016

Виктор Таки

Царь и султан

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ГЛАЗАМИ РОССИЯН

Новое
Литературное
Обозрение

2017

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

Е. Анисимов, А. Зорин,

А. Каменский, Ю. Слѣзкин, Р. Уортман

Редактор серии

И. Жданова

Издание подготовлено при поддержке

Программы фундаментальных исследований

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Таки, В.

- T15 Царь и султан. Османская империя глазами россиян: Монография / Виктор Таки. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 320 с.: ил. (Серия HISTORIA ROSSICA)

ISBN 978-5-4448-0603-6

Монография представляет собой первый опыт культурной истории русско-турецких контактов с момента установления дипломатических отношений в конце XV века и вплоть до Крымской войны. Автор показывает, что претерпевшие серьезную эволюцию российские представления об Османской империи являются важным аспектом как российского открытия Востока, так и непростых отношений России с Западом. Основываясь на таких источниках, как дневники и воспоминания участников «турецких кампаний», рассказы пленников, дипломатическая переписка, статистические публикации и описания путешествий, В. Таки анализирует восприятие военными, дипломатами и образованной публикой в целом многовекового исторического соперника России. В исследовании, в частности, прослеживается, как формирование образов «Европы» и «Востока» в сознании россиян XVIII и XIX столетий оказало влияние на формирование современной российской идентичности. Виктор Таки — сотрудник Центра исторических исследований Санкт-Петербургского отделения НИУ ВШЭ.

УДК 327.8((47+57):(560))(091)«14/185»

ББК 63.3(2)-6(5Туз)

В оформлении обложки использованы фрагменты картин:

Неизвестный художник. Султан Абдул-Меджид I © Pera Museum, Istanbul;

Неизвестный художник. Портрет императора Николая I. 1830-е гг.

© Государственный Эрмитаж, С.-Петербург, 2016. Фотографы Ю.А. Молодковец, В.С. Теребеннин, Л.Г. Хейфец.

©2016, 2017, Victor Taki. Published by arrangement with I.B. Tauris & Co Ltd, London.

Опубликовано по соглашению с I.B. Tauris & Co Ltd, London. Англоязычное издание книги под названием «Tsar and Sultan: Russian Encounters with the Ottoman Empire» осуществлено I.B. Tauris & Co Ltd, London.

© Таки В., пер. с английского языка, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

*Посвящается моей матери Зинаиде,
моей жене Ольге и моей дочери Софье*

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всей своей истории Россия воевала с Турцией чаще, чем с любой другой державой. С конца XVII столетия русско-турецкие войны случались каждые 15–30 лет, и это помимо других контактов, включая посольства, научные путешествия и туризм. Дневники и воспоминания участников «турецких кампаний», рассказы пленников, дипломатическая переписка, статистические публикации и описания путешествий составляют обширную литературу, отражающую восприятие военными, дипломатами и образованной публикой в целом исторического соперника России¹. Основываясь на этих источниках, данная книга представляет собой первый опыт культурной истории русско-турецких контактов с момента установления дипломатических отношений в конце XV века и вплоть до Крымской войны. Она демонстрирует, что претерпевшие серьезную эволюцию российские представления об Османской империи являются важным аспектом российского открытия Востока и не менее важной главой в истории вестернизации российских элит. В данной книге предпринимается попытка рассмотреть под новым углом зрения ориентализм в целом и российский ориентализм в частности, а также внести вклад в культурную историю империи, дипломатии и войны.

Настоящее исследование рассматривает различные формы русско-турецких культурных контактов, сыгравших важную и не до конца изученную роль в культурной истории России XVIII и XIX столетий.

---

¹ Сверчевская А.К., Черман Т.П. Библиография Турции. М.: Восточная литература, 1961. Т. 1; Russian Travellers to the Christian East From the Twelfth to the Twentieth Century / Eds. Theophanes George Stavrou and Peter R. Weisensel. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 1986.

Российские посольства в Константинополь в раннемодерную эпоху послужили пространством символической борьбы за утверждение и поддержание имперского статуса державы. В этот же период многие десятки, а может быть, и сотни тысяч царских подданных оказались пленниками, чей опыт мы можем реконструировать на основании свидетельств, которые были оставлены теми немногими, кому удалось бежать и вернуться в Россию. Шесть русско-турецких войн, произошедших в XVIII — первой половине XIX века, предоставили русским офицерам достаточно возможностей поразмышлять над особенностями турецкой манеры ведения военных действий. Дипломатические контакты и военные столкновения способствовали формированию российских представлений об империи султана и подданных ему народах. Начиная с XVIII столетия клонящаяся к упадку османская держава представлялась противоположностью постпетровской России, которой вплоть до Крымской войны удавалось с видимым успехом перенимать западное знание и технологии власти. В то же время наблюдаемые российскими авторами национальные качества греков, сербов, болгар и румын, а также взаимоотношения между этими народами и их османскими властителями способствовали формированию эллинофильского и панславистского дискурсов, которые сыграли центральную роль в дебатах о российской идентичности в конце XVIII и в XIX столетии.

Россия была первой не западной нацией, вставшей на путь сознательной и целенаправленной вестернизации, которой удалось при этом не утратить суверенитета и не превратиться из субъекта международных отношений в их объект. Разумеется, под «Западом» в XVIII и XIX столетиях не стоит понимать существующую ныне общность ценностей или геополитический союз. На дискурсивном уровне единство Запада сформировалось достаточно поздно. Книга Ларри Вульфа об изобретении Восточной Европы демонстрирует, что деление на Запад и Восток стало преобладающим в символической географии европейского континента только к концу XVIII века. До эпохи Просвещения более значимым было деление на Южную и Северную Европу по линии Альп. Закат Швеции как великой северной державы и рост могущества России в контексте Северной войны 1700–1721 годов дали первоначальный импульс формированию дискурса о Восточной Европе, после чего разделение Европейского континента на Запад и Восток стало все более и более общеупотребительным¹.

¹ Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of Enlightenment*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994 (см. рус. пер.: Вульф Л.

Как геополитическая реальность «Запад» возник совсем недавно. До Второй мировой войны конфликты между государствами, ныне называемыми «западными», были более частыми и интенсивными, чем конфликты между последними и обитателями других частей света. В то же время вовлеченность в эти конфликты наделила западных соседей Московии определенной общностью исторического опыта (Ренессанс, Реформация, научная революция), которая едва ли распространялась на царей и их подданных. Желание компенсировать этот недостаток и сохранить суверенитет в условиях все более обостряющейся международной конкуренции заставляло московских правителей имитировать «немецкие» и «латинские» технологии и культурные практики¹. Хотя эти заимствования почти всегда касались дипломатии и войны, их общественный резонанс распространялся за пределы сферы государственного управления. В царствование Петра I разрозненные действия в этом направлении превращаются в последовательную политику вестернизации, которую разделяют различные группы российских элит, несмотря на постоянно продолжающуюся внутриэлитную борьбу.

Наглядную иллюстрацию процесса вестернизации элит представляет собой биография российского дипломата и государственного деятеля Петра Андреевича Толстого, чье имя будет неоднократно фигурировать на страницах этой книги. Будучи представителем верхушки среднего служилого класса, Толстой долгое время довольствовался достаточно заурядной карьерой в традиционной московской иерархии. В возрасте пятидесяти двух лет Петр I отправил Толстого наряду с десятками других представителей дворянства изучать морское дело в Венецию и Голландию. В ходе двухлетнего путешествия по Южной Европе Толстой, по словам его биографа Макса Окенфуса, осуществил переход «от Московской провинциальности к европейскому космополитизму», не потеряв при этом связи с православной традицией². Помимо усердного, хотя и не очень успешного изучения морского

Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003).

¹ О восприятии западных соседей в допетровский период см.: *James H. Billington. The Icon and the Axe. An Interpretative History of Russian Culture.* New York: Knopf, 1966. P. 84–102. О символической географии раннемодерной Европы, структурированной вдоль оси Север–Юг, а не Запад–Восток, см.: *Wolff L. Inventing Eastern Europe.*

² *Okenfuss M. Translator's Introduction // The Travel Diary of Peter Tolstoi. A Muscovite in Early Modern Europe / Ed. M. Okenfuss. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1987. P. xvi.*

дела, Толстой освоил итальянский, приобрел понимание европейской политики и начал вести дневник. По словам Окенфуса, он также «приобрел привычку рассуждать логически» и «выработал новое отношение к богатству и времени»¹. Благодаря этим навыкам и качествам Толстой внес существенный вклад в петровские реформы, занимая ряд важных постов в Коллегии иностранных дел и в гражданской администрации, и превратился к моменту смерти Петра I в крупнейшего российского государственного деятеля. Последующая история рода Толстых демонстрирует важность контактов с европейской культурой в эволюции российского общества. Многочисленные потомки Петра Андреевича включали поэта Алексея Константиновича Толстого, художника и скульптора Федора Петровича Толстого, министра народного просвещения Дмитрия Андреевича Толстого и, конечно же, великого писателя Льва Николаевича Толстого².

На протяжении всего раннемодерного периода подданные российских царей осознавали гетерогенность того культурно-политического феномена, который мы теперь называем «Западом». Для русского языка XVIII века характерно употребление слова «Европа» во множественном числе («в Европах»), несмотря на то что завершение религиозных войн сделало традиционное для московского периода различие между «немцами» (протестантами) и «латинянами» (католиками) менее актуальным. Это словоупотребление свидетельствовало как о том, что представители российской элиты осознавали свое культурное отличие от западных соседей, так и о том, что взоры русских были обращены на запад. В результате «Запад» отразился в качестве некоего единства во взоре подражающего наблюдателя задолго до того, как превратился в геополитическую реальность. Разумеется, русские были не единственной нацией, позиционировавшей себя подобным образом. В эту же категорию можно отнести Турцию и Японию. Однако подданные царя в своей попытке стать частью «Европы» пошли дальше, чем османские правители в XIX веке или последователи Ататюрка в XX, а западные влияния в русской культуре гораздо более очевидны, чем в японской³.

¹ Okenfuss M. Translator's Introduction // The Travel Diary of Peter Tolstoi. A Muscovite in Early Modern Europe / Ed. M. Okenfuss. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1987. P. xvi.

² Там же. P. xiv–xv.

³ См. сравнительный анализ позиционирования России, Турции и Японии по отношению к Западу: Zarakol A. After Defeat: How the East Learned to Live with the West. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011.

В то же время любой, кто хоть сколько-нибудь знаком с ролью Европы в российской интеллектуальной традиции, затруднится объяснить, почему количество русскоязычных публикаций об Османской империи превосходит количество публикаций, посвященных Франции или Германии. Это обстоятельство нельзя объяснить исключительно частотой русско-турецких войн. Не менее важной была и та роль, которую Османская империя сыграла в отношениях России с ее западными соседями. Историю вестернизации России первоначально отсчитывали с 1703 года, когда Петр I, по крылатому выражению Пушкина, заимствованному у Франческо Альгаротти, «окно в Европу прорубил», основав Санкт-Петербург. Будучи исходным моментом современной истории России, этот акт царя-реформатора рассматривается как способствовавший установлению прямых связей между Россией и передовыми государствами Северной и Западной Европы. Позднее историки обратили внимание на другие регионы, служившие каналами западных влияний на Россию, такие как Гетманщина, Балтийские провинции или «земли, возвращенные от Польши». Однако пространство контакта России с европейской культурой не исчерпывается новой столицей России и ее западными окраинами. Пребывание в Османской империи также мотивировало российских дипломатов, офицеров, ученых и частных путешественников воспринимать европейскую идентичность и одновременно критически ее переосмысливать. Наблюдения османского дипломатического ритуала, способов ведения войны и обращения с пленными подталкивали образованных россиян делать вывод о превосходстве европейских практик и принципов и одновременно высказывать критические замечания относительно определенных форм европеизации.

Противостояние России и Османской империи оставило столь много письменных памятников именно потому, что это противостояние послужило одной из форм взаимодействия России и Европы. Хотя раннемодерные европейцы воспринимали Османов как культурно чуждых завоевателей, победы России над последними в какой-то момент стали угрожать балансу сил в Европе, частью которого Османская империя являлась с тех пор, как «Его наихристианнейшее Величество» король Франции Франциск I счел возможным заключить союз с Сулейманом Великолепным для предотвращения гегемонии Габсбургов. Вот почему победы российского оружия над османским в конце концов заставили прочие великие державы преодолеть свои противоречия и сформировать антироссийскую коалицию, которая впервые на короткий момент превратила «Европу» из географического

и культурного явления в геополитическое. Крымская война была кульминацией противоречий между Россией и европейскими державами, однако появление трехстороннего противостояния между Россией, Османской империей и «Европой» можно наблюдать уже в момент возникновения «восточного вопроса» в конце XVIII столетия. Переплетение российско-османских и российско-европейских культурных контактов в этом геополитическом контексте позволило царским дипломатам, военным, ученым и путешественникам артикулировать собственную идентичность, отличную от обеих конституирующих «других» — османского и европейского.

На протяжении более чем столетия изучение российско-османских отношений было уделом историков дипломатии и войн. Дореволюционные историки естественным образом стали первопроходцами благодаря доступности архивных материалов и сохраняющейся актуальности «восточного вопроса»¹. Интерес к истории российско-османских отношений в период советского доминирования в Юго-Восточной Европе и попыток СССР проецировать влияние в Средиземноморском регионе поощрял западных историков продолжать традицию дореволюционной российской историографии². В период холодной войны необходимость легитимировать советское господство в Восточной

¹ Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М.: Гацук, 1883; Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб.: Скороходов, 1887; Жигарев С.А. Российская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критические оценки и будущие задачи). Историко-юридические очерки. В 2 т. М.: Университетская типография, 1896; Горяинов С.М. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском главных архивах. СПб.: Скороходов, 1907. Среди исследований русско-турецких войн наиболее примечательна серия работ А.Н. Петрова: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. В 5 т. СПб.: Веймар, 1866–1874; Он же. Вторая турецкая война в царствование Екатерины Второй. СПб.: Голике, 1880; Он же. Война России с Турцией, 1806–1812. В 3 т. СПб.: Военная типография, 1885–1887; Он же. Война России с Турцией. Дунайская кампания, 1853–1854. В 2 т. СПб.: Военная типография, 1890.

² См. прежде всего: Sumner H.B. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, UK: B. Blackwell, 1949; Saul N. Russia and the Mediterranean, 1797–1807. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1970; Jewsbury G. Russian Annexation of Bessarabia, 1774–1828. A Study of Imperial Expansion. New York: Eastern European Monographs, 1976; Jelavich B. Russia and the Romanian National Cause, 1858–1859. Bloomington, IN: Slavic and East European Series, Indiana University Press, 1959; Jelavich B. Russia and the Formation of the Romanian Nation-State. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1984; Meriage L. Russia and the First Serbian Uprising, 1804–1813. New York: Garland Publishers, 1987.

Европе подвигла ряд советских ученых изучать российско-греческие, российско-сербские, российско-болгарские и российско-румынские отношения, акцентируя внимание на вкладе России в формирование национальных государств на Балканах¹. Порой советским авторам приходилось проявлять недюжинные диалектические способности, дабы увязать свою апологию советского империализма с работами Маркса и Энгельса, проявивших в высшей степени критическое отношение к царской России и ее внешней политике². Несмотря на их идеологизированность, работы советских специалистов способствовали вводу в научный оборот новых архивных документов, которые не были изучены дореволюционными историками и оставались недоступны их западным коллегам. В результате деятельности этих разных групп ученых сложилась достаточно полная картина войн и дипломатических отношений России с Османской империей. В то же время в своем стремлении описать фактологические аспекты российско-османских отношений дореволюционные российские, советские и западные исследователи зачастую обходили вниманием культурный контекст этих войн и переговоров. Реконструкция этого контекста представляет собой главную цель данной книги, которая основывается на последних теоретических наработках в истории культуры.

Настоящее исследование было проведено в диалоге с работами сразу нескольких направлений историографии. Прежде всего данная книга представляет собой вклад в историографию ориентализма в целом и российского ориентализма в частности. Вплоть до 1970-х годов термин «ориентализм» применялся для обозначения совокупности академических дисциплин, основанных на изучении восточных языков. Этот термин также обозначает тенденцию в европейской живописи,

---

¹ Из истории русско-болгарских отношений / Ред. Л.Б. Валев. М.: АН СССР, 1958; *Шпаро О.Б.* Освобождение Греции и Россия (1821–1829). М.: Мысль, 1965; *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20-е — 30-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1966; *Арш Л.Г.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М.: Наука, 1970; *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей первой трети XIX века. М.: Наука, 1972; *Гросул Г.С.* Дунайские княжества в политике России, 1774–1806. Кишинев: Штиинца, 1975; *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России в Ионической республике. М.: Наука, 1976; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1982.

² *Marx K.* The Eastern Question: A Reprint of Letters Written 1853–1856 dealing with the Events of the Crimean War. New York: Franklin, 1968; *Marx K.* Însemnări despre Români, manuscrise inedite. București: Editura politică, 1964.

скульптуре, музыке и литературе, ориентированных на «восточную» тематику. В нашумевшем исследовании 1978 года литературовед Эдвард Саид рассмотрел эти две стороны западного ориентализма в радикально новом свете. Согласно Саиду, западные ученые-ориенталисты стали «корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком — общение при помощи высказываемых о нем суждений, определенных санкционируемых взглядов, его описания, освоения и управления им»¹. Будучи характерным примером дискурса в фуколдианском смысле этого слова, ориентализм в определении Саида — это «западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»². Обвинения академических ориенталистов, высказанные Саидом, и последовавшая за этим желчная полемика мало релевантны для данного исследования. Как демонстрируется в четвертой главе, до второй половины XIX столетия академические ориенталисты играли менее значимую роль в российско-османских отношениях, чем военные или дипломаты. Вот почему в данном исследовании ориентализм понимается в другом, более общем и философском смысле этого слова — как «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии Востока и (почти всегда) Запада». Согласно Саиду, данное различие послужило более широкому кругу поэтов, романистов, философов, политических мыслителей, экономистов и имперских администраторов в их описаниях «Востока, его народов, обычаев, „ума“, судьбы и т.д.»³. Оппозиция Запад — Восток, лежащая в основе ориентализма, представляет собой пример абсолютизации различий между привычным «мы» и чуждым «они», которая является скорее ментальным конструктом, нежели объективной реальностью. Саид настаивал на том, что «так же, как и Запад, Восток — это идея, имеющая историю и традицию мышления, образный ряд и свой собственный словарь», так что «эти две географические сущности поддерживают и до определенной степени отражают друг друга»⁴.

Несмотря на видимую симметрию, отношения между Западом и Востоком — это отношения «силы, господства, различных степеней комплексной гегемонии»⁵. На практике это означало, что современные европейцы присваивали себе право говорить за людей, которых они

¹ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. С. 10.

² Там же.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 13–14.

называли «восточными». В результате складывалось представление о том, что «восточный человек иррационален, развращен, ребячлив, он „другой“, тогда как европеец рационален, добродетелен, зрел, „нормален“»¹. Утверждая непреодолимое различие между западным превосходством и восточной «неполноценностью», ориентализм как совокупность «мечтаний, образов и идиом» помогал европейцам сделать восточные общества привычно инаковыми. Ориентализм заменил живое (а потому неудобное) многообразие народов, политических образований, укладов и мировоззрений карманным образом «восточного человека, который живет на Востоке... ведет праздную восточную жизнь, в государстве восточной деспотии и похоти, отягченный чувством восточного деспотизма»². Эту операцию подмены живой реальности восточных обществ западным образом Востока, или ориентализацию, можно найти не только во французских или английских описаниях путешествий на Восток, но также и в произведениях российских авторов, посвященных Османской империи, которые рассматриваются в этой книге.

Стало привычным считать ориентализм грубым западным искажением культурных реалий восточных стран. С этой точки зрения ориентализм приуменьшал различия между восточными странами, эссенциализировал и абсолютизировал сходства и способствовал превращению знания о них в элемент колониальных режимов власти над ними. Символическое насилие, которое ориентализм причинил «другому», несомненно. Однако нельзя забывать о его роли в культурной истории тех обществ, которые породили ориентализирующие дискурсы. Ориентализм не способствовал построению монолитной западной идентичности. Внутренние разломы, характеризовавшие последнюю, стали все более очевидны по мере того, как дискурс типического Востока переплетался с дискурсами о классе, гендере или нации³. Как консервативные, так и левые критики модерности в Великобритании и во Франции рассматривали Восток как альтернативу разрушающимся традиционным социальным иерархиям в странах метрополиях или же как лабораторию альтернативных принципов социальной организации⁴.

¹ Там же. С. 62.

² Там же. С. 160.

³ Lowe L. *Critical Terrains: French and British Orientalisms*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.

⁴ Об интересе европейских консерваторов к социальной иерархии, порядку и властным отношениям, сохранявшимся в восточных и колониальных обществах на

Ориенталистский дискурс сыграл не менее значимую роль в артикуляции современных национальных идентичностей в Восточной Европе, в обществах, озабоченных своей отсталостью и маргинальностью. Тезис о «варварстве» восточных (и о «цивилизованности» западных) соседей выполнял важную функцию в самовосприятии венгров, румын, словенцев, хорватов и сербов¹. Россия представляет собой промежуточный случай между Западной и Восточной Европой в плане той роли, которую ориентализм сыграл в политической и культурной истории страны². Подобно восточноевропейским националистам, образованные подданные царя использовали ориенталистскую риторику для того, чтобы дистанцироваться от своих восточных соседей и утвердить свой статус как представителей «цивилизованного» мира. В то же время российские репрезентации Востока свидетельствуют о сомнениях относительно благ западной цивилизации и о неопределенности отношения к ней России. В этом смысле российские авторы были подобны своим французским и британским коллегам, для которых Восток был возможностью занять критическую дистанцию по отношению к своему собственному обществу.

В силу ряда причин российские репрезентации Османской империи в контексте русско-турецких войн были обойдены вниманием исследователей российского ориентализма. Подобно своим западным коллегам, российские историки изучили становление академического ориентализма в России и его противоречивую роль в формировании

фоне процессов демократизации в Западной Европе, см.: *Canadine D. Ornamentalism: How the British Saw Their Empire*. New York: Oxford University Press, 2001; *Porter B. The Absent-Minded Imperialists: Empire, Society and Culture in Britain*. Oxford: Oxford University Press, 2004. Об интересе сенсимонистов к Востоку как лаборатории альтернативной модерности и источнику духовных ценностей см.: *Abi-Mershed O. Apostles of Modernity: Saint-Simonians and the Civilizing Mission in Algeria*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010; *Ferruta P. Constantinople and the Saint-Simonian Search for the Female Messiah: Theoretical Premises and Travel Account from 1833* // *International Journal of the Humanities*. 2009. Vol. 6. No. 7. P. 67–72.

¹ Милица Бакич-Хэйден первой проанализировала этот феномен. См.: *Bakic-Hayden M. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia* // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. No. 4. P. 917–993.

² Две важных историографических дискуссии во многом определили дальнейшее развитие этого направления исследований: *Russian History and the Debate over Orientalism* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 691–727; *Modernization of Russian Empire and Paradoxes of Orientalism* // *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2002. No. 1. P. 239–311.

и функционировании имперских режимов власти¹. Российские литературоведы, как и их западные коллеги, рассмотрели конструирование восточного «другого» в произведениях русских писателей и поэтов и выявили роль литературного ориентализма в артикуляции российской идентичности². Как историки, так и литературоведы внесли вклад в изучение воображаемой географии (пионерами здесь были некоторые специалисты по Восточной Европе) и рассмотрели символическое конструирование имперского пространства посредством открытия «собственного Востока России»³. Работы ученых-ориенталистов и литературные произведения, включая описания путешествий, до сих пор составляли наиболее важные категории первоисточников, на базе которых западные и российские исследователи изучали феномен ориентализма. Хотя ученые и литературные путешествия позволяют выявить ряд важных аспектов современного дискурса о Востоке, концентрация внимания на этих типах источников сопровождалась забвением другой важной категории источников, а именно работ военных и дипломатов.

Наряду с предпочтительным вниманием, оказываемым исследователями ориентализма в целом и российского ориентализма в частности определенному типу источников, исследовательская практика характеризовалась до сих пор и наличием неких географических рамок. Исследователи российского ориентализма концентрировались практически исключительно на «собственном Востоке России» и уделяли мало

---

¹ О российском востоковедении см.: Tolz V. *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2011; Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to Emigration*. New Haven, CT: Yale University Press, 2010. P. 31–43, 93–121, 153–198.

² Layton S. *Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoi*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; Hokanson K. *Empire of the Imagination: Orientalism and the Construction of Russian National Identity in Pushkin, Marlinskii, Lermontov, and Tolstoi*. Toronto: University of Toronto Press, 2008; Dickinson S. *Russia's First "Orient": Characterizing Crimea in 1787 // Orientalism and Empire in Russia* / Eds. Michael David Fox, Peter Halquist, and Alexander Martin. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2006. P. 85–106.

³ Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Imperial Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Gorizontov L. *The "Great Circle" of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1917* / Eds. Jane Burbank, Mark von Hagen and Anatolii Remnev. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2008. P. 67–93; Миллер А.И. Империя и нация в воображении русского национализма // Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 147–170.

внимания репрезентациям Азии за пределами границ Российской империи. То же самое можно сказать и про исторические и литературные исследования взаимосвязей ориенталистского дискурса и имперских институтов на восточных окраинах¹. В то время как ряд работ был посвящен российским репрезентациям других евразийских империй², российские представления об Османской Турции все еще остаются белым пятном на карте этой области историографии³. Обращение к дневникам и мемуарам участников русско-турецких войн, свидетельствам пленников и дипломатической переписке, предпринятое в данной работе, демонстрирует центральность противостояния с Османской империей для российского открытия Востока. Сравнение османского дипломатического ритуала, способа ведения войн и политической системы с европейскими было важным механизмом артикуляции российской идентичности. Параллельное прочтение западных и российских описаний Османской Турции представляет собой редкую возможность исследовать механизм переноса ориенталистского дискурса в Россию и его освоения образованными представителями общества, которое само воспринималось как цивилизационно маргинальное современными ему западными авторами⁴.

Помимо выявления роли русско-турецких войн в культурной истории России, данная книга предлагает новый подход к феномену ориентализма в целом. Отношения России и Османской империи в XVIII и первой половине XIX века включали аналоги раннемодерных великих посольств Габсбургской монархии в Константинополь и позднейших

¹ О связи ориенталистского знания и власти на кавказской и среднеазиатской окраинах Российской империи см.: *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples* / Eds. Daniel Brower, Edward L. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997; *Jersild A. Orientalism and Empire. North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917*. Montreal: McGill University Press, 2002; *Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1867–1923*. Bloomington IN.: Indiana University Press, 2006.

² *Andreeva E. Russia and Iran in the "Great Game": Travelogues and Orientalism*. London; New York: Routledge, 2008.

³ *Taki V. Orientalism at the Margins: The Ottoman Empire under Russian Eyes* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. No. 2. P. 321–351.

⁴ Об ориентализирующих репрезентациях России в произведениях западно-европейских авторов см.: *Poe M. A People Born To Slavery: Russia in Early Modern Ethnography, 1478–1750*. Ithaca: Cornell University Press, 2000; *Wolff L. Inventing Eastern Europe; Neumann I. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. New York: Routledge, 1996; *Neumann I. Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999; *Adamovsky E. Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France, 1740s — 1880s*. Bern: Peter Lang, 2006.

французских и английских описаний путешествий на Восток¹. В то же время контакты России и Османской Турции характеризовались временной компрессией форм взаимодействия, которые в отношениях между западными державами и Османским государством имели место в разные исторические эпохи. Так, например, войны между Османами и Габсбургами практически завершились к моменту, когда Моцарт создавал «Похищение из Сераля». Напротив, в контексте отношений России и Османской империи «турецкие кампании» совпадали по времени с модой на «туретчину» и восточные путешествия.

В этом контексте дневники и мемуары участников русско-турецких войн, рассказы пленных и дипломатическая переписка сыграли роль медиумов, в которых жестокости военного конфликта обрели символическое выражение в репрезентациях исторического соперника. Анализ этой литературы, предпринятый в данной работе, проливает свет на то, каким образом евразийская империя-противник была ориентализована, то есть представлена в качестве Востока. Данный процесс оставался в большинстве случаев за пределами внимания прежних исследователей ориенталистского дискурса. Таким образом, эта книга представляет собой вклад в историографию воображаемых географий, получившую развитие после критического прочтения работы Саида².

¹ О раннемодерном западноевропейском восприятии Османской империи см.: Rouillard C. *The Turk in French History, Thought and Literature, 1520–1660*. Paris: Boivin, 1938; Schwoebel R. *The Shadow of the Crescent: The Renaissance Image of the Turk (1453–1517)*. New York: St. Martin's Press, 1967; Bohnstedt J. *The Infidel Scourge of God: The Turkish Menace as Seen by German Pamphleteers of the Reformation Era*. Philadelphia, PA: The American Philosophical Society, 1968; Shaw E., Heywood C.J. *English and Continental Views of the Ottoman Empire, 1500–1800*. Los Angeles: University of California, William Andrews Clark Memorial Library, 1972; Beck B. *From the Rising of the Sun. English Images of the Ottoman Empire to 1715*. New York: Peter Lang, 1987; Desmet-Grégoire H. *Le Divan Magique: La France et l'Orient Turc au XVIIIème siècle*. Paris: L'Hartmann, 1994; MacLean G. *The Rise of Oriental Travel: English Visitors to the Ottoman Empire, 1580–1720*. London: Palgrave Macmillan, 2006; Laidlaw C. *The British and the Levant: Trade and Perceptions of the Ottoman Empire in the Eighteenth Century*. London: I.B. Tauris, 2010; Fichtner P. *Terror and Toleration: The Habsburg Empire Confronts Islam*. New York: Reaktion Books, 2006. Хотя некоторые из этих работ концентрировались на Османской империи, они вносили вклад и в рассмотрение более широкой темы западного восприятия ислама и исламского мира, которому также были посвящены исследования: Southern R.W. *Western Views of Islam in the Middle Ages*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962; Daniel N. *Islam and the West: The Making of an Image*. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press, 1962; Chew S. *The Crescent and the Rose: Islam and England during the Renaissance*. New York: Octagon Books, 1965.

² Wolff L. *Inventing Eastern Europe*; Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press, 1997.

Настоящая работа приглашает исследователей, работающих в этом направлении, поразмыслить о том, как образы отдельных империй превращаются в репрезентации исторических регионов. В ней реконструируются обстоятельства, способствовавшие превращению описаний Османской империи в российские варианты дискурсов о Востоке и Балканах.

Исследования России как империи составляют второй важный круг исторической литературы, в диалоге с которой написана данная книга. С начала 1990-х годов было опубликовано несколько значимых обзорных работ, рассматривавших многонациональный состав имперской России и проводивших сравнения между нею и другими империями XIX столетия¹. Основываясь на этих базовых нарративах, историки отдельных российских окраин далеко продвинулись в понимании и описании евразийской политической и административной географии России, а также механизмов взаимодействия имперского центра и региональных элит². Их работы показали, что за однотонным красным или зеленым цветом, которым российские территории обычно обозначаются на карте, скрывалось гетерогенное политическое пространство, определяемое «отношениями доминирования одной этнической или общественной группы или территориального

---

¹ Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München: C.H. Beck, 1992 (см. рус. пер.: Каннелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997); Hosking G. Russia, People and Empire, 1552–1917. London: HarperCollins Publishers, 1997; Lieven D. Empire: Russian Empire and Its Rivals. New Haven, CT: Yale University Press, 2001 (см. рус. пер.: Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007).

² Weeks Th. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, Northern Illinois University Press, 1996; Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998; Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999; Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении. СПб.: Алетейя, 2000; Западные окраины Российской империи / Ред. М.Д. Долбилов, А.И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006; Сибирь в составе Российской империи / Ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи / Ред. В.О. Бобровников. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Центральная Азия в составе Российской империи / Ред. С.Н. Абашин. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи, 1812–1917. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

образования над другими этническими, территориальными или общественными группами»¹.

Исследователи имперского измерения российской истории до сих пор концентрировались на проблематике взаимодействия между имперским центром и элитами, с одной стороны, и населением окраин, с другой. Взаимодействие же России и других континентальных империй зачастую оставалось уделом специалистов по истории международных отношений, войн и геополитики². Настоящая работа стремится инкорпорировать эти предметы в «новую историю империй». Она основывается на недавних исследованиях культурной истории дипломатии и войны и демонстрирует, что отношения с Османской империей были ключевым аспектом имперского опыта России в XVIII и XIX веках³. Переговоры и сражения с османами составляли контекст культурной вестернизации российских элит, а затем и формирования русских национальных традиций в дипломатии и военном искусстве.

До сих пор дипломатия и войны не пользовались популярностью среди исследователей, специализирующихся по новой истории империй. Обе эти сферы деятельности обычно рассматриваются как атрибуты современного государства, которое чаще отождествляется с государством-нацией, чем с империей. Действительно, дипломатия и войны послужили основой статизма как одной из разновидностей политического реализма в теории международных отношений. Статизм рассматривает суверенные государства как монолитные блоки, взаимодействующие друг с другом подобно бильярдным шарам⁴. Не-

¹ *Finer S.* The History of Government from the Earliest Times. Oxford: Oxford University Press, 1997. Vol. 1. P. 8.

² *Bobroff B.* Roads to Glory: Late Imperial Russia and the Turkish Straits. London: I.B. Tauris, 2006; *Davies B.* Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. London; New York: Routledge, 2007; *Davies B.* Empire and the Military Revolution: Russia's Turkish Wars in the Eighteenth Century. London; New York: Continuum, 2011.

³ *Bell D.* The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. Houghton: Mifflin Co., 2007; *Black J.* A History of Modern Diplomacy. London: Reaktion Books, 2010.

⁴ Наиболее значимыми работами по теории международных отношений, написанными с позиций «реализма», являются: *Carr E.* The Twenty Years Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1946 [1939]; *Morgenthau H.* Politics Among Nations. New York, NY: Alfred A. Knopf, 1948; *Aron R.* Peace and War: A Theory of International Relations. London: Weidenfeld and Nicolson, 1966; *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. New York, NY: Columbia University Press, 1977; *Wright M.* Power Politics. Harmondsworth,

давние попытки теоретически осмыслить имперское взаимодействие привели видных представителей новой истории империй к отказу от подобного понимания государства. Вместо этого они подчеркивают важность для межимперских отношений многочисленных трансграничных взаимосвязей, а также наличие множества центральных и региональных игроков¹. Настоящая работа также ставит под сомнение государственно-центричный подход в международных отношениях, но делает это не столько сомневаясь в монолитности «бильярдных шаров», сколько ставя под вопрос существование «бильярдного стола».

Культурная история российских посольств в Константинополь и «турецких кампаний» российской армии демонстрирует, что в раннемодерный период и даже в XIX веке не существовало единообразной формы ведения дипломатических переговоров и войн. Вместо этого был конфликт между различными культурами ведения войны и переговорами о мире, и этот конфликт в конечном счете не сводился к столкновению европейских и восточных норм. Хотя царские дипломаты и военные при каждом удобном случае подчеркивали чуждость османов принципам и практикам европейской дипломатии и военного искусства, их собственные принципы и практики также отклонялись от европейских. Вот почему трудно говорить о дипломатии и войне как универсальных формах взаимоотношений между империями, как формах, в которые облекалось соперничество между ними. Вместо этого сами способы ведения войны и переговоров о мире были предметами борьбы, в ходе которой соперники старались навязать друг другу предпочтительные формы дипломатии и войны и сделать их нормативными. Исследование этой борьбы демонстрирует гетерогенность самого пространства взаимодействия между империями, дополняющую гетерогенность политико-административного пространства самих империй, которую помогла выявить новейшая историография.

Противостояние России и Османской империи для новой истории империй — не просто иллюстрация значения культурной истории

England: Penguin Books, 1986; *Gilpin R.* Global Political Economy — Understanding the International Economic Order. Princeton: Princeton University Press, 2001.

¹ *Miller A.* Between Local and Inter-Imperial: Russian Imperial History in Search of Paradigm // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. Vol. 5. No. 1. P. 7–26; *Rieber A.* The Comparative Ecology of Complex Frontiers // *Imperial Rule* / Eds. A. Miller, Al. Rieber. Budapest: Central European University Press, 2004. P. 177–208; *Miller A.* The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / Ed. Kimitaka Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center, 2006. P. 11–24.

дипломатии и войны для понимания взаимодействия между империями. Это противостояние представляет собой интерес для понимания того, каким образом сложность и гетерогенность империй становились предметом рефлексии в период преобладания представлявшихся монолитными великих держав. Российский исторический нарратив, сформировавшийся в начале XIX века, скрывал принципиальную гетерогенность имперского пространства, для которого были характерны сложные отношения между центральными органами управления и региональными элитами, а также существование конфессиональных и этнических иерархий. На первый взгляд репрезентации османского «другого» имели тот же эффект в той степени, в какой эти репрезентации помогали сформировать гомогенный и унитарный имперский субъект. Этнические и конфессиональные различия между великороссами, малороссами и балтийскими немцами в российской имперской элите отступали на второй план, когда все они начинали говорить о деспотизме османских пашей, самоуправстве янычаров или фанатизме улемов.

В то же время конструирование российской идентичности в дневниках, мемуарах, описаниях путешествий и статистических обзорах, посвященных Османской империи, сопровождалось открытием ее религиозного и этнического многообразия. Держава султанов не только была предметом беспрецедентного количества публикаций в постпетровской России. Османская Турция так же стала первым государством, которое россияне стали воспринимать и описывать в качестве империи в современном смысле этого слова, то есть как систему доминирования одной группы или территориального образования над другими группами или территориями. Российские наблюдатели зафиксировали властные отношения между Османами и их христианскими подданными, а также между различными этническими подгруппами последних. Те же категории для описания Австрийской империи или самой России были применены гораздо позже. Читатели «толстых журналов» XIX века узнали об отношениях господства и подчинения, существовавших между османскими мусульманами и христианами, греками и славянами, задолго до того, как их стали заботить положение и удельный вес православных, католиков, лютеран и мусульман (или великороссов, малороссов, белорусов, поляков, немцев и евреев) в самой Российской империи.

Наряду с вкладом в историографию ориентализма и империи настоящая работа представляет собой и определенное дополнение к недавним исследованиям политической роли религии в царской России. Историки России Нового времени испытали влияние ренессанса,

произошедшего в исследованиях религии¹. В результате религия в целом и православие в частности составили предмет значительного числа работ, посвященных имперской проблематике в последние два десятилетия². Историки, специализирующиеся на причерноморском регионе, обратили внимание на роль религиозных сектантов в построении Российской империи в Закавказье и на процесс интенсивной христианизации Крыма, начавшийся спустя столетия после его присоединения к России в 1783 году³. Несомненный прогресс был достигнут в понимании роли ислама в отношениях России с Османской империей⁴. Ввиду важности религиозных акторов по обе стороны

¹ Полезный обзор этого направления исследований можно найти в: *Werth P. Lived Orthodoxy and Confessional Diversity: The Last Decade on Religion in Modern Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. No. 4. P. 849–865.

² Из этих работ наиболее важными являются: *Geraci R. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001 (см. рус. пер.: *Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России*. М.: Новое литературное обозрение, 2013); *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in the Russian Empire* / Eds. R. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001; *Вишленкова Е. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России в первой четверти XIX века*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002; *Werth P. On the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1805–1917*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003; *Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // American Historical Review*. 2003. Vol. 108. No. 1. P. 50–83; *Crews R. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; *Brower B. Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London: Routledge Curzon, 2003; *Аранов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи, последняя треть XVIII — начало XX в. М.: МПГУ, 2004; Staliunas D. Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*. Amsterdam: Rodopi, 2007; *Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford: Oxford University Press, 2008; *Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in 18th-Century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009; *Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Белоруссии и Литве при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.*

³ *Breyfogle N. Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005; *Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2010.

⁴ *Karpat K. The Formation of Modern Nationhood: Turkism and Pan-Islamism in Russian and the Ottoman Empire // Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith and Community in the Late Ottoman State*. Oxford University Press, 2001. P. 276–307; *Meyer J. Immigration, Return, and the Politics of Citizenship: Russian Muslims in the Ottoman Empire, 1870–1914 // International Journal of Middle Eastern Studies*. 2007. Vol. 39. No. 2. P. 15–32; *Kane E. Odessa as a Hajj Hub, 1880s — 1910s // Russia in*

Черного моря возникает соблазн рассматривать русско-турецкие войны как преимущественно религиозный конфликт. Характерным примером в этом смысле является недавняя история Крымской войны, вышедшая под заглавием «Последний крестовый поход»¹.

Религия очевидным образом вновь стала модным предметом среди историков царской России, однако не стоит преувеличивать ее роль в истории отношений России и Османской империи. Во-первых, утверждение о том, что религия играла важную роль в этих отношениях весьма неоригинально, если принять во внимание часто упоминаемую роль России как «покровителя» православных подданных османского султана². Во-вторых, тем, кто пытается представить конфликт России и Османской Турции как позднейший православный аналог средневековых католических крестовых походов, придется объяснить, почему примирительный подход первых московских царей сменился более агрессивным настроем по отношению к Османской империи как раз в тот момент, когда православное мировоззрение утратило монопольное положение в российской элите. Ввиду очевидной вестернизации и секуляризации элит постпетровской России акцент на сохраняющейся роли религии в российско-османских отношениях может скрыть важные изменения, которые претерпело российское восприятие державы султана на протяжении XVIII и XIX столетий. Принимая во внимание одинаковую опасность как недооценки, так и переоценки роли религии в истории все еще традиционного, но уже модернизирующегося общества, автор данной работы постарался учесть как религиозные, так и светские элементы в российско-османских отношениях, а также проследить их изменяющееся соотношение на протяжении столетий.

Находящиеся в распоряжении историков источники необходимым образом ограничивают сферу исследования узким пространством письменной культуры, которая в период до Крымской войны во многом еще совпадала с культурой имперских элит. В течение полутора столетий,

---

Motion: Cultures of Human Mobility Since 1850 / Eds. E. Avrutin, J. Randolph. Urbana: University of Illinois Press, 2012. P. 107–125; Smiley W. The Meanings of Conversion: Treaty Law, State Knowledge, and Religious Identity among Russian Captives in the Eighteenth Century Ottoman Empire // International History Review. 2012. Vol. 34. No. 3. P. 559–580.

¹ Figes O. Crime: The Last Crusade. London; New York: Penguin, 2011.

² Свежий анализ проблемы российского протектората представлен в: Taki V. Limits of Protection: Russia and the Orthodox Co-Religionists in the Ottoman Empire. Pittsburgh, PA: Center for Russian and East European Studies, 2015.

последовавших за «петровской революцией», конфессиональный и этнический состав российских элит эволюционировал в сторону большей гетерогенности, а их мировоззрение значительно секуляризировалось. Эти тенденции наиболее очевидны в последней трети XVIII и первой трети XIX века — период, когда русско-турецкие войны стали наиболее частыми. Поэтому неудивительно, что дневники и воспоминания российских участников этих войн, составленные представителями полиэтничного и многоконфессионального офицерского корпуса, рассматривали противника с точки зрения «цивилизованных» военных, а не с точки зрения православных верующих. Религия играла более важную роль в других аспектах культурных контактов России с Османской империей, прежде всего в отношениях с православными единоверцами и в феномене плена. Однако и в нарративах плена в Османской империи, и в описаниях христианских подданных султана на протяжении XVIII века можно наблюдать признаки секуляризации. Хотя религиозная точка зрения на плен и на единоверцев никогда не исчезала, со временем она дополнялась более светскими системами координат.

Наряду с кратким описанием того, о чем эта книга, необходимо обозначить и то, чем она не является. Это не история Османской империи. Автор старался избегать собственных суждений о военной организации османов или об общей исторической эволюции их державы. На протяжении последних трех десятилетий историки-османисты подвергли серьезной критике тенденцию западных авторов рассматривать Османскую Турцию как типичный пример «азиатского деспотизма», коррумпированного и обреченного на гибель. Они продемонстрировали, что даже после изменения баланса сил в пользу ее исторических соперников Османская империя продолжала оставаться развивающейся и жизнеспособной организацией, которой удалось ответить на многие вызовы в условиях все возрастающей международной конкуренции¹. Симпатизируя данной ревизионистской тенденции в историографии, автор этих строк никоим образом не подписывается под многочисленными утверждениями цитируемых им российских и европейских авторов XVIII и XIX веков об османском «варварстве»,

¹ Среди «ревизионистских» исследований особенно стоит отметить: Owen R. The Middle East in the World Economy, 1800–1914. London: Methuen, 1981. P. 1–24; *Abou-El-Haj R.* Formation of the Modern State: The Ottoman Empire, Sixteenth to Eighteenth Centuries. Albany: State University of New York Press, 1991; *Aksan V.* Breaking the Spell of Baron de Tott: Reframing the Question of Military Reform in the Ottoman Empire, 1760–1830 // The International History Review. 2002. Vol. 24. No. 2. P. 253–277.

«моральном разложении» и «упадке». Тем не менее ложные представления об историческом сопернике могут многое рассказать о том обществе, которое их породило. Вот почему не соответствующие действительности российские описания реалий Османской империи представляют собой важный аспект интеллектуальной истории царской России, вклад в которую стремится сделать данное исследование.

Наконец, необходимо обозначить отличия философских посылок, на которых основывается данная работа, и тех, которые стояли за большинством предыдущих исследований репрезентаций «другого». Одним из прискорбных последствий постмодернизма в гуманитарных науках стало некритическое восприятие провокационного тезиса Жака Деррида о том, что «существует только текст». В результате культурная история слишком легко отказалась от попыток реконструировать действительный человеческий опыт и обратилась исключительно к анализу текстуальных репрезентаций, рассматривая последние как замкнутый круг взаимосвязанных референций. В основе настоящего исследования менее радикальная предпосылка, согласно которой анализ текстов может и должен позволять реконструировать социальные феномены как совокупность конкретного человеческого опыта. Соответственно, дипломатия, война и плен рассматриваются ниже не только как различные аспекты репрезентации османского «другого», но и как измерения российского исторического опыта, связанного с Османской империей. Попытка дополнить анализ репрезентаций описанием опыта авторов этих репрезентаций составляет одну из основных особенностей этой книги в длинном ряду исследований текстуального конструирования «себя» и «другого».

Структура настоящего исследования отражает поставленную цель изучить российский опыт Османской империи и основные формы его репрезентации. Глава первая, «У порога счастья», представляет собой культурную историю дипломатических отношений России с Османской империей. В ней демонстрируется, что с момента первых контактов в конце XV столетия российские правители и их представители претендовали на равный статус с султанами, что находилось в противоречии с османским отрицанием принципа взаимности и равенства в отношениях с другими державами. В этой главе также рассматривается ориентализация османского подхода к международным отношениям в переписке и описаниях царских дипломатов, которые в течение XVIII столетия усваивали практики европейской дипломатии.

На протяжении раннемодерного периода крымские татары, бывшие младшими партнерами Османов, захватили в плен сотни тысяч царских

подданных, многие из которых были проданы османам в рабство. Немногим удалось вернуться на родину, еще более редки письменные свидетельства о плене, однако они позволяют реконструировать как опыт плена, так и способы повествования о нем. Анализ этих источников, предпринятый во второй главе, «Рассказы о плене», свидетельствует о центральности религии для пленников допетровской эпохи и их свидетельств. В главе также рассматривается постепенное замещение религиозной системы координат секулярными ориенталистскими идиомами в более поздних повествованиях об османском плене, составленных российскими офицерами в конце XVIII — начале XIX века.

Глава третья, «Турецкие кампании», описывает сходный процесс ориентализации Османской империи в дневниках и воспоминаниях российских военных. В ходе переосмысления опыта войн с Османской Турцией российские авторы обращались к тем европейским авторам, которые изучали османский способ ведения войны в период столкновений между Османами и Габсбургами в конце XVII — начале XVIII века. Российские описания «турецких кампаний» сочетали рассуждения об отличиях европейского и османского военного искусства с критикой османских «зверств», а также с зарисовками экзотического и одновременно гибельного театра военных действий.

Глава четвертая, «Больной человек», представляет собой историю идеи об упадке Османской империи, основанную на публикациях российской прессы, описаниях путешествий и статистических обзорах Османской империи вплоть до середины XIX столетия. Хотя подданные царей довольно рано стали рассматривать Османскую империю как находящуюся в состоянии хаоса и упадка, объяснения этого явления в разные периоды были весьма различны. Глава демонстрирует, что в течение столетия, предшествовавшего Крымской войне, интерпретация российскими авторами упадка Османской империи претерпела инверсию, которую можно объяснить изменениями в отношениях российской образованной публики к Европе, ее культуре и цивилизации.

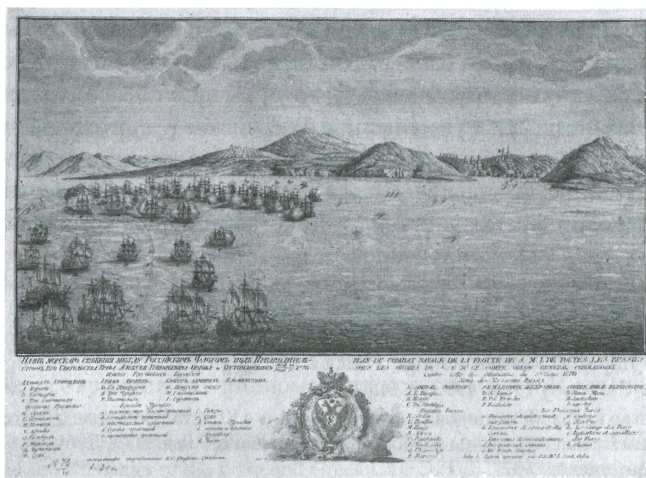
Наконец глава пятая, «Народы империи», рассматривает восприятие россиянами православных единоверцев. Это восприятие также несло на себе отпечаток изменений в идентичности российских элит. Если усвоение западного классицизма образованными подданными царей в XVIII столетии сопровождалось «открытием» ими османских греков, то возникновение современного русского национализма в период наполеоновских войн привлекло внимание читающей публики к южным славянам, а распространение панславистских идей в середине XIX столетия способствовало осознанию наиболее наблюдательными

российскими авторами культурной инаковости румын. Положение, которое занимали греки, южные славяне и румыны в этнополитической иерархии Османской империи, во многом определило российское восприятие этих народов вплоть до наших дней.

Аудиенция чрезвычайного российского посла Н.В. Репнина у османского султана Абдул-Гамида Первого, 1775 г. Отдел эстампов Российской национальной библиотеки

План Чесменского сражения между российским и османским флотом, 24 июня 1770 г. Отдел эстампов Российской национальной библиотеки

У ПОРОГА СЧАСТЬЯ

Сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи москвиты¹.

16 февраля 1853 года российский паровой фрегат «Громовержец» причалил к набережной Топхана в Пере, христианском пригороде Константинополя, отделенном от османской столицы заливом Золотой Рог. На российском корабле прибыл чрезвычайный и полномочный посланник Николая I князь А.С. Меншиков, генерал-адмирал, морской министр, генерал-губернатор Великого княжества Финляндского и генерал-адъютант царя². Праправнук знаменитого фаворита Петра Великого и личный друг императора Николая, его сиятельство сошел на берег в сопровождении свиты знатных особ, приветствуемый толпой османских греков, собравшихся по случаю его прибытия. Встреченный всем составом российского посольства Меншиков проследовал в великолепный дворец российской дипломатической миссии, недавно восстановленный после большого пожара 1845 года³. По словам британского поверенного полковника Хью Роуза, «все возможные средства были задействованы с целью придать российскому посольству все преимущества, которые проистекают от личного влияния, помпезности и увеселений»⁴. Российское правительство также «не пренебрегло придать этому посольству самое главное средство влияния на Турок — устрашение». Через день после прибытия Меншикова второй паровой фрегат доставил в Константинополь командующего

¹ Marx K. Revelations of the Diplomatic History of the Eighteenth Century // Marx K., Engels F. Collected Works. Moscow: Progress Publishers, 1975–2004. Т. 15. Р. 81.

² О миссии Меншикова см.: Goldfrank D. Policy Traditions and the Menshikov's Mission of 1853 // Imperial Russian Foreign Policy / Ed. Hugh Ragsdale. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1993. Р. 119–158.

³ Посольство князя Меншикова и его пребывание в Константинополе // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Ред. Н.Ф. Дубровин. СПб.: Департамент уделов, 1871. Т. 1. С. 1.

⁴ Хью Роуз — лорду Джону Расселу, 25 февраля 1853 // Correspondence Respecting the Rights and Privileges of the Latin and Greek Churches in Turkey. London: Harrison and Sons, 1854. Р. 90.

российским Черноморским флотом вице-адмирала В.А. Корнилова и начальника штаба пятого армейского корпуса генерала А.А. Непокойчицкого в сопровождении офицеров. В то время как эти большие морские и армейские чины осматривали османские укрепления в Дарданеллах и вокруг Смирны, российские войска были мобилизованы и выдвинуты к границе, а Черноморский флот в Одессе и Севастополе получил приказ быть готовым по первому сигналу выйти в море.

Явную демонстрацию могущества и устрашения российский посланник сопровождал символическими жестами, целью которых было восстановить высокое положение России на Босфоре, несколько утраченное при его менее внушительных предшественниках. Вслед за вручением верительных грамот Меншиков нанес визит великому визирю Мехмеду Али-паше будучи одетым в гражданское платье, а не в военную форму, как ожидалось. После аудиенции российский посланник отклонил предложение османского церемониймейстера посетить министра иностранных дел (рейс-эфенди) Фуад-пашу. Будучи осведомлен об антироссийском настрое последнего, Меншиков прошел мимо открытой двери приемной рейс-эфенди и покинул Порту. По словам Роуза, «вызов (брошенный Меншиковым) был тем более очевидным, что великое скопление народу, особенно греков, собралось по случаю приема российского посланника»¹. Не обошлось без скандала и посещение Меншиковым заседания дивана, на котором председательствовал сам султан Абдул-Меджид. Подойдя к входу в зал, в котором заседал диван, Меншиков увидел дверной проем переделанным таким образом, что ему, при его высоком росте, пришлось бы нагнуться, чтобы войти, что выглядело бы как поклон султану и его министрам. Твердо намерившийся этого не делать, Меншиков быстро нашел выход из этого затруднительного положения. Он развернулся спиной к двери и несколько присевши в коленях, вошел спиной к заседавшим².

Историки единогласно осудили провокационное поведение Меншикова, способствовавшее разрыву русско-турецких отношений и началу Крымской войны. Очевидная бесцеремонность российского посланника действительно может показаться совершенно не соответствующей современному дипломатическому этикету. И тем не менее

¹ Хью Роуз — лорду Джону Расселу, 25 февраля 1853 // *Correspondence Respecting the Rights and Privileges of the Latin and Greek Churches in Turkey*. London: Harrison and Sons, 1854. P. 91.

² Князь Меншиков в турецком диване (госуд. сов.) // *Русская старина*. 1907. № 10. С. 152.

вызывающее поведение российского посланника у «Порога счастья» было не только проявлением его личных странностей¹. Подобные выпады характеризовали отношения России с Османской империей с момента их установления в конце XV столетия. Они служили символическим выражением противоречий и антагонизмов, которые существовали между двумя державами. В результате дипломатическая церемония превращалась в пространство борьбы не менее важное, чем переговоры по поводу территорий, крепостей, пленников или контрибуций.

Настоящая глава рассматривает действия российских посланников в Константинополе в контексте русско-турецких отношений ранне-модерного периода. Авторитарные политические системы России и Османской империи делали дипломатический ритуал особенно значимым в отношениях между царем и султаном. Тому же способствовало и отсутствие общего дипломатического языка, и положение двух держав на периферии европейской системы государств². Желание российских правителей преодолеть изначальную маргинальность объясняет ранние усилия царских посланников утвердить статус их правителя как равный султанскому путем постоянных споров относительно османского обычая принимать послов. Изменение соотношения сил в пользу России в XVIII столетии усугубило существовавшие противоречия вокруг дипломатического ритуала. В то время как царские дипломаты старались добиться от Порты церемониальных уступок, которые можно было бы присовокупить к победам российского оружия на поле боя, их османские коллеги стремились добиться хотя бы символических компенсаций за проигранные сражения. В результате чрезвычайные российские посольства в Константинополь в XVIII веке явились логичным продолжением русско-турецких войн.

Настоящая глава также рассматривает процесс интеграции российских представителей в Константинополе в европейский

¹ «Порогом счастья» (Bab-üs Saadet) назывались ворота, ведущие в третий (внутренний) двор дворца Топкапи, в котором находилась приемная зала султана.

² Отмечая важность церемонии и для Османов, и для Рюриковичей/Романовых, Алан Фишер находил это одним из четырех аспектов сходства между двумя государствами, объяснявших сохранение в целом мирных отношений между ними до конца XVII столетия. См.: *Fisher A. Muscovite-Ottoman Relations in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Humaniora Islamica. 1973. Vol. 1. P. 207–217*. Тремя другими принципиальными сходствами были характер политической системы и идеологии, общие враги и поликонфессиональный состав Московского государства и Османской империи.

дипломатический корпус, который уже сложился в османской столице к моменту назначения туда первого постоянного российского посланника в 1702 году. Как и в их отношениях с османскими чиновниками и с султаном, взаимодействие российских дипломатов с посланниками европейских держав долгое время определялось соображениями статуса и престижа. Вестернизация российских элит в конце XVII — XVIII веке превратила европейских дипломатов в Константинополе в референтную группу для представителей царя. Продолжая спорить по поводу посольского церемониала, российские дипломаты начали обращать внимание на то, как султаны и великие визири принимают представителей Венеции, Франции, Великобритании и империи Габсбургов. Конфликты с османами по поводу церемониала таким образом превратились в средство утверждения положения России среди европейских государств.

Интеграция российских посланников в дипломатический корпус в Константинополе повлияла на их восприятие российско-османских отношений и способствовала ориентализации османского посольского обычая в их переписке. Суть этого процесса заключалась в описании османского подхода к международным отношениям как проявления типического Востока. Последний, как уже было отмечено, представлял собой набор стереотипических образов и идиом, выработанных западными европейцами по отношению к азиатским обществам, с которыми они вступили в контакт в Средние века и в раннемодерный период. Российские элиты заимствовали эти образы и идиомы наряду с другими аспектами европейской культуры на протяжении XVIII столетия. Как наиболее вестернизированная часть российских элит дипломаты послепетровского периода были первыми россиянами, которые стали приписывать Османской империи черты типического Востока, такие как чуждость европейским понятиям и неспособность изменяться. Как будет показано в заключительной части данной главы, ориентализация османского посольского обычая позволила российским дипломатам самоутвердиться в качестве европейцев. Одновременно ориентализация османского дипломатического ритуала предоставила российским авторам возможность подвергнуть критике расхождения между принципами европейской дипломатии и реальными действиями представителей европейских держав в контексте «восточного вопроса».

Посланники Москвы

Историки дипломатии отмечают три основные выполняемые ею функции: представительство, переговоры и сбор информации¹. Хотя все три наличествовали с момента зарождения современной дипломатии в XV и XVI столетиях, их относительная значимость с течением времени изменялась. Так, переговоры нуждались в более или менее развитой системе коммуникаций, определенной изощренности политического мышления и в особенности в существовании специализированного языка. Вот почему переговорные функции дипломатии долгое время не могли выйти на первый план. Сбор информации также не мог стать первой функцией дипломатии до установления системы постоянных дипломатических миссий, что по ряду причин произошло лишь во второй половине XVII столетия. Напротив, чрезвычайные посольства, практиковавшиеся в отношениях между государствами вплоть до конца XVIII столетия, идеальным образом подходили для исполнения представительских функций. Богато одетый посол аристократического происхождения, сопровождаемый многочисленной свитой, был воплощением представляемой им королевской особы, благодаря чему аудиенция посла при королевском дворе приобретала значение встречи двух правителей. Вот почему для поддержания статуса представляемого им правителя то, как посол выглядел и двигался, было не менее важно, чем те слова, которые он произносил.

Рассмотренная с точки зрения ее представительской функции раннемодерная дипломатия была в значительной степени соотношением тел в пространстве². Ренессансное государственное искусство (*arte dello stato*) или совокупность принципов, позволяющих правителю сохранять и усиливать свое государство, имели мало общего с камерализмом XVIII столетия и еще менее с современной политологией. Исследования раннемодерных практик и принципов управления (*governmentality*), пионером которых стал Мишель Фуко, напоминают нам, что исходным пунктом искусства управления было владение собой³. Важным элементом последнего, в свою очередь, было владение

¹ Black J. A History of Modern Diplomacy. London: Reaktion Books, 2010. P. 14.

² О роли тела в дипломатии см.: Neumann I. The Body of the Diplomat // European Journal of International Relations. 2008. Vol. 14. No. 4. P. 671–695; Weber C. Performative States // Millennium. 1997. Vol. 27. No. 1. P. 77–95.

³ Foucault M. Security, Territory, Population. Lectures at the College de France, 1977–1978 / Eds. M. Sellenart, trans. G. Burchell. New York: Palgrave MacMillan, 2007 (см. рус. пер.: Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011);

правителем своим собственным телом в смысле правильных и внушительных поз, выражений лица, жестов и телодвижений. Самодисциплинирующее участие в больших придворных балетах позволило невысокому и склонному к полноте Людовику XIV обрести полноту власти¹. В эпоху, когда искусство государственного управления все еще сводилось к поддержанию положения правителя по отношению к другим правителям и к своим собственным подданным, государство было в сущности продолжением королевского тела. То же самое можно сказать и о посольстве².

Раннемодерное посольство было не только формой воплощения властных отношений, но и пространственным феноменом, в котором можно выделить три главных аспекта. Помимо королевской аудиенции, это церемония входа посольства в столицу и путешествие, которое ему необходимо было совершить, дабы достигнуть последней. Каждая из этих стадий — путешествие, торжественный въезд и аудиенция — представляла собой определенную разновидность телодвижений, имеющих большое символическое значение. Путешествие акцентировало значимость территории, границ и политической структуры государства, в столицу которого направлялось посольство. Это проявлялось во встречах посла и его свиты на их пути к столице местными властями и населением. Торжественный въезд в столицу был своего рода политическим театром, в котором направляющая посольство и принимающая его стороны соперничали друг с другом в демонстрации богатства, величия и упорядоченности. Посольская процессия в этих случаях превращалась в эпитому той державы, которую посольство представляло, в то время как эскорт выполнял ту же функцию по отношению к принимающей стороне. Наконец, аудиенция

Foucault M. The Government of Self and Others. Lectures at the College de France, 1982–1983 / Ed. M. Sellenart, trans. G. Burchell. New York: Palgrave Macmillan, 2011 (см. рус. пер.: Фуко М. Управление собой и другими. СПб.: Наука, 2011).

¹ О роли празднеств и театра в функционировании раннемодерной монархии см.: *Strong R.* Art and Power: Renaissance Festivals, 1450–1650. Woodbridge: The Boydell Press, 1994; *Adamson J.* The Making of Ancien-Regime Court, 1500–1700 // *Adamson J.* The Princely Courts of Europe 1500–1700: Ritual, Politics, Culture under Ancien Regime. London: Weidenfeld & Nicolson, 1999. P. 7–41. Об этих явлениях в российском контексте см.: *Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006 (см. рус. пер.: Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М.: ОГИ, 2004).

² О раннемодерном дипломатическом церемониале см.: *Rosen W.* Early Modern Diplomatic Ceremonial: A Systems Approach // *The Journal of Modern History.* 1980. Vol. 52. No. 3. P. 452–476.

являлась встречей двух правителей, одного из которых представлял посол. На всех этих стадиях раннемодерного чрезвычайного посольства индивидуальные и коллективные телодвижения были не менее важны, чем обмен речами, которые, как правило, были формальными и немногочисленными.

С этой точки зрения история русско-османских отношений в XVI и XVII столетиях являет ряд случаев характерной асимметрии. Во-первых, посольства, направленные московскими великими князьями и царями в Константинополь, были почти в два раза более многочисленными, чем ответные посольства Османов в Москву¹. Данное численное несоответствие свидетельствует о том, что двусторонние отношения были более важны для царей, чем для султанов, несмотря на то что инициатива установления отношений исходила от Баязета II². Надо заметить, однако, что московские правители не отличались в этом смысле от своих французских, английских или австрийских коллег, которые также направляли безответные дипломатические миссии в османскую столицу. Численное несоответствие московских и османских посольств, безусловно, отражает более глубокую асимметрию в самопрезентации царей и султанов. В то время как Османы называли себя «убежищем правителей» и «пристанищем мира», по отношению к которым все прочие правители были по сути вассалами и данниками, великие князья и цари московские стремились утвердить равенство своего статуса по отношению к султанам, которых они называли «братьями». Долгое время это несоответствие заявленных

¹ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М.: Ученые записки МГУ, 1946. Вып. 94. Т. 1. С. 37. Согласно описи фонда 89 Российского государственного архива древних актов (просмотр 25 января 2012 года, www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html#fd89), содержащего материалы по отношениям Московского государства и Османской империи, в раннемодерный период имели место 33 московских посольства против лишь 18 османских.

² Смирнов Н.А. Россия и Турция. С. 69; Неклюдов А.В. Начало сношений России с Турцией. Посол Ивана III-го Плещеев // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. 1883. № 3–4. С. 12–13. Из соображений династической политики Баязет II вел гораздо более активные дипломатические отношения, чем его преемники. Inalcik H. A Case in the Renaissance Diplomacy: The Agreement between Innocent VIII and Bayezid II Regarding Djem Sultan // Inalcik H. The Middle East and the Balkans under the Ottoman Empire. Essays on Economy and Society. Bloomington, IN: Indiana University Turkish Studies, 1993. P. 342–368. В целом Османы стояли гораздо ближе к истокам европейской дипломатии, чем это может показаться. См.: Goffman D. Negotiating with the Renaissance State: the Ottoman Empire and the New Diplomacy // The Early Modern Ottomans: Remapping the Empire / Eds. D. Goffman, V. Aksan. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 61–74.

статусов отражало реальное соотношение сил между Московским государством и Османской империей, в котором последняя явно преобладала¹. Характерно, что бумаги первого османского посла, добравшегося до Москвы, Камаля Феодорита, не содержали термина «братство» при упоминании дружеских отношений между великим князем Василием III и султаном Селимом I. Этот термин был внесен лишь по настоянию Москвы².

Осознавая принципиальную асимметричность российско-османских отношений, правители Московского государства делали все возможное, чтобы избежать посредничества крымских ханов в своих отношениях с державой султана. Ввиду вассальной зависимости крымского хана от Порты подобное посредничество подрывало бы равенство статуса с османским султаном, на которое претендовали великие князья и цари московские. Еще большую проблему представлял собой характер московско-крымских отношений. В отличие от османских султанов, которые позиционировали себя как наследников Сельджуков, арабских халифов и византийских императоров, крымские ханы считали себя продолжателями Золотой Орды, чьей данницей было Московское княжество в XIV и XV веках. Как наследники Чингисхана крымские Гирей обладали самым высоким статусом в пространстве евразийских степей. Этот статус давал им основания требовать дани, которую Москва традиционно платила Золотой Орде до конца XV столетия. «Подарки», которые московские правители посылали в Крым вплоть до 1700 года, на самом деле весьма напоминали дань³. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в своей переписке с крымцами государи московские использовали термин

¹ Насколько невыгодным было изначальное соотношение сил для Московского государства, показал в одной из своих работ Халил Иналджик: *Inalcik H. Power Relations Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire // Passé Turco-Tatar et Present Soviétique: Studies Presented to A. Bennigsen / Eds. Ch. Lemerrier-Quelquejay, G. Veinstein, S. Enders Wimbush. Paris: Peeters, 1986. P. 175–211. См. также: Карпов Г.Ф. Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508–1517 годах // Известия Московского университета. 1865. № 4. С. 1–32.*

² См.: Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымом, ногами и Турцией // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1895. Т. 95. С. 100. Эта публикация включает материалы по посольствам М.И. Алексеева, В.А. Коробова, Т. Кадышева, Д.С. Быка, Б.Я. Голохвастова, В.М. Третьякова-Губина, отправленных в царствование Ивана Третьего и Василия Третьего. См.: Там же. С. 83–130, 226–238, 334–337, 426–432, 619–630, 667–706.

³ См.: Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: Динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 69–79; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. М.: Едиториал УРСС,

«царь», соответствовавший тюркскому термину «хан», по отношению к правителям Крыма, но не к самим себе¹. Ввиду этой двойной асимметрии османо-крымских и крымско-московских отношений крымское посредничество между московскими царями и османскими султанами явным образом подрывало претензию первых на равенство в статусе со вторыми.

Невыгодное для Московского государства соотношение сил в Северном Причерноморье имело прямые последствия для московских посольств в Османскую империю. Несмотря на то что царские представители знали дорогу в Константинополь гораздо лучше, чем представители султана знали путь в Москву, дорога эта была полна различных трудностей. Начать с того, что послам необходимо было проехать земли донских казаков. Хотя последние и были на службе у московского царя, они могли задержать послов, если так называемый «донской отпуск» не прибыл вовремя. Затем послам необходимо было преодолеть расстояния между казацкой столицей Черкасск и османской крепостью Азов. Это представляло большую или меньшую трудность в зависимости от того, были ли донские казаки на тот момент в мире с османами, что не всегда зависело от желаний Москвы. Отношения с османским губернатором Азова могли представлять особую проблему. Послы обычно снабжались особой грамотой и подарком из соболей, чтобы облегчить проезд через Азов. В 1667 году на редкость алчный паша задержал посольство А.И. Нестерова более чем на месяц, который прошел в постоянных препирательствах относительно количества и качества посольских соболей, причитавшихся паше, и числа лошадей и повозок или лодок, которые он был готов предоставить посольским людям. После того как послам удавалось взойти на корабль и пройти Керченский пролив, их следующей остановкой обычно была Каффа, паша которой, в свою очередь, мог чинить препятствия, ссылаясь на неблагоприятное для дальнейшего морского перехода время года, недостаток годных к плаванию судов или необходимость для послов избрать более длинную, но в то же время и более безопасную дорогу через Крым, Едисан, Буджак, Молдавию, Валахию и Румелию². Даже если

2001. С. 240–258; Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Лимбах, 2007. С. 15–16.

¹ О московско-крымском дипломатическом протоколе см.: Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 196–208.

² Забелин Е.И. Русские посольства в Турцию в XVII столетии // Русская старина. 1877. № 9. С. 1–34.

послам удавалось настоять на продолжении пути морем (которому они следовали в большинстве случаев в XVI и XVII веках), этот путь мог быть большим испытанием из-за плохой погоды, трудностей навигации в Черном море и общей нерасположенности россиян допетровского времени к морским путешествиям.

Напротив, путь османских послов в Москву был гораздо более выгоден. Обычно они следовали через контролируемые султаном территории к западу и северу от Черного моря и по пересечении вассального Крымского ханства въезжали напрямую в земли Московского государства. Разумеется, дорога могла быть физически трудной и для османских представителей. Так, Камаль Феодорит, первый османский посланник, которому удалось достичь Москвы, едва не умер от холода в степи на пути к столице великого князя в 1514 году¹. Османские посольства могли также стать объектом нападений со стороны донских казаков, которые даже убили султанского посланника Фому Кантакузена в 1637 году². Тем не менее османским представителям практически не приходилось иметь дело с полунезависимыми местными правителями на московских территориях.

В своих отношениях с донскими казаками и османскими пашами из Азова и Каффы московские послы ни в коем случае не должны были уронить честь своих государей. На некотором расстоянии от Черкаска, казацкой столицы, донцы должны были их встречать верхом на конях и с развернутыми знаменами и сопровождать их вступление в город ружейными и пушечными выстрелами. Казаки также должны были обеспечить передачу послов на османской границе в руки азовских янычаров под аккомпанемент выстрелов и при развернутых знаменах³. В ходе переговоров с азовским пашой послы, размещенные в особом лагере за пределами города, должны были добиться того, чтобы паша сам прибыл к ним за подарками или по крайней мере принял их через посланника. Послам ни в коем случае не позволялось самим доставлять подарки паше, дабы не уронить честь московского государя⁴. Если им не удавалось избежать остановки в Керчи или Каффе, послам надле-

¹ См.: Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымом, ногаями и Турцией // СИРИО. 1895. Т. 95. С. 92.

² Забелин Е.И. Русские посольства. С. 5; Юзефович Л.А. Путь посла. С. 34.

³ Забелин Е.И. Русские посольства. С. 5–6. Статейный список И.П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / Ред. Д.С. Лихачев. М.: АН СССР, 1954. С. 63–64.

⁴ Забелин Е.И. Русские посольства. С. 7–8; Статейный список Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. / Ред. Д.С. Лихачев. С. 65.

жало по крайней мере добиться подобающего к себе отношения и размещения в так называемом «белом» городе¹. Наконец, послы должны были отказаться от предложения проследовать в Константинополь через Крым². Если им не удавалось избежать этого, как было в случае с первым московским посланником в Османскую империю М.А. Плещеевым, они должны были отказаться от сопровождения, которое хан пожелал бы к ним приставить. Московским послам строго запрещалось приходить на прием к султану в сопровождении крымцев и «сидеть под ними» во время аудиенции³.

Прием у великого визиря и у султана был кульминацией московских посольств в Константинополь. Московское государство и Османская империя не разделяли общей дипломатической культуры или языка международного общения, которые способствовали бы переговорам. В этих условиях обращение принимающей стороны с послами и их поведение во время аудиенций приобретали особое значение. Ситуация еще более осложнялась различиями между московским и османским посольскими обычаями. В московском государстве иностранный посланник обычно принимался великим князем, а позже царем, произносил свою речь и передавал грамоту от своего правителя, после чего думные бояре обсуждали с ним частности. Напротив, в Османской империи иностранные посланники должны были первоначально приниматься визирем (чему могли предшествовать встречи с менее важными чиновниками), прежде чем они могли видеть султана. Визирь требовал, чтобы посланник передал им грамоту и подарки, предназначавшиеся султану. Это обстоятельство, а также различия в последовательности приемов у правителя и его министров были потенциальным источником конфликта.

¹ Первый московский посол М.А. Плещеев должен был сообщить, какие почести ему были оказаны по приказу султана в Каффе. См.: Неклюдов А.В. Начало сношений. С. 21. См. также инструкции посольству В.А. Коробова 1515 года: Памятники // СИРИО. 1895. Т. 95. С. 110. В 1570 году И.В. Новосильцев сошел на берег в Керчи только после препирательств с комендантом османской крепости. См.: Статейный список Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. / Ред. Д.С. Лихачев. С. 67.

² Там же. Это требование отражало желание московских правителей поддерживать прямые отношения с султаном, без посредничества крымского хана, который был вассалом последнего. Об отношениях Московского государства и Крымского ханства см.: Croskey R. The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // *Slavic Review*. 1984. Vol. 42. No. 2. P. 257–269; Croskey R. *Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III*. New York: Garland Publishing, 1987. P. 117–120, 299–300; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 196–208.

³ Неклюдов А.В. Начало сношений. С. 21.

В соответствии с формирующимся московским посольским обычаем первому российскому посланнику в Османскую империю М.А. Плещееву было предписано поклониться султану, «не сгибая колен». Затем он должен был передать султану великокняжескую грамоту и произнести речь, стоя или сидя, в случае если султан предложит ему сесть. Когда «паши» султана Баязета II пригласили Плещеева на традиционное в османском посольском обычае угощение и хотели одарить его кафтанами и подарками, московский посланник отказался, заявив, что «ему нечего говорить пашам, что ему не нужны их кафтаны и подарки, и что ему надо говорить с султаном без посредников»¹. Хотя Баязет отправил Ивану III дружественное письмо, в котором уведомил великого князя о получении его послания, османы были шокированы «заносчивыми речами москвитина»².

На протяжении XVI и XVII столетий великие князья, а позже цари московские следовали установленному прецеденту. Их представителям запрещалось склонять колени перед султаном и посещать последнего вместе с послами других государств. Хотя первые московские посланники настаивали на том, чтобы быть немедленно принятыми султаном, со временем им пришлось принять османский посольский обычай, по которому прием у великого визиря предшествовал аудиенции у султана. Например, послу Василия III В.А. Коробову было предписано передать великокняжескую грамоту «пашам», но ни в коем случае не произносить перед ними речь, предназначавшуюся для султана³. Полвека спустя посланник Ивана Грозного И.П. Новосильцев согласился быть принятым великим визирем Мехмедом Соколлу, но отказался показывать ему царскую грамоту или раскрывать ее содержание⁴. В XVII столетии царские посланники также соглашались на предварительный прием у великого визиря и порой даже раскрывали последнему содержание царских грамот, адресованных султанам. Однако этим уступкам всегда предшествовали препирательства, продолжительность которых зависела от политических обстоятельств⁵.

¹ Неклюдов А.В. Начало сношений. С. 25.

² Отчет Плещеева о своем посольстве не сохранился, однако обстоятельства его миссии к Баязету II можно реконструировать из посланий крымского хана Менгли-Гирея, чей представитель сопровождал Плещеева в Константинополь.

³ Памятники // СИРИО. 1895. Т. 95. С. 110–111.

⁴ Статейный список Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 74.

⁵ Забелин Е.И. Русские посольства. С. 19–20; Наказ, данный стольнику Илье Даниловичу Милославскому и дьяку Леонтию Лазоревскому по отправлении

Со временем количество тем для этих препирательств росло. Так, в 1699 году посланники Петра I Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев спорили с великим драгоманом Порты Александром Маврокордатом не только по поводу приема у визиря и царской грамоты, но и относительно таких деталей церемониала, как ранг османских чиновников, которые будут их сопровождать к визирю, количество предоставленных им лошадей, их местоположение во время приема у визиря и способ, которым они передадут визирю царскую грамоту. Предметами переговоров были также количество дворян посольства, которые будут сопровождать посланников к приему у султана, и продолжительность их обращения к последнему. Посланники также настояли на том, чтобы османские сопровождающие не выхватывали у них из рук царские грамоты и чтобы в аудиенц-залу их вводили из-под руки мягко, а не грубо¹. Какими бы мелочными или чрезмерными ни казались ныне эти препирательства, они составляли суть символической дипломатии. Оспаривание деталей церемонии, пусть даже и неудачное, почиталось обязательным для поддержания царской чести.

Опасность бесчестия, которого посланники должны были избежать любой ценой, сочеталась с опасностью физических побоев и даже смерти. Последняя представлялась особенно вероятной в те моменты, когда ритуализированные обмены нарушались. Так в 1622 году разгневанный султан Мустафа I не дал посланнику И.П. Кондыреву завершить свою речь и приказал вышвырнуть его из залы с побоями. Османы обвинили Кондырева и его спутников в укрывании беглых русских рабов, а самоуправные янычары даже вломились в помещение, отведенное посланнику, угрожали отрезать Кондыреву нос и уши. Однако не только гнев османского султана мог заставить посланников бояться за свою жизнь. На обратном пути в Москву посольство было захвачено запорожскими казаками. Последние в тот момент были в конфликте с донскими казаками и едва не убили московских посланников. Посольским людям удалось

послами в Царьград // Временник ИОДР. 1850. № 9. С. 1–102; Статейный список о посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Царьград в 7150 г. // Там же. 1850. № 7. С. 1–136. Смирнов С.О. О посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Турцию в 1643 году // Там же. 1850. № 6. С. 13–58. См. также: Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь // Петр I. Материалы для биографии / Ред. М.М. Богословский. М.: Огиз-Госполитиздат, 1948. Т. 5. С. 24–25.

¹ Там же. С. 24–26, 33.

бежать из крепости, в которой они содержались, однако вскоре они были захвачены в плен ногаями, откуда их вызволили лишь османские войска из Азова. Однако после этого жизни Кондырева и товарищей вновь оказались под угрозой со стороны разгневанной толпы, которая требовала, чтобы совершавшие набеги донские казаки были усмирены. Еще более московские посланники опасались крымских татар, и неспроста: на протяжении XVI и XVII столетий великокняжеские и царские представители в Бахчисарае особенно часто терпели грубое обращение. В 1624 году разгневанный хан даже приказал убить посланника Ивана Бегичева из подозрения, что последний побывал в Константинополе с целью убедить султана оказать давление на своего крымского вассала¹. Но все-таки подобные срывы в отношениях между Московским государством и Османской империей были достаточно редки, и по большей части ритуализированные обмены выполняли свою функцию.

Великие посольства

За медленной эволюцией посольского обычая в первые два столетия российско-османских отношений последовал период существенных изменений в XVIII веке. Примечательно, что наиболее значимые перемены произошли не в царствование Петра Великого, которое было революционным и во многих других отношениях, а в правление его преемников. Это объясняется прежде всего серьезным поражением, которое понес Петр в ходе Прутского похода в 1711 году. В результате царь был вынужден вернуть Османам Азов, завоеванный в 1696 году, и согласиться на возобновление «подарков» крымскому хану, которые отменялись по договору 1700 года, заключенному Украинцевым. Россия также временно утратила едва приобретенное право иметь постоянного представителя в Константинополе. На практике крымские ханы никогда больше не получили российских «подарков», и в 1721 году постоянный представитель царя вернулся на берега Босфора. Задача полного восстановления и дальнейшего укрепления статуса России в Константинополе пришлось на долю Анны Иоанновны и Екатерины II². Важные изменения посольского церемониала можно наблюдать на примере трех чрезвычайных и полномочных посольств, направленных императрицами

¹ Юзефович Л.А. Путь посла. С. 34–37.

² О Прутском походе см. главу 3 настоящей работы.

в столицу султана по завершении трех победоносных войн, которые вели наследницы Петра Великого против Османской империи.

Будучи призваны «утвердить и подтвердить» мир и дружбу между двумя империями, чрезвычайные российские посольства XVIII столетия имели немного конкретных целей¹. Тем не менее их значимость в оформлении российско-османских отношений трудно переоценить. Изменения в посольском церемониале были почти единственным приобретением, которого удалось добиться России в результате войны 1736–1739 годов, когда плоды ряда блистательных российских побед оказались утрачены в результате поражений, понесенных австрийскими союзниками, и ловкости французской дипломатии. Эфемерный характер других приобретений (азовские земли, без права восстанавливать разрушенную крепость) объясняет, почему российская сторона придавала столько значения церемониальным вопросам. Согласно Белградскому миру 1739 года, «отправлены быть [имели] с обеих сторон торжественные и чрезвычайные посольства... которые послы [имели] с равенством на границах разменены, приняты и трактованы быть, с такими же церемониями, и тем образом, как сие производится в знатных посольствах, между самознатнейшими державами и Оттоманскою Портою»². Посольство А.И. Румянцева, отправленное в 1740–1741 годах на основании этого положения, во всем следовало примеру австрийского посольства графа Улефельда, имевшего место несколькими месяцами ранее³. Избрание габсбургской модели для первого российского чрезвычайного посольства в Константинополь было вполне естественным и соответствовало позиционированию как московских царей, так и преемников Петра I в качестве государей равных австрийским императорам⁴.

¹ См. статью 14 Белградского мирного договора: Договоры России с Востоком / Ред. Т.П. Юзефович. СПб.: Бакст, 1869. С. 22. Статья 27 Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года определяла цель посольства «дабы тем наивяще между обеих империй настоящий мир и истинная дружба заключены и утверждены были». См.: Там же. С. 39.

² Там же. С. 22.

³ Австрийский посланник в Петербурге маркиз Бота предоставил необходимую для этого информацию. О посольстве А.И. Румянцева см.: *Михнева Р.А.* К вопросу о русско-турецких отношениях после Белградского мира (Чрезвычайное посольство в Турцию А.И. Румянцева) // *Etudes Balkaniques*. 1979. No. 4. P. 91–107; *Михнева Р.А.* Россия и Османская империя в международных отношениях середины XVIII века. М.: Наука, 1985. С. 47–63.

⁴ Об усилиях московских посланников добиться признания Габсбургами царского титула за великими князьями см.: Памятники дипломатических сношений с Римской

К XVIII столетию великие посольства в Константинополь, направляемые соседними державами, уже не были чем-то новым. В 1524 году Сафавидский правитель Персии направил посольство численностью 500 человек к Сулейману Великолепному. Среди европейских государств XVII столетия Речь Посполитая особенно отличалась размерами своих посольств. В 1677 году поляки прислали Мехмеду IV 600 человек на богато снаряженных лошадях, терявших серебряные подковы на улицах Константинополя¹. Наибольшим было количество великих посольств, направленных в раннемодерный период в османскую столицу австрийскими императорами². С течением времени изменялся не столько масштаб таких посольств, сколько османская манера обращения с ними. В 1524 году Сулейман Великолепный остановил шахское посольство на азиатском берегу Босфора и позволил только двадцати представителям войти в Константинополь. Столетием позже воинственный великий визирь Кара Мустафа Кепрюлю поступил с польским посольством подобным же образом, сравнив его с армией, которая слишком мала, чтобы завладеть Константинополь, но слишком велика для того, чтобы поцеловать «Порог счастья»³. Ситуация изменилась после Карловицкого мира 1699 года, отметившего начало отступления Османов из Европы. В результате султаны не только стали принимать цесарские

империей. В 10 т. СПб.: Собственная Е.И.В. Канцелярия, 1851–1871. Об усилиях российской дипломатии добиться у Вены признания императорского титула за царями см.: Некрасов Г.А. Международное признание российского великодержавия в XVIII веке // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе / Ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1972. С. 381–389.

¹ Об османско-польских отношениях раннемодерного периода см.: *Wawrzyniak K. Ottoman-Polish Diplomatic Relations in the Sixteenth Century*. Istanbul: Institute of Economic and Social Sciences of Bilkent University, 2003; *Kołodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (fifteenth-eighteenth century): An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents*. Leiden: Brill, 2000; *Grygorieva T. Symbols and Perceptions of Diplomatic Ceremony: Ambassadors of the Polish-Lithuanian Commonwealth in Istanbul* // *Kommunikation durch symbolische Akte. Religiöse Heterogenität und politische Herrschaft in Polen-Litauen* / Ed. Y. Kleinmann. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. S. 115–131.

² Описание одного из таких посольств можно найти в: Приключения чешского дворянина Врацлава в Константинополе и тяжелой неволе у турок, с австрийским посольством / К.М. Победоносцев. СПб.: Министерство путей сообщения, 1877; см. также: *Teply K. Die kaiserliche Grossbotschaft an Sultan Murad IV*. Wien: Schendl, 1976.

³ Цит. по: *Hammer-Purgstall J. von. L'Histoire de l'Empire Ottoman*. Paris: Bellizard, Barthes, Dufour and Lowell, 1839–1841. Vol. 12. P. 10–11.

посольства с чрезвычайными церемониями¹, но и начали посылать ответные посольства в Вену².

Хотя это изменение можно рассматривать как начало признания Османами принципа взаимности и равенства в дипломатических отношениях, их обращение с конкретными посольствами продолжало разниться³. История австрийских чрезвычайных посольств этого периода являет тому наглядную иллюстрацию⁴. Князю Эттингену и графу фон

¹ После заключения Карловицкого мира первое австрийское посольство в Константинополь князя Эттингена описано в: *Simpert, Abbe of Nesserheim. Diarium ou Relation curieuse d'un voyage de Vienne à Constantinople et de là en Allemagne. Augsbourg: p. p., 1701.* См. также: *Hammer-Purgstall J. von. L'Histoire de l'Empire Ottoman. Vol. 13. P. 22–32*, который сравнивает австрийское и польское посольства и то, как они были приняты Портой. Церемониал чрезвычайного габсбургского посла графа фон Вирмонта, посланного в Константинополь по заключении Пассаровицкого мира 1718 года, описан у: *Dirsch G.C. der. Historische Nachricht von der Röm. Kayserl. Groß-Botschaft nach Constantinopel. Nürnberg: Monath, 1723*; а также: *Hammer-Purgstall J. von. L'Histoire de l'Empire Ottoman. Vol. 14. P. 17–20.* См. также: *Milosevic A. The Festival Book Dedicated to the Exchange of Austrian and Turkish Deputations in 1719 // The Peace of Passarowitz, 1718 / Eds. Ch. Ingrao, N. Samardzic, J. Pesali. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 2011. P. 239–253.*

² Distinta relazione della solenne entrata fatta in Vienna dal gran ambasciatore Ottomano Ibrahim Pascià Beiler Bey di Rumelia, seguita li 30 gennaro 1700. Roma: Luca Antonio Chracas, 1700. В османской терминологии размен посольствами назывался мубаделе. См.: *Itzkowitz N., Mote M. Introduction // Mubadele. An Ottoman-Russian Exchange of Ambassadors / Eds. and trans. N. Itzkowit, M. Mote. Chicago; London: University of Chicago Press, 1970. P. 1–51.*

³ О ранних проявлениях влияния европейского подхода к международным отношениям на османов см.: *Орешкова С.Ф. Неизвестное турецкое сочинение середины XVIII века об отношениях с Россией и османском понимании европейских международных отношений того времени // Османская империя: проблемы внешней политики отношения с Россией / Ред. С.Ф. Орешкова. М.: Институт востоковедения, 1996. С. 129–146*; см. также: *Михнева Р.А. Россия и Османская империя; Витол А.В. Османская империя и международные отношения в 1718–1735 гг. // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура / Ред. С.Ф. Орешкова. М.: Наука, 1990. С. 306–321.*

⁴ До XVIII столетия Габсбурги предпочитали поддерживать отношения с Османами посредством периодически посылаемых великих посольств, которые с 1622 года сочетались с постоянным присутствием их второстепенного дипломатического представителя в Константинополе. См.: *Meienberger P. Johann Rudolf Schmid zum Schwarzenhorn als kaiserlicher Resident in Konstantinopel in den Jahren 1629–1643. Bern: Herbert Lang; Frankfurt am Mein: Peter Lang, 1973.* Во время пребывания Толстого в Константинополе Габсбургскую империю представлял там Иоганн Махаэль Тальманн, который был первым постоянным австрийским резидентом в ранге интернунция. О Тальманне см.: *Spuler B. Die Europäische Diplomatie in Konstantinopel bis zum Frieden von Belgrad (1793) // Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas. 1936. Vol. 1. S. 229–262, 383–439*; Турция накануне Полтавской битвы. Глазами австрийского дипломата / Ред. В.Е. Шутой. М.: Наука, 1977.

Вирмонту, возглавившим посольства в Константинополь по завершении победоносных войн 1683–1699 и 1716–1718 годов, были оказаны всевозможные почести, которые поставили их над всеми прочими послами. Однако этого нельзя было сказать о посольстве графа Улефельда, которое послужило моделью для посольства А.И. Румянцева. Отправленный в османскую столицу после поражений, нанесенных Габсбургам Османами в 1737–1739 годах, Улефельд был вынужден иметь дело со всевозможными вызовами чести своего императора. Во время церемонии размена австрийского и османского посольства на Саве командовавший османскими войсками Али-паша отказался пересекать реку для приема цесарского посла и согласился встретить его на плоту посреди реки, а его беспрецедентно большое посольство, состоявшее из 900 человек, создало немало логистических проблем для австрийских властей¹.

Таким образом, положение о том, что российское и османское посольства «имеют с равенством на границах разменены, приняты и трактованы быть, с такими же церемониями, и тем образом, как сие производится в знатных посольствах, между самознатнейшими державами и Оттоманскою Портой», оставалось достаточно неопределенным и оставляло обеим сторонам пространство для маневра. Ранги послов, организация и состав их посольств, ранг представителей местных российских и османских властей, осуществлявших размен, количество еды и фуража, предоставляемое им на пути следования от границы до столицы и, конечно же, детали церемонии торжественного въезда и аудиенции оставались предметами переговоров, спора и борьбы. При каждом удобном случае и османы, и россияне стремились максимизировать свои символические преимущества, апеллируя к обычаю, прецеденту и примерам обменов посольствами между Османской империей и другими державами².

В то время как московские представители обычно не были военными людьми, чрезвычайный посланник А.И. Румянцев обладал высоким военным чином генерал-аншефа³. То же самое касалось

¹ Hammer-Purgstall J. von. L'Histoire de l'Empire Ottoman. Vol. 15. P. 16–21.

² Об османских посольствах в Россию этого периода см.: Твертинова А.С. Извлечения из описания посольства в Россию Шехди-Османа в 1758 г. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Ред. А.С. Твертинова. М.: Наука, 1969. Ч. 2. С. 296–303.

³ Строго говоря, в донепетровской России не было четкого разделения на гражданские и военные ранги, однако послы XVII столетия были чаще дьяками, занимавшимися административными, а не военными делами. О посольстве Румянцева см.:

и Н.В. Репнина и М.И. Кутузова, возглавлявших два других великих посольства XVIII столетия: оба они были в чине генерал-лейтенанта на момент осуществления своих дипломатических миссий¹. Напротив, османские послы раннемодерного периода были, как правило, представителями бюрократии, которые возводились в ранг пашей лишь по случаю их назначения чрезвычайными послами. Так, Мехмед Емини-паша, возглавлявший османское посольство в Россию в 1740–1741 годах, стал по этому случаю бейлербеем (генерал-губернатором) Румелии. Османский посол в Россию Абдулькерим Эфенди был до своего назначения бюрократом, получившим по случаю своей миссии тот же ранг, что и Мехмед Емини-паша, и вернувшимся по ее завершении в состав османской бюрократии. Только Мустафа Расих-паша, возглавлявший османское посольство в Россию в 1793–1794 годах, был изначально военным человеком.

Не менее важным был и ранг эскортов (михмандаров), которые осуществляли размен посольств на границе империй и сопровождали их к столице. В 1740 году Румянцева встречали двухбунчужный паша и начальник чаушей. В 1775 году отсутствие первого в программе церемонии размена заставило Репнина обратить на это внимание османской стороны. Нуман-паша, губернатор Бендер, места размена посольств в 1740 году, встречал и сопровождал Румянцева до приготовленной для него палатки. В 1775 году Репнин потребовал того же от губернатора Хотина, Мелика Мехмеда-паши. Последний сначала отказался, указывая на свой более высокий ранг (в отличие от Нумана-паши, он был не двух-, а трехбунчужным пашей) и свой статус зятя султана. В свою очередь, Репнин потребовал, чтобы ему предоставили право «правой руки» во время церемонии обмена. Не будучи в состоянии сопротивляться требованию российского посла, османский губернатор прибег к хитрости. По его приказанию кресла

Описание церемониала с которым Ее Императорского Величества чрезвычайный и полномочный посол господин генерал Румянцев в Константинополь свой торжественный въезд имел и сперва у Верховного Визиря на визите, а потом у Турецкого Султана на аудиенции был. СПб.: [Б.и.], 1741.

¹ О посольстве Репнина см.: A Description of the Reciprocal Exchange of Ambassadors Extraordinary and Plenipotentiary // Mubadele. Ориг. рос. изд.: [Булгаков Я.И.] Российское посольство в Константинополь. СПб.: Академия наук, 1777. О посольстве Кутузова см.: [Struve J.Ch. von.] Travels in the Crimea. A History of the Embassy from St. Petersburg to Constantinople in 1793. London: S. Hamilton, 1802; М.И. Кутузов. Сборник материалов / Л.Г. Бескоровный. М.: Военное издательство, 1950. Т. 1. С. 189–341; Шеремет В.И. Сафьяновый портфель М.И. Кутузова // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 75–78.

для российского и османского послов, размещенные на закреплённом посередине Днепра плоту, были расположены таким образом, что каждый из них считал, что сидит по правую руку от османского губернатора¹. Тем самым Мелик Мехмед-паша в чём-то повторил находчивость великого драгомана Порты Александра Маврокордата, который во время Карловицкого конгресса положил конец бесконечным разногласиям по поводу церемониала, предложив, чтобы все семь представителей переговаривающихся сторон входили в шатер переговоров одновременно через семь специально сделанных для них проходов. Однако то, что в 1697 году было утверждением принципа равенства переговаривающихся сторон, в 1775 году стало частью символической борьбы между российскими и османскими представителями. Сопровождая российского посла до его палатки, Мелик Мехмед-паша то и дело останавливался, чтобы приветствовать собравшуюся по случаю размена послов толпу, так что Репнин, который должен был идти по правую руку от османского посла, оказывался впереди своего османского губернатора².

Степень конфликтов вокруг церемонии зависела от соотношения сил, установившегося после недавно закончившейся войны, выгоды или невыгоды заключённого мирного договора, а также от относительной значимости церемониальных вопросов в списке предметов переговоров. В 1740–1741 годах отношения между российским посланником и османскими властями несколько раз были на грани разрыва из-за стремления россиян добиться от османов, ободренных Белградским договором, хотя бы символической компенсации за проигранный мир. В 1775 году, как демонстрирует хотинский эпизод, отношения также были весьма напряжёнными, потому что османы стремились добиться хоть каких-то компенсаций и за проигранную войну, и за проигранный мир. Напротив, в 1793 году та же самая церемония размена посольств, на этот раз состоявшаяся у местечка Дубоссары на Днестре (ставшем в 1791 году границей двух империй), прошла гораздо более гладко. В войне 1787–1791 годов османы потерпели менее сокрушительное поражение, чем пятнадцатью годами ранее и, кроме того, были заинтересованы в союзе с Россией. Однако это не помешало Кутузову вступить в препирательства по поводу церемониальных вопросов. Несмотря на то что османы, по свидетельству самого Кутузова, оказали ему большие почести, чем Репнину, он находил

¹ The Sefaretname of Abdulkерim Pasha // Mubadele. P. 74.

² Там же. С. 75.

необходимым затевать «долгие споры» по поводу того, каким образом османские представители облекут его в традиционный для принимаемых султаном иностранных посланников кафтан¹. Тем не менее атмосфера в 1793–1794 годах была более дружелюбной, чем в 1740–1741 или в 1775-м. Согласно автору неофициального описания посольства Кутузова Иоганну Христиану Струве, встреча послов на Днестре была праздничным событием: «Ни одного дня не проходило без увеселений и празднеств, фейерверков, иллюминаций на обоих берегах реки, пиров, танцев и всевозможных развлечений, в которых русские и турки принимали участие с равным участием и уверенностью»².

Великие посольства представляли собой небольшие армии, организация, продвижение и снабжение которых были непростыми задачами для обеих сторон. Посольство Румянцева включало 492 солдат, помимо чиновников посольской канцелярии и офицеров. Всего под начальством Репнина было шесть или семь сотен человек, и ему требовалось 1200 лошадей, чтобы привести эту массу людей в движение. Трудности, которые испытывали османские власти в деле снабжения посольского проезда, были причиной медленного его продвижения. То же самое касалось еды и фуража: Репнин жаловался, что их зачастую доставляли только к вечеру, так что людям и животным приходилось проводить целый день без пищи³. Напротив, в 1793 году медленное продвижение российского посольства объяснялось умышленным промедлением самого Кутузова, который не хотел прибывать в османскую столицу, прежде чем османский посол Мустафа Расих-паша достигнет Петербурга⁴. Путешествие, которое для многих поколений российских посланников было полно опасностей и вызовов, стало достаточно приятным времяпрепровождением, если верить описанию секретаря посольства И.Х. Струве:

мы составляли небольшую армию, которая продвигалась легко и весело и была с избытком снабжена всем, что могло способствовать нашему удобству и удовольствию... Наиболее знатные особы в свите посла ехали в красивых каретах, за которыми следовала длинная вереница повозок, нагруженных слугами и багажом. Процессию замыкал отряд

¹ М.И. Кутузов — Е.И. Кутузовой, 6 октября 1793 года и 6 января 1794 года // Русская старина. 1870. № 2. С. 502, 506.

² [Struve J.Ch. von] *Travels in the Crimea*. P. 77–78.

³ Репнин — Петерсону, 6 сентября 1775 года // СИРИО. 1871. Т. 6. С. 356.

⁴ Шеремет В.И. Сафьяновый портфель М.И. Кутузова. С. 75.

хорошо дисциплинированных российских войск. Вдоль всей дороги собрались зеваки, удовлетворявшие свое любопытство видом столь многочисленной кавалькады¹.

Маршрут чрезвычайных посольств послепетровской эпохи отличался от пути, которому обычно следовали российские посланники в XVI и XVII столетиях, что свидетельствовало об изменениях в российско-османских отношениях. Чтобы достичь Константинополя, московские послы должны были пройти через земли непокорных донских или запорожских казаков, преодолеть жадных до подарков губернаторов Азова и Каффы или, что еще хуже, пересечь земли хищнических крымских татар и наконец испытать свое счастье в непредсказуемом Черном море. Напротив, Репнин и большинство других посланников XVIII столетия следовали по гораздо более безопасному пути через польские земли, которые по сути контролировались Россией, вассальные османские княжества Молдавию и Валахию, а также Силистрийский и Адрианопольский пашалыки. В то время как московским послам приходилось иметь дело с османскими властями в устье Дона и на юге Крыма, Репнин встретил на своем пути гораздо более обходительных православных подданных Порты. Его въезд в Яссы и Бухарест сопровождался большой помпой, и дни, проведенные в обществе молдавского и валашского господарей, были наполнены пирами и увеселениями². В то время как его предшественники допетровской эпохи рисковали ударить в грязь лицом перед османскими губернаторами, Репнин проецировал власть и влияние, привлекавшее христианских подданных султана. Во время его пребывания в княжествах Репнина посещали представители высшего клира и бояре с петициями на злоупотребления господарей и записками, обосновывавшими исторические права Молдавии и Валахии, погранные греками-фанариотами, которые установили монополию на господарские престолы в XVIII столетии³. Принимая эти петиции и записки, Репнин действовал в соответствии с одним из положений Кучук-Кайнарджийского договора 1774 года, который предоставлял России право делать «представления» Порте относительно Молдавии и Валахии.

¹ [Struve J.Ch. von.] Travels in the Crimea. P. 69.

² [Bulgakov Ia.I.] A Description of the Reciprocal Exchange of Ambassadors Extraordinary and Plenipotentiary // Mubadele. P. 131–143.

³ См.: Мемориал молдавских бояр и Прошение поданное князю Н.В. Репнину от жителей Валахии, 30 августа 1775 года // СИРИО. 1871. Т. 6. С. 323–332, 345–346.

Османы придавали мало значения деталям проезда российских посольств через провинциальные города Румелии на пути в Константинополь. Однако церемония въезда посольства в столицу порождала противоречия. Так, в 1740 году глава чаушей Порты отказался отобеждать с Румянцевым в шатре, разбитом за стенами Константинополя. Обратив внимание на этот инцидент, Репнин решил сделать все возможное, чтобы это не повторилось¹. После завершения церемонии въезда российский посол был счастлив сообщить Екатерине II, что почести, оказанные ему, превосходили те, что были оказаны Румянцеву. Накануне торжественного въезда в столицу церемониймейстер привез ему подарок от великого визиря, в то время как Румянцеву пришлось довольствоваться подарком от заместителя великого визиря, присланным с простым чегодарем. В отличие от маршала румянцевского посольства, его коллега в 1775 году был принят лично великим визирем для обсуждения деталей церемонии въезда. Во время самой церемонии, как и в дни аудиенций Репнина у великого визиря и султана Абдул-Гамида I, начальник чаушей шел впереди посла, а не сбоку от него. Последнее служило способом показать подчинение иностранного посла, вызываемого в Порту ответить за представителей своей «нации»².

Переговоры между драгоманом посольства и османским церемониймейстером и начальником чаушей относительно приема Репнина великим визирем и султаном оказались еще более напряженными, чем те, что сопровождали размен посольств на границе. Репнин сообщал вице-канцлеру Н.И. Панину, что османы соглашались на некоторые условия в один день и отвергали их на следующий, так что почти два месяца прошло между въездом посольства в Константинополь и первым визитом посла в Порту³. Хотя соглашение в конце концов было достигнуто, аудиенции Репнина у великого визиря превратились в настоящую церемониальную войну, в которой каждая из сторон делала все возможное, чтобы унижить противника. Во время их первой встречи Репнин намеренно задержался у двери аудиенц-залы, чтобы не дать великому визирю удовольствия заставить ждать себя хотя бы мгновение⁴. Великий визирь ответил тем, что в день аудиенции Репнина у султана прибыл в Порту намеренно поздно и демонстративно

¹ См.: Выписки из журнала посла графа А.И. Румянцева и Ремарки из журнала посла графа Репнина // Там же. С. 359.

² Репнин — Екатерине II, 11 октября 1775 года // СИРИО. 1875. Т. 15. С. 430.

³ Репнин — Панину, 4 декабря 1775 года // Там же. С. 539.

⁴ Там же; [Bulgakov Ia.I.] A Description of the Reciprocal Exchange of Ambassadors Extraordinary and Plenipotentiary // Mubadele. P. 165.

отвернулся в другую сторону, проезжая мимо российского посла, который в соответствии с османским посольским обычаем ожидал прибытия визиря напротив Порты. Репнин не нашел ничего лучшего, кроме как сделать то же самое, и демонстративно завел разговор с членами своей свиты в тот момент, когда великий визирь проезжал мимо¹.

Церемониальная война продолжалась и после вступления Репнина в Порту. Османы медлили пригласить его занять особую скамейку, на которой иностранные посланники обычно наблюдали отправление великим визирем правосудия, прежде чем были допущены к султану. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, российский посол стал угрожать, что займет скамейку без приглашения². Во время второго визита Репнина к великому визирю, непосредственно предшествовавшего султанской аудиенции, последний не поклонился Репнину, который, в свою очередь, занял свое место, не глядя на визиря³. После ритуального угощения российскому послу принесли темное полотенце, а не белое, как великому визирю. Репнин ответил на этот вызов тем, что обронил полотенце на пол и взамен извлек из кармана белый платок⁴. Он также отказался от трубки и розовой воды, поскольку был последним из присутствовавших, кому их предложили. Ни великий визирь, ни члены его свиты не встали, когда Репнин поднялся, чтобы проследовать в комнату, в которой иностранным посланникам, в соответствии с обычаем, накидывалась на плечи шуба, перед тем как они допускались к султану. В ответ российский посол повернулся спиной к визирю, прежде чем выйти из зала⁵. Хотя аудиенция Репнина у султана прошла без эксцессов, этот трудный день сказался на его здоровье: в своей депеше в Петербург посол пожаловался, что подхватил насморк⁶.

Война жестов между Репниным и великим визирем демонстрирует значение тел и их перемещений в пространстве для раннемодерных посольств, когда на кону было представление послом своего государя. История российских чрезвычайных посольств в Османскую империю

¹ Репнин — Панину, 4 декабря 1775 года // СИРИО. 1875. Т. 15. С. 539.

² [Bulgakov Ia.I.] A Description of the Reciprocal Exchange of Ambassadors Extraordinary and Plenipotentiary // Mubadele. P. 170; Репнин — Панину, 4 декабря 1775 года // СИРИО. 1875. Т. 15. С. 540.

³ Там же. С. 539.

⁴ Там же. С. 540.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 539. Встречи Репнина с другими высокопоставленными османскими чиновниками — заместителем великого визиря, капудан-пашей и агой янычаров — прошли без эксцессов.

также демонстрирует, что дипломатические отношения между двумя странами не полностью следовали заранее оговоренному сценарию. Несмотря на то что действия российских представителей и османских чиновников кажутся строгим ритуалом, параметры этого ритуала постоянно менялись. Как демонстрирует пример Репнина, детали дипломатических церемоний были предметом борьбы не только накануне, но и во время самих церемоний. Количество времени и внимание, уделявшееся переговорам относительно церемониала, демонстрируют значимость представительской роли дипломатии в сравнении с другими ее функциями в российско-османских отношениях раннемоделерного периода. Будет небольшим преувеличением сказать, что наиболее важной задачей посла было добиться подобающего обращения с ним самим и его посольством.

Этот обзор царских посольств в Османскую империю в до- и послепетровскую эпоху дополняет картину характера петровской дипломатии. Центральную роль в этой картине обычно занимает Великое посольство 1697–1698 годов. В историографии это посольство рассматривается в первую очередь как способ сбора необходимой для преобразования России информации¹. Подобная интерпретация Великого посольства соответствует нарративу о петровской модернизации России, в котором личное «ученичество» царя на Западе занимает большое место. Действительно, россияне начала XVIII столетия порой остро осознавали технологическое отставание своей страны и искали военные, управленческие и политические модели, которые позволили бы преодолеть расстояние, отделявшее их от более развитых держав Западной и Центральной Европы. Однако это только часть истории. Принимать ее за полную картину — значит анахронистически проецировать реалии XIX и XX веков на более ранний период. Соображения статуса были не менее важны, чем новые технологии. Желание стать «самознатнейшей» державой в Константинополе отражало раннемоделерную ментальность, которая делала царей и бояр столь неуступчивыми в вопросах церемонии.

Главным следствием петровских реформ стали не новые цели российской дипломатии в Константинополе, а способы их достижения. Румянцев и Репнин в неменьшей степени, чем их предшественники допетровской эпохи, были убеждены, что препирательства по поводу

---

¹ *Massie R.* Peter the Great: His Life and World. New York: Alfred A. Knopf, 1981. P. 155–156, 232; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven: Yale University Press, 2000. P. 23.

церемонии абсолютно необходимы для поддержания международного статуса Российской империи. Однако чрезвычайные посланники послепетровского времени достигли этой цели, заимствуя представления о надлежащей форме посольской церемонии у своих западных коллег, а не у своих московских предшественников. Новые ориентиры российских правителей и элит, возникшие вследствие вестернизации, подталкивали их к заимствованию западных, а конкретно — австрийских образцов посольского церемониала. Постоянные царские представители в Константинополе еще более наглядно демонстрируют растущую значимость европейских дипломатов в качестве ролевых моделей для их российских коллег.

Российские и европейские дипломаты в Константинополе

Подобно дипломатии в целом, дипломатический корпус окончательно сложился к середине XVIII столетия. Тогда же вошел в обиход и сам этот термин. Однако начало формирования дипломатического корпуса как совокупности иностранных представителей при дворе того или иного правителя можно наблюдать уже в Италии в эпоху Ренессанса. Согласно Гарриет Маттингли, иностранные дипломаты в папском Риме впервые проявили чувство коллективной солидарности, следовали общепринятым правилам дипломатического поведения и даже выступали в качестве квазикорпоративного образования¹. По мнению историка британской дипломатии в Османской империи Г.Р. Берриджа, Константинополь XVII столетия представлял собой следующую за ренессансной Италией главу в истории развития дипломатического корпуса². Уже в 1620-е годы четыре постоянных европейских представителя в османской столице (венецианский, французский, английский и голландский) смогли выступить общим фронтом против того, что они считали несправедливостями османского правительства³.

¹ Mattingly G. Renaissance Diplomacy. London: Cape, 1955.

² Сам термин «дипломатический корпус» вошел в употребление в середине XVIII столетия.

³ Berridge G.R. The Origins of the Diplomatic Corps // The Diplomatic Corps as an Institution of International Society / Eds. P. Sharp, G. Wiseman. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 15–30.

К 1700 году, когда Порта согласилась принять постоянного российского посланника, европейский дипломатический корпус в Константинополе де-факто существовал уже почти столетие. А потому, наряду с обеспечением за Россией наивысшего статуса в глазах Османов, российские резиденты стремились занять достойное место в этом сообществе. Хотя россияне стали действовать в этом направлении достаточно поздно, назначение постоянных царских представителей в султанскую столицу совпало по времени с формированием теории и терминологии европейской дипломатии, которые были ими быстро освоены. Интеграция российских министров-резидентов в дипломатический корпус на берегах Босфора сопровождалась агрессивным использованием ими дискурса европейской дипломатии как против Османов, которых россияне характеризовали как полностью чуждых европейским понятиям, как и против некоторых представителей самих европейских держав, чье попустительство они находили причиной продолжения «варварского» обращения Османов с иностранными дипломатами.

Хотя важные изменения посольского обряда произошли позже, петровское царствование все же составило новую страницу в истории российско-османских отношений. После того как посланник Петра I П.Б. Возницын поучаствовал в Карловицком конгрессе 1697–1699 годов, царь отправил Е.И. Украинцева в Константинополь с целью заключить мирный договор, что и было сделано в 1700 году. Свидетельством желания Петра изменить формат российско-османских отношений было решение направить Украинцева в османскую столицу на борту «Крепости», одного из нескольких боевых кораблей, которые были спущены на воду в Азовском море после захвата Азова российскими войсками в 1696 году. Еще более важным изменением стало назначение П.А. Толстого первым постоянным представителем России в Константинополе.

Османские представители встретили Толстого требованием возместить ущерб греческим купцам, ограбленным запорожцами, а затем потребовали его отбытия, мотивируя это тем, что мирный договор был уже подписан и не было никаких других неразрешенных проблем, которые требовали бы его постоянного присутствия в Константинополе. На первый взгляд это требование свидетельствует о нежелании Османов признать Россию равной другим европейским государствам, которые уже имели своих постоянных представителей на Босфоре. Желание царя иметь такого представителя было одним из проявлений его стремления превратить Россию в европейскую державу. Однако

при более пристальном рассмотрении ситуация представляется более сложной. Венецианский посол (баило), а также послы Франции и Англии постоянно пребывали в Константинополе в рамках широких торговых связей, существовавших между этими странами и Османской империей¹. Их постоянное присутствие обуславливалось большим количеством венецианских, французских и британских подданных, которые постоянно проживали в Османской империи и чей статус определялся системой капитуляций². Поскольку россияне не были одной из торговых «наций», французский посол поспешил заметить османам, что постоянный представитель царя будет лишь способствовать бунтарству своих многочисленных единоверцев среди султанских подданных.

Поэтому неудивительно, что османы не торопились принимать от Толстого верительные грамоты. После того как это все-таки произошло, Толстой неоднократно жаловался своему брату, азовскому губернатору Ивану Андреевичу Толстому, что великий визирь его «и в почтении, и во всем перед всеми послами зело унижает»³. Во время аудиенции Толстого у султана «приемность учинили получше той как был у визиря, обаче перед иными послами хуже»⁴. Помимо качества приема, московский посольский обычай требовал, чтобы посланники царя были единственными иностранными представителями, принимавшимися правителем в тот день⁵. Памятуя об этом принципе,

¹ О британском посольстве в Константинополе см.: *Berridge G.R. British Diplomacy in Turkey, 1583 to the Present. A Study in the Evolution of the Resident Embassy. Leiden and Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2006.* О голландском посольстве см.: *Bosscha Erdbrink G.R. At the Threshold of Felicity: Ottoman-Dutch Relations during the Embassy of Cornelis Calkoen at the Sublime Porte, 1726–1744. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basemevi, 1975.* Существует и немало исследований французской миссии в Константинополе. См. среди прочего: *Vandal A. L'Odyssée d'un ambassadeur. Les Voyages du Marquis de Nointel (1670–1679). Paris: Plon, 1900; Vandal A. Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La Mission du Marquis de Villeneuve. Paris: Plon, 1887; Murphy O.T. Charles Gravier, Comte de Vergennes. The French Diplomacy in the Age of Revolution, 1709–1787. Albany, NY: State University of New York Press, 1982. P. 53–164.*

² О капитуляциях см.: *Boogert M.H. van den. The Capitulations and the Ottoman Legal System: Qadis, Consuls and Beraths in the Eighteenth Century. Berlin; Leiden: Brill, 2005; Ястржембский В.О. О капитуляциях в Османской империи. Харьков: Печатное дело, 1905; Ладыженский А.М. Отмена капитуляций в Турции. М.: Кушнер, 1914.*

³ Толстой П.А. Письма П.А. Толстого к его брату И.А. Толстому // Русский архив. 1864. № 5–6. С. 147.

⁴ Там же. С. 149–150.

⁵ См.: Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь // Петр I. Материалы для биографии. Ред. М.М. Богословский. М.: Огиз-Госполитиздат, 1948. Т. 5. С. 5, 32.

Толстой был особенно расстроен тем, что его приемы у султана в 1706 и 1709 годах проходили в тот же день, когда султан принимал представителей вассальной республики Рагузской, которые приносили свою дань османскому правителю на коленях. Однако его протесты остались без результата¹.

С назначением менее враждебного визиря, Каваноза Ахмед-паши, российский посланник, «подобно цесарским послам», получил разрешение находиться в Адрианополе, бывшем в то время местом постоянного пребывания султана. Сам Толстой объяснял постоянное присутствие цесарского резидента в Адрианополе тем, что он был послан «не для торговых своих промыслов, но для великих государственных дел»². Таким образом, Толстой понимал, что османы различали послов морских держав, с одной стороны, и посланников Вены, с другой. Действительно, габсбургский легат был единственным представителем европейских держав, который занимался преимущественно политическими, а не коммерческими отношениями между представляемой им страной и Османской империей. Поскольку торговля между Россией и Османской Турцией в тот период была минимальна, российско-османские отношения были почти исключительно «политическими». Поэтому, согласившись принять постоянного российского представителя, османы фактически приравнивали Россию к Священной Римской империи. Принимая во внимание изначальное желание отправить Толстого домой, последовавшее затем разрешение находиться рядом с султаном в Адрианополе можно считать явным достижением. В то же время Толстой был не уверен, что великодушие визиря распространится на оплату расходов российской миссии, как это имело место в отношении других посланников³. Представитель Петра I довольно реалистично приписывал такое изменение в своем положении желанием османов помешать ему установить связи с греческими единоверцами в Константинополе.

¹ См.: Тальман — Имперскому военному совету, 15 сентября 1709 // Турция накануне и после Полтавской битвы. С. 49.

² Толстой П.А. Письма П.А. Толстого. С. 156–157.

³ В отличие от европейских правителей, Османы до конца XVIII столетия покрывали хотя бы часть расходов посланников-резидентов. Эта традиция была прекращена Селимом III, который был также и первым османским правителем, начавшим систематически перенимать практики европейской дипломатии и назначившим постоянных посланников в некоторые европейские столицы. Naff Th. Reform and the Conduct of Ottoman Diplomacy in the Reign of Selim III // Journal of the American Oriental Society. 1963. Vol. 83. P. 295–315.

Перевод Толстого в Адрианополь был продолжением османской практики расселять московских посланников вдали от европейских представителей. Вот почему до XVIII столетия османские власти не размещали царских людей в Пере — месте пребывания европейских дипломатов и не позволяли им обмениваться визитами с последними¹. Только к концу своей миссии в 1710 году Толстой получил право сам определять свое местопребывание, взамен отказавшись от традиционного содержания, которое назначалось иностранным посланникам. Поселившись в Пере, Толстой, по словам британского представителя Роберта Саттона, «ныне во всех отношениях на той же ноге, что и мы, и будет принимать нас и наносить нам визиты»². Согласно Саттону, Толстой попытался развить свой успех и «получить преимущество перед послами коронованных особ в том, чтобы быть первым из иностранных представителей, кто наносил бы визиты новому визирю, а когда в том было отказано, добиться более торжественного приема, чем тот, который был оказываем другим послам»³. Австрийский интернунций Тальманн сообщал Иосифу I в Вену, что перед аудиенцией у султана в январе 1710 года Толстой «настаивал на том, чтобы с ним обращались так же, как и с послами Вашего Императорского Величества». В то время как османы намеревались облачить Толстого в обычную шубу, какая предназначалась представителям всех других государств, российский посланник требовал, правда безуспешно, шубу, отделанную горностаем, которая была исключительной привилегией габсбургских послов⁴.

Действия Толстого демонстрируют, что равенство статуса с другими представителями европейских держав в Константинополе не было на самом деле его целью, несмотря на его первоначальные жалобы по поводу «унижения» перед другими послами. Вместо этого, начав с позиций аутсайдера, он стремился добиться наивысших почестей от османов, что предполагало превосходство над другими посланниками.

¹ В своих инструкциях Толстому Петр I приказывал «с чужестранными министры обходиться политично и к ним ездить и к себе призывать, как обычай во всем свете у министров, при великих дворах пребывающих». См.: *Толстой П.А. Русский посол в Стамбуле* / Ред. М.Р. Арунова, С.Ф. Орешкина. М.: Наука, 1985. С. 104–105.

² *The Dispatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710–1714)* / Ed. A.N. Kurat. London: Offices of the Royal Historical Society, Camden Third Series, 1953. Vol. 78. P. 19.

³ Там же. С. 21.

⁴ См. депешу Тальманна от 26 января 1710 года в: Турция накануне и после Полтавской битвы. С. 63. Османский султан не потерпел таких требований и прекратил прием, прежде чем Толстой успел закончить свою речь.

К концу своей миссии Толстой требовал быть первым иностранным представителем, принятым новым великим визирем, Кепрюлюзаде Нуман-пашой, то есть перед французским посолом, которому обычно предоставлялась такая честь. В записке, адресованной новому визирю, Толстой называл Петра I «всемогущим царем и императором» к ожидаемому неудовольствию габсбургского интернунция Тальманна¹. Упрямство Толстого в вопросах церемонии помогло французскому послу и посланнику шведского короля Карла XII (томившегося в Бендерах после своего поражения в Полтавской битве) убедить османов объявить войну России².

Борьба российских представителей за статус в дипломатической иерархии Константинополя в целом завершилась к концу XVIII столетия. Одна из статей Кучук-Кайнарджийского договора 1774 года возвела ранг российского представителя с третьего (резидент) до второго (посланник или полномочный министр) и оговаривала, что «Порта употребит в рассуждении его характера все то внимание и уважение, которые наблюдаются к министрам отличнейших держав». Среди посланников второго ранга глава российской миссии должен был следовать сразу же за габсбургским интернунцием. Если же последний отсутствовал, российский посланник следовал сразу же за иностранными представителями первого класса, то есть послами Франции, Британии, Голландии и Венеции³. Тем самым российский представитель становился выше по статусу, чем посланники Пруссии, Швеции, Дании и Королевства Обеих Сицилий.

Высказывания российских представителей в Константинополе в адрес европейских коллег свидетельствуют об их интеграции в дипломатическое сообщество на берегах Босфора. В допетровскую эпоху сообщения посланников Москвы не содержали характеристик послов европейских государств или замечаний по поводу действий последних в отношении России. Примечательно также и то, что первые подобные комментарии представляли европейских дипломатов враждебными интересам царя. Посланный заключить мир по окончании

¹ Турция накануне и после Полтавской битвы. С. 79.

² См.: Тейльс В. Известия служащие к истории Карла XII, короля шведского. М.: Университетская типография, 1789. Т. 1. С. 6–9. Тейльс был первым переводчиком и секретарем графа Якова Кольера (Jacob Colier) голландского посланника, который, наряду с британским послом Робертом Саттоном, служил посредником в российско-османских переговорах, которые имели место после Прутского похода.

³ См. статью 5 Кучук-Кайнарджийского договора: Договоры России с Востоком / Ред. Т.П. Юзефович. С. 28.

русско-турецкой войны 1677–1681 годов, П.Б. Возницын сообщал, что «поляки и с цесарской стороны zelo домогались чем бы [его] до совершения дела не допустить»¹. Семнадцатью годами позже, во время Карловицкого конгресса, Возницын жаловался Петру I, что министры и союзных держав (то есть Габсбургов и Речи Посполитой), и держав-посредников (Англии и Голландии) «делают все от него потаенно» и не проявляют «ни малейшего доброжелательства»². В самом конце столетия Е.И. Украинцев сообщал, что, хотя английский и голландский послы прислали ему свои приветствия, они, как и французский посол и польский посланник, «держат во всем Турскую сторону, и Турки их почитают и любят и им верят»³.

Хотя в середине XVIII столетия российские представители в Константинополе все еще могли находить, «что хитрости министерские неисповедимые суть»⁴, они уже были менее склонны жаловаться на враждебное окружение и изоляцию, чем их предшественники петровского времени. Это, несомненно, было следствием их растущего знания институтов и практик европейской дипломатии. Все главы российской миссии в Константинополе, начиная с Толстого, имели опыт если не дипломатической службы, то хотя бы проживания за границей. Толстой и И.И. Неплюев стали посланниками после возвращения из образовательных поездок в Италию, предпринятых по приказу Петра I. Преемник Неплюева А.А. Вешняков до назначения в Константинополь служил в дипломатическом качестве в Испании, а российский посланник в 1770-е годы А.С. Стахив имел опыт дипломатической службы в Швеции. Наконец, А.М. Обресков, дольше всех прослуживший российским министром-резидентом в Константинополе, до своего назначения главой миссии в 1750 году был ее членом в течение десяти лет.

¹ Забелин Е.И. Русские посольства. С. 26.

² Порфирий Возницын — Петру Первому, 22 октября 1698 года // Дополнения к деяниям Петра Великого / Ред. И.И. Голиков. М.: Университетская типография, 1790–1797. Т. 5. С. 268.

³ Чрезвычайное посольство к Порте Оттоманской в 1699 и 1700 гг. для заключения мирного договора на 30 лет // Отечественные записки. 1827. Ч. 29. № 82. С. 210; № 83. С. 460–462.

⁴ «Здесь такое множество льстецов, что в одну минуту стараются вкрасься в молодого человека, чтобы что-нибудь из него выведать», — писал в середине XVIII столетия М.И. Прокудин-Горский: [Прокудин-Горский М.И.] Письма или уведомления в Москву бывшего в Константинополе в 1760 году дворянином посольства лейб-гвардии Преображенского полку сержанта М.П. // Ежемесячные сочинения. 1764. Т. 20. С. 62–85.

Переписка российских посланников послепетровского времени в Османской империи все еще содержит желчные характеристики европейских коллег. Например, А.А. Вешняков, бывший министром-резидентом в 1736–1746 годах, жаловался, что британский посол Джордж Генри Хэй, граф Кинулл, «явно и бесстыдно злодействует»¹. В свою очередь, Обресков писал, что австрийский интернунций Тугут «породы подлой интригант и криводушлив, а к тому ж персонально нас ненавидит»². Подобные нелестные характеристики иностранных представителей высказывались не только российскими дипломатами. Знаменитый английский посол XVII столетия сэр Томас Роу находил своего голландского коллегу Корнелиуса ван Хаага «испорченным османскими обычаями настолько, что тот превратился в позор посольского звания». Роу также считал французского посла Филиппа де Арлея «заносчивым, раздражительным и злобным»³.

В то же время критический настрой российских дипломатов по отношению к европейским представителям в Константинополе не ограничивался личными выпадами, столь характерными для раннемодеิร์นных дипломатов. По мере того как они усваивали правила и принципы европейской дипломатии, россияне становились все чувствительнее к особенностям османского подхода к международным отношениям. Царские представители порицали унижительный характер османского посольского обычая и склонность османов заключать в Семибашенный замок посла того государства, которому султан объявлял войну. Петр и его преемники стремились утвердить статус России как передовой державы и при этом воевали с Османской империей чаще, чем какая-либо другая страна. По этой причине российские посланники регулярно вступали с османами в пререкательства по поводу церемониала и чаще других оказывались узниками Едикуля. Они были склонны критиковать снисходительное отношение европейских представителей к османской манере ведения дипломатических отношений.

Эта критика наиболее наглядно проявляется в работах Павла Артемьевича Левашева, бывшего поверенным в делах российской миссии в 1760-х годах. По объявлении османами войны России в 1768 году,

¹ Теплов В.А. Русские представители в Царьграде, 1496–1891. СПб.: Суворин, 1891. С. 21.

² Цит. по: Кессельбреннер Г.Л. Хроника одной дипломатической карьеры. Дипломат-востоковед С.Л. Лашкарев и его время. М.: Наука, 1987. С. 60.

³ Berridge G.A. The Origins of the Diplomatic Corps. P. 19.

Левашев, наряду с Обресковым, оказался узником Семибашенного замка, откуда они в конце концов были освобождены и при посредничестве австрийского и прусского представителей переданы российской стороне в 1771 году. Спустя два десятилетия в своих «Цареградских письмах» Левашев подробно остановился на различиях между османским посольским обычаем и дипломатическими нормами и практиками, которым Россия стала следовать наряду с другими европейскими державами. Согласно Левашеву, почести и любезности, оказываемые местными османскими властями иностранным посланникам на пути в Константинополь, заставляли их надеяться, что «онье не только продолжаться будут, нечто посол еще иметь будет прием и пребывание приятнейшее в самой»¹. Однако как гости султана иностранные министры не только были объектами ласк, но также и подвергались многочисленным «унижениям» до и во время аудиенций у великого визиря и султана. Левашев упоминает обычай облачать иностранного посла в специальные шубы и кафтаны, неудобную мебель, на которой ему приходилось сидеть, и невзрачность помещений. Не менее унижительными были и долгие часы, которые послу приходилось проводить, наблюдая за отправлением правосудия османскими чиновниками, прежде чем его допускали к султану. То же касалось и еды, которую ему приходилось есть после того, как она проходила через руки османских слуг, которые своими ногтями разрывали мясо на кусочки². Смесь гостеприимства и унижения, которой подвергались иностранные представители, приправлялась чувством физической опасности. Не имея своих представителей в иностранных столицах и потому не опасаясь возмездия, «турки христианских министров не довольно, что никогда не уважали, но многих из них бесчестили, мучили и умерщвляли». Приведя длинный список иностранных посланников, пострадавших в Османской империи, Левашев заключал, что османский «образ мнения, так и поведения совсем противен другим народам, а особливо европейским»³.

Пятилетнее пребывание Левашева в Константинополе последовало за более чем десятилетней службой в Стокгольме, Дрездене, Вене и Регенсбурге. За это время он не только освоил практические

¹ [Левашев П.А.] Цареградские письма // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины Второй / Ред. А.Я. Хазизова. М.: Восточная литература, 1995. С. 52.

² Там же. С. 52–55. См. также: [Булгаков Я.И.] Российское посольство в Константинополе. СПб.: Академия наук, 1777. С. 168–173, а также [Struve J.Ch.] Travels in the Crimea. P. 175–181.

³ [Левашев П.А.] Цареградские письма. С. 56, 59.

стороны дипломатии, но и перевел на русский работу Франсуа Кальера «О способе переговоров с государями» (1716), которая была стандартным пособием для дипломатов того времени¹. Пример Левашева демонстрирует знакомство российского дворянства с формирующейся европейской культурой дипломатии². Дипломатия XVIII столетия была франкоязычной, аристократичной и тесно связанной с королевскими дворами. Ее основополагающие принципы — взаимность, постоянный характер отношений между государствами и неприкосновенность дипломатических особ — отражали общеевропейские «стили, обычаи и интеллектуальные ценности». В послепетровское время эта международная франкофонная культура дипломатии стала усваиваться российским самодержавием и представителями элиты. На протяжении XVIII столетия не менее 152 молодых российских дворян прошли обучение в знаменитой школе дипломатов в Страсбурге и еще большее количество освоили дипломатическое ремесло в составе российских миссий в европейских столицах³.

Обладая необходимым опытом и знаниями для того, чтобы различать европейский и османский способ ведения международных отношений, Левашев был очень критически настроен по отношению к французским, британским, голландским и прочим коллегам в Константинополе. По его утверждению, европейские министры скрывали унижения, причиняемые им османами, «по взаимной между собою ревности» или из соображений «самой тончайшей Макиявелевой политики»⁴. Левашев также настаивал на том, что «христианский» образ мыслей был плохим руководством в отношениях с османами, которые принимали его за проявление слабости⁵. Горечь его замечаний по поводу европейских дипломатов в Константинополе была, по всей вероятности, вызвана вежливым безразличием или выражением практического бессилия, с которыми французский и прочие европейские послы встретили сообщение о заключении российского министра Обрескова в Семибашенный

¹ Рус. изд.: Кальер Ф. де. Каким образом договариваться с государями. СПб.: Академия наук, 1772. Т. 1.

² См.: Вигасин А.А. и др. Предисловие // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины Второй. С. 8–9.

³ Scott H. Diplomatic Culture in Old Regime Europe // *Cultures of Power in Europe in the Long Eighteenth Century* / Eds. H. Scott, B. Simms. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. P. 58–85.

⁴ Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. СПб.: [Б.и.], 1790. С. 45.

⁵ [Левашев П.А.] Цареградские письма. С. 59.

замок и о неистовстве фанатичной толпы по случаю объявления Портой войны России в 1768 году¹. В то же время примечательно, что Левашев более не жаловался, подобно своим предшественникам петровского времени, на «злостность и двуличие» европейских дипломатов. Вместо этого он осуждал их за отказ объединить усилия по защите принципов равноправия, взаимности и неприкосновенности иностранных представителей, которые стали определять европейскую дипломатию в XVIII столетии.

По мере того как российские представители все ближе знакомились с положением дел в Константинополе, они демонстрировали новое отношение к своим коллегам. Яков Иванович Булгаков, посланник Екатерины II в 1780-е годы, все еще замечал, что он «с врагами и друзьями должен бороться»². В то же время, ведя политическую борьбу с представителями других европейских держав, Булгаков не испытывал личной неприязни к ним. Российский посланник охарактеризовал французского посла графа де Сен-При как человека «достойного уважения», которому Булгаков отдавал должное, «несмотря на горькие часы», которые тот причинил ему, противясь российской аннексии Крыма в 1783 году³. Булгаков однозначно преодолел комплекс неполноценности, который его предшественники могли еще испытывать по отношению к европейским дипломатам. Об этом свидетельствует самодовольно-ироничный тон описания Булгаковым константинопольского дипломатического общества, в котором «французский [посол] спесивится; голландский ему угрождает; венецианский собирается учиться грамоте; английский хвастает; венский пишет; неаполитанский церемонится; прусский шутит; шведский скучает, а датский молчит»⁴.

Для вестернизированных представителей российского дворянства, служивших в османской столице, дипломатический корпус был прежде всего частичкой светского общества, тем более ценной ввиду ее крошечности и изоляции от остального «цивилизованного мира». В условиях, когда общение российских представителей с османами сводилось к ряду крайне ритуализированных церемоний, «можно бы умереть со скуки, если бы чужестранные не награждали удовольствием

¹ Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. С. 10–11.

² Я.И. Булгаков — Екатерине Второй, 1 декабря 1783 года // СИРИО. 1885. Т. 47. С. 96.

³ Булгаков — А.А. Безбородко, 1 января 1784 года // Там же. С. 104.

⁴ Булгаков — Безбородко, 1 ноября 1782 года // Там же. С. 8.

время», как отмечал М.И. Прокудин-Горский, дворянин российской миссии в 1760 году¹. Булгаков же писал:

Ежедневно говорим мы о ветре, о язве, ждем венской почты, а когда придет, запираемся на целый день ее читать, и рассказываем все разное, потому что каждому из нас мало пишут, к иным ничего, и так от стыда принуждены выдумывать и спорить о новостях. По наружности можно заключить, что отсюда управляется белый свет и распоряжается судьба бедных смертных, а в существе часто сия важная переписка замыкается в том, чтоб из Земли прислали земельных яблок и фазанов, коих по милости Божьей здесь немало. Вообще все они спешивятся, хотя и нечем, жалуются на дороговизну, копят деньги, но ни один богачом не слывет, проклинают Царьград, но никто добровольно отсюда не едет².

Ту же картину беспечного наслаждения жизнью, на этот раз не отмеченную скукой, представлял в середине 1830-х годов своим читателям Константин Михайлович Базили в своей книге «Босфор и новые очерки Константинополя»: «Балы, музыкальные вечера, вист, гуляние — все это в таком точно порядке, как и в высшем кругу всего образованного мира, и сплетни те же»³.

Главы российской миссии в Константинополе намеренно вели роскошный образ жизни, стремясь перещеголять своих европейских коллег богатством посольских строений и приемами. Булгаков приобрел дворец Венецианского баило в деревне Буюкдере на Босфоре, в результате чего российская миссия обрела постоянное здание тогда, когда остальные европейские миссии все еще арендовали свои помещения. Булгаков писал в Петербург, что на него теперь «другими глазами все смотрят, мужики шапки снимают, попы благословения просят, и сие увеличение почтения простирается даже до Константинополя». Одна султанская племянница даже «приезжала вечерась инкогнито по меньшей мере с шестидесятью бабами», чтобы прогуляться в саду российской миссии⁴. По словам А.И. Рибопьера, бывшего посланником в Константинополе накануне и после русско-турецкой войны 1828–1829 годов, летний дворец российского посольства в Буюкдере,

¹ [Прокудин-Горский М.И.] Письма или уведомления в Москву. С. 75.

² Булгаков — Безбородко, 1 ноября 1781 года // СИРИО. 1885. Т. 47. С. 8.

³ Базили К.М. Босфор и новые очерки Константинополя. СПб.: Греч, 1836. Т. 1. С. 293.

⁴ Булгаков — Безбородко, 1 июня 1782 года // СИРИО. 1885. Т. 47. С. 31.

приобретенный Булгаковым, «будто нарочно устроен для праздников»¹. В больших приемах по поводу заключения Адрианопольского мира в 1829 году принимали участие по 400 приглашенных, которых Рибопьер потчевал изысками бывшего повара князя Талейрана. Эта демонстрация роскоши, которую Рибопьер оплачивал из своего собственного кармана, весьма увеличившегося после женитьбы на внучатой племяннице Г.А. Потемкина, оказала воздействие на Махмуда II. Султан тайно попросил российского посланника одолжить столовые приборы для организации банкета на европейский манер в одной из своих резиденций, который он посетил полуинкогнито в нарушение османских обычаев².

Анекдот, рассказанный Рибопьером, свидетельствует о начале процесса вестернизации Османской империи. Этот процесс начался уже до царствования Махмуда II. Первые изменения в османском посольском обычае относятся к периоду Карловицкого конгресса. Отмечая их, Толстой выражал распространенное среди европейских представителей мнение о том, что война Священной Лиги «многие вещи у турок управила» и что они «зело политичны ныне в договорах с послами содержатся»³. Преемники Толстого в Константинополе И.И. Неплюев и А.А. Вешняков к своему огорчению могли наблюдать определенную эффективность османской дипломатии во время переговоров, сопровождавших русско-австро-турецкую войну 1736–1739 годов. В своем описании этих переговоров французский автор аббат л'Ожье характеризовал османов как «осведомленных об интересах других дворов, ловких в своих демаршах и столь же утонченных в своей политике, как и наиболее цивилизованные нации»⁴. Имитация европейских дипломатических институтов и практик продолжилась в конце XVIII столетия в правление Селима III, который направил первого постоянного османского представителя в иностранную столицу.

Обращение с российскими посланниками, находившимися в Константинополе к моменту начала очередной русско-турецкой войны, также эволюционировало. Толстому не довелось почувствовать на себе плоды новой обходительности с иностранными послами, которую османы якобы начали проявлять в период после

¹ Рибопьер А.И. Записки графа А.И. Рибопьера // Русский архив. 1877. № 5. С. 30

² Там же. С. 33.

³ Толстой П.А. Русский посол в Стамбуле. С. 89.

⁴ *L'Abbé Laugier. Histoire des négociations pour la paix conclue à Belgrade. Paris: Duchèsne, 1768. Vol. 1. P. vi.*

Карловицкого конгресса. Накануне Прутского похода Петра I его заточили в Семибашенном замке. Та же судьба постигла П.П. Шафирову и М.Б. Шереметьева, которых направили к султану в качестве заложников, гарантировавших исполнение царем мирного договора, заключенного Шафировым на Пруте. Из российских посланников XVIII столетия, оказавшихся в османской столице на момент начала очередной русско-турецкой войны, только А.А. Вешняков избежал заключения в знаменитой тюрьме — нежелание османов воевать в 1735–1736 годах сделало их весьма обходительными, что проявилось в разрешении Вешнякову отправиться в Россию¹. С началом следующей войны в 1768 году Обресков так же был брошен в Едикуле, где его положение было столь тяжелым, что он не выжил бы и трех дней, если бы не ходатайство коменданта. Заболев или симулировав болезнь, Обресков добился улучшения своего положения, хотя оно все еще оставалось непростым. Приставленный к великому визирю Молдованджи-паше, который возглавлял османские войска в кампании 1769 года, Обресков был вынужден совершать большие переходы пешком и терпеть грубое обращение со стороны надзирателей. В конце концов османы согласились держать Обрескова под арестом в Адрианополе, откуда российскому дипломату удалось отправить депеши своему непосредственному начальнику графу Н.И. Панину. Обресков был во многом обязан этим С.Л. Лашкареву, одному из полудюжины молодых людей, приставленных к российской миссии для изучения восточных языков, который фактически взял на себя управление ею в отсутствие посланника. Несмотря на османскую слежку, Лашкареву не только удалось установить контакт с Обресковым и Левашевым, но и вступить в переписку с командующим российским флотом в Архипелаге А.Г. Орловым, а также с командующим российской армией на Днестре фельдмаршалом А.М. Голицыным². Обресков был отпущен в Россию только в 1771 году, благодаря настойчивым усилиям австрийского и прусского представителей, которые служили посредниками на российско-османских переговорах, проходивших в последние три года войны. В качестве поверенного

¹ С началом войны 1736–1739 годов османы не заключили Вешнякова в Семибашенный замок, а поместили его в обоз армии великого визиря, выступившего навстречу российским войскам, и обращались с ним «с довольством и со всякими знаками приятства». *Кочубинский А.А. Граф Остерман и раздел Турции. Одесса: Штаб Одесского военного округа, 1899. С. 149; Vandal A. Une Ambassade Française en Orient. P. 266.*

² См.: *Кессельбреннер Г.Л. Хроника одной дипломатической карьеры. С. 55.*

российской миссии Левашев сопровождал посланника во всех его злоключениях. Этот личный опыт и послужил основанием для рассмотренной выше критики Левашевым османского подхода к международным отношениям.

Как и Обресков, Булгаков также оказался узником Семибашенного замка с началом новой русско-турецкой войны 1787–1791 годов. На этот раз османы обращались с российским посланником как с «гостем» (мусафиром) с самого начала. В результате условия содержания Булгакова были нестрогими, если не сказать комфортными. Ему даже удалось направить российскому правительству секретную информацию о военных планах османов и посвятить остальное время своего заточения переводу двадцативосьмитомного «Французского путешественника» Жозефа де ла Порты, переводя по тому в месяц. Быстрота, с которой Булгаков осуществил этот перевод, выдержавший два издания, говорит о том, что даже во время войны Константинополь конца XVIII столетия мог быть удобным местом для европейских культурных занятий. Булгаков был освобожден в 1789 году, когда война еще шла полным ходом, по предложению своего политического соперника французского посла графа Шуазеля-Гуфье и вернулся в Россию через Архипелаг и Италию¹.

Готовность султана-реформатора Селима III признать принцип неприкосновенности иностранных дипломатов проявилась семнадцатью годами позже при начале русско-турецкой войны 1806–1812 годов. В отличие от своих предшественников, представитель Александра I А.И. Италинский не стал узником Семибашенного замка. Италинский все еще мог опасаться фанатичной толпы после объявления Портой войны России в ответ на оккупацию последней Молдавии и Валахии. Однако султан позаботился о безопасности Италинского и отправил войска для охраны российской миссии. Не сумевшему предотвратить войну царскому посланнику было позволено покинуть Константинополь на британском военном корабле в направлении Архипелага, где его подобрала русская эскадра

---

¹ Русский биографический словарь А.А. Половцева, статья «Булгаков, Яков Иванович». По возвращении на Родину Булгаков был назначен российским послом в Варшаве и в этом качестве участвовал во втором разделе Польши. Он закончил свою карьеру в качестве генерал-губернатора Вильно. Там он наверняка встретил Шуазеля-Гуфье, который тем временем поступил на российскую службу и получил от Екатерины II земли в Литве. После поступления на российскую службу многих врагов Французской революции интеграция России в Европу великих держав завершилась.

адмирала Д.Н. Сенявина¹. Похожая история произошла и с А.И. Рибобьером, представлявшим Россию в Константинополе на последних этапах греческого кризиса 1820-х, завершившегося русско-турецкой войной 1828–1829 годов. После уничтожения турецко-египетского флота в Наваринском сражении в ноябре 1827 года объединенными эскадрами Англии, Франции и России Порты угрожала заточить Рибобьера, но ему удалось проскользнуть на корабле через Дарданеллы под обстрелом османских пушек².

Таким образом, Булгаков оказался последним российским посланником, бывшим узником Едикуле, после того как ему удалось стать, пожалуй, первым царским представителем, который вполне комфортно чувствовал себя в обществе европейских дипломатов на берегах Босфора³. Характерно, что усвоившие европейскую дипломатическую культуру представители российской элиты склонны были игнорировать первые проявления вестернизации османского подхода к международным отношениям. Сформировавшись однажды, представления о «варварстве» османов оказались очень живучими. «Цареградские письма» Левашева были опубликованы в 1789 году, когда на османский престол взшел Селим III — первый султан-реформатор. Изданная столетием позже книга В.А. Теплова о европейских представителях в Константинополе мало отличалась от заметок Левашева в своем перечислении случаев грубого или даже жестокого обращения османов с дипломатическими агентами, несмотря на то что к концу XIX столетия такая практика давно прекратилась⁴. Когда российским дипломатам не удавалось полностью не замечать происходивших в Османской империи перемен, они высказывали сомнения в искренности приверженности османов к вестернизации и их шансах на успех. Предвосхищая российскую критику Танзимата, В.И. Кочубей, служивший посланником в Константинополе в 1790-е годы, утверждал, что «новый строй» (низам-и джедид)

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны 1806–1812 гг. СПб.: Штаб отдельного корпуса внутренней стражи, 1843. Т. 1. С. 35.

² Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX в. М.: Наука, 2011. С. 117.

³ Последним европейским дипломатом, заключенным в Едикуле, был французский поверенный Пьер-Жан Руффен, ставший узником Семибашенного замка в 1798 году в результате Египетского похода Наполеона.

⁴ Теплов В.А. Представители европейских держав в прежнем Константинополе. СПб.: «Общественная польза», 1890. Сходным образом эта тема освещалась и востоковедом И.Н. Березиным. Дипломатические сношения Турции // Современник. 1855. № 6. С. 92–112.

Селима III «не пустит корней», потому что «национальные предрассудки не достаточно ослабли, чтобы допустить нововведения»¹. Напряженные усилия султанов привести свою империю в соответствие с европейскими моделями дипломатической, военной и фискальной организации использовались Кочубеем и последующими российскими комментаторами в качестве иллюстраций принципиальной неподвижности османского общества. Таким образом, интеграция российских представителей в общество европейских дипломатов на берегах Босфора способствовала превращению Османской империи в «Восток».

Этот продолжавшийся столетие процесс имел парадоксальный результат. С одной стороны, преемники Булгакова чувствовали себя весьма комфортно на дипломатических раутах и вполне освоили язык и практики европейской дипломатии. В своей полемической защите «цивилизованных» форм международных отношений от проявления османского «варварства» они часто выступали большими европейцами, чем сами европейцы. С другой стороны, завершение их культурной ассимиляции совпало с растущими опасениями европейских дипломатов по поводу российских намерений в отношении Османской империи, что возвещало о возникновении «восточного вопроса». Со временем эти опасения развились в озабоченность более широкого общественного мнения европейских стран по поводу «русской угрозы», которая ко времени Крымской войны стала представляться продуктом чуждого «европейской цивилизации» «азиатского деспотизма» России². И тем не менее недавние исследования по культурной истории «Греческого проекта» Екатерины II свидетельствуют о том, что идеология российской экспансии возникла в контексте вестернизации российских элит и была продуктом этого процесса³. Знаменитый план раздела Османской империи был изложен в письме Екатерины II австрийскому императору Иосифу II, и его исполнение было немыслимо без взаимодействия России с Габсбургской монархией, само существование которой зависело от

¹ В.И. Кочубей — С.Р. Воронцову, 14 апреля 1796 года // Архив князя Воронцова / Ред. П.И. Бартенев. М.: Мамонтов, 1880. Т. 18. С. 108.

² *Malia M. Russia under the Western Eyes: From Bronze Horseman to Lenin's Mausoleum.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 87–103, 146–159.

³ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Проскурина В.Ю. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины Второй. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

дипломатии и баланса сил¹. Парадокс разрешается, как только становится ясно, что дипломатия европейского образца была и источником намерений России в отношении Османской империи, и способом их осуществления². Интеграция российских представителей в общество европейских дипломатов в Константинополе и сопутствовавшая этому процессу ориентализация османского посольского обычая в описаниях российских авторов свидетельствуют о том, что как конструируемая культурная дистанция, так и реальное культурное сближение одинаково способны порождать политический конфликт.

Отношения России с Османской империей в раннемодерный период демонстрируют растущую значимость Европы во взаимодействии двух периферийных империй. Необходимо отметить, что ни Россия, ни Османская Турция не были периферийными до тех пор, пока их правящие классы не стали определять свою проблему в этих категориях. Однако, как только это произошло, российско-османские отношения стали сильно зависеть от положения, которое царь и султан занимали по отношению к европейским государствам. Принципы, практики и институты формирующейся модерной дипломатии начали влиять на взаимодействие между двумя державами. Исторический промежуток, который разделял начало сознательной политики вестернизации в России и в Османской империи еще более усложнял ситуацию. Несмотря на то что в начале раннемодерного периода Османская империя была ближе, чем Московское государство, к зарождающемуся в Италии феномену дипломатии, к XVIII столетию ситуация была уже обратной. Восприятие Россией европейских дипломатических практик и институтов произошло ранее и было более решительным, чем в Османской империи, где этот процесс начался позже и затянулся вплоть до середины XIX столетия. В результате царские подданные стали рассматривать свои отношения с Османской Турцией в контексте своих отношений с европейскими государствами значительно раньше, чем османы начали заимствовать европейские военные и административные технологии в надежде отвести «русскую угрозу».

¹ *Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy, 1618–1815. New York: Cambridge University Press, 2000. P. 1–3.*

² То же самое в полной мере относится к разделам Польши, другому источнику дискурса о «русской угрозе» в Европе XIX столетия. Разделы были прямым следствием принятия Екатериной II принципов баланса сил, которому следовали Фредерик II и Габсбурги.

РАССКАЗЫ О ПЛЕНЕ

Потеря свободы, плен у народа невежественного и свирепого, оковы, страдания физические и душевные, тягостная разлука с семейством и всем родным, — все это страшно колебало и тяготило мои мысли³.

Политический писатель XVII столетия Юрий Крижанич отмечал, что Русское царство, при всей его славе, величии и широте, «понесло столь тяжкие и столь частые побоища, что еще удивительно, по-видимому, как могло устоять доселе». Согласно Крижаничу, главную причину его оскуднения представляли собой набеги крымских татар, угонявших в плен многие тысячи царских подданных и продававших их османам. Посетив Константинополь, Крижанич мог авторитетно утверждать, что гребцы на османских галерах были почти исключительно «русского происхождения»⁴. В Греции, Палестине, Сирии, Египте, Анатолии и «по всему Турецкому царству такое множество русских пленных, что они обыкновенно спрашивают у наших: «Остались ли на Руси какие-нибудь люди?» По оценке Крижанича, русская земля могла нести вдвое или даже втрое большее количество городов и населения, если бы не ежегодные потери от набегов⁵.

Хорватский католический монах, поступивший на царскую службу для продвижения идеи унии, Крижанич был одним из первых панславистов, представлявших Московское государство в качестве защитника своих единоплеменников в Османской империи⁶. Тема русских пленников позволяла Крижаничу представлять Османскую империю

³ Розальон-Социальский А.Г. Записки русского офицера, бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. № 5. С. 180.

⁴ Крижанич использует термин «*Russiacy generis homini*». См.: [Крижанич Ю.] О Промысле. Сочинение того же автора, как и Русское государство в половине XVII в. / Ред. П.С. Бессонов. М.: Семен, 1860. С. 9.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ О Крижаниче см.: Golub I., Bracewell W. The Slavic Idea of Juraj Krizhanic // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10. No. 3–4. P. 438–491.

в качестве общего врага России и южных славян¹. Хотя упоминания русских рабов можно встретить у многих раннемодерных европейских авторов, писавших про Османскую империю, только Крижанич предлагал царю конкретный план завоевания Крыма, чье существование ослабляло Московское государство и усиливало Османскую Турцию. Московские власти не заинтересовались панславистскими идеями Крижанича и сослали его в Тобольск, обнаружив, что он тайный католик. Тем не менее замечания хорватского автора относительно русских пленников обозначили реальную проблему, которая стояла перед царем и его подданными в их отношениях с южным соседом.

Рабы славянского происхождения составляли один из важных предметов средиземноморской торговли задолго до утверждения Османов на берегах Босфора. Договоры византийцев с варяжскими князьями, заключенные в X и XI столетиях, содержат многочисленные упоминания о рабах, которых варяги привозили в Константинополь наряду с мехами, воском, медом и другими товарами. В начале II тысячелетия н.э. в византийской столице существовал невольничий рынок, на котором славянские рабы перепродавались в Дамаск, Александрию, Геную, Венецию и в другие части Средиземноморья². Этот феномен имел место и спустя несколько столетий, после того как в XIII веке генуэзцы и венецианцы основали свои колонии в Крыму и Северном Причерноморье. В течение последующих трех столетий итальянские купцы поставляли 2 тысячи рабов ежегодно египетским Мамелюкам. В начале XV столетия около 10 тысяч славянских и тюркских рабов продавалось ежегодно на венецианском невольничьем рынке³. За первую половину XV столетия доля восточных славян (или «русских» в терминологии того времени) в общем количестве рабов, импортировавшихся из причерноморского региона в Средиземноморье, выросла с 20 до 40 процентов, после чего начала сокращаться в относительном, но не абсолютном выражении⁴.

¹ *Бережков Н.М.* План завоевания Крыма, составленный в царствование Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Криданичем. СПб.: Балашов, 1891. С. 83–88.

² *Verlinden Ch.* L'Esclavage dans l'Europe médiévale. Vol. 2. Italie, Colonies italiennes du Levant, Levant latin, Empire byzantin. Gent: De Tempel, 1977.

³ *Fisher A.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade // *Fisher A.* A Precarious Balance: Conflict, Trade, and Diplomacy on the Russian-Ottoman Frontier. Istanbul: Isis Press, 1999. P. 29; *Verlinden Ch.* Medieval Slavers // *Economy, Society and Government in Medieval Italy* / Ed. David Herlihy. Kent, OH: Kent State University Press, 1969. P. 1–14.

⁴ *Verlinden Ch.* L'Esclavage dans l'Europe médiévale. Vol. 2. P. 485–486, 622–648. После покупки рабов повторно крестили по католическому обряду: Там же. С. 642.

После становления Крымского ханства в качестве вассала Османской империи мусульманские правители установили контроль над работорговлей, в которой до того преобладали христиане-католики. Закрытие Черного моря для европейских купцов сопровождалось учащением татарских набегов на земли Литовского княжества и Московского государства. Хроническое противостояние между этими двумя восточноевропейскими политиями поставило крымского хана в положение арбитра и позволило ему усилить свои позиции за счет обоих. Великие князья, а позже цари московские, как и их литовские и польские соперники, стояли перед выбором: заплатить дань татарам или смотреть, как крымцы разоряют их земли в союзе с их христианским противником¹. В результате татарских набегов широкие просторы степи к северу от Черного моря быстро потеряли то редкое оседлое население, которое могло там появиться в период упадка Золотой Орды в конце XIV — XV столетии. Примечательно, что татарские набеги на Польско-Литовское государство были столь же частыми, что и на московские земли. Некоторые польские историки определяют общее число людских потерь от таких набегов в XVI и XVII столетиях в два миллиона человек². По-видимому, это некоторое преувеличение, однако даже неполная статистика, собранная Аланом Фишером, свидетельствует о том, что число пленников исчислялось сотнями тысяч³. По одной сознательно консервативной оценке, крымские татары угнали в плен от 150 тысяч до 200 тысяч царских подданных только за первую половину XVII столетия и, вероятно, вдвое больше за весь раннемодерный период⁴. В то же время, при всей огромности этой цифры, царские подданные составляли только четверть от 17 500 рабов, которые в среднем продавались ежегодно в Каффе в период с 1514 по 1654 год⁵. Остальные, по всей вероятности, были украинцами и представителями северокавказских народностей.

¹ Davies B. Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. London; New York: Routledge, 2007. P. 6–26.

² См.: Kolodziejczyk D. Slave Hunting and Slave Redemption as Business Enterprise: The Northern Black Sea Region in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Oriente Moderno*. 2006. Vol. 25. No. 1. P. 149–159.

³ См.: Fisher A. Muscovy and the Black Sea Slave Trade. P. 27–46.

⁴ Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.: АН СССР, 1948. С. 436.

⁵ Inalcik H. Service Labor in the Ottoman Empire // *The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds. The East European Patterns* / Eds. A. Ascher, T. Halasi-Kun and B.K. Király. New York: Brooklyn College, 1979. P. 25–43.

Эти данные свидетельствуют о том, что на протяжении XVI и XVII веков сотни тысяч царских подданных были угнаны против воли в Крым. Некоторые из них впоследствии выкупались за большую или меньшую сумму, в зависимости от социального статуса пленника¹. В отличие от других средневековых и раннемодерных ближневосточных обществ, татары редко использовали рабов на военной или политической службе и рассматривали их прежде всего как источник дохода². Выкуп из крымского плена составлял одну из важных статей государственных расходов в допетровскую эпоху. По свидетельству Г.К. Котошихина, подъячего Посольского приказа в конце 1650-х — начале 1660-х годов, так называемые «полонянничьи деньги», ежегодно собираемые с тяглых дворов с 1551 года, составляли 150 тысяч рублей. Это в семь раз превышало стоимость ежегодных «подарков» крымскому хану³. Значительная часть царской казны и доходов боярских семей тратилась на то, чтобы вызволить важных служилых людей из плена⁴.

Напротив, пленники низкого социального происхождения использовались на сельскохозяйственных работах или, что еще более вероятно, продавались османам на рынках Каффы и Константинополя, после чего их шансы вернуться на родину резко сокращались. Правда, христианские и иудейские подданные крымского хана покупали

---

¹ В русских источниках угнанные татарами называются «полоняниками». Татары же использовали термин *esir* (раб) с момента, когда человек был захвачен, и применяли его как к тем, кого впоследствии выкупили московские власти, так и к тем, кто остался навсегда в Крыму или был продан в Османскую империю. Современное понятие выкупного рабства хорошо отражает смысл татарского *esir*. Тем не менее мы используем термин «пленник», подразумевающий возможность возвращения человека на Родину, по отношению к тем, кто был выкуплен, обменян или каким-либо другим способом смог вернуться в родную землю. Предметом данной главы являются именно такие люди, а не те, кто навсегда остался в Крыму или Османской империи.

² См.: Бережков М.Н. Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса: Шульце, 1888. А также более недавние исследования по этой теме: Kizilov M. The Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources // *Journal of Early Modern History*. 2007. Vol. 11. No. 2. P. 1–31; Ivanics M. Enslavement, Slave Labor and the Treatment of Captives in the Crimean Khanate // *Ransom Slavery Along the Ottoman Borders (Early Fifteenth — Early Eighteenth Centuries)* / Eds. G. David, P. Fodor. Leiden: Brill, 2007. P. 201–207.

³ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Археологическая комиссия, 1884. С. 98.

⁴ Шмидт С.О. Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России / Ред. Н.В. Устюгов. М.: АН СССР, 1961. С. 30–34.

русских рабов и привозили их в Москву для того, чтобы продать их московским властям¹. Часть «полоняничных денег» передавалась посланникам в Константинополь для выкупа царских подданных, оказавшихся в османском рабстве. Однако этих денег хватало лишь на то, чтобы выкупить небольшую толику русских пленников, находившихся в османской столице, не говоря уже обо всей Османской империи. Кроме того, способность посланников вызволять пленников, проданных частным лицам в Константинополе и провинциях, была крайне ограничена. Только в 1680-е годы российское правительство впервые потребовало от Порты освобождения всех пленников². Разумеется, османское правительство отвергло это нереалистичное требование. То же самое произошло и с попытками российской стороны определить пленников как военнопленных, подлежащих обмену на османских военнопленных³.

Степи к северу от Черного моря не были единственным османским рубежом, вдоль которого совершались набеги в целях угона в плен. Подобные инциденты можно было наблюдать вдоль османо-габсбургской границы в Венгрии, а также в западном Средиземноморье, где вассальные Османам беи Алжира, Туниса и Триполи осуществляли пиратские набеги, опустошавшие побережье Италии, Испании, Франции и даже Англии. По оценке Роберта Дэвиса, в период с 1580 по 1680 год 850 тысяч жителей Южной и Западной Европы попали в рабство в Варварийские государства. В период же с 1530 по 1780 год общее число христианских рабов на Варварийском берегу «почти наверняка составляло миллион»⁴. Однако, в отличие от угона в плен в Северном Причерноморье, «выкупное рабство» на османо-габсбургской границе в XVI и XVII столетиях было двусторонним и подданные султана могли попасть в плен к христианам почти с той же долей вероятности, что и превратить последних в своих собственных пленников⁵. То же

¹ Бережков М.Н. Русские пленники и невольники в Крыму. С. 24, 26.

² Москва также потребовала уступки Крыма, Очакова и Азова и переселения татар в Анатолию. См.: Смирнов Н.А. Россия и Турция. Т. 1. С. 27.

³ Принцип взаимного обмена пленными без выкупа был введен только после войны 1735–1739 годов. См.: Smiley W. The Meanings of Conversion. P. 561.

⁴ Davies R. Christian Slaves, Muslim Masters: White Slavery in the Mediterranean, the Barbary Coast and Italy, 1500–1800. New York: Palgrave MacMillan, 2003. P. 23.

⁵ См.: Hintzel F. Osman Aga, une captive ottomane dans l'empire des Habsbourg à la fin du XVIIe siècle // Turcica. 2001. Vol. 33. P. 191–213; Palfy G. Ransom Slavery along the Ottoman-Hungarian Frontier in the Sixteenth and the Seventeenth Centuries // Ransom Slavery. P. 35–84; Stein M. Guarding the Frontier: Ottoman Border Wars and Garrisons in Europe. London: Tauris Academic Studies, 2007.

касалось и средиземноморского пиратства, хотя количество «турок», бывших гребцами на галерах папы римского или французского короля, по всей вероятности, существенно уступало количеству европейских рабов в Северной Африке¹. Разница в количестве христианских и мусульманских пленников была еще более разительной в случае с Северным Причерноморьем, несмотря на то что донские и запорожские казаки время от времени захватывали в плен турок и татар, которые становились слугами московских бояр и послепетровских аристократов². Наконец, при всем том, что в раннемодерный период в османском плену оказались сравнимые количества западно- и восточноевропейцев, многочисленные французские, итальянские, испанские и британские описания варварийского плена контрастируют с редкими восточноевропейскими описаниями османской неволи.

По сравнению с западноевропейскими рассказами о плене в Северной Африке российские повествования об османской неволе редки, однако они представляют собой уникальную возможность реконструировать испытания сотен тысяч царских подданных, угнанных во владения султана³. Благодаря этим источникам современный исследователь может создать представление о том непростом выборе, перед которым стояли православные пленники в мусульманской стране, об их попытках улучшить свое положение и тех компромиссах, на которые им приходилось при этом идти. В то же время рассказы о плене свидетельствуют об изменении социального и культурного профиля самих рассказчиков. Так, подавляющее большинство крестьян, казаков и служилых людей, попавших в плен в XVII столетии, были неграмотны, и их истории доступны нам лишь через расспросные листы Приказа Патриаршего дворца. Напротив, российские дипломаты и офицеры, оказавшиеся в плену в ходе русско-османских войн конца XVIII — начала XIX века, были способны поведать о пережитом с большим или меньшим литературным талантом и порой демонстрировали знание западных описаний варварийского плена.

Составленные на протяжении более чем двухсотлетнего периода, российские рассказы об османском плене свидетельствуют

¹ О средиземноморском пиратстве см.: *Genio E. Piracy and Redemption in the Aegean Sea during the First Half of the Eighteenth Century // Turcica. 2001. Vol. 33. P. 135–147.*

² *Бережков М.Н. Русские пленники и невольники в Крыму. С. 30.*

³ О западноевропейских повествованиях о плене см.: *Starr G.A. Escape from Barbary: A Seventeenth-Century Genre // The Huntington Library Quarterly. 1965. Vol. 21. P. 35–52.*

о примечательном изменении отношения к пленникам. Первоначально те, кому удалось вернуться на родину, не вызывали того сочувствия, какое получали в более поздний период. Проведя годы вдали от православной земли, такие люди представлялись подозрительными московским властям, озабоченным религиозными практиками своих подданных. Для того чтобы преодолеть подозрение в вероотступничестве и интегрироваться вновь в московское общество, некоторые из возвращенцев, в особенности военные люди, пытались представить свое пребывание в плену как продолжение службы царю. Первоначальная ассоциация плена с вероотступничеством также преодолевалась в результате смещения нарративов плена и паломничества в Святую землю; рассказчики о полонничествах порой становились пленниками, преследуя вполне христианские цели. С течением времени вестернизация российских элит способствовала секуляризации восприятия неволи, не лишая последнюю характеризовавшей ее изначально амбивалентности. Не будучи уже глубоко озабочена религиозными практиками пленника, образованная публика конца XVIII столетия все еще вопрошала о порядочности и моральной чистоте человека, которому удалось вернуться из плена. Для того чтобы сделать состояние неволи совместимым с понятиями о дворянской чести, авторы нарративов об османском плене начала XIX столетия представляли себя в качестве бессильных заложников «варварства» и фанатизма мусульманских толп, которых время от времени унимал «благородный турок». Ориентализация плена делала опыт пленников одновременно и увлекательным, и достойным сочувствия в глазах читающей публики.

Рассказы пленников допетровской эпохи

Хотя Крымское ханство было вассалом султанов, перемещение пленника из него в саму Османскую империю было, возможно, не менее драматическим изменением в его или ее судьбе, чем само попадание в руки крымцев. Оно открывало перед пленниками новые перспективы. Во-первых, шансы вернуться на родину, которые были еще достаточно высокими, пока пленники находились в Крыму, резко сокращались по их прибытии в Константинополь. Вместо по сути закрытого для иноплеменников крымско-татарского общества русские пленники оказывались в совершенно ином контексте, полном опасностей и возможностей. В османском обществе рабство носило не только экономическую, но

и социальную, политическую и военную функции¹. Рабы покупались домохозяйствами представителей османской элиты, а также султаном и превращались в наложниц, слуг или янычаров². Положение раба, принадлежавшего султану или представителю османской элиты, гарантировало минимум интеграции в османское общество и даже открывало возможности для социальной мобильности при условии своевременного обращения в ислам³. Пленников редко принуждали переменить веру, поскольку обращение в ислам снижало рыночную стоимость раба. В то же время отказ переменить вероисповедание закрывал возможности для потенциально более комфортной жизни. В худшем случае он мог обречь православных пленников на горькую участь галерных рабов⁴.

Русские пленники часто оказывались перед трудным выбором между вероотступничеством и физическим страданием. Немногие из них проходили через это испытание, не поколебавшись в своей вере, и единицам из них удалось бежать из плена и вернуться в Московское государство, чтобы закончить свои дни как православные в православной земле. Более типический рассказ о плене содержал историю о насильственном обращении или по крайней мере намеки на свершившееся вероотступничество, скрывавшиеся за уверениями в верности православию. Множество подобных историй можно найти в расспросных листах царских подданных, вернувшихся из османского плена в 1624 году. Это относится, например, к Федору Карповичу Воробьеву, попавшему в плен в 1612 году и проданному в Константинополь. Там он «держал по неволе татарскую веру, а не бусурманен» и в конце концов бежал на Терек, через Персию и земли кумыков и черкесов⁵. Подобная

¹ *Inalcik H. Service Labor in the Ottoman Empire. P. 25–43.*

² О рабах частных лиц см.: *Fisher A. Chattel Slavery in the Ottoman Empire // Slavery and Abolition. 1980. Vol. 1. No. 1. P. 25–41.*

³ О социальных функциях рабства в османском обществе см.: *Toledano E. As if Silent and Absent: Bonds of Enslavement in the Islamic Middle East. New Haven: Yale University Press, 2007. P. 23–34.* О российских пленниках в системе элитных рабов в Османской империи (*kul*) см.: *Smiley W. The Meanings of Conversion. P. 559–580; Smiley W. The Burdens of Subjecthood: The Ottoman State, Russian Fugitives and Interimperial Law, 1774–1869 // International Journal of Middle Eastern Studies. 2014. Vol. 46. No. 1. P. 73–93.*

⁴ Еще в 1740 году, когда приток российских рабов в Османскую империю существенно сократился, в османском флоте насчитывалось около тысячи галерных рабов из России. См.: *Smiley W. The Meanings of Conversion. P. 562.*

⁵ Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланных из Разряда в Патриарший дворцовый приказ для допросов // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. СПб.: Пантелеевы, 1875.

же история приключилась с Иваном Григорьевичем Жировым, жителем Курска, которого захватили в плен ногаи за семь лет до Воробьева и продали в «турецкую землю» на невольничьем рынке в Каффе. Жирову удалось бежать из плена через Персию и Кавказ в Астрахань. Как и Воробьев, Жиров «сказался не бусурманен». Другие бывшие пленники также утверждали, что в османской неволе каждый из них «веру держал христианскую в тайне», хотя никто не мог похвастаться соблюдением пасхального поста или тем, что постился по средам и пятницам¹.

Пленницы чаще признавались в совершении вероотступничества. Характерна в этом смысле история Орины Реутовой из Мценска, которая была пленена ногаями в 1614 году и через два года продана на невольничьем рынке в Каффе. Там она «и христианскую веру проклинала, и каном мазана, и всякую скверность по средам и по пятницам, и в посты едала». Другой подобный пример представляет собой история Авдотьи Забелиной из Брянска, которая была угнана ногаями в 1611 году и провела тринадцать лет в доме османского пашы в Константинополе, где она «от веры отступилась и по-татарски маливалась»².

Порой пленник попадал к владельцу-армянину, греку или еврею, в результате чего ему меньше приходилось лукавить о своих религиозных практиках в случае возвращения на родину. Так случилось с Петром Семеновичем Лавровым и его женой Степанидой из Орла, которым посчастливилось быть купленными армянином в Константинополе, в результате чего они принимали причастие от армянского священника³. Попад к владельцу-немусульманину, пленник испытывал меньше соблазнов сменить веру. Так, Леонтий Григорьевич Минин, который также был куплен армянином, заявил по возвращении на родину, что он «ших армянской не исповедовал» и не принимал причастие от армянского священника⁴. Различие между соблазном обращения в ислам и в другие вероисповедания можно наблюдать в случае с Анной Судаковой, которая, оказавшись в Константинополе, сперва поступила во владение к турку, а затем к еврею. Судакова призналась,

---

Т. 2. С. 599. Илья Герасимович Ловушкин, как и Игнатий Федорович Опалков, был захвачен ногаями и продан в Константинополь, «и его дѣ бусурманили сильно», прежде чем ему удалось вернуться в Московское государство в обозе османского посла. См.: Там же. С. 619.

¹ См. показания Ивашко Осипова и Лукьяна Буколова: Там же. С. 621.

² Там же. С. 625.

³ Они вернулись на родину с посольством Ивана Кондырева: Там же. С. 620, 626.

⁴ Там же. С. 620.

что во время своего пребывания у турка она «по неволе веру татарскую держала», но перейдя во владение к еврею «веры жидовской не держала»¹. Однако были и такие пленники, которые меняли веру с каждым новым хозяином. Так крестьянский сын Корнюшка Иванов «живучи у жидовина, веру держал жидовскую и во храмы жидовские ходил», а «живучи у турченина, веру держал татарскую и по-татарски маливался», после чего «жил у Греченина и веру держал с Греченином вместе рускую»².

Пленники, купленные частными лицами, могли почитаться счастливыми, поскольку у них были наивысшие шансы выжить и даже со временем быть отпущенными на волю. Напротив, те, кто становился рабами на галерах, в большинстве своем быстро погибали, хотя в расспросных листах Приказа Патриаршего дворца можно найти и истории тех, кому удалось выдержать это испытание. Особенно поразительна история Гаврилы Олексеевича Великопольского, которого захватили в плен татары во время битвы в царствование Федора Иоанновича (1584–1598). Великопольский заявил, что провел 30 лет на галерах, «а не бусурманен, и от христианские веры не отступил»³. Если рассказанное Великопольским правда, то его случай уникален. Более типической была история, в которой галерный раб после нескольких лет освобождался христианскими корсарами в Средиземноморье и возвращался на родину через страны Западной и Центральной Европы. Так произошло в случае с Ефимом Анненковым, угнанным татарами и попавшим в Константинополь через Азов. Анненков был гребцом на галерах в течение шести лет, после чего был освобожден «шпанскими немцами». Анненков признался, что в Испании он заходил в церкви и молился по-католически⁴.

Расспросные листы всех царских подданных, побывавших в османском плену и вернувшихся оттуда, свидетельствуют о том, что

¹ Расспросные речи С. 649.

² Там же. С. 654–645.

³ Там же. С. 604–605.

⁴ Там же. С. 640–641. Степан Трегупов, Лука Захарьев и Микифор Лунин также признались, что поддались «католическому соблазну» после освобождения из османского плена испанцами. См.: Там же. С. 641 и 646–647 соответственно. То же касалось и Олексея Лукьяновича Должонкова, который бежал во Францию из османского галерного рабства, а затем пришел в Рим, где, «по папиному де веленью, ксенж исповедовал, а сакраменту не имал; будучи в Риме веру держал римскую, и до костела ходил». После этого Должонков отправился в Москву через Венецию, земли Габсбургов, Польшу и Литву. См.: Там же. С. 653. То же самое касалось и Софрония Иванова и Лаврика Филиппова: Там же. С. 665–667.

московские власти были озабочены религиозными практиками пленников. Находясь в течение долгого времени за пределами православного царства, пленники, как правило, не имели возможности ходить в церковь или соблюдать посты. Другими словами, пленники вольно или невольно утрачивали контакт со спасительным воздействием православия даже тогда, когда, по их собственному свидетельству, они не совершали вероотступничества. Даже те христиане, которые спасали русских пленников от опасности обращения в ислам, будь то покупатель-армянин или пираты-католики, были очевидными еретиками с точки зрения Русской православной церкви. Опасность вероотступничества, связанная с пленом, не исчезала вплоть до возвращения пленника в родную землю и его миропомазания в знак воссоединения с истинной церковью.

Большинство рассказов о плене, записанных в Приказе Патриаршего дворца, были очень краткими и отражали преимущественно озабоченность московских властей состоянием веры пленников. Ответы пленников выглядят шаблонными и, судя по всему, хотя бы отчасти несут следы влияния самих расспрашивавших или писцов. В результате рассказы о плене выглядят как комбинации стандартных элементов. Пленник обычно был захвачен в плен ногаями или крымскими татарами, продан в Константинополе, был вынужден принять ислам или остался православным, соблюдая посты, или (в подавляющем большинстве случаев) не мог этого делать и т.д. Московские власти записывали эти рассказы, посылали бывших пленников «под начало» в какой-нибудь монастырь, после чего совершали обряд воссоединения пленника с истинной церковью.

Несмотря на существование подобной структуры в ранних нарративах о плене, некоторые истории были более замысловатыми и позволяют исследователю заглянуть в мир пленника¹. Это в особенности касается редких рассказов галерных рабов. Если их не освобождали христианские пираты, таким пленникам редко удавалось бежать из плена, не поднявшись хотя бы на одну или две ступени с того социального дна османского общества, на котором они оказались². Интересен в этом смысле рассказ Микиты Юшкова, захваченного татарами близ Белгорода в правление Бориса Годунова (1598–1605).

¹ О способах улучшения рабами своей участи см.: *Toledano E. As if Silent and Absent.* P. 60–255.

² Так, Степашко Сергеев, захваченный татарами близ Азова в 1600 году, провел 12 лет на галерах, после чего был отпущен и поселен в качестве крестьянина в Анатолии. См.: *Расспросные речи.* С. 607.

Юшков первоначально принадлежал одному турку, который сослал его на галеры, где он провел 12 лет. Хотя причиной этого могла быть стойкость Юшкова в своей вере, на практике каторга была наказанием за преступления, например воровство.

Разжившись где-то деньгами, Юшков в конце концов выкупил самого себя из галерного рабства и даже приобрел себе на невольничьем рынке русскую пленницу по имени Федора за 40 рублей. Захваченная в плен за семь лет до этого, Федора была куплена одним евреем (но «веры жидовской не держала»), после чего была перепродана армянину, в доме которого она принимала причастие от армянского священника и «веру арменскую держала». Армянский господин Федоры в конце концов продал ее турку, который «де велел ей палец поднимать, и она по неволе де палец поднимала», после была выкуплена Юшковым. Обвенчавшись в греческой церкви в Галате, Федора и Юшков родили четырех детей в течение десяти лет, прежде чем выбраться на родину¹. Эта пара была счастливее других пленников, однако не будет ошибкой предположить, что каждый пленник стремился по мере возможности улучшить свое положение. В частности, военные люди имели возможность вступить в султанское войско при условии обращения в ислам, как было в случае с боярским сыном Федором Феоктистовичем Дорохиным. Захваченный в плен татарами в 1662 году, Дорохин был продан двумя годами позже в Константинополь, где он «служил вместо турчанина в рейтарах». По прошествии многих лет Дорохину удалось откупиться и вернуться в московскую землю².

В то время как Дорохин выкупил самого себя, калужский стрелец Иван Семенович Мошкин обрел свободу, возглавив бунт на своей галере в 1643 году. Пойманный татарами близ Воронежа в 1630-е годы, Мошкин был галерным рабом на протяжении семи лет, прежде чем ему удалось убедить своих товарищей «чтобь как турок побить и в православную христианскую веру пойтить». С помощью украинского слуги османского капитана галеры рабам удалось украсть и спрятать сорок килограммов пороха в тот момент, когда их галера снабжала османские войска, осаждавшие Азов, захваченный несколькими годами ранее

¹ Расспросные речи. С. 632–633, 649–650.

² См. донесение киевского воеводы, князя Юрия Петровича Трубецкого в: Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у Турок во второй половине XVII в. / Ред. П.А. Сырку // Православный палестинский сборник. 1890. Т. 30. С. 51–54. Согласно П.А. Сырку, подготовившему эту публикацию, Дорохин был вероятным автором этого описания.

донскими казаками. По возвращении галеры в Эгейское море симпатизировавший гребцам итальянский ренегат тайно предоставил Мошкину дюжину ятаганов и помог ему взорвать каюту, в которой спали капитан галеры и сорок янычаров. В последовавшей за этим схватке рабам удалось победить оставшуюся часть османской команды, захватить галеру и прийти на ней в Мессину. Здесь Мошкин и еще сорок его товарищей отвергли предложение местного губернатора перейти в католичество и поступить на испанскую службу. Вместо этого они высказали желание вернуться «в православную христианскую веру». После того как испанские власти отобрали у них галеру и все богатства, которые она содержала, Мошкин и компания отправились пешком в Московское государство «наги и босы».

Описанный в римской газете героический побег Мошкина и его товарищей был беспрецедентным в истории российского плена в Османской империи. Не менее значимо и то, как этот подвиг превратился в историю. Прежде чем быть расспрошены в Приказе Патриаршего дворца, возвращенцы составили петицию, содержащую описание со слов Мошкина бунта на галере и краткую биографическую информацию о всех возвращенцах, многие из которых были военными людьми, захваченными в плен во время несения службы¹. Петиция упоминала количество лет, которое каждый из недавних пленников «живот свой мучил на каторге за праведнаго государя», а также перечисление ранений, которые каждый получил во время схватки с османским экипажем. Мошкин и компания подчеркивали свой отказ переменить веру и пойти на соблазнительные предложения иностранных правителей как доказательство их верности царю и православию. Возвращенцы тем самым явно пытались представить свое «полонское терпение» как продолжение службы царю, что, с их точки зрения, заслуживало вознаграждения. Эта попытка представить плен как нечто достойное уважения шла вразрез с восприятием пленников как «испорченных» контактами с другими вероисповеданиями, которое явно читается между строк расспросных листов Приказа Патриаршего дворца.

Сопоставление данных, содержащихся в римской газете, с петицией Мошкина, составленной по его возвращении, также дает возможность реконструировать реалии плена и возвращения из него. Согласно первому источнику, из 280 гребцов, бывших на галере на момент прихода в Мессину, 207 были польскими подданными, а 70

¹ Челобитная калужского стрельца Ивана Семеновича Мошкина // ЧИОИДР. 1894. Кн. 2. С. 20–28.

происходили из других христианских стран¹. По всей вероятности число царских подданных среди них было более, чем те 19 человек, что вернулись с Мошкиным в Москву. Последний упоминает, что семеро его товарищей были арестованы властями Мессины. Другие, возможно, решили остаться в Неаполитанском королевстве, землях австрийского императора или Польско-Литовском государстве. Приглашения поступить на службу были особенно соблазнительны для тех, кто до попадания в плен был крестьянином и имел мало надежды на улучшение своего положения по возвращении. Социальное происхождение возвращенцев подтверждает это предположение. Тринадцать из них были военными людьми, казаками, детьми боярскими или стрельцами, и только трое назвались крестьянами². Несмотря на концентрацию военных в пограничных территориях, которые чаще всего подвергались татарским набегам, все же трудно представить себе столь высокую пропорцию военных людей и столь малую пропорцию крестьян в изначальном составе русских гребцов галеры.

Товарищи Мошкина провели на галерах от двух до двадцати пяти лет, хотя в большинстве случаев они были гребцами в течение семи лет, как и сам Мошкин. Большинство из них стали галерными рабами практически сразу же после пленения татарами, однако в ряде случаев их путь был более сложным. Например, тамбовский крестьянин Максимка Полуектов провел 15 лет в крымском плену, прежде чем стать гребцом на османской галере еще на 17 лет. Другой спутник Мошкина, Кирюшка Кондратьев, «живот мучал» у ногаев на протяжении 13 лет, прежде чем они продали его османам. Однако их испытания бледнеют на фоне того, что пришлось испытать Якиму Васильевичу Быкову, который находился в плену четыре десятилетия. В период Смутного времени он попал в польский плен, в котором провел девять лет. Из Речи Посполитой он был угнан татарами в Крым, где провел еще десять лет. Быков предпринял три попытки бежать, но каждый раз его ловили и пытали. В конце концов татары продали Быкова на османскую галеру, где он провел еще двадцать лет. Измученный этими испытаниями, Быков просил царя разрешить ему принять постриг и вступить в монастырь без платы положенного в этих случаях взноса³.

¹ *Сильвестр из Ливорно*. Известие о замечательном происшествии недавно случившимся // Киевская старина. 1883. № 6. С. 224–248. И описание Сильвестра, и петиция Мошкина также опубликованы в: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. 1886. № 2. С. 389–405.

² Социальный статус трех других не упоминается.

³ Его индивидуальная петиция опубликована: ЧИОИДР. 1894. Кн. 2. С. 97–98.

Рассказы Мошкина и его товарищей свидетельствуют об их явном желании представить османский плен как продолжение службы государю. Протагонисты этой исключительной истории представлялись христианскими героями, заслуживавшими вознаграждения, а не заблудшими овцами, которым требовалось покаяние для обеспечения их реинтеграции в состав святой православной церкви, какими склонны были представлять вернувшихся из плена московские власти. Мошкин и компания не соответствовали преобладавшему восприятию плена как вольного или невольного отпадения от православия, восприятию, которое прослеживается в расспросных листах Приказа Патриаршего двorca. Хотя более поздние рассказы о плене были менее впечатляющими, чем история Мошкина, их авторы также стремились представить свой опыт как заслуживающий уважения вопреки сомнениям, подозрениям и недоверию, которое эти рассказы вызывали.

Частичное смешение нарративов о плене и описаний паломничества в Святую землю составляло другой аспект этого постоянного конфликта интерпретаций. Характерным примером пленения, которое превратилось в паломничество, можно считать историю киевского монаха Макария, захваченного крымскими татарами в двенадцатилетнем возрасте и проданного в Константинополь турку Рустему. К счастью, владелец Макария оказался на самом деле православным христианином, у которого монах имел возможность соблюдать православные посты, потому что «жили с ним русских полоняников еще 12 человек, и к церквам они хаживали к руским». В конце концов Макария выкупил монах Тофилей и привел его на Афон, где Макарий принял постриг и провел 18 лет, прежде чем вернулся на родину через Польшу¹.

История Василия Васильевича Полозова представляет собой еще более характерный пример переплетения рассказа о плене с описанием паломничества. Захваченный татарами рядом с одним из пограничных московских городков, где он подростком служил вместе с отцом, Полозов провел последующие полтора года в Крыму, после чего его подарили султану Мехмеду IV. Если верить Василию, он оставался в тайне православным до тех пор, пока султан не узнал о его криптохристианстве. Полозова ожидала смерть, если бы не «болший мурза, именов Ахмет» (по всей видимости, Великий визирь Ахмед Кепрюлю), чье вмешательство смягчило участь Полозова: казнь заменили на галеру. Полозов наверняка закончил бы на галерах свою жизнь, если бы не кораблекрушение у египетского побережья, которое прервало

¹ Расспросные речи. С. 631–632.

его девятилетнюю каторгу. Добравшись до берега, Полозов совершил паломничество в Иерусалим, путешествуя «в «турском платье», дабы не быть задержанным османскими властями. После посещения святых мест, которые он описывает подробно, но довольно шаблонно, Полозов прошел восточными провинциями Османской империи в Грузию и Персию, где примкнул к послам Федора Алексеевича, возвращавшимся на родину¹.

В то время как некоторые из пленников становились паломниками, некоторые из паломников попадали в плен. В начале XVIII столетия это произошло с шедшими в Святую землю иеромонахами Макарием и Сильвестром, которых османский гарнизон в Измаиле отказывался пропускать далее до тех пор, пока они не насобирали достаточно милостыни, чтобы заплатить джизию — налог, который платили христианские подданные султана². В Тульче монахи вновь «впали в руки неприятельские», без денег и не зная по-турецки, и были отпущены только после того, как турки поняли, что с них нечего взять³. В середине XVIII столетия чигиринский монах Серапион был брошен без вины и следствия в переполненную тюрьму Константинополя. Сидя у отхожего места из-за тесноты, паломник провел несколько дней в страхе быть брошенным на галеры, пока вмешательство российского посланника не освободило его и не предоставило ему возможность познакомиться с более приятными местами османской столицы⁴.

Каждые 15–30 лет очередная русско-турецкая война создавала дополнительные сложности для паломников⁵. Лишенные официальной защиты, паломники рисковали превратиться в невольников и быть обращенными в ислам, как случилось со священником русской дипломатической миссии иеромонахом Варлаамом. Последний находился

---

¹ Список с челобитной Василия Васильева сына Полозова // Русский архив. 1865. № 3. С. 19–24.

² *Макарий и Сильвестр*. Путь нам иеромонахам Макарию и Сильвестру из монастыря Всемиловитового Спаса Новгородка Северского до Святого Града Иерусалима поклониться Гробу // ЧИОИДР. 1873. № 3. С. 2.

³ Там же. С. 2–3.

⁴ *Серапион*. Путник или путешествие в Святую Землю Матренинского монастыря инока Серапиона 1749 года // Там же. С. 80–81. Хотя Чигирин входил в состав Польско-Литовского государства до 1793 года, Серапион начал свое паломничество из Киева и путешествовал «от Российского Государства». См.: Там же. С. 87.

⁵ Так, начало русско-турецкой войны 1828–1829 годов заставило шестьдесят русских паломников остаться в Палестине. См.: *Муравьев А.Н.* Путешествие в Святую Землю. СПб.: Третье Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. Т. 1. С. 230.

в Палестине в тот момент, когда хрупкий мир, установившийся по завершении Прутского похода Петра Первого в июле 1711 года, временно нарушился. Когда до Варлаама дошло известие о том, что российские посланники П.П. Шафиров и М.Б. Шереметьев находятся в Семибашенном замке, Варлаам попытался сойти за серба или болгарина. Ту же самую стратегию избрал четырьмя десятилетиями позже Серапион из опасения быть принятым за российского шпиона¹. Однако слуга Варлаама вскоре его выдал, после чего губернатор Кипра, на котором Варлаам в тот момент находился, бросил его в темницу. Потребовалось больше года, прежде чем отношения между Россией и Османской империей были восстановлены, и до тех пор Варлаам испытал многие «печали, нужды, скорби и глады». «Многоразличне бывши принуждаемый к Турскому зловерию», Варлаам тем не менее не последовал примеру своего неверного слуги, который «зостав туреченым»².

Другие паломники XVIII столетия были более удачливы и избежали подобных приключений, однако их описания содержат упоминания о русских рабах в Константинополе и в Архипелаге. Так, старовер Иван Лукьянов, совмещавший паломничество с торговлей, прибыв в Константинополь, в какой-то момент оказался в окружении десятков галерных рабов русского происхождения, которые мечтали о том, чтобы русские войска завоевали Константинополь, и были раздосадованы решением Петра I заключить мир с Портой в 1700 году³. Некоторые из невольников провели на галерах два, три и даже четыре десятилетия, и Лукьянов испытывал «только ужас от их басен». Многие очевидным образом потеряли терпение и обвиняли царского посланника Украинцева в том, что тот подписал мир, не включив в него условие их освобождения. Антитурецкие выпады других заставляли Лукьянова опасаться за собственную свободу.

Для старовера Лукьянова жалобы русских пленников на безразличие царских дипломатов к их судьбе могли быть еще одним предлогом обрушиться на «царство Антихриста». Несмотря на то что не все читатели описания его паломничества были готовы пойти за автором так далеко, они так же не склонны были рассматривать пленников как

¹ Серапион. Путник. С. 87.

² Варлаам. Перегринация или Путник, в нем де описуется путь до Святого Града Иерусалима и во все Святые Места, от иеромонаха Варлаама, бывшего тамо в 1712 г. // ЧИОИДР. 1873. № 3. С. 76.

³ Лукьянов И. Путешествие во Святую Землю московского священника Иоанна Лукьянова в 1701–1703 гг. М.: Лазаревский институт восточных языков, 1862. С. 35.

потенциальных или действительных вероотступников. В то время как Приказ Патриаршего дворца в начале XVII столетия полагал возвращенцев виновными в отступлении от православия в чужой земле, читатель Лукьянова мог вопрошать, почему царские власти не прилагали больше усилий для защиты подданных от хищнических набегов и не вызволяли их из жестокой неволи. Подспудное осуждение пассивности царских властей в этом вопросе было еще одним из способов подорвать смысловую взаимосвязь между пленом и вероотступничеством, которая прослеживается в отношении к пленникам со стороны московских властей в первой половине XVII столетия. Попытки Мошкина и его товарищей представить произошедшее с ними как продолжение царской службы, напротив, подрывали это восприятие плена. То же самое касается частичного смешения рассказов о плене и описаний паломничества в случаях с Полозовым, Макарием и Сильвестром, Серапионом и Варлаамом.

В результате к середине XVIII столетия изначальный образ плена как неизбежного отхода от спасительного влияния святой русской земли оказался серьезным образом поставлен под вопрос, что открыло возможности для разных и даже конфликтующих интерпретаций османской неволи. Секуляризация российских элит в послепетровский период еще более усложнила российское восприятие плена. С одной стороны, секуляризация способствовала превращению плена из проблемы индивидуального греха и спасения в политическую, социальную и экономическую проблему государства. С другой стороны, секуляризация российского восприятия пленников не уменьшала моральную амбивалентность плена. Происходит лишь смена инстанции, выносящей суждения о пленнике: на место церковных властей приходит образованная российская публика.

Российское образованное общество и меняющееся восприятие плена

Было бы ошибкой думать, что держава султана представлялась царским подданным исключительно как место плена и рабства. Напротив, XVIII и начало XIX столетия были временем, когда значительное количество русских переселилось в Османскую империю по собственному желанию. В этом контексте можно упомянуть некрасовцев, бежавших с Дона после подавления восстания Кондратия Булавина в 1708–1709 годах, запорожцев, переселившихся на нижний Дунай

после разгона Сечи по приказу Екатерины II в 1775 году, а также многочисленных религиозных сектантов и беглых крепостных, для которых Османская империя была пространством скорее свободы, чем неволи. Было бы также ошибочно утверждать, что все российские пленники страшились обращения в ислам или мечтали вернуться в Московскую землю. Цитированные выше исследования Уила Смайли о российско-османских переговорах по поводу возвращения пленников и военнопленных в XVIII и первой половине XIX столетия демонстрируют, что существовало множество дезертиров из российской армии, а также беглых крестьян, которые предпочитали обращение в ислам выдаче российским властям¹. Однако истории всех этих людей должны остаться за рамками данного исследования, которое концентрируется на тех царских подданных, которые оказались в Османской империи против своей воли, решили бежать и в конце концов сумели это сделать. Как уже было отмечено выше, послепетровский период характеризовался существенными изменениями социального состава пленников, их опыта плена и способов повествования о нем.

По мере того как соотношение сил в причерноморском регионе изменялось в пользу России, восточнославянские пленники и рабы в Османской империи стали встречаться все реже. Набеги крымских татар пошли на убыль уже во второй половине XVII столетия и совершенно прекратились после русско-турецкой войны 1768–1774 годов, за которой последовало присоединение Крыма. К концу раннемодерного периода российские пленники в османской Турции были преимущественно военнопленными, и в эту категорию русско-турецкие договоры все чаще вносили и другие категории пленников. Эти соглашения рассматривали в качестве «государственных» пленников даже тех, кто был захвачен «частными» лицами до или во время войны и продан частным лицам. Порта формально обязалась освободить всех этих пленников без выкупа, в то время как российская сторона, в свою очередь, должна была освободить имевшихся у нее пленных турок².

¹ О дезертирах из российской армии, обратившихся в ислам, см.: *Frary L. Russian Consuls and the Greek War of Independence (1821–1831) // Mediterranean Historical Review. 2013. Vol. 28. No. 1. P. 49.*

² *Smiley W. The Rules of War on the Ottoman Frontiers: An Overview of the Military Activity, 1699–1829 // Empires and Peninsulas: Southeastern Europe Between Carlowitz and the Peace of Adrianople, 1699–1829 / Ed. Plamen Mitev et al. Leiden: Brill, 2010. P. 63–71.* В то время как рабы, принадлежавшие османскому государству, были освобождены достаточно быстро, освобождение частновладельческих рабов было гораздо более трудным ввиду сопротивления их владельцев и неопределенности понятия «русский раб». *Smiley W. Let Whose People Go? Subjecthood, Sovereignty,*

Одним и последних «невоенных» рассказов о плене является история Василия Яковлевича Баранщикова, которую он рассказал генерал-губернатору Нижнего Новгорода И.М. Ребиндеру по возвращении в свой родной город в феврале 1786 года¹. Через полтора года описание его злоключений было опубликовано под названием «Нешастные приключения Василия Баранщикова, мещанина из Нижнего Новгорода в трех частях света: В Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год»². Книга оказалась настолько популярной, что до конца XVIII столетия выдержала еще три издания. В ней содержится наиболее детальное описание плена в Османской империи, которое когда-либо было составлено российским гражданским лицом. «Нешастные приключения» предоставляют интересную возможность проследить изменения восприятия плена в Османской Турции под воздействием культурной вестернизации российских элит.

Баранщиков был молодым и успешным нижегородским купцом второй гильдии. Однако в апреле 1780 года он внезапно уехал в Петербург и записался матросом на корабль, перевозивший мачтовый лес в Западную Европу³. Решение оставить жену, детей и дело ради пятнадцатирублевого жалования матроса было вызвано необходимостью избежать долговой тюрьмы после того, как Баранщиков потерял весь свой наличный капитал и занятые деньги на ростовской ярмарке. В декабре судно, на котором служил бывший купец, прибыло в Копенгаген. Там он имел несчастье попасть в ловушку датского вербовщика и оказаться на корабле, направлявшемся к датской колонии Сент-Томас на Малых Антильских островах⁴. После пятимесячного перехода через Атлантику и столь же продолжительной службы

Liberation and Legalism in the Eighteenth-Century Russo-Ottoman Relations // *Turkish Historical Review*. 2012. No. 3. P. 196–228.

¹ Допрос, снятый с нижегородского купца Василия Яковлевича Баранщикова, явившегося добровольно из-за границы // Действия Новгородской губернской ученой архивной комиссии. 1900. Т. 4. С. 108–110. Существуют разные интерпретации личности Баранщикова: *Штильмарк Р.А.* Повесть о страннике российском. М.: Географическая литература, 1962; *Дзюба Е.М., Киселева П.В.* В. Баранщиков: Загадки личности и поэтика прозы нижегородского мещанина // *Нижегородский текст русской словесности: межвузовский сборник научных статей* / Ред. В.Т. Захаров. Нижний Новгород: НГПУ, 2007. С. 280–289.

² Нешастные приключения Василия Яковлевича Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода в трех частях света: В Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год. СПб.: Вильковский и Галиченков, 1787.

³ Допрос. С. 109; Нешастные приключения. С. 3–4.

⁴ Там же. С. 5–12.

гарнизонным солдатом на Сент-Томасе Баранщикова выкупил испанский «фельдмаршал» с Пуэрто-Рико за цену двух черных рабов¹. Более года бывший купец выполнял всяческую черную работу, прежде чем «фельдмаршал» отпустил его на волю и выдал ему паспорт. Запись допроса Баранщикова, сделанного по его возвращении в Нижний Новгород, не проясняет, почему испанский владелец Баранщикова решил отпустить раба, который достался ему столь дорого. Однако в «Несчастных приключениях» его освобождение представляется следствием ходатайства жены испанского губернатора, которая пожалела несчастного русского и его семью².

Последующие приключения Баранщикова в Средиземноморье отмечены еще большей неопределенностью. Российский странник оказался в этом регионе после трехмесячного путешествия через Атлантику на итальянском корабле. Тот факт, что по возвращении в Нижний Новгород, Баранщиков владел итальянским и турецким языками, свидетельствует о длительности его пребывания в Средиземноморье. Однако можно лишь догадываться о точной хронологии и маршруте его перемещения в регионе, а также об изменениях в его социальном положении. И показания Баранщикова по возвращении, и описание его несчастных приключений содержат немало сознательно допущенных неточностей, и только сличение этих текстов позволяет приблизиться к истине. На допросе Баранщиков всячески приуменьшал длительность своего пребывания в Османской империи. По прибытии в Венецию он работал на нескольких итальянцев, после чего вновь стал матросом на судне, перевозившем паломников в Яффу. Оттуда Баранщиков прибыл в Иерусалим, где греческий патриарх приказал поставить клейма в виде солнца и распятия ему и еще двадцати восемью матросам. Вернувшись в Яффу, Баранщиков стал матросом на судне, отплывавшем в Константинополь. Пробыв в османской столице около десяти недель, Баранщиков отбыл в Россию через Шумлу, Бухарест, Фокшаны, Яссы и Сороку³.

«Несчастные приключения» совсем по-другому представляют пребывание Баранщикова в Средиземноморье и Османской империи. Согласно этому описанию, он отбыл из Пуэрто-Рико на генуэзском судне, которое было захвачено тунисскими пиратами у Гибралтара в январе

¹ Там же. С. 9; Несчастные приключения. С. 17–18.

² Там же. С. 19–20.

³ Допрос. С. 109–110.

1784 года¹. Насильно обращенный в ислам и заклеянный образом солнца на правой руке, Баранщиков был доставлен в Палестину, где в течение двадцати месяцев был рабом, подававшим кофе пиратскому главарю Мохамеду в его доме в Вифлееме². Жестоко наказанный палочными ударами по пяткам после неудавшейся попытки к бегству, российский пленник в конце концов сумел пробраться на греческое судно, капитан которого согласился принять его в качестве матроса. Заход в Яффу позволил Баранщикову совершить паломничество в Иерусалим, где греческие священники заклеили его образом креста на правой руке в качестве символа его возвращения из ислама в христианство³. Согласно «Несчастливым приключениям», греческое судно доставило российского странника в Венецию, где за четыре недели ему удалось с помощью своей истории, подкрепленной испанским паспортом, завоевать некоторую симпатию со стороны властей и публики.

Снабженный венецианским паспортом, Баранщиков мог возвратиться в Россию, однако вместо этого решил сдержать слово, данное греческому капитану, прослужить у него матросом вплоть до того, как судно достигнет Константинополя⁴. По прибытии в османскую столицу почти полгода после бегства от Мохамеда не имевший ни копейки Баранщиков попытался обратиться к российскому посланнику Я.И. Булгакову, однако был прогнан чиновниками российской миссии⁵. Его попытка заручиться помощью российских купцов в Константинополе также оказалась безрезультатна и, кроме того, раскрыла факт его обращения в ислам коварному русскоязычному ренегату по имени Усман. Последний начал шантажировать Баранщикова фактом его обратного перехода в православие (за что по османским законам полагалась смерть), требуя его повторного обращения в ислам и вступления в ряды янычаров⁶. Вынужденный жениться на свояченице Усмана, Баранщиков стал источником доходов для последнего и его семьи на протяжении последующих восьми месяцев. Наконец, с помощью сочувствовавшего ему грека Баранщикову удалось бежать из османской столицы в конце июля 1785 года⁷. В начале сентября

---

¹ Несчастливые приключения. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 26–33.

⁴ Там же. С. 34–38.

⁵ Там же. С. 39–40.

⁶ Там же. С. 42–49.

⁷ Там же. С. 49–66.

запорожцы, которых Баранщиков встретил на Дунае, помогли ему перебраться через реку, отвергнув при этом его увещевания вернуться в Россию. Через Валахию, Молдавию и Польшу Баранщиков достиг российской границы у Василькова и представился киевскому губернатору С.Е. Ширкову, после чего добрался до Нижнего Новгорода в феврале 1786 года¹.

Обе версии пребывания Баранщикова в Средиземноморье имеют явные хронологические нестыковки. Если Баранщиков действительно находился в Константинополе только десять недель, как он заявил на допросе, остается неясным, при каких обстоятельствах он выучил турецкий и где он провел более двух лет, которые прошли между его отбытием в Палестину в начале 1783 года и прибытием в османскую столицу. Маловероятно, что Баранщиков провел много времени в Венеции, поскольку «Несчастные приключения» содержат мало деталей о его пребывании в этом городе. Его знание итальянского можно объяснить тем, что он провел три месяца на генуэзском корабле, доставившем его из Пуэрто-Рико в Средиземноморье, и его перемещениями в этом регионе, в котором итальянский был языком международного общения.

Однако опубликованная версия его приключений вызывает еще больше вопросов. Никак невозможно втиснуть его пребывание в Палестине в качестве раба пирата Мохамеда, его полугодичную службу матросом на греческом судне и его девятимесячное пребывание в Константинополе в период между его захватом в плен варварийскими пиратами в январе 1784 года и его побегом из османской столицы в конце июля 1785 года. Тунисский корсар вряд ли проживал бы в Палестине, даже если заменить Вифлеем на маленький прибрежный городок Бетшем, и не мог оставаться праздным в течение двадцати месяцев. Скучность деталей в рассказе о пребывании в Палестине составляет примечательный контраст с тщательностью описаний пребывания на Антильских островах и в Константинополе. Эти соображения заставили современного комментатора «Несчастных приключений» А.А. Вигасина убедительно утверждать, что весь эпизод, связанный с насильственным обращением Баранщикова в ислам варварийскими пиратами, и его последующее двадцатимесячное пребывание в качестве раба в доме Мохамеда в «Вифлееме», по всей вероятности, выдумка².

¹ Там же. С. 66–72.

² Вигасин А.А. Предисловие // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины Второй. С. 105.

Она была необходима для того, чтобы оправдать настоящее обращение Баранщикова в ислам, которое, видимо, произошло в Константинополе. После того как работники российской миссии прогнали обнищавшего странника, вероотступничество могло показаться ему привлекательным, поскольку в качестве новообращенного он мог собрать значительную сумму денег в виде милостыни от богатых турок¹. Хотя Баранщиков тяготился военной службой, как янычару ему не приходилось испытывать муштры, которой датчане подвергли его на Сент-Томасе². Также и брак со свояченицей Усмана можно объяснить желанием Баранщикова жить более комфортно, чем неженатые янычары в казармах. Последующий побег Баранщикова со службы и из османской столицы был спровоцирован, скорее всего, приближением очередной русско-турецкой войны (которая действительно разразилась двумя годами позже), а также случайной встречей с российским дипкурьером, который рассказал ему о дороге от Константинополя до российской границы³. В этом контексте история первого насильственного обращения Баранщикова, которое якобы произошло на корабле тунисских пиратов, позволяла ему представить свое действительное и добровольное обращение в ислам, которое произошло в Константинополе, как результат шантажа со стороны Усмана.

Остается объяснить, почему Баранщиков вообще решил упомянуть об обращении в ислам. Необходимо вспомнить, что на допросе он не упомянул ни о своем захвате тунисскими пиратами, ни об обращении в ислам, ни о пребывании рабом Мохамеда. Напротив, в «Нещастных приключениях» Османская империя выступает в качестве места, где Баранщиков был вынужден принять ислам не один раз, а дважды. Это радикальное изменение в рассказе российского странника было следствием его взаимодействия с образованным российским обществом и его отчаянных попыток избежать тюрьмы по возвращении на родину. Как только Баранщиков прибыл в Нижний Новгород, он оказался перед перспективой закончить свои дни в долговой тюрьме, после того как его кредиторы подали иск в городской магистрат⁴. История с насильственным обращением позволяла найти выход из этой безнадежной ситуации. В то время как возвращавшиеся из плена

---

¹ Нещастные приключения. С. 47–48.

² Там же. С. 54–56.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 74–75.

в XVII столетии стремились скрыть или приуменьшить позорный факт вероотступничества во время расспросов в Приказе Патриаршего дворца, Баранщиков быстро понял, что церковная епитимья, налагавшаяся за вероотступничество, представляла ему возможность хотя бы на время избежать гражданской тюрьмы. Обращение к архиепископу Нижнего Новгорода и генерал-губернатору Ребиндеру дало Баранникову возможность отправиться в Петербург для десятидневного замаливания грехов в Александро-Невской лавре. Получив причастие и свидетельство Петербургской консистории, Баранщиков стал оббивать пороги представителей российской аристократии, многие из которых проявили к нему интерес и участие¹.

В этом контексте появилась и сама книга под названием «Нещастные приключения Василия Баранщикова». Российский странник мог читать и писать, однако его литературных талантов явно не хватало для того, чтобы изложить свои приключения на бумаге сколько-нибудь читабельным образом. Хотя рецензенты отмечали недостатки стиля, свидетельствовавшие о небрежении автора и издателя, неизвестный представитель российского образованного общества наверняка серьезным образом переработал тот текст, который Баранщиков мог составить сам. Этот человек, скрывавшийся за инициалами С.К.Р., перевел описание из первого лица в третье и, видимо, включил в него историю о нападении варварийских пиратов и насильственном обращении Баранщикова в ислам.

Проблема варварийского пиратства обратила на себя внимание российского образованного общества в ходе Первой архипелагской экспедиции российского флота во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов². В своем описании Варварийского берега ветеран этой

¹ В конце своего повествования Баранщиков высказывает благодарность А.Р. Воронцову, И.И. Бецкому, И.И. Шувалову, а также нескольким представителям семей Нарышкиных и Строгановых. См.: Нещастные приключения. С. 78–79.

² Об Архипелагской экспедиции см.: *Смилянская Е.Б., Смилянская И.М., Велижев М.Б.* Россия в Средиземноморье: Архипелагская экспедиция Екатерины II. М.: Индрик, 2011. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года обязал Порту использовать все свое влияние для заключения договоров между Российской империей и Варварийскими государствами, которые были номинальными вассалами султанов. См. статью 12 Кучук-Кайнарджийского договора в: *Договоры России с Востоком / Ред. Т.П. Юзефович.* С. 31. О рабстве европейцев в Северной Африке в раннемодерный период см.: *Clissold S.* The Barbary Slaves. London: Elek, 1977; *Fontenay M.* The Barbary Coast and Mediterranean Slavery during the 16th and 17th Centuries // *Cahiers de Tunisie.* 1991. Vol. 44. No. 3–4. P. 7–43; *Fodor P.* Piracy, Ransom Slavery and Trade: French Participation in the Liberation of the Ottoman Slaves from Malta during the 1620s // *Turcica.* 2001. Vol. 33. P. 119–134; *Davies R.* Christian Slaves, Muslim Masters.

экспедиции М.Г. Коковцев поведал российским читателям об опустошающих набегах тунисцев и алжирцев на берега Сардинии, Сицилии и Калабрии и о важности выкупного рабства для существования варварийских вассалов османского султана. Подобно П.А. Левашеву, которого возмущало потакание европейских дипломатов османским посольским обычаям, Коковцев сожалел о неспособности европейских держав наказать «дерзость» тунисцев. В то же время Коковцев приписывал эту «дерзость» злоупотреблениям «тиранского над ними правительства, которое от сего промысла великий имеет выигрыш», а не врожденной «злонравностью» местного населения, чьи моральные качества, на его взгляд, заслуживали похвалы¹. Российский автор отмечал склонность алжирцев и тунисцев считать европейцев природными рабами, но и обращал внимание на терпимость варварийских государств по отношению к христианам и евреям². Книга Коковцева, вышедшая за год до «Несчастных приключений» в том же издательстве, весьма вероятно была известна безымянному редактору и соавтору Баранщикова, который представил последнего в качестве жертвы варварийских пиратов.

При этом многое, рассказанное автором «Несчастных приключений» о пиратах, вызывает сомнения. В одном предложении пираты идентифицируются и как тунисские, и как «мисирьские» (то есть египетские) турки, а дом их главаря якобы находился в Палестине, то есть за тысячи километров от Гибралтара, рядом с которым пираты вроде как захватили генуэзское судно, на котором служил Баранщиков. Наконец, история вынужденного вероотступничества Баранщикова находит мало подтверждений в описании варварийских государств, составленном Коковцевым, который отмечал, что тунисцы обычно не навязывали христианским пленникам своей веры³.

О западноевропейских и североамериканских нарративах о плене у варварийских пиратов см.: Weiss G. *Captives and Corsairs: France and Slavery in Early Modern Mediterranean*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011; Coley L. *Captives: Britain, Empire and the World, 1600–1850*. New York: Anchor Books, 2007. P. 23–134.

¹ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийского берега. СПб.: Вильковский и Галиченков, 1786. С. 88–89, 94, 96, 100–101, 123.

² Там же. С. 104.

³ Там же. Описание Архипелага и варварийского берега. СПб.: Вильковский и Галиченков, 1786. С. 106. Обращение в ислам сразу же после попадания в плен могло помочь человеку избежать наихудшей рабской участи — быть гробцом на галерах. Однако у варварийских пиратов было неоднозначное отношение к подобным обращениям, так как они сокращали количество потенциальных гробцов. Даже после того как галеры стали выходить из употребления, обращение

Несмотря на очевидные усилия Баранщикова и его редактора жалобить читающую публику, отношение современников и потомков к герою «Несчастливых приключений» оставалось смешанным. Сам факт пленения и побега из плена был недостаточен для того, чтобы гарантировать человеку всеобщее сочувствие. Как отмечал современный Баранщикову рецензент, его попытка «найти награду за свои побеги и шатания» обнаруживала «человека малое о добродетели и связи общества понятие имеющего». Несмотря на прошлые страдания Баранщикова, общество было вправе ожидать от него быть «полезным себе членом, а не тунеядцем, на счет других живущим». Напротив, «тронуть целое градское общество и назвать его негостеприимным, неблагодарным, немилующим, без причины, без основания — есть свойство злобнаго»¹.

Мнения комментаторов XIX столетия относительно Баранщикова также разделились. Знаменитая энциклопедия А.А. Плюшара называла Баранщикова многократной жертвой собственного пьянства, в результате которого он потерял свой купеческий капитал и оказался на Антильских островах². Н.С. Лесков, изучавший жанр так называемых «удалецких скасок», видел в Баранщикове одного из «бывалых» людей, повествовавших по возвращении из своих удалых прогулок о своих странствиях и приключениях, представляя себя отважными, терпеливыми, верными и ожидая за это награды. Согласно Лескову, таким историям в России «легко верили, их читали вместо путешествий... а составители „скасок“ получали через это славу от соотечичей и награды за удалство от правителей и государей»³. Напротив, С.А. Венгеров симпатизировал Баранщикову, который надеялся «найти покровительство и средства вернуться на родину. Но с ним обошлись, как всегда обходятся с русскими, имеющими наивность обращаться к нашим заграничным миссиям за помощью»⁴.

Несмотря на сохраняющуюся противоречивость отношения к плену, случай Баранщикова позволяет зафиксировать важное изменение. Как и пленники XVII столетия, Баранщиков стремился представить свой

в ислам не особенно поощрялось, так как снижало цену раба. См.: Davies R. Christian Slaves, Muslim Masters. P. 21–22.

¹ Зеркало света. 1787. № 97. С. 729–730.

² Энциклопедический лексикон А.А. Плюшара, статья «Баранщиков».

³ Лесков Н.С. Вдохновенные бродяги (удалецкие «скаски») // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений. СПб.: Суворин, 1897. Т. 12. С. 240.

⁴ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб.: Семеновская типография И. Ефрона, 1897–1904. Т. 2. С. 121–123.

плен таким образом, который способствовал бы его реинтеграции в российское общество. В то же время окончательный вердикт о пленнике выносили теперь не церковные власти, а российская публика. Попытка Баранщикова вызвать христианское сочувствие в своих соотечественниках была испытанием их способности сопереживать герою — не дворянину. Отмеченные «подлостью» социального происхождения протагониста, злоключения Баранщикова не могли показаться облагораживающим опытом хотя бы части представителей российской образованной публики. При этом отношение этой публики к пленнику не могло быть и однозначно негативным, хотя бы потому что некоторые представители российского дворянства сами попадали в плен во время русско-турецких войн. Дабы сделать плен совместимым с благородным статусом, дворянские авторы рассказов о плене конца XVIII — начала XIX столетия пользовались рядом дискурсивных приемов, которые способствовали дальнейшему изменению российского восприятия плена.

Интересный пример этого можно найти у известного российского мемуариста XVIII столетия А.Т. Болотова, чей предок Еремей Гаврилович в XVII столетии попал в плен к крымским татарам. Потеряв обоих сыновей в битве, Еремей в описании Болотова бросился в самую гущу татар и убил многих, прежде чем его удалось схватить. На протяжении более чем двадцати лет принужден он был «стонать под игом жесточайшей неволи, быть рабом у многих переменных и немилосердных господ, и отправлять все должности невольника и раба»¹. За это время Еремей совершил несколько неудачных попыток бежать, пока ему не порезали пятки и не набили их конским волосом, лишив возможности ходить на большие расстояния. В конце концов одна татарка сжалась над Еремеем и его товарищем, также дворянского происхождения. Она снабдила их едой и какими-то травами, которые позволили двум пленникам совершить последнюю, на этот раз удачную попытку к бегству. После трудного перехода Еремей добрался до своей деревни, где узнал, что его жена и дочь оказались жертвами разбойников через несколько лет после его пленения. Тем не менее теплый прием, оказанный Еремею его родственниками и крепостными, послужил утешением для старика на склоне лет.

Составленное в 1789 году описание Болотовым испытаний своего предка Еремея было выдержано в эстетике сентиментализма с целью облагородить образ пленника. Возвращение Еремея в родную землю

---

¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения А.Т. Болотова, описанные им самим для своих потомков. СПб.: В.И. Головин, 1870. Т. 1. С. 10.

особенно хорошо проработано и представляет собой трогательную и высоко моральную историю. Читатель не может не сопереживать Еремею, когда «трепетало сердце его и наполнялось наисладчайшей радостью» при виде знакомых ручейков и холмов или когда оно оборвалось при известии о гибели его жены и дочери¹. Слезная скорбь бывшего пленника несколько утихла при встрече с бывшим старостой его деревни, который бросился к его ногам, выражая свою любовь и преданность старому хозяину. Вскоре после этого все крестьяне собрались вокруг Еремея, выражая свою радость и целуя его руки, а он, в свою очередь, «не оставил никого из всех, кого бы не облобызал он, и не обмочил слезами»². Эта идиллия в отношениях между бариним и крепостными уступила место «слезной радости», когда Еремей встретил своих племянников, которые ныне владели его деревней. Последние почтено попросили у него прощения за то, что полагали его умершим, и предложили вступить во владение своей собственностью. Проявив не менее благородные чувства, Еремей отказался, объясняя это тем, что он «позабыл как управлять другими» за годы неволи и теперь желал лишь закончить свои дни в доме своих племянников, не вмешиваясь в их распоряжение его имуществом. Преисполненные «наинежнейшею благодарностью», племянники Еремея окружили его всевозможным почтением до конца его дней³.

В отличие от Баранщикова, Еремей представляется в описании Болотова высокоморальным человеком, что не оставляет у читателя сомнений по поводу его успешной реинтеграции в российское общество. Вопрос о религиозных практиках Еремея в период его пленения даже не поднимается автором, а исполнение Еремеем «всех должностей невольника и раба» никоим образом не сказывается на его благородстве. Болотов не допускает даже намека на возможность конфликта между Еремеем и его племянниками, который могло вызвать внезапное появление последнего после нескольких десятилетий отсутствия. Напротив, идеальная гармония, которая, согласно описанию Болотова, существовала между Еремеем, с одной стороны, и его родственниками и крестьянами, с другой, сразу же восстановилась и даже возросла по его возвращении из плена. Хотя Еремей не стал снова помещиком, его плен и страдания обеспечили ему любовь, уважение и заботу. Несмотря на то что у его истории был не совсем счастливый конец, она тем не менее следовала довольно типическому сентименталистскому образцу,

¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения А.Т. Болотова... С. 13–14, 17.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 20–21.

в котором добродетель благородного протагониста вознаграждается после многочисленных испытаний успокоением души и тела.

При всей своей связанности, рассказ Болотовым истории своего предка не устранял амбивалентности плена. Столетие, разделявшее мемуариста и протагониста этой истории, давало первому большую свободу в описании пережитого последним. Однако критически настроенный читатель мог заподозрить, что действительная реинтеграция Еремея в российское общество была менее гладкой, чем это представлял Болотов. Читатели также могли захотеть узнать о том выборе, который Еремею приходилось делать, когда он «был рабом у многих переменных и немилосердных господ, и отправлял все должности невольника и раба». Религиозные практики Еремея во время его пребывания в Крыму были не единственным предметом, оставшимся неясным в описании Болотова. Не менее важным для представителей образованного российского общества был и вопрос о соответствии поведения пленника понятиям дворянской чести и простого человеческого достоинства. Только положительный ответ на этот вопрос мог устранить моральную амбивалентность плена и завоевать для пленника всеобщую симпатию и сострадание.

Дворянские нарративы плена

В своем дневнике дипломатической миссии в Константинополь во время русско-турецкой войны 1806–1812 годов А.Г. Краснокутский рассказывает о встрече с русским солдатом в румелийском городе Ямболь. Солдат оказался ветераном суворовских походов, которого «обольстили» и который «изменил Богу и вере». С тех пор как он сменил свое православное имя Иван Терентьев на мусульманское Сулейман, солдат «слезно плакал» о своей проступке и заявлял, что готов умереть за одну возможность увидеть могилу Суворова. Слова, которые Краснокутский приписал отуреченному русскому дезертиру, наглядно иллюстрировали его собственное отношение к плену: «Скажите, Ваше Благородие, землякам моим, чтобы они верою и правдою служили России и Государю; а то совесть замучает до гробовой доски»¹.

Как видно из этого пассажа, ни ассоциирование плена с веротступничеством, ни критическое отношение к пленным не исчезло

¹ Краснокутский А.Г. Дневные записки поездки в Константинополь А.Г. Краснокутского в 1808 году. М.: Селиванский, 1815. С. 11.

полностью к началу XIX столетия, несмотря на секуляризацию российских элит. В представлении Краснокутского, грех терзаемого угрызениями совести солдата состоял в двойном отречении от веры и от служения царю. Как православный дворянин, состоящий на царской службе, Краснокутский выносит моральный вердикт солдату-дезертиру от имени всего российского общества. Однако подобное позиционирование не помогало тем российским дворянам, которые, в отличие от Краснокутского, имели несчастье попасть в плен и должны были рассказать о том, что пережили по возвращении на родину¹. Моральная проблема плена стояла перед этими дворянскими офицерами гораздо острее, чем перед Болотовым в его рассказе о крымском плене своего предка Еремея. Их попытки решить данную проблему способствовали дальнейшей секуляризации российского восприятия плена и в то же время подготовили почву для позднейшего националистического возмущения положением русских пленников в руках «азиатских варваров».

По крайней мере пять российских дворян, попавших в османский плен в конце XVIII — начале XIX столетия, оставили описания пережитого. Одним из них был уже упоминавшийся Павел Артемьевич Левашев, дипломат, оказавшийся в заключении вместе с российским посланником А.М. Обресковым вскоре после объявления Портой войны России в сентябре 1768 года². Четверо остальных — Владимир Андреевич Сафонов, Николай Михайлович Клемент, Александр Григорьевич Розальон-Сошальский и Александр Осипович Дюгамель — были офицерами, участвовавшими в русско-турецких войнах 1806–1812 и 1828–1829 годов³. Четыре из пяти описаний плена были

¹ Наиболее высокопоставленным из этих пленников был генерал-лейтенант П.В. Репнин, брат будущего чрезвычайного посланника в Константинополь, захваченный во время неудачной российской вылазки на южный берег Дуная в мае 1773 года. См.: Румянцев — Обрескову, 24 мая 1773 года // ЧИОИДР. 1865. № 2. С. 270. Переговоры об условиях содержания и выдачи Репнина и прочих российских офицеров проходили параллельно с военными действиями. См.: Румянцев — Обрескову // Там же. С. 277.

² См.: Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков.

³ Сафонов В.А. Выписки из журнала В. Сафопова, лейтенанта корвета Флоры // Свинын П.П. Воспоминания на флоте. СПб.: Плавильщиков, 1819. Т. 3. С. 92–117; Клемент Н.М. Записки русского офицера о плавании в Средиземном море и пребывании в плену у албанцев и турок // Северный Архив. 1823. Т. 7. № 17. С. 265–286; № 18. С. 337–357 (другие публикации: Клемент Н.М. Год в плену у турок // Морской сборник. 1857. Т. 28. № 3. С. 32–62; Клемент Н.М. Гибель корвета «Флора» и приключения людей на нем бывших, 1806–1807 // Русский архив. 1891. № 8. С. 464–500); Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера, бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. № 5. С. 173–220;

опубликованы еще при жизни авторов и преследовали цель привлечь внимание российской публики к проблеме плена, а также удовлетворить ее запрос на описания путешествий на Восток¹.

Несмотря на различие поколений, стиля и опыта авторов, их рассказы имеют несколько общих черт. Все они описывают столкновения между протагонистами и мусульманским населением. Ощущение опасности от подобных столкновений для пленников хорошо передается Левашевым, который описывает взрывоопасную атмосферу в османской столице после объявления Портой войны России в 1768 году. По заключению Обрескова, Левашев, находившийся в тот момент за пределами Константинополя, провел несколько непростых дней в страхе смерти или каторжного двора, прежде чем присоединился к своему начальнику в Семибашенном замке. Знаменитая тюрьма, управлявшаяся семидесятилетним стариком-комендантом благородной наружности, фактически спасла российских дипломатов от линчевания, которому подверглись габсбургский интернунций и его семья после того, как они были пойманы в попытке подглядеть церемонию выноса священного знамени Пророка². Обресков и Левашев испытали немало неприятных моментов позже, когда они должны были следовать в обозе армии великого визиря, продвигавшейся на север, чтобы сразиться с россиянами. Путешествовавшие верхом на изможденных и плохо оседланных лошадях («для наивящего поругания») дипломаты должны были проезжать мимо разгневанных толп, которые сыпали проклятия на их головы и кричали, что «надлежало всех нас в куски изрубить»³. Их испытания продолжились и в османском лагере, где они должны

№ 6. С. 351–386; № 7. С. 17–34; Дюгамель А.О. Автобиография. М.: Университетская типография, 1885.

¹ О повествованиях российских пленников в других частях Азии см.: Maggs B. Imprisoned! Two Russian Narratives of Travel and Captivity in Asia in the late Eighteenth and the Early 19th Century: Filip Efremov in Central Asia and Vasilii Golovin in Japan // Canadian Slavonic Papers. 2010. Vol. 52. No. 3–4. P. 331–351. См. также: Austin P. The Exotic Prisoner in Russian Romanticism // Russian Literature. 1984. Vol. 16. P. 217–274.

² Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. С. 42–44. Описание этого инцидента можно найти: Habesci E. The Present State of the Ottoman Empire. London: Baldwin, 1784. P. 298–301; Hammer-Purgstall J. von. Histoire de l'Empire Ottoman. Vol. 16. P. 203–205.

³ Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. С. 47. В 1807 году мусульманское население оказало подобный же прием российским дипломатам П.А. Фонтону и П.П. Свиныну, которые были посланы на берег заключить перемирие после сражений российского и османского флотов в Эгейском море. См.: Свинын П.П. Воспоминания на флоте. Т. 2. С. 161.

были стоять часами подле визирской палатки в месте, отведенном для казней, на глазах толпы османских солдат¹.

Многочисленные угрозы жестокой смерти также наполняли пребывание в плену Сафонова и Клемента, двух офицеров корвета «Флора», потерпевшего кораблекрушение у албанского берега в январе 1807 года. Вскоре после того как они добрались до берега, российские моряки были захвачены в плен прибрежными албанцами, промышлявшими провоцированием кораблекрушений и разграблением судов. В течение нескольких дней российские пленники были вынуждены слушать рассказы пленного греческого капитана о жестокостях албанцев и созерцать отрубленные головы, которые им ежедневно показывали албанцы для устрашения². Отрубленные головы преследовали российских военнопленных и на протяжении их последующего перехода через Албанию и Румелию. На пути в Константинополь они могли наблюдать казнь участников сербского восстания, которое началось несколькими годами ранее под руководством Георгия Петровича. Согласно Клементу, османы сознательно проводили российских пленников через места, где они становились свидетелями «разных жестокостей, производимых над христианами», так что автор и его товарищи по несчастью «ежечасно ожидали гибели»³. Как и Левашев четырьмя десятилетиями ранее, команда «Флоры» попала в плен в тот момент, когда Порта мобилизовалась на войну с Россией и когда публичные казни и провод российских пленников должны были способствовать вступлению волонтеров в армию великого визиря.

На пути в османскую столицу пленников ожидал грубый прием в каждом мусульманском городе. Согласно Сафонову, жители Эль Бассана встретили их «с большим руганием и побоями», а затем собрались толпами, чтобы посмотреть на российских пленников «словно на чудо» и тем «беспокоили [их] мучительно»⁴. То же самое повторилось и в Монастире, где многочисленные мусульманские жители бросали в пленников проклятия, камни и комья грязи. Помещенные в «пред-

¹ Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. С. 47–48. После того как Левашеву пришлось заночевать на сырой земле после долгих часов ожидания под проливным дождем, он был убежден, что «все устроено умышленно для большего нашего мучения». См.: Там же. С. 49.

² Клемент Н.М. Год в плену у турок // Морской сборник. 1857. Т. 28. № 3. С. 38–39.

³ Там же. С. 43–44.

⁴ Сафонов В.А. Выписки из журнала В. Сафонова. С. 96; см. также: Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 42.

урную квартиру», пленники стали бы жертвами постоянных издевательств со стороны толпы, если бы не престарелый турок, который пожалел их и отогнал донимающих¹. В другом местечке разозленные жители напали на врача «Флоры», чью большую треугольную шляпу они, по-видимому, нашли провокационной. Испуганный мул врача пустился вскачь, но толпа настигла его и избила несчастного медика до полусмерти, угрожая сделать то же и с другими пленниками, которые посмели вмешаться². Во время входа пленников в Константинополь жители столицы смеялись над пленниками, плевали им в лица и били палками³. Даже в константинопольской тюрьме пленники не чувствовали себя в полной безопасности от фанатичных толп. Вскоре после их прибытия в османскую столицу восстание традиционалистов заставило Сафонова и его товарищей опасаться, что «бунтовщики, восставшие против всего европейского, вломятся к [ним] в тюрьму и перерубят [их] всех»⁴.

В сравнении с описаниями Левашева, Сафонова и Клемента, рассказы Розальон-Сошальского и Дюгамеля представляли столкновения пленников с османскими мусульманами в гораздо менее драматических тонах. В отличие от предыдущих трех авторов, эти двое оказались пленниками в 1828–1829 годах, после того как Османская империя окончательно вступила на путь вестернизирующих реформ под руководством Махмуда II. Эти политические перемены проявились среди прочего в более гуманном обращении османских властей с военнопленными. В результате плен Розальон-Сошальского и его товарищей оказался менее тягостным, чем неволя Сафонова и Клемента. Тем не менее Розальон-Сошальский все еще мог наблюдать проявления традиционалистских отношений к пленникам по мере того, как он и его товарищи проходили через оживленные улицы Сливно и Константинополя. В обоих случаях мужчины-мусульмане оставались сдержанны, «но [дети] и женщины делали разные кривлянья, плевали, бросали камни, бранили и проклинали нас». По словам Розальон-Сошальского, «[глаза] молодых турчанок сверкали ненавистью из-за покрывал, старухи поднимали к небу руки и глаза, из которых лились слезы озлобления, и молили о даровании им радости видеть пленниками

¹ Сафонов В.А. Выписки из журнала В. Сафонова. С. 97.

² Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 42–43; Сафонов В.А. Выписки из журнала В. Сафонова. С. 103–104.

³ Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 46.

⁴ Сафонов В.А. Выписки из журнала В. Сафонова. С. 116; см. также: Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 54.

всех Русских»¹. В свою очередь, Дюгамель, оставшийся в Шумле на протяжении всего периода своего плена, редко выходил на улицу, «не желая подвергаться оскорблениям жителей»².

Левашев, Сафонов, Клемент и Розальон-Сошальский не только поведали своим читателям о собственном опыте османского плена, но и были свидетелями того, что происходило с другими российскими пленниками, которых они встречали на своем пути. Во всех четырех случаях участь других была более жестокой, чем рассказчиков. Так, Левашев упоминает несколько партий российских военнопленных, которых пригоняли в лагерь великого визиря и там обезглавливали. Левашев указывал на примеры подобного в войнах Османов с Габсбургами, когда визири приказывали строить пирамиды из двухсот или трехсот голов каждая «во увеселение кровожадных зрителей»³. Особенно душераздирающим было описание Левашевым османского обращения с крестьянами из польской Украины. По его свидетельству, матерей и детей продавали по отдельности, «причем жестокосердные зрители не являли не токмо к ним ни малейшей жалости, но смеялись и ругались еще более над ними». Этот эпизод убеждал Левашева, что «Агаряне весьма еще далеки от благонравия и возбуждаемых оным чувств сострадания к страждущему человечеству»⁴. В описании российского дипломата даже обращение жителей Османской империи с животными свидетельствовало об их бесчеловечности. Всадник, убивший споткнувшуюся лошадь, заставлял Левашева опасаться за свою жизнь не меньше, чем османские солдаты, которые добивали раненых русских военнопленных⁵.

Хотя Левашев жаловался на запугивание со стороны турок, он как представитель страны, с которой воевала Османская империя, тем не менее был в большей безопасности, чем те пленные российские офицеры, которых перегоняли с театра военных действий в столицу. На пути в Константинополь моряки «Флоры» боялись заболеть и разделить участь одного из своих товарищей, который стал слишком слаб, чтобы идти дальше, и был убит конвойными. По свидетельству Клемента, один из конвойных отрубил моряку голову, а другие попробовали сабельные удары на мертвом теле, после чего наткнули

¹ Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера. № 5. С. 208–209.

² Дюгамель А.О. Автобиография. С. 24.

³ Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. С. 63.

⁴ Там же. С. 81–82.

⁵ Там же. С. 64, 115.

отрубленную голову на пику и понесли впереди каравана пленников¹. Когда партия русских пленных, в которой находился Розальон-Сошальский, отправлялась из Шумлы в Константинополь, она повстречала на своем пути обезглавленное тело офицера, который, по словам чауша, тоже был слишком слаб, чтобы идти, и был убит конвойными. У Розальона-Сошальского не было сомнений в том, что конвоиры также перебили бы его и товарищей, если бы их конвой случайно наткнулся на российский отряд².

Наряду с опасностью физической смерти, плен представлял собой большой психологический стресс. «Потеря свободы, плен у народа невежественного и свирепого, оковы, страдания физические и душевные, тягостная разлука с семейством и всем родным, — все это страшно колебало и тяготило мои мысли», — признавался Розальон-Сошальский³. Этот стресс становился еще более невыносимым ввиду обманчивой близости российских войск, чей лагерь виднелся — «Как близко и как далеко!» — с дороги, что вела из Шумлы в Константинополь⁴. На пути в османскую столицу моряки «Флоры» в какой-то момент вышли на берег Эгейского моря, откуда могли видеть российские линейные корабли, которые успешно действовали против османского флота. Однако вид победоносной российской эскадры наполнял сердца российских пленных скорее тоской, чем радостью⁵. Сафонов почувствовал это особенно остро, «представляя себе соотечественников своих, сотоварищей, торжествующими владыками сих морей, страхом мусульман, а себя в рубище, в самом жалком, низком положении, страшась ежеминутно умереть от голода, изнурения или, подобно собаке, от руки последнего турка в забаву его или из презрения»⁶.

Некоторые стороны плена уязвляли чувство собственного достоинства и офицерской чести авторов⁷. По свидетельству Розальон-Сошальского, турки, пленившие его и его товарищей в засаде под Шумлой, надевали им тонкие петли на шею. Сам автор избежал этого «знака рабства» только благодаря великодушию своего захватчика⁸. Даже без этих унижительных знаков невольнического положения офицеры «Фло-

¹ Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 44.

² Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера. № 5. С. 191.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 42.

⁶ Сафонов В.А. Выписки из журнала В. Сафонова. С. 105–106.

⁷ Куприянов П.С. Маскулинность и плен // Мужской сборник. 2007. № 3. С. 199–216.

⁸ Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера. № 5. С. 179.

ры» в скором времени пообтрепались так, что их невозможно было отличить от простых матросов. По свидетельству Клемента, мундиры некоторых его товарищей были без рукавов, у других отсутствовали воротники и все вышитые золотом части, содранные конвойными¹. В таком состоянии пленники были пригнаны во двор великого визиря, где их унижение мог наблюдать французский посланник генерал Гораций Себастиани².

Отсутствие вестиментарных признаков отличия размывало социальную иерархию между офицерами-дворянами и простыми солдатами, моряками. Тюремные стражи в Константинополе не позаботились поместить пленников-офицеров отдельно от остальных и даже сковали некоторых офицеров, включая Клемента, попарно с простыми солдатами. Военнопленные так же не отделялись от злейших преступников, которым отрублены были кисти рук или языки в наказание за кражу или богохульство³. Спустя двадцать лет Розальон-Сошальского и его товарищей не заковывали уже в тяжелые кандалы, которые до крови натирали ноги Сафонову и Клементу. Тем не менее Розальон-Сошальский и другие пленники из его группы вынуждены были провести несколько дней в обществе обычных преступников, прежде чем были переведены в более комфортное помещение на острове Халки в Мраморном море⁴. Хотя Дюгамелю посчастливилось избежать участи Сафонова, Клемента и Розальон-Сошальского, он также находил «варварским» османский обычай помещать военнопленных вместе с простыми преступниками⁵.

Безоружные и бессильные, пленные офицеры были вынуждены расставаться со своими личными вещами, такими как платок, который Сафонов отдал одному из конвоиров под угрозой ятагана⁶. Автору также пришлось расстаться со всеми медными пуговицами своего мундира и использовать вместо них деревянные палочки, с презрительного одобрения того, кто его обобрал⁷. Двадцать лет спустя Розальон-Сошальский был вынужден отдать все свои деньги, часы и серебряные

¹ Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 41.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 47–48. Сафонова также поначалу сковали на пару с донским казаком Ивановым, не заметив, что он офицер. См.: Сафонов В.А. Выписки из журнала В. Сафонова. С. 113.

⁴ Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера. № 5. С. 215; № 7. С. 19.

⁵ Дюгамель А.О. Автобиография. С. 25.

⁶ Сафонов В.А. Выписки из журнала В. Сафонова. С. 98.

⁷ Там же. С. 101.

пуговицы от мундира османскому солдату, захватившему его в плен¹. Попытка автора скрыть обручальное кольцо едва не стоила ему жизни, после того как его захватчик заметил след от кольца на пальце. По его собственному признанию, у Розальон-Сошальского не было шансов в завязавшейся борьбе, но он был спасен армянином, служившим врачом османского главнокомандующего (сераскера)². Также и Дюгамель, попавший в плен годом позже, был вынужден отдать все свои деньги, одежду и сапоги³.

Подобные эпизоды ставили офицеров перед непростым выбором между жизнью и достоинством. Их положение усугублялось присутствием других пленников, которые становились свидетелями поведения друг друга. Дворянская честь и сословный дух были групповыми явлениями, налагавшими серьезные ограничения на поведение офицера-дворянина в обычной жизни, и они не могли полностью исчезнуть в плену. В результате в особенно трудных обстоятельствах офицеры знатного происхождения порой должны были выбирать между физической смертью и потерей лица, или социальной смертью. В каком-то смысле эта дилемма напоминала ту, что стояла перед пленниками более раннего периода, с той только разницей, что понятие офицерской чести заменило религиозную веру. Как и их раннемодерные предшественники, благородные пленники пытались найти выход из этой непростой ситуации.

Чувство моральной амбивалентности присутствует в описании плена, оставленном Дюгамелем. Захваченный под Шумлой в 1829 году, он застал в крепости шесть других российских офицеров и 150 солдат. Однако автор вскоре оказался в привилегированном положении благодаря знакомству с неким Фроманом, саксонцем и бывшим медиком императрицы Марии-Луизы, который принял ислам и стал называться Махмудом. Фроман бежал в Османскую империю после семилетнего пребывания в австрийской тюрьме, в которую он был брошен за то, что передал послание Наполеона своей супруге во время Ста дней. Тот факт, что Дюгамель знал немецкий, вызвал у Махмуда ностальгию по родине и заставил его помочь русскому офицеру послать весточку о себе своим родственникам и российскому командованию. Ходатайство ренегата перед великим визирем позволило Дюгамелю остаться в Шумле вплоть до освобождения и тем самым

¹ Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера. № 5. С. 179.

² Там же. С. 181.

³ Дюгамель А.О. Автобиография. С. 21.

избежать участи других российских пленников, которых направили в Константинополь. То обстоятельство, что Дюгамель не разделил судьбы своих товарищей, могло показаться его современникам проблематичным с моральной точки зрения, особенно ввиду того, что он был обязан этим человеку с сомнительной репутацией¹. Дюгамель, видимо, и сам понимал моральную амбивалентность своего благодетеля-ренегата, который отверг христианство, «исполненный злобы и мести против своих гонителей» и «смешивая в своем озлоблении христиан с их верою»².

В описании плена, оставленном Сафоновым, можно найти еще более явное свидетельство конфликта между желанием пленника улучшить свою судьбу, с одной стороны, и офицерской честью, с другой. Вынужденный расстаться с личными вещами под угрозой смерти, Сафонов попытался завоевать расположение начальника конвоя с помощью албанской песни, которую он выучил с этой целью. Конвоиры поощряли усилия Сафонова имитировать носовые звуки албанского пения комментариями вроде «Ах ты неверная собака!» и тем не менее относились к нему лучше, чем к другим пленникам вплоть до конца их перехода³. Однако роль развлекателя конвоиров и местных жителей-мусульман, которую в какой-то момент избрал Сафонов, была мало совместима с понятиями об офицерской чести. Осознание этого обстоятельства, возможно, заставило Сафонова вести себя более бескомпромиссно, когда караван пленников прибыл в город Серрес, наполненный османскими войсками, собиравшимися атаковать мятежную Сербию. Когда один из османских воинов ударил одного из товарищей Сафонова, последний ударил турка в ответ, за что был, в свою очередь, сбит с ног мощным ударом. Попытка Сафонова отстоять честь своего товарища могла бы закончиться для него плохо, если бы не вмешательство французского инженера-артиллериста, который служил в османской армии и использовал свое положение, чтобы успокоить страсти⁴.

Весь этот эпизод свидетельствует о важности посредника, который мог смягчать конфликты между пленниками, с одной стороны, и их стражами или местным населением, с другой. Вскоре сам Сафонов

¹ В отличие от четырех других повествований о плене, которые были опубликованы вскоре после описываемых в них событий, автобиография Дюгамеля вышла после его смерти в 1885 году.

² Там же. С. 22–23.

³ Сафонов В.А. Выписки из журнала В. Сафонова. С. 98–99.

⁴ Там же. С. 103.

стал играть эту роль. Его поведение, быть может, и не соответствовало званию офицера и дворянина, и все же в сложившихся обстоятельствах оно очевидно пользовалось санкцией его товарищей по несчастью. Во время пребывания конвоя в городе Верия Сафонов предпочел не обращать внимания на то, что один из местных жителей называл его «собакой» и «неверным», и вместо этого прибегнул к своей албанской песне, чтобы рассмешить мусульманина и получить от него табак и еду. По словам самого Сафопова, последний бросил ему кусок сырого мяса «как собаке» и наблюдал, как изголодавшиеся пленники растерзали его на части и зажарили на палочках¹.

К этому моменту тяготы плена, по-видимому, ослабили влияние представлений об офицерской чести среди товарищей Сафопова, которые даже поощряли его усилия улучшить их коллективное положение. К концу своего пребывания в Константинополе Сафонов нашел другой способ помочь себе и своим товарищам. Раздобыв бумагу и краски, он стал делать маленькие изображения османских кораблей и продавать их тюремным стражам. Его картинки пользовались популярностью потому, что османские корабли на них неизменно побеждали и потопляли превосходившего их противника. Взамен Сафонов выручал деньги и еду, которыми делился со своими товарищами, так что напоследок они жили «безнуждно»².

Все описания османского плена в конце XVIII — начале XIX столетия содержат образ мусульманского благодетеля, вмешательство которого порой спасало пленников в их столкновениях с враждебным мусульманским населением. В случае с Левашевым таким медиатором стал сам великий визирь Емин-паша, который укрыл российских дипломатов от взора мстительного Мустафы III во время пребывания последнего в лагере. Визирь также защищал дипломатов от разгневанного османского воинства³. Роль этого вмешательства стала наиболее очевидна тогда, когда бунт янычаров в Молдавии заставил визиря на время покинуть лагерь⁴. Даже после того как волнения улеглись и визирь вернулся, янычары, раздосадованные поражением, полученным от российских войск у Хотина, заставляли российских дипломатов опасаться за свою жизнь, стреляя из пистолетов над их головами⁵.

¹ Там же. С. 107.

² Там же. С. 117; Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 49–50.

³ Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. С. 53.

⁴ Там же. С. 84

⁵ Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. С. 85–86.

Описание Левашева сполна передает чувство опасности, которое не исчезало и в результате вмешательства в судьбу пленника даже столь могущественного человека, как великий визирь. Тем же, кто находился вдали от источника власти, выпадали еще большие испытания. Вот почему пленники стремились попасться на глаза османским властям при первой возможности. Так, Сафонов и Клемент старались привлечь внимание османского аги, который собирал подати в местности, в которой находились пленники. Однако албанцы не обратили внимания на приказы аги, и потребовалось вмешательство губернатора Ибрагим-паши и отряда в 500 человек для того, чтобы освободить русских пленников из рук албанцев и доставить их в столицу провинции город Берат.

Описания этого эпизода Сафоновым и Клементом иллюстрируют влияние литературного тропа на характеристику мусульманского посредника. Оба автора представили читателям более или менее развитый образ «благородного турка», который уравнивал описания фанатических толп в европейской ориенталистской литературе. Так, Сафонов называет Ибрагим-пашу «великодушным турком», который пожаловал российским пленникам пятнадцать овец¹. По свидетельству Клемента, щедрость паши шла еще дальше и включала приказ конвоирам вернуть российским офицерам их персональные вещи. Кроме того, Ибрагим-паша ежедневно приглашал пленников во дворец для расспросов относительно силы российского флота, главных должностных лиц Российской империи и самого царя. Если верить Клементу, когда конвою пришло время отправляться в сторону столицы, он расставался с пленниками со слезами на глазах².

Описание плена Розальон-Сошальского также содержало образ «благородного турка», воплощенного сераскером Хуссейн-пашой, которому автор и трое других пленных офицеров были представлены вскоре после их захвата возле Шумлы. На этот раз образ «благородного турка» структурировал саму встречу между пленниками и сераскером, а не только повествование о ней. На вопрос Хуссейна-паши, почему они решили принять бой от многократно превосходящего их противника, командир захваченного в плен отряда майор Н.Ф. Шатов ответил, что он не ожидал встретить столь великодушного победителя. Удовлетворенный ответом Шатова, сераскер вполне соответствовал той роли, которую от него ожидали российские пленники. Он запретил заковывать их в кандалы, отправил своего собственного врача лечить

¹ Сафонов В.А. Выписки из журнала В. Сафонова. С. 86.

² Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 40–41.

их раны и посылал им деньги и еду с собственного стола, а также покрывала, позволявшие согреться ночами¹.

Хотя «благородный турок» обычно выступал в роли благодетеля для русских военнопленных, порой он сам мог быть пленником. Во время Второй архипелагской экспедиции российского флота в 1805–1810 годах П.П. Свинын охарактеризовал подобным образом турецкого адмирала Бикир-бея, плененного в морском сражении в июне 1807 года. Согласно Свиныну, он был «очень сильный и видный мужчина», «в поступках [которого] замечается важность» и «во взорах блестит необыкновенный ум». Бикир-бей говорил по-гречески, по-английски и по-французски и всегда был душой компании российских офицеров, так что прощались с ним со слезами на глазах. Прежде чем покинуть российский корабль, Бикир-бей записал имена всех офицеров и поклялся в дружбе к любому, с кем ему снова доведется встретиться. Словно понимая, как легко вчерашний победитель может завтра сам стать пленником, Свинын отмечал, что «право не худо иметь таких приятелей в Константинополе и Египте: судьба человеческая неизвестна, особливо при теперешних обстоятельствах»².

Образ «благородного турка» является одним из лейтмотивов ориенталистских описаний Османской империи. Он составлял символическую противоположность фигуре восточного деспота. С точки зрения европейских наблюдателей, эти два персонажа являли собою соответственно положительную и отрицательную стороны османского общества. Добродетель «благородного турка» была противовесом порочности политической организации Османской империи, которая служила главным практическим основанием для теории «восточного деспотизма» Монтескье. В то же время фигура «благородного турка» становилась разновидностью «благородного дикаря», чье неиспорченное чувство добра и зла помогало европейским авторам критиковать некоторые стороны своего собственного общества.

Российские авторы использовали образ «благородного турка» так же, как и их европейские коллеги, однако наделяли его при этом дополнительной функцией. Для Сафонова, Клемента и Розальон-Сошальского «благородный турок» был не столько противоположностью османского султана, которого российские пленники в любом случае никогда не видели, сколько укротителем буйных толп, которые угрожали пленникам унижениями и смертью. Фигура великодушного

¹ Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера. № 5. С. 182, 184.

² Свинын П.П. Воспоминания на флоте. Т. 2. С. 166–169.

паши помогала четче выявить фанатизм и жестокость мусульманских толп, которыми этот паша повелевал. Его способность умирять эти толпы и его щедрость по отношению к пленникам символизировала конечную победу разума и человечности над варварством, которая позволяла образованным пленникам обрести чувство достоинства и благородный облик после длительного физического страдания и унижений.

Военное и дипломатическое вмешательство российского государства имело такое же влияние на положение пленников, по крайней мере так они утверждали. По словам Левашева, после столкновения с российскими войсками под Хотинном в 1769 году османские воины, «переменя зверобразность свою на кротость», стали более обходительны с российскими дипломатами. Левашев объяснил это изменение серьезными поражениями, понесенными османской армией, после чего османские солдаты стали «представлять, что и все к русским попасться могут и боялись, чтобы с ними равномерно жестоко не стали поступать в отмщение за нас»¹. В какой-то момент стражи российских дипломатов даже просили их позаботиться о своих соратниках, ставших военнопленными². Даже мусульманское население более не казалось столь враждебным, как ранее. Когда Левашева и Обрескова конвоировали из визирского лагеря обратно в Адрианополь, жители Базарджика, «почитаемые за самых грубейших и жесточайших из всех Турков, живущих по большой Константинопольской дороге», предоставили им крышу над головой и обращались с ними «вежливо»³. В Правилах многие турецкие женщины расспрашивали российских дипломатов о своих мужьях, которые, по слухам, попали в российский плен. В Адрианопле толпы местных жителей больше не осыпали Левашова и Обрескова проклятиями и вместо этого смотрели на них в глубоком молчании⁴. По словам Левашева, это изменение в отношении к нему и его начальнику «ясно доказывало содействие успехов Российского оружия и на преобразование и умягчение самых суровых нравов»⁵.

В отличие от пленников XVII столетия и даже в отличие от своего современника Баранщикова, Левашев ничего не сделал, дабы самому вырваться из плена. Улучшившееся отношение к членам российской

¹ Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. С. 126.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 128.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Там же. С. 129.

дипломатической миссии и их освобождение стало результатом побед российского оружия и давления на Порту со стороны Габсбургов и Пруссии с целью ускорить переговоры о мире. Не поверивший первоначально известию об скором освобождении, Левашев тем не менее отмечал разительную перемену в обращении Порты с ним и Обресковым: «Сколько она сначала удручала дух наш и ругалась нами, столько напротив того при освобождении нашем оказывала нам удовольствия до самого нашего из области ее выезда»¹. Российский дипломат упоминал развернутые знамена, которыми османские губернаторы встречали торжественную процессию, сопровождавшую российских дипломатов на их пути к австрийской границе, «из чего довольно видеть можно какое смирение водворила храбрость Россиян в сердца гордых и жестоких своих неприятелей». Эти знамена также демонстрировали, «какою благодарностию обязан весь наш народ великой Монархине и героине своей, уничтожившей кичение тех врагов, кои не страшались победителя двенадцатого Карла, приводившего в трепет всю Европу»².

Сафонов и Клемент также обязаны своим освобождением дипломатическому вмешательству нейтральных держав, предпринятому от имени российского правительства. По словам Клемента, «нежное отеческое сердце Государя Императора Александра Первого проникло и в преисподнюю» их тюрьмы в виде денежных сумм, переданных через датского посланника Барона Антуана фон Хюбша, на которые пленники покупали кофе и табак у своих стражей³. Тем временем их собственные усилия улучшить свое положение оставались безрезультатными. В ответ на просьбы пленников ходатайствовать о снятии с них кандалов представители нейтральных держав заявляли о своем бессилии и советовали обратиться к всемогущему французскому посланнику Себастьяни. Поскольку Франция также была в состоянии войны с Россией в тот момент, Себастьяни отверг просьбу о заступничестве довольно грубо, назвав российских пленных офицеров «первейшими врагами его государя»⁴. Неожиданное освобождение пленников было результатом не их петиций, а внезапного изменения дипломатической обстановки. Франко-русский договор в Тильзите, подписанный в июне 1807 года, привел

¹ Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. С. 157.

² Там же. С. 158.

³ Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 49.

⁴ Там же. С. 56.

к заключению российско-османского перемирия в Слободзее, после чего посланник Франции, которая отныне стала союзницей России, добился освобождения пленных¹.

Если Левашев, Сафонов и Клемент почувствовали благотворное воздействие русского оружия и дипломатии только к концу своего пребывания в плену, Розальон-Сошальский и его товарищи были счастливы ощущать его с самого начала пленения. Уже до перевода пленников из Шумлы в Константинополь российское командование, узнав о том, что они в плену, прислало внушительную сумму денег сераскеру Хуссейну-паше, которые он великодушно передал пленникам². Эти деньги очень им помогли на пути в османскую столицу и позволили избежать испытаний, которые выпали на долю Сафонова и Клемента. В Константинополе датский посланник Казимир фон Хюбш, представлявший, как и его отец, интересы России во время войны, сразу же связался с российскими офицерами и в конце концов обеспечил им свободу передвижения по острову Халки, который служил им местом заключения³. На протяжении года, проведенного на острове, Розальон-Сошальский и его товарищи жадно поглощали каждую новость, которая могла бы свидетельствовать о приближении их освобождения. Однако, в отличие от их предшественников в XVII столетии, они не сделали практически ничего, чтобы это освобождение приблизить. Подобно Левашеву, Сафонову и Клементу, Розальон-Сошальский был обязан своим освобождением заключению мирного договора и силе русского оружия, которое заставило Османскую империю подписать его. Дюгамель стоит несколько особняком от этой компании, поскольку он имел возможность использовать свое знакомство с саксонским ренегатом, чтобы остаться в Шумле, в отличие от 150 российских пленных, отправленных в Константинополь. Тем не менее даже Дюгамель был обязан своим освобождением личному вмешательству главнокомандующего И.И. Дибича после его победы под Кулевчей в конце мая 1829 года и последующего перехода российской армии через Балканы⁴.

Эти пять авторов были первыми (и единственными) вестернизированными россиянами, которые провели какое-то время в османском плену и опубликовали описания пережитого по возвращении.

¹ Клемент Н.М. Год в плену у турок. С. 56–57.

² Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера. № 5. С. 189–190.

³ Там же. № 7. С. 19.

⁴ Дюгамель А.О. Автобиография. С. 28.

В отличие от раннемодерных пленников, которые должны были отвечать на вопросы относительно их религиозных практик на чужбине, перечисленные выше представители российского дворянства сами решили опубликовать описания своего пленения. В отличие от Баранщикова, они не пытались использовать факт своего попадания в плен для того, чтобы добиться прощения прошлых грехов. Они были вполне свободны рассказывать или умалчивать о тех или иных сторонах пережитого ими. И тем не менее даже на уровне составленных ими описаний плен продолжал оставаться испытанием в той степени, в какой обхождение с пленниками находилось в противоречии с дворянскими представлениями о чести и самоуважении. Даже лишенный своего религиозного содержания, плен все еще вызывал вопросы относительно поведения индивида и соответствия этого поведения моральным нормам, существовавшим в его социальной среде.

Один из способов разрешения этого противоречия состоял в переносе акцентов с действий пленного на внешние условия плена. Будучи гораздо более способными к литературному самовыражению, чем любой из их раннемодерных предшественников, Левашев, Сафонов, Клемент, Розальон-Сошальский и Дюгамель представляются в своих описаниях более пассивными, чем их предшественники. Словно избегая неудобных вопросов относительно того выбора, который им приходилось совершать в плену, дворянские авторы представляли себя жертвами чрезвычайных обстоятельств, в которых им мало что оставалось делать, кроме как осудить варварство и фанатизм мусульманских толп, отдать должное великодушию благородных пашей и радоваться спасительному влиянию российского оружия и дипломатии, обеспечивших их освобождение. Лишенный возможности действовать и тем самым избавленный от ответственности, пленник становился идеальным объектом для коллективного сопереживания.

Модерные европейцы рассматривали плен как состояние, противоречащее человеческой природе. Публичная реакция на рассказы о плене в последние два столетия варьировалась от националистического возмущения страданиями соотечественников в руках варваров до гуманистического осуждения плена как грубого попрания человеческой свободы. Оба эти подхода акцентировали неестественность условий, в которых оказывался пленник, а также приуменьшали значение действий пленников и того выбора, который им приходилось делать.

Как было показано выше, в Московском государстве существовало совершенно иное представление о плене в Османской империи. Хотя московские власти тратили значительные суммы на выкуп своих

подданных из крымского плена, их способность вызволять тех, кого татары продавали в Османскую империю, оставалась весьма ограниченной до тех пор, пока выкуп был единственным способом это сделать. Еще более важно, что московские власти тратили немало времени и усилий на то, чтобы выяснить религиозные практики тех немногих пленников, которым удалось бежать из Османской неволи и вернуться в православную землю. Плен рассматривался как посланное Богом испытание, и те, кто не проходил его, заслуживали церковного наказания, а не сострадания.

Вернувшиеся из плена вряд ли были в восторге от такого положения дел. Все возвращенцы, которых допрашивали в Приказе Патриаршего дворца, старались приуменьшить свои прегрешения, а некоторые даже пытались представить плен в качестве продолжения служения православному царю. Подобная интерпретация очевидным образом шла вразрез с преобладавшей изначально тенденцией ассоциировать плен с вероотступничеством. Тот же эффект имело и проникновение темы паломничества в рассказы о плене, а также появление темы плена в описаниях путешествий в Святую землю. Все эти попытки придать плену характер опыта, заслуживавшего почтения и даже вознаграждения, имели место в контексте постепенной секуляризации российских элит. В результате к концу XVIII столетия образованные россияне не воспринимали больше плен в преимущественно религиозных категориях.

Однако, несмотря на это, плен не потерял сразу же свою моральную амбивалентность. Случай Баранщикова демонстрирует, что бывшим пленникам все еще было что скрывать от своих соотечественников. Как и его предшественники в XVII столетии, Баранщиков манипулировал своей биографией, чтобы добиться реинтеграции в российское общество. В отличие от своих предшественников, он располагал поддержкой по крайней мере некоторых представителей российской образованной публики, заинтересовавшихся его историей и превративших ее в развитый нарратив. В то же время реакция на рассказ Баранщикова со стороны образованной публики в целом оказалась смешанной, и потребовалось еще какое-то время, прежде чем сам факт пребывания в плену начал вызывать всеобщую симпатию. Даже после того как бывшие пленники перестали подозреваться в вероотступничестве, они все еще должны были доказывать достойной публике, что им удалось сохранить честь и человеческое достоинство в ходе своих злоключений.

Плен представлял собой моральную проблему для российских дворян послепетровского времени, о чем свидетельствуют описания Левашева, Сафонова, Клемента, Розальон-Сошальского и Дюгамеля. Для того чтобы отвлечь внимание читателя от их собственного соответствия принятым в дворянском обществе поведенческим нормам, все эти авторы акцентировали внимание на ненормальных условиях плена, напоминая, что положение благородного пленника радикальным образом отличалось от положения благородного дворянина или путешественника. Описания буйных и фанатичных толп позволяли не выставлять на первый план вопрос о том, что пленники делали, чтобы спасти свою жизнь. Напротив, образы великодушных пашей позволяли облагородить опыт плена, в то время как спасительное вмешательство царского правительства лишало дворянских пленников необходимости совершать спорные с моральной точки зрения действия, на которые шли пленники более ранней эпохи, дабы вновь обрести свободу или просто улучшить свое положение в плену.

Описания плена, составленные дворянскими авторами, завершают эволюцию российских нарративов о плене в Османской империи. Между началом XVII и началом XIX столетия феномен плена утратил преимущественно религиозную окраску, которую он имел изначально, и в какой-то момент в отношении пленников перестала действовать презумпция вероотступничества. Анализ нарративов плена свидетельствует о постепенном перемещении акцента с фигуры пленника и его поведения в плену на условия плена. Последний перестает быть испытанием твердости человека в его вере или его соответствия моральным нормам. Вместо этого плен становится экстраординарной ситуацией, которая налагает неестественные ограничения на свободу человека и тем самым вызывает возмущение и порицание. В результате этого изменения плен утрачивает характер моральной амбивалентности, которая характеризовала его изначально. Отныне страдания российских пленников будут вызывать всеобщее сочувствие у все более националистически настроенной образованной публики, которая вскоре начнет использовать тему плена для оправдания имперской экспансии в Азии.

Глава 3

«ТУРЕЦКИЕ КАМПАНИИ»

Вообразите, громкие вопли, множество диких голосов, ревуших: алла, алла, алла! ободрительных для Мусульман, ужасающих Православного; вообразите множество отрубленных голов, и вы согласитесь, что это картина ужасная!¹

15 июня 1711 года большая русская армия перешла границу вассального османского княжества Молдавия и начала свою первую кампанию в регионе, который европейцы XVIII и XIX веков называли «Турцией в Европе»². Российские войска стали важным результатом военных преобразований Петра I: двумя годами ранее они одержали победу над знаменитой шведской военной машиной, которой командовал блестящий, хотя и эксцентрический Карл XII³. Конфликт вокруг экстрадиции шведского короля, скрывавшегося после Полтавского поражения в Османской крепости Бендеры, стал непосредственной причиной начала русско-турецкой войны. Таким образом, война России со Швецией за доступ к Балтийскому морю переплелась с борьбой России против Османской империи за преобладание в Северном Причерноморье и доступ к Черному морю. Петр I воспользовался османским объявлением войны в ноябре 1710 года как предлогом для развития того первоначального успеха, которого он добился, захватив у Османов Азов в 1696 году. Посредством скорого марша к Дунаю царь намеревался предотвратить переправу османской армии через эту реку, после чего он надеялся поднять православных подданных султана на борьбу,

¹ Линь Ш.Ж. де. Два письма принца де Линя // Вестник Европы. 1808. Ч. 48. № 21. С. 23.

² О Прутском походе см.: Водарский Е.Я. Загадки Прутского похода Петра I. М.: Наука, 2004; Davies B. Empire and Military Revolution: Russia's Turkish Wars in the Eighteenth Century. London: Continuum, 2011. P. 111–123.

³ О российской армии до, во время и после реформ Петра Великого см.: Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford: Clarendon Press, 1985. О послепетровском периоде см.: Hartley J. Russia, 1762–1825: Military Power, the State and the People. Westport, Conn.: Praeger, 2008.

которая положила бы конец османскому господству в юго-восточной Европе и на берегах Босфора.

Для достижения этих амбициозных планов Петр собрал 60 тысяч регулярной пехоты, почти 20 тысяч драгун в шести дивизиях, пятью из которых командовали этнические немцы ливонского, саксонского и прусского происхождения. Он также заключил соглашение с молдавским князем Дмитрием Кантемиром, который обещал припасы и ополчение в обмен на широкую автономию под российским протекторатом. Петр рассчитывал и на поддержку господаря соседней Валахии Константина Брынковяну, чьи давние контакты с Москвой внушали доверие. Наконец, царь отправил эмиссаров в Черногорию, которая традиционно бросала вызов османским властям, а также к сербскому населению Габсбургской военной границы в южной Венгрии.

Против этого плана выступили трое из пяти дивизионных немецких генералов, которые советовали царю оставаться на Днестре, чтобы встретить султанскую армию у этого традиционного географического предела османской военной силы. Мнение сторонников наступательной войны при поддержке православных единоверцев возобладало, однако практически все пошло не так, как планировалось с самого начала. Нашествие саранчи произвело опустошение на молдавских полях, в результате чего предварительная отправка кавалерии за фуражом оказалась безрезультатна и только задержала пребывание основных сил на Днестре до начала летней жары. После того как пехота перешла Днестр и начала свое движение вглубь Молдавии, многие солдаты заболели, начали отставать, а некоторые даже совершали самоубийство, не будучи в состоянии продолжать идти под палящим солнцем. После того как российская армия достигла Прута напротив молдавской столицы Яссы, Дмитрий Кантемир, как и было согласовано, присоединился к царю, однако конное ополчение, которое он собрал, было плохо вооружено луками и пиками, а те 30 тысяч войска, которые обещал валашский господарь, и вовсе не появились. Тем временем османская армия под начальством великого визиря Балтаджи Мехмеда-паши перешла Дунай и начала продвигаться на север навстречу царским силам, которых уже беспокоила многочисленная татарская конница.

После столкновения с преобладающими османскими силами передовой драгунской дивизии российская армия, уменьшенная наполовину болезнями, побегами и выделением особых отрядов, начала отступление с боем вдоль Прута, однако вскоре оказалась прижатой к реке превосходящими ее втрое османскими и татарскими силами.

В течение нескольких дней то разгоравшегося, то затухавшего сражения российская пехота и спешившиеся драгуны многократно отражали атаки янычаров, однако их амуниция и припасы были на исходе. Прибытие к месту сражения османской артиллерии поставило россиян в отчаянное положение, однако отказ янычаров продолжать сражение заставил великого визиря принять предложение царя о мире. Дипломатические способности российского вице-канцлера П.П. Шафирова и щедрые взятки великому визирю и его подчиненным позволили царю и его армии вырваться из ловушки на Пруте и отойти за Днестр, после чего он с большим успехом продолжил войну со Швецией. Таков был результат первого вторжения российской армии в «Турцию в Европе»: царь потерял половину своей армии (37 тысяч солдат), а также все свои предыдущие приобретения в регионе (прежде всего Азов) и до конца своего царствования был вынужден отказаться от попыток завоевать доступ к Черному морю.

Поражение Петра I в 1711 году имело важные последствия для России, ее отношений с Османской империей и другими европейскими государствами. Не сумев выломать османскую дверь, он посвятил остаток жизни «прорубанию окна в Европу». Санкт-Петербург, основанный в 1703 году, был объявлен новой российской столицей в 1713-м, в год формального завершения русско-турецкой войны, исход которой решился двумя годами ранее на Пруте. В то время как контакты России с «христианским Востоком» вступили в период стагнации, длившейся почти столетие, ее контакты с «христианским Западом» интенсифицировались. Тем временем память о смелом вызове, брошенном Петром I османскому султану, мотивировала его преемников искать успех там, где царь-реформатор потерпел поражение. В ходе последующих пяти русско-турецких войн османы ощутили на себе плоды петровских реформ.

Неудачная кампания 1711 года предвосхитила многие аспекты победоносных войн России с Османской империей в XVIII и XIX столетиях. Разногласия накануне Прутского похода между «немецкими» и «русскими» генералами относительно наилучшей стратегии также предвосхитили позднейшие сомнения относительно применимости положений европейской военной науки к войне с османами. Прутский поход выявил численное преобладание османской армии, явное превосходство ее кавалерии, яростные, но хаотические атаки янычаров, непостоянство их морального настроя, что отмечали российские офицеры и во время более поздних «турецких кампаний». Воздействие климата и недостаток припасов в 1711 году также оказались постоянной

проблемой для России в ходе войн с Османской империей. Наконец, первое вступление царских войск на территорию «Турции в Европе» сопровождалось культурными контактами с местным христианским населением и его османскими повелителями, которые продолжились во время войн более позднего времени.

В настоящей главе реконструируется опыт «турецких кампаний» российской армии и анализируется его роль в формировании мировоззрения российского офицерского корпуса в конце XVIII и начале XIX столетия. В ней рассматриваются размышления российских главнокомандующих и офицеров относительно османского способа ведения войны. Анализ этих размышлений выявляет их склонность постулировать превосходство европейского «военного искусства», а также осознание ими необходимости адаптировать свои действия к «нерегулярной» войне, практикуемой противником¹. В этой главе также анализируются описания прямых столкновений с султанскими войсками. Понятия о «цивилизованном» способе ведения войны подталкивали российских офицеров представлять внешний вид, моральный дух и поведение османских воинов на поле боя как «варварские» и в то же время заставляли их осуждать определенные действия своих собственных солдат. Наконец, глава демонстрирует специфичность опыта «турецких кампаний» в целом, представлявших большие логистические и климатические сложности для российской армии и одновременно предоставлявших российским офицерам возможность побывать в экзотических странах.

В целом «турецкие кампании» способствовали процессу ориентализации Османской империи, что составляло важный аспект артикуляции современной российской идентичности. Подобно царским дипломатам, царские военные имели дело с противником, чьи принципы и практики серьезным образом отличались от их собственных с самого начала. Усвоение россиянами европейского «военного искусства», интенсифицировавшееся в период царствования Петра I, усугубляло эти

---

¹ Эволюция военного дела в раннемодерной Европе стала предметом важной историографической дискуссии. См.: *Rogers C. The Military Revolution Debate: Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe*. Boulder, CO: The Westview Press, 1995. Сравнение раннемодерной Европы с другими регионами в военном плане предпринято в: *Parker G. Europe and the Wider World, 1500–1700: The Military Balance // The Political Economy of Merchant Empires / Ed. J. Tracy*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991. P. 161–195. О переменах в военной организации допетровской России, отражавших происходившее в этой сфере в Западной и Центральной Европе, см.: *Paul M. The Military Revolution in Russia, 1550–1682 // The Journal of Military History*. 2004. Vol. 68. No. 1. P. 9–45.

различия. Серия побед, одержанных российской армией над османами в послепетровскую эпоху, стала восприниматься царскими офицерами как подтверждение превосходства Европы над Востоком. Знакомство российских офицеров с европейской военной литературой весьма способствовало этому процессу, поскольку позволяло им соотнести их опыт «турецких кампаний» с более ранними войнами Габсбургов с Османами. Одновременно российские описания «турецких кампаний» ставили вопрос о применимости европейского военного искусства к «восточной войне». Наконец, практики царских войск на Дунае и Балканах выявляли пределы вестернизации российской армии.

Османский способ ведения войны в работах российских военных авторов

«Тактика Турецкая, не имеющая ничего общего с тактикою народов, нами называемыми просвещенными, с первого разу поражает наблюдателя», — писал российский военный инженер Алексей Иванович Мартос в своих воспоминаниях о русско-турецкой войне 1806–1812 годов¹. Его слова хорошо передают то, что царские офицеры думали о располагавшейся к югу, но представлявшейся восточной империи, с которой им так часто приходилось воевать в XVIII и XIX столетиях². К концу 1700-х — началу 1800-х годов все большее количество российских офицеров начали размышлять об османском способе ведения войны в свете западного военного искусства. Они помещали реальные различия, которые существовали между российской и османской манерами воевать, в интерпретационную схему, противопоставлявшую «цивилизованную» модель ее «варварскою» противоположности.

Уже в XVII столетии западноевропейские авторы начали говорить о военном упадке османов, чего нельзя сказать о российских авторах этого же периода. В своем описании русско-турецкой войны

¹ Мартос А.И. Отрывок из писем русского офицера // Сын Отечества. 1819. Ч. 57. № 44. С. 165.

² Об османском способе ведения войны см.: Aksan V. Ottoman Wars 1700–1870: An Empire Besieged. Harlow: Longman/Pearson, 2007; Murphey R. Ottoman Warfare, 1500–1700. London: USL Press, 1999; Uyar M., Erikson E. A Military History of the Ottomans: From Osman to Atatürk. Santa Barbara, CA: Praeger Group International, 2009. Среди современных историков-османистов о русско-турецких войнах пишет, в частности, Вирджиния Аксан. См.: Aksan V. The One-Eyed Fighting the Blind: Mobilization, Supply and Command in the Russian-Turkish War of 1768–1774 // The International History Review. 1993. Vol. 15. No. 2. P. 221–238.

1677–1681 годов автор знаменитого Киевского синопсиса Иннокентий Гизель писал, как в 1677 и 1678 годах османы пытались взять Чигирин «всякими воинскими промыслами, беспрестанными приступами, подкопами, гранатами, [и] бесчисленную стрельбой»¹. Хотя Гизель представил эти, не имевшие явного результата кампании как победу российских войск и верных царю украинских казаков, он приписывал такой исход божественному вмешательству, а не военной изощренности победителей². На самом деле Чигиринские походы, как и Крымские походы князя Голицына в 1687–1689 годах, а также первый Азовский поход Петра I в 1695 году, выявили несовершенство российских войск и их стратегии; а также заставили царских военных с уважением отзываться о своих противниках. Так, участник Крымских и Азовских походов А.И. Лызлов отдавал должное «вымыслам воинским» османов и отмечал их качество «быти всегда готовым на войну» и «употребляти прудкости дивной в наступлении». Он также отмечал личное участие султанов в кампаниях, как и их помыслы исключительно «о броне и оружии военном»³. Анонимное описание Османской империи, составленное русским, побывавшим в турецком плену, утверждало, что янычары «на войну крепки», хотя и «война их не по науке есть»⁴.

На протяжении последующего столетия систематическое заимствование европейских военных институтов и практик оказывало большое влияние на российское восприятие османского способа ведения войны⁵.

¹ Мечта о русском единстве. Киевский синопсис / Ред. О.Я. Сапожникова, И.Ю. Сапожникова. М.: Европа, 2006. С. 217, 220.

² Там же. С. 223. В полемическом сочинении против ислама другой представитель промосковского течения в украинской православной иерархии Иоанникий Галатовский перечислил 40 военных хитростей, которые могли бы позволить христианам победить мусульман. Автор включил в этот список как Троянского коня, так и хитрости, использованные самими османами против их христианских противников. При этом Галатовский не связывал возможность победы над османами с их военным упадком. См.: *Сумцев Н.Ф. Иоанникий Галатовский. К истории южнорусской литературы XVII века // Киевская старина. 1884. № 4. С. 577–580; Waugh D. Ioannikii Galiatovs'kyi's Polemics against Islam and Their Muscovite Translations // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. 3–4. No. 2. P. 909–918.*

³ *Лызлов А.И. Скифская история / Ред. Е.В. Чистякова, А.П. Богданов. М.: Наука, 1990. С. 267. В XVIII столетии «Скифская история» издавалась дважды, оба раза Н.И. Новиковым.*

⁴ Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у Турок. С. 23.

⁵ О различных стратегиях и тактиках, применявшихся Габсбургами против европейских и османских армий, см.: *Balisch A. Infantry Battlefield Tactics in the Seventeenth and Eighteenth Centuries on the European and Turkish Theatres of War: The Austrian Responses to Different Conditions // Studies in History and Politics.*

Хотя поражение Петра I на Пруте в 1711 году продемонстрировало, что султан все еще является грозным противником, последующие войны убедили российских военных людей в уязвимости османской военной организации. Автор первой победы российских войск над османской армией в полевом сражении фельдмаршал Буркхард Кристоф фон Миних мог похвастаться в своих воспоминаниях, что с войны 1735–1739 годов «турки и татары стали уважать русское войско»¹. Три десятилетия спустя в ходе нового столкновения с османами батальонный командир, а позже российский посол в Лондоне С.Р. Воронцов замечал, что или «нынешние Турки не те стали что были во время императрицы Анны Иоанновны, или мы сами с того времени в пользу нашу очень переменялись»². Ветеран русско-турецкой войны 1768–1774 годов генерал-лейтенант А.А. Прозоровский отмечал, что «все правила, которые в регулярной войне суть превосходны, у [османов] не имеют своего действия», и приходил к выводу, что «у сих людей не строю, ни порядку нет»³. Как заявлял ветеран войны 1768–1774 годов Г.А. Потемкин, «мы испытали турецкую силу, а потому знаем, чего убегать и как поражать их». Согласно знаменитому фавориту Екатерины II, формула успеха состояла в том, чтобы «искать в поле и, разбив, не давать оправляться». Поскольку «сильны турки защищаться в укреплениях, для того не должно брать крепостей штурмами, тем паче что положение их большей частию таковое, что сами упасть должны»⁴.

Российские офицеры вскоре осознали, что численное превосходство играло меньшую роль в конфликтах с османами, чем в европейских войнах. Как отмечал вскоре после Кагульской баталии российский главнокомандующий П.А. Румянцев, «ежели бы туркам удалось

1983–1984. Vol. 3. P. 43–60. См. также: *Christensen S.T. The Heathen Order of Battle // Violence and the Absolutist State: Studies in the European and the Ottoman History / Ed. S.T. Christensen. Copenhagen: Center for Research in the Humanities, Copenhagen University, 1990. P. 75–138.*

¹ Миних Б.Х. Записки фельдмаршала графа Миниха / Ред. С.Н. Шубинский. СПб.: Безобразов, 1874. С. 56–57.

² С.Р. Воронцов — Р.И. Воронцову, 18 июня 1770 года // Архив кн. Воронцова. Т. 16. С. 118.

³ Прозоровский А.А. Записки генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского / Ред. А.К. Афанасьев. М.: Российский архив, 2004. С. 291–292, сноска. Прозоровский был корпусным командиром во время войны 1768–1774 годов и завершил свою карьеру главнокомандующим российской армии на Дунае в 1807–1809 годах.

⁴ Г.А. Потемкин — Екатерине Второй, начало 1784 года // Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791 / Ред. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997. С. 191.

разбить наш корпус, состоящий из 25 000 человек, то и 50 000 имели бы ту же участь»¹. Словно в подтверждение этих слов 80-тысячная российская армия не смогла добиться решающих успехов в кампании 1809–1810 годов, несмотря на то что Османская империя находилась на тот момент в глубочайшем кризисе. После того как сильно уменьшившееся российское войско одержало явную победу над армией великого визиря под Слободзейей в 1811 году, автор этой победы М.И. Кутузов отмечал, что «против турок успех зависит не от многолюдства, а от расторопности и бдительности командующего генерала». Кутузов отражал уже укоренившееся на тот момент восприятие османов как неискушенных в стратегии и в тактике, советуя не действовать против них «как против европейских войск всею массою сил совокупно». «Они по природе своей не в состоянии быть столько деятельны, чтобы быстротой движения чтобы совокупных сил подавлять... отделенные части» российских войск².

В своих суждениях Кутузов опирался на личный опыт трех русско-турецких войн. Румянцев, Потемкин, Суворов и Прозоровский служили либо корпусными командирами, либо главнокомандующими в двух из четырех русско-турецких войн, которые следовали друг за другом с коротким промежутком в последней трети XVIII и первой трети XIX столетия. Не ограничивавшиеся «турецкими кампаниями» военные карьеры Румянцева, Суворова, Кутузова и многих менее известных российских генералов включали в себя войны с Пруссией (1757–1762) и Францией (1799–1800, 1805–1807 и 1812–1814). Это чередование противников стимулировало рефлексию относительно различий между ними и стало важнейшим фактором обсуждения османского способа ведения войны в работах представителей российского офицерского корпуса.

Эпоха, в которую войны с Османской империей и европейскими государствами занимали столь важное место в биографиях многих российских дворян, была так же периодом вестернизации и растущей теоретической искушенности царских офицеров. Эта тенденция проявилась среди прочего в растущем числе публикаций переводных и российских исследований, в которых освящались общие вопросы военного дела, а также сравнивались стратегии и тактики различных

¹ Цит. по: *Петров А.Н.* Влияние русско-турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. СПб.: Военная типография, 1894. Т. 2. С. 332.

² Мысли генерала Кутузова замеченные в разговоре с ним // М.И. Кутузов. Сборник материалов. Т. 3. С. 351–352.

наций. Уже в середине XVIII столетия российские офицеры могли узнать о габсбургском опыте войн с Османской империей из переведенных мемуаров Раймондо Монтекукколи (1704) и работы Луиджи Фердинандо Марсильи «Военное состояние Османской империи» (1732)¹. Позже распространяющееся знание европейских языков позволило российским офицерам размышлять о своем собственном опыте «турецких кампаний» в свете работ о русско-турецких войнах, составленных западными авторами, часть которых временно вступали на российскую или османскую службу².

Базовые предпосылки, на которых основывалась эта рефлексия, проявляются в работах профессора военной истории Московского университета Якова Ивановича де Санглена. Вопреки современной ему гуманистической критике войны, де Санглен рассматривал военное искусство как одно из проявлений просвещения, которое «показывает нам средства защищать безопасность народов, наказывать грубых нарушителей спокойствия, утверждать мир и благосостояние обществ»³. Согласно автору, цивилизирующий аспект военной науки нашел свое высшее выражение в личности Петра Великого, который стремясь «поставить народ свой на высшую степень гордости и славы обратил внимание на воинскую часть, которую он совершенно в своем государстве преобразовал»⁴. Важность военной науки для успеха в современной войне доказывалась от противного примером османов, которые,

¹ Raimondo Montecuccoli (Memorile. 1704, рус. пер.: 1760), Luigi Fredinando Marsigli (L'Etat militaire de l'empire ottoman. 1732, рус. пер.: 1737).

² См.: *Warnery Ch. de. Remarques sur le militaire des turcs et des russes, sur la façon la plus convenable de combattre les premiers.* Breslau: Korn, 1771; *Keraglio L.-F.G. de. L'Histoire de la guerre des russes et des impériaux contre les turcs en 1736, 1737, 1738 et 1739.* 2 vols. Paris: Debures, 1780; *Keraglio L.-F.G. de. Histoire de la dernière guerre des Russes contre les Turcs en 1769.* 2 vols. Paris: Dasaint, 1777; *Perceval Ch. de. Précis historique de la guerre des turcs contre les russes, depuis l'année 1768 jusqu'à l'année 1774.* Paris: Le Normant, 1822; *Valentini G.W. von. Précis des dernières guerres des russes contre les turcs.* Paris: Schubart and Heideloff, 1828; *Ciriacy F. von. Théâtre de la guerre autrichien et russe dans la Turquie d'Europe.* Paris: F.G. Levirault, 1828; *Moltke H. von. Der russisch-türkische Feldzug 1828–1829.* Berlin: G. Reimer, 1845; *Sainte-Ange X.R. Précis historique et géographique des deux dernières guerres de la Russie contre la Turquie, 1810–1811 et 1828–1829.* Bruxelles: Meline, Cans et als., 1853; *Chesney F.R. The Russian-Turkish Campaigns of 1828 and 1829: With a View of the Present State of Affairs in the East.* New York: Redfield, 1854; *Monteith W. Kars and Erzeroum: with the Campaigns of Prince Paskiewitch in 1828 and 1829.* London: Longman et als., 1856.

³ де Санглен Я.И. О военном искусстве древних и новых народов, с прибавлением о пользе теории военного искусства. М.: Дрекслер, 1808. С. 42.

⁴ де Санглен Я.И. Краткое обозрение воинской истории XVIII-го столетия. СПб.: Императорская типография, 1809. С. 8.

несмотря на их природную воинственность, «неспособны сражаться сообразованными народами Европы»¹. Де Санглен утверждал, что «[если] бы Турки были столько же способны к образованию себя, как и Русские, они давно приметили бы что реформа их воинского искусства, по образцу Европейскому, есть единственное средство, спасти свое отечество, клонящееся к упадку»².

Постулат о превосходстве европейской военной науки уравнивался идеей о том, что каждый народ, будь то на Западе или на Востоке, выработал свою собственную манеру ведения войны, игнорирование которой могло привести к поражению. Российский главнокомандующий в русско-турецкой войне 1735–1736 годов фельдмаршал фон Миних отмечал, что «действия против шведов не могут быть совершенно такими же как действия против турков и персов»³. Через семьдесят лет после Миниха де Санглен писал, что, хотя «воинское искусство в сущности своей одно и тоже в России, Германии, Франции, Англии... его применение может быть по разным местам различно»⁴. Де Санглен сравнивал армию с нацией в движении и утверждал, что проявления национального характера были более сильны в военном искусстве, которое требовало сотен тысяч человек, чем в работах отдельных художников, поэтов или музыкантов. Особенности национального характера и местных условий способствовали тому, что различные нации достигали совершенства в разных аспектах военного искусства, притом что «нет нации, которая дошла бы до такой степени совершенства, чтоб не могла бы ничему научиться от неприятеля своего». Для успеха в войне необходимо было следовать примеру древних римлян, которые «взирали на каждую войну как на школу, [а] на неприятеля своего как на учителя»⁵.

Противоречие между универалистским и релятивистским определениями военного искусства, которое можно наблюдать у де Санглена, проявилось в критическом подходе российских военных к идеям швейцарского военного теоретика Антуана-Анри де Жомини. Этот военный советник Наполеона перешел на службу к Александру I в 1813 году, после чего его работы стали обязательным чтением для нескольких

¹ Там же. С. 112.

² Санглен Я.И. де. О военном искусстве. С. 4–5.

³ Цит. по: Байов А.К. Курс истории русского военного искусства. СПб.: Скачков, 1909. Т. 3. С. 90.

⁴ Санглен Я.И. де. О военном искусстве. С. 5.

⁵ Там же. С. 16.

поколений российских офицеров¹. Защита швейцарцем универсальных принципов военного искусства вызвала полемику среди российских офицеров, часть которых поставили под сомнение применимость его теории операционных линий и принципа генерального сражения к войнам против османов. Так, в 1820-е годы офицеры штаба Второй армии, располагавшейся в южных губерниях, исходили из эмпирического подхода к планированию новой войны с Османской империей, основанного на доскональном историческом исследовании предыдущих «турецких кампаний»².

Реакция российского офицерства на идеи Жомини и других европейских военных писателей отражала растущее осознание важности национальной военной истории. С начала 1800-х годов образованные россияне могли расширить свои познания по истории «турецких кампаний» с помощью многочисленных более или менее серьезных биографий Миниха, Румянцева, Потемкина, Суворова и Кутузова³. На протяжении последующего столетия эти публикации позволили создать целый пантеон российских командующих, чей способ действия против османов, заключавшийся в отказе от линейной тактики, атаках в небольших каре и колоннах, предпочтении штыковой атаки и активном использовании артиллерии, предвосхитил изменения в европейском военном искусстве, последовавшие после 1789 года⁴.

¹ Первой и оказавшей наибольшее влияние работой Жомини была «*Traité des grandes opérations militaires*» (1804), переведенная на русский как: Жомини Г.В. Рассуждение о великих военных действиях или критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона. В 8 т. СПб.: Шнорр, 1809–1817.

² Об этом предприятии, которое координировал начальник штаба Второй армии П.Д. Киселев, см.: *Bitsis A. Russia and the Eastern Question. Army, Government, and Society, 1815–1833.* Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 129–134. В качестве военного советника Николая I Жомини принял активное участие в подготовке кампании 1828 года, а также в основании Российской академии Генерального штаба.

³ Халем Г.А. Жизнь графа Миниха, императорского российского генерал-фельдмаршала. В 2 т. СПб.: Университетская типография, 1806; Созонович С.И. Жизнь, характер и военные деяния генерала-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. М.: Бекетов, 1803; Жизнь князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. В 3 т. М.: Дубровин и Мерзяков, 1808. Антиг И.Ф. Жизнь и военные деяния генералиссимуса, князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического. В 3 т. М.: Университетская типография, 1800. Это была первая из дюжины биографий и сборников анекдотов о Суворове, опубликованных в первой половине XIX столетия. Наконец, сразу после смерти Кутузова в 1813 году были опубликованы шесть разных описаний его жизни, в которых рассматривались и три русско-турецких войны, в которых он принял участие.

⁴ Разделяя этот общий тезис, российские военные биографы могли расходиться в оценке отдельных полководцев. Так, биограф Суворова Н.А. Полевой утверждал, что

Вторжение Наполеона в 1812 году дало новый импульс развитию военной историографии по мере того, как российские офицеры задалась целью написать «истинную» историю этой кампании, которую якобы исказили французские авторы. Хотя войны с наполеоновской Францией находились в центре внимания российских военных историков вплоть до начала XX столетия, обращение к национальному прошлому заставило некоторых из них признать ключевую роль «турецких кампаний» в складывании специфически русского военного искусства¹.

Таков был интеллектуальный фон для двух российских военных писателей первой половины XIX столетия, чьи работы содержали особенно тщательный анализ османского способа ведения войны. Первым из них был Андрей Никифорович Пушкин, капитан артиллерии и ветеран войны 1812 года, опубликовавший «Военное обозрение Турецкой империи» накануне русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Пушкин противопоставлял военное искусство «просвещенных держав», которое, по его мнению, было «почти везде одинаково», и «оригинальность, веками утвержденную» османских воинских учреждений². Хорошо

Миних принадлежал «к школе старых тактиков», что Потемкин был некомпетентен и что даже Румянцев, несмотря на несколько блестящих побед в 1770 году, «не постиг образа настоящей войны с Турками», о чем свидетельствовала его пассивность в последующих кампаниях. См.: *Полевой Н.А.* История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб.: Journal de Petersbourg, 1843. С. 51–52. Хотя многие российские читатели и могли согласиться с критикой Полевым Миниха и Потемкина, его характеристика Румянцева вызвала пылкие протесты. См.: *Кутузов Н.И.* Воспоминание о генерал-фельдмаршале графе Петре Александровиче Румянцеве-Задунайском // *Отечественные записки*. 1845. № 3. С. 35–80.

¹ *Бутурлин Д.П.* Картина войн России с Турцией в царствование Екатерины II и императора Александра I. СПб.: Императорский воспитательный дом, 1829; *Хатов А.И.* Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 г. СПб.: Военная типография, 1840; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны в царствование императора Александра Первого с 1806 по 1812 гг. В 2 т. СПб.: Штаб отдельного корпуса внутренней стражи, 1843; *Богданович М.И.* Походы Румянцева, Потемкина и Суворова против Турции. СПб.: Веймар, 1852; *Сакович М.П.* Действия Суворова в Турции в 1773 году. СПб.: Край, 1853.

² *Пушкин А.Н.* Взгляд на военное состояние Турецкой империи // *Сын Отечества*. 1826. Ч. 107. № 9. С. 76. Андрей Никифорович Пушкин был артиллерийским офицером, опубликовавшим «Записки о фортификации» (1827), основывавшиеся на работах европейских авторов в этой области. Эта работа была апробирована Военно-учебным комитетом Генерального штаба. В своем «Взгляде на военное состояние Турецкой империи» Пушкин описывал различные аспекты османского способа ведения войны и военной организации, основываясь на работах Ожье

освоив принципы европейской военной науки, автор тем не менее полагал, что «образ войны у всех народов есть следствие нравов, образа жизни и самого характера»¹. Этот тезис в стиле Монтескье помогал Пушкину объяснять различия между европейским и османским способами ведения войны. Он утверждал, что «в Европе вообще характеры менее страстны и сильны, ибо предметы действия человеческого более развлечены, и самое смягчение нравов побуждает уважать в войне естественные права человеческие». В результате европейский образ ведения войны основывается «более на искусстве, нежели на силе, и самые стремительные нападения делаются по расчетам ума, нежели по силе души»².

Напротив, османские воины демонстрировали «смесь воинских добродетелей и пороков в высочайшей степени, необразованность в военном деле и ослепляющий фанатизм». Согласно Пушкину, результатом этих качеств был совершенно иной «образ войны, не менее опасный и требующий большой предусмотрительности»³. «Одаренные от природы крепким сложением и мужеством, и управляемые необузданным суесвятством», турки, по мнению российского автора, «в первых нападениях, своей отважностью являются страшными, имея впереди множество знамен и значков, и действуя с чрезвычайным шумом и криком». Однако при первой же неудаче они «оказывают робость» и «будучи опрокинуты, в беспорядке и с такой же скоропостижностью назад мчатся, как и вперед наступали». По мнению Пушкина, бегство было следствием хаотичности их предшествующей атаки, которая часто предпринималась без учета местности и расположения противника⁴. Поэтому общая формула успеха против османов состояла в сочетании холодного расчета и стойкости в первом столкновении. По словам Пушкина, было необходимо действовать так, «чтобы можно было

Жислена де Бусбека, Луиджи Фердинандо Марсилья и шотландского историка Уильяма Робертсона.

¹ Там же. № 10. С. 179.

² Там же.

³ Там же. № 9. С. 75–76. Пушкин заимствовал это сравнение «цивилизованных» и «варварских» способов ведения войны у шотландского историка Уильяма Робертсона, чей труд был переведен на русский: Робертсон В. История государственования Императора Карла Пятого. В 2 т. / Пер. С. Смирнов. СПб.: Академия наук, 1778.

⁴ Пушкин А.Н. Взгляд на военное состояние турецкой империи // Сын Отечества. 1826. Ч. 107. № 10. С. 189. См. также: Глебов П.Н. Дунайская экспедиция 1829 года // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1843. Т. 40. № 159. С. 358.

сказать, что невежество и ярость Азиатцев сокрушаются об искусство и хладнокровие Европейцев»¹.

Подчеркивая хаотичность действий османской армии на поле боя, Пушкин тем не менее не утверждал, что она уступает европейским противникам по всем параметрам. Российский автор отмечал, что османские воины были превосходными наездниками, как и все восточные народы, «к чему самый образ жизни, воспитание и превосходство лошадей способствует»². Кавалерия составляла одну из сильных сторон османской армии, превзойти которую было не по силам ни российским, ни европейским всадникам. Вот почему Пушкин соглашался с М.И. Кутузовым, говорившим, что «турецкую конницу надобно бить пехотой, а пехоту конницей»³. Отчаянные усилия османов отстоять свои многочисленные крепости в сочетании с дерзкими вылазками отчасти компенсировали несовершенство османских фортификаций и общую слабость османской армии в полевом сражении⁴. Поскольку систематическая осада и взятие этих крепостей серьезным образом замедляли наступление российских армий, Пушкин советовал в будущем блокировать их резервными частями и использовать основную массу армии для быстрого продвижения вглубь османской территории⁵. Наконец, Пушкин рекомендовал использовать драгун и конных охотников для ведения малой войны и поднятия всеобщего восстания среди местного населения, «сих изнуренных невольников военным деспотизмом Оттоманским»⁶. Пушкин оправдывал использование подобных мер тем, что «турки суть в Европе иноплеменные солдаты», держащие истинных обитателей «Турции в Европе» — греков и болгар — «под военным управлением». Как и Барон де Тотт полстолетием ранее, российский

¹ Пушкин А.Н. Взгляд на военное состояние турецкой империи // Сын Отечества. 1826. Ч. 107. № 10. С. 187.

² Там же. С. 180–181.

³ Там же. С. 182. Эту идею впервые высказал Раймондо Монтекукколи, после чего ее подхватили военные писатели XVIII столетия, например Варнери. Его работа, впервые опубликованная в 1764 году, была известна П.А. Румянцеву и другим российским командующим, чьим сослуживцем Варнери был на протяжении трех десятилетий. См.: *Warnery Ch. de. Remarques sur le Militaire des Turcs et des Russes*. P. 186 и Preface.

⁴ См. также: Глебов П.Н. Осада Силистрии в 1829 году. (Из воспоминаний армейского офицера.) // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1843. Т. 40. № 157. С. 60.

⁵ Пушкин А.Н. Взгляд на военное состояние турецкой империи // Сын Отечества. 1826. Ч. 107. № 11. С. 268, 274.

⁶ Там же. С. 266.

автор утверждал, что турки «едва ли... составляют народ, но войско, твердо расположенное в Европе» и что их нельзя завоевать именно потому, что «войска, не покоряют»¹. В то же время Пушкин настаивал на том, что «победить и изгнать турок всегда можно из Европы»².

На момент написания своей работы Пушкин еще не имел личного опыта боевых действий против османов и основывался на работах западных экспертов по османскому образу ведения войны. Еще большая погруженность в западную литературу об Османской империи имела место в случае с Иваном Петровичем Липранди. Участник войны 1812 года, так же как и Пушкин, Липранди начал собирать работы европейских авторов о державе Османов после того, как поселился в Бессарабии в 1818 году. Война 1828–1829 годов предоставила Липранди возможность дополнить свои широкие знания личным опытом, на основании которого он написал монументальный «Опыт словоистолкователя Османской империи» (1836), который остался неопубликованным, а также серию более мелких работ, вышедших в период Крымской войны³. Целью Липранди было восполнить неудачу европейцев и россиян в извлечении уроков из опыта войн с османами на протяжении предшествовавших полутора столетий. Согласно российскому автору, неудачный опыт первых кампаний во всех этих войнах позволял европейцам приобрести необходимые знания, однако лишь на время текущей войны, после чего они снова оказывались утраченными⁴. Разумеется, работы Липранди должны были предотвратить повторение подобного.

В своих рекомендациях Липранди исходил из постулата о том, что военная стратегия должна учитывать характеристики противника. Он подспудно противопоставлял универсальные принципы современной военной стратегии, полагавшиеся повсеместно применимыми, изначальному смыслу «стратагемы», который это слово носило среди греков и римлян, а именно военной хитрости, которую применяли против

¹ Там же. № 9. С. 75–76. См. замечание барона де Тотта о том, что «Турецкое правительство можно считать армией расположившейся лагерем, чей генерал отдает приказы фуражировать окрестности»: *Tott F. de. Mémoires du baron de Tott, sur les turcs et les tartars. Amsterdam: n/p, 1785. Vol. 2. P. 21.*

² Пушкин А.Н. Взгляд на военное состояние турецкой империи // Сын Отечества. 1826. Ч. 107. № 9. С. 75–76.

³ В качестве начальника разведки Второй армии Липранди знал о трудах офицеров его штаба по истории русско-турецких войн и даже в какой-то момент назвал свои собственные труды продолжением их проекта.

⁴ Липранди И.П. Обзорение пространства, служившего театром войны России с Турцией с 1806 по 1812 год. СПб.: Генеральный штаб, 1854. С. v.

конкретного противника¹. Согласно Липранди, теория стратегических линий Жомини могла привести к успеху только в случае «совершенного знания свойств неприятеля», какое характеризовало древних и раннемодерных полководцев². Этот принцип был особенно важен для России, которая соседствовала с народами «совершенно друг другу противоположными»³. Будучи вынужденной воевать со столь разными противниками, как шведы и турки, Россия нуждалась в особенной тактике для каждого неприятеля, и «даже стратегические предписания должны иметь различное основание, соответственно духу, образу войны, политическому расположению и прочим способам края»⁴.

Липранди соглашался с Пушкиным относительно того, что «война с Турками, во всех отношениях, представляет собой противоположность с войною Европейскою», и приписывал это отличие среди прочего особенностям османской армии⁵. По его мнению, османская пехота, кавалерия и артиллерия не составляли единого целого, как было в случае с европейскими войсками⁶. Если атака османской пехоты была успешной, османская кавалерия с охотой преследовала отступающего противника. В противном случае, утверждал Липранди, османские всадники предпочитали держаться как можно дальше от своей собственной пехоты, опасаясь, чтобы потерпевшие поражение янычары не напали на них и не отобрали их лошадей, чтобы бежать на них с поля боя, как неоднократно происходило в войнах с австрийцами и россиянами⁷. Османская пехота и кавалерия не оказывали помощи и своей собственной артиллерии. Неспособность последней остановить наступление противника обычно служила сигналом к отступлению всей османской армии⁸.

Несмотря на эти вопиющие недостатки армии османов, применение «ученых условий военного искусства» не гарантировало европейцам успеха в войнах с ними. «[Без] особого применения и навыка» такие принципы, по мнению Липранди, были «столь же бесполезны,

---

¹ Он же. Некоторые замечания по поводу двух сочинений, вышедших под заглавием «Малая война». СПб.: Министерство внутренних дел, 1851. С. 17.

² Там же. С. 20. См. также: Липранди И.П. Обзорение пространства. С. х.

³ Там же. С. viii и сноска 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. i.

⁶ Липранди И.П. Взаимное действие пехоты, конницы и артиллерии у турок. СПб.: Военная типография, 1854. С. 1.

⁷ Там же. С. 2–5.

⁸ Там же. С. 6–7.

как и все выступления человека, искусно владеющего оружием и обдумывающего удары, против соперника, нападающего исступлено без всяких правил»¹. Согласно Липранди, «отдельный начальник, самый опытный и искусный в войнах с Французами, на каждом шагу будет изумлен воюя с Турками, будет остановлен препятствиями ничтожными, расстроен неправильными, по его мнению, движениями и т.д.»². Напротив, успешные действия против османов зачастую делали необходимыми отступления от правил регулярной войны, что было бы немыслимо в войнах против европейского противника³. Как показала история «турецких кампаний» российской армии, необходимо было избегать осады османских крепостей вне постулатов военной науки⁴. Как и Пушкин, Липранди полагал, что осадная война обходилась слишком дорого, ввиду отчаянной храбрости, которую проявляли османские воины в замкнутом пространстве, и была бесполезной, поскольку они редко осуществляли вылазки, которые могли составить серьезные трудности для наступающей армии⁵.

Войны европейских держав с османами и в особенности австрийские и венгерские кампании демонстрировали, что местные жители никогда не оставались нейтральными и поддерживали противника, если их не привлекали в волонтерские отряды. Согласно Липранди, отсутствие таких отрядов делало регулярную армию уязвимой в малой войне на флангах и в тылу, для которой европейский солдат

¹ Липранди И.П. Обзорение пространства. С. i.

² Липранди И.П. Некоторые замечания. С. 7. Прусский генерал фон Валентини даже утверждал, что «великие генералы, побеждавшие турок, не могли подтвердить свою репутацию, действуя против других наций» и наоборот. *Valentini G.W. Military Reflections on Turkey by Baron von Valentini. London: Rivlington, 1828. P. 61.* См. также: Военное искусство и военные силы турок // Военный журнал. 1829. № 5. С. 201–210. Известный немецкий автор отмечал многие военные нововведения, перенятые европейцами от османов (использование стрелков, атаки в колоннах и многочисленная и эффективная легкая кавалерия), высоко отзывался о моральных качествах турок и советовал «не недооценивать турок».

³ Липранди И.П. Обзорение пространства. С. x–xi. Примеры подобных отклонений от принципов европейского военного искусства можно найти в: Липранди И.П. Некоторые замечания. С. 21–25.

⁴ Напротив, в своем военном обозрении Турции в Европе прусский автор Фридрих фон Сириаси утверждал, что «завоевать Европейскую Турцию можно лишь действуя систематически». Согласно фон Сириаси, многочисленные упорно защищаемые укрепления угрожали коммуникациям вторгающейся армии. См.: *Ciriacy F. von. Théâtres des guerres. P. 33.*

⁵ Липранди И.П. Осады турецких крепостей. СПб.: Военная типография, 1855. С. 2–3.

был неприспособлен: «Коммуникации будут перерезаны, разъезды и малые партии или посты угрожаемы, селения, не только Турецкие, но и Болгарские, будут пусты». Напротив, с помощью волонтерских отрядов, сформированных «сообразно с духом людей», можно было «располага[ть] в нашу пользу умы обитателей и удержива[ть] их в тишине и спокойствии»¹. Липранди утверждал это, основываясь на личном опыте. В начале 1829 года он заручился разрешением российского главнокомандующего И.И. Дибича на создание отряда волонтеров-партизан, который способствовал замирению мусульманского и христианского населения в тылу российской армии, продвигавшейся к Адрианополю².

Примечательно, что и Пушкин, и Липранди были ветеранами войны 1812 года, и оба они в какой-то момент заинтересовались историей «турецких кампаний» еще до того, как приобрели личный опыт боевых действий против турок. Это обстоятельство свидетельствует об интеллектуальном импульсе наполеоновских войн для российского офицерства. Пример Пушкина и Липранди также свидетельствует о знакомстве российских офицеров того периода с военной литературой, необходимой для осуществления сравнений между европейским и османским способом ведения войны. Работы Пушкина и Липранди также иллюстрируют соответственно универалистский и релятивистский подходы, определявшие рецепцию западной военной теории в России, а также российские репрезентации османского способа ведения войны. В то время как Пушкин склонялся к универалистскому подходу и утверждал превосходство европейского военного искусства над энергией османского натиска, Липранди занимал релятивистскую точку зрения и подчеркивал прежде всего малоприменимость западной стратегии и тактики против османов. При этом оба автора высказывали мысль о том, что османский способ ведения войны был совершенно самобытен — мысль, которую также разделяло большинство российских военных авторов екатерининской, александровской и николаевской эпох.

¹ Липранди И.П. Общие сведения о Европейской Турции. Из Записок И.П. Липранди // ЧИОИДР. 1876. № 4. С. 19–21.

² В 1833 году Липранди описал действия своего отряда. См.: Липранди И.П. Особенности войн с турками. СПб.: Фомин, 1877. С. 91–108. См. также: Ишутин В.В. Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 89.

Зрелищность и ужас османского способа ведения войны

Обсуждение османской тактики было не единственным и даже, быть может, не самым главным способом ориентализации противника. Не менее значимыми были описания прямого столкновения с османскими воинами в бою, которые концентрировались на их внешнем виде и образе действий. Внешний вид султанской армии отражался в ориентализирующих описаниях уже во время Прутского похода Петра I. Османские войска и татарская конница, противостоявшие российской армии у Стэнилешть, поразили одного из российских командиров, французского авантюриста Жана Николя Моро де Бразе, который признавался, что изо всех армий, которые ему доводилось видеть, никогда не видывал «ни одной прекраснее, величественнее и великолепнее армии турецкой. Эти разноцветные одежды, ярко освещенные солнцем, блеск оружия, сверкающего наподобие бесчисленных алмазов, величавое однообразие головного убора, эти легкие, но завидные кони, все это на гладкой степи, окружая нас полумесяцем, составляло картину невыразимую»¹.

Османские войска полностью сохраняли свою зрелищность и в бою. Согласно Мартосу, «их крик, развевающиеся знамена, пестрота одежд, состав[ляли] прекрасную картину для глаз и неприятную, страшную музыку для слуха»². Российский артиллерист П.Н. Глебов, которому довелось наблюдать османскую вылазку против российских войск, осаждавших Силистрию в 1829 году, находил картину еще более впечатляющей. В то время как османская пехота вступила в схватку с российской, «турецкие наездники, в блестящих яркими красками одеждах, выскакивали поодиночке из крепостных ворот, и, гарцуя, носились вокруг своих пехотинцев, ободряя их дикими криками; потом, пустив из длинного пистолета пулю на ветер, уносились назад за свои укрепления». Все это время российская линия оставалась неподвижной, «отражая бешенство необузданного натиска равнодушною твердостью, этим отличительным качеством европейского строя». По

¹ Записки Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 г.) // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.: АН СССР, 1950. Т. 10. С. 329. Ориг. фр. изд.: *Moreau de Brasey J. Mémoires politiques, amusants et satiriques de messire J.N.D.B.C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne*. 3 vols. Veritopolie: Jean Disant-vrai, 1735.

² *Мартос А.И.* Записки инженерного офицера Мартоса // Русский архив. 1893. № 7. С. 353.

словам Глебова, противостояние между живописными османскими войсками и регулярными построениями россиян позволяло наслаждаться «чудесным спектаклем боевой схватки, в котором, поистине, было много неподдельной поэзии»¹.

Османский лагерь так же составлял собой замечательное зрелище. По словам одного неизвестного российского автора XVIII столетия, многочисленные шатры пашей отличало «великолепие, commodность и простор», что делало их подобными «прекрасным хоромам». Содержимое этих палаточных дворцов было столь же впечатляющим: «Древки высеребрены и позолочены, материи самые лучшие, шитье, ковры, подушки — все представляет роскошь с пышностью соединенную»². По свидетельству ветерана войны 1806–1812 годов И.О. Отрощенко, в османском лагере под Рушукком, захваченном Кутузовым в результате его знаменитого маневра в ноябре 1811 года, было найдено много «разного драгоценного оружия, розового масла, опиуму»³. Даже небольшой османский лагерь, захваченный после сражения у Бэйлешть в Малой Валахии в 1829 году, оказался полон сказочных богатств. По свидетельству Ф.Ф. Торнау, в нем находилось несколько тысяч лошадей, множество богато отделанных сабель, пистолетов, инкрустированных серебром ятаганов, янтарных трубок, восточных ковров, шалей и «все прихоти восточной роскоши»⁴. Согласно А.Н. Пушкину, со времен правления Мехмеда IV (1648–1687) «огромная прислуга и умножение мастеровых сделалось необходимой принадлежностью армии, которая уже не воевала набегами, как прежние Татары сие делали». В результате «Турецкий лагерь, расположенный по большей части наподобие полумесяца, и наполненный женами, невольниками и разного звания людьми, обозами и множеством палаток и шатров, не в надлежащем порядке расставленных, составляет, так сказать, вторую армию, может быть многочисленнейшую первой»⁵. В то время как Пушкин приписывал этот вкус к роскоши «непременности и постепенности», которую османские войска приобрели со временем, прусский генерал Георг Фридрих фон Валентини, временно поступивший на российскую службу и участвовавший в кампании 1809–1810 годов на Дунае, нахо-

¹ Глебов П.Н. Осада Силистрии в 1829 году. С. 67–68.

² Различные записки, касающиеся до турок // Растущий виноград. 1785. № 12. С. 41–42.

³ См.: Отрощенко И.О. Записки генерала Отрощенко // Русский вестник. 1877. № 10. С. 531.

⁴ Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М.: Арио-XX, 2002. С. 31–32.

⁵ Пушкин А.Н. Взгляд // Сын Отечества. 1826. Ч. 107. № 11. С. 265.

дил желание брать на войну предметы роскоши одним из проявлений военного деспотизма¹.

Со временем мотив беспорядка и хаоса, царивших в османской армии, стал преобладать над образами богатства и роскоши. Эта перемена отражала более общее изменение в западном восприятии Востока, в результате которого явная бедность начала проглядывать из-за фасада сказочных богатств. После того как начало Греческого восстания против Порты в 1821 году заставило всех ожидать новой русско-турецкой войны, журнал «Вестник Европы» предоставил вниманию своих читателей отрывок из «Путешествий по Греции» Франсуа Пуквиля, в которых французский автор сравнивал войска султана с разношерстными толпами католических паломников, нападавших на гугенотов на пути в Сантьяго де Кампостелла:

Вместо пилигримов с четками на шее, здесь шумным толпам предшествуют, в знак смирения, сидящие на ослах, Календеры с хоругвями в руках, крича во все горло: Алла-Алла! За ними следуют Делии (шуты), то есть избранные наездники, которые бросаются в стороны и грабят все, что ни встретят на пути своем. За сими героями тянутся Тимариоты, то есть народная кавалерия, на лошадях, на ослах и на мулах, большею частию краденых; стремена заменяются у них веревками. Потом шествует пехота, самое негодное войско из всех на свете. Она разделяется на байраки (вероятно то же что у нас роты); солдаты с ружьями без штыков, вооруженные сверх того длинными пистолетами и кинжалами, идут без всякого порядка под густым облаком пыли; идут как стадо овец, гонимое на пастбище. За сею прекрасною пехотой выступают топчисы, или канонеры, перед которыми тянутся пушки; обыкновенно везут их буйволы или же Християне, понуждаемые бичами. Наконец за етою смесью разноязычных варваров — из числа которых одни поют во все горло, другие для препровождения времени стреляют на воздух — являются полководцы богато одетые, окружаемые толпою невольников, коих вся значительность перед другими состоит в том единственно, что они разгоняют палками любопытных зрителей, забывающих держать себя в почтительной отдаленности².

¹ См.: *Valentini G.W. Military Reflections on Turkey*. P. 9, сноска.

² [Пуквиль Ф.] Картина Турецкого войска // *Вестник Европы*. 1822. Ч. 123. № 17. С. 228–230. См.: *Pouqueville F. Voyage dans la Grèce*. Paris: Didier Firmin, 1822. Vol. 5. P. 447–448.

Хотя российский журнал высказывал убеждение, что у турецкого войска не было ни малейшего шанса в столкновении «с линейными полками просвещенных народов... коих первой напор непременно расстроит его и опрокинет», не все российские военные высказывали столь презрительное отношение к историческому сопернику. Некоторые из них продолжали относиться к османам как к серьезным и даже грозным противникам. В 1810-е годы А.И. Мартос высмеивал тех дилетантов военного искусства, которые, в отличие от него самого, не участвовали в «турецких кампаниях» и думали, что с османами сражаться легко, ввиду их неискушенности в тактике и отсутствия у них хороших полководцев. Указывая на горькие уроки, которые османы давали различным европейским державам, Мартос писал о «пылкой храбрости и духе беспримерного мужества» турок и признавался, что и «с первого раза нельзя не почувствовать ужаса и содрогания видя грозного неприятеля, несущегося со своими значками и знаменами, которых ни один мусульманин никогда не оставляет»¹.

Вне зависимости от того, было ли их отношение к османским солдатам презрительным или уважительным, российские авторы были единогласны в том, что поведение османских воинов на поле боя отличалось от поведения европейских солдат, и потому его необходимо было принимать во внимание. В своем дневнике, посвященном войне 1787–1792 годов, майор М.Л. фон Раан настаивал на том, что в «турецких кампаниях» необходимо было делать все для достижения успеха в первом же сражении. Если османской армии удастся отразить первую атаку, «отважность их чрезвычайно возраст[ает], и в другой раз должно от них ожидать гораздо сильнеего нападения. На против того, если при первой атаке им сделан будет отпор, то потом они и в половину не так страшны; что уже бесчисленными опытами доказано в прошедшей войне»². С фон Рааном соглашался Ф.Ф. Торнау, писавший, что «[в] войне с турками и с другими восточными народами надо смело идти вперед, не пугаясь численности противника... Отступать перед ними значит вызывать на себя срам и поражение, потому что азиятцы преследуют не устоявшего врага с неотразимым бешенством»³.

Авторы, более скептически относившиеся к османам, подчеркивали прежде всего их непостоянство в бою. Ветеран кампании 1829 года

¹ Мартос А.И. Отрывок из писем русского офицера. С. 166–167.

² Раан М.Л. Перечень из собственного журнала в продолжение прошедшей войны. СПб.: Государственная военная коллегия, 1792. С. 25.

³ Торнау Ф.Ф. Воспоминания. С. 101.

доктор К.К. Зейдлиц отмечал, что «турок заносчив и жесток в счастье, но как только победа не на его стороне, он сейчас же начинает трусить и подличать»¹. По мнению более симпатизировавшего османам Глебова, недостаток «сухой прозаической храбрости, этого отличительного качества регулярного строя» делал их плохими солдатами, «хотя каждый из них воин в лучшем значении этого слова»². По мнению Липранди, сочетавшего теоретические познания с боевым опытом, катастрофические поражения, понесенные османами от австрийцев и россиян, объяснялись отсутствием координации действий между различными частями османской армии, а также их исключительной способностью передавать панику друг другу³.

Внезапный переход от храбрости к панике, который, по мнению российских авторов, характеризовал османских воинов, представлялся порой в качестве универсальной черты, отличавшей азиатов от европейцев. Согласно Липранди, «никто не подвергается этому страху более Турок, с тем однако же ограничением, что на них он действует тогда лишь, когда настоящая опасность еще далека, напротив, когда она представляется уже лицом к лицу, Турок проходит в остервенение, им овладевает самая отчаянная храбрость»⁴. Служивший на Кавказе М.Я. Ольшевский утверждал, что страх и паника, присущие всем народам во всех частях света, оказывали особенно разительное воздействие на южан и людей Востока. В то время как северяне могли оправиться от страха через день, «на Юге... весь организм человека до того поражается ужасом и ослабевает, что он впадает в болезнь и по несколько месяцев не может ходить и делать что-нибудь сознательно»⁵.

Соратник Ольшевского по Кавказскому фронту в 1854–1855 годах Н.Н. Муравьев-Карский объяснял непостоянство духа османских войск сезонным характером восточной войны в целом. По его мнению, «Азиатец ближе к природе, чем Европейец и более его уподобляется в материальной жизни животному. Он угасает, замирает в зимнюю стужу и получает новую жизнь с возвращением теплых дней

¹ Зейдлиц К.К. Воспоминания доктора Зейдлица о турецком походе 1829 года (в письмах друзьям) // Русский архив. 1878. № 1. С. 424.

² Глебов П.Н. Осада Силистрии в 1829 году. С. 50.

³ Липранди И.П. Взаимное действие пехоты, конницы и артиллерии. С. 1.

⁴ Липранди И.П. Некоторые замечания. С. 7 и сноска.

⁵ Ольшевский М.Я. Русско-турецкая война за Кавказом // Русская старина. 1884. Т. 44. С. 512. Среди европейских наблюдателей Георг фон Валентини объяснял случаи паники в османских войсках недостатком дисциплины. См.: Valentini G.W. Military Reflections on Turkey. P. 52.

и возрождением природы». Согласно Муравьеву, «те же Турки, те же башибузуки и курды, коих существование увядало в течении зимы, являлось с новыми силами, на свежих конях и с новыми надеждами»¹. Соглашаясь с Муравьевым, Липранди рекомендовал осаждать османские крепости зимою, среди прочего потому что «Турок в зимнее время совсем перерождается и несравненно легче склоняется к сдаче». В подтверждение этого тезиса автор противопоставлял успешные осады крепостей Очакова и Измаила, обе из которых были взяты в декабре, неудачным летним штурмам Браилова и Рущука в 1809 и 1810 годах соответственно².

Помимо военных качеств, наиболее важным маркером инаковости, приписываемым османским войскам, было, безусловно, их обращение с пленными и погибшими врагами. Российские мемуары и дневники содержат графические описания «варварских» сторон османского способа ведения войны. Одно из наиболее ранних описаний этих практик можно найти в книге российского дипломата П.А. Левашева. Напомним, что после периода заключения в Семибашенном замке, Левашев оказался в обозе армии великого визиря, которая действовала против российских войск в Молдавии. По свидетельству Левашева, в какой-то момент конница визиря принесла на своих пиках тринадцать голов, отрубленных у павших в битве россиян. «На зрение [этих голов] из стана, так и из Бендер, было великое стечение народа причем одни на них плевали, другие бранили, как будто могли они слышать их брань, а некоторые кричали таким голосом, какому мнили у них быть, когда их рубили из чего всяк удобно может судить колико слепотствующ и подл сей народ»³.

Спустя два десятилетия в своем дневнике, посвященном русско-турецкой войне 1787–1792 годов, Р.М. Цебриков находил османское обращение с военнопленными и погибшими полностью противоположным обычаям цивилизованных народов. Согласно Цебрикову, «разум философии» убедил европейские народы, что «несчастные жертвы, хотя и спасшиеся от огня и меча, не должны чувствовать по крайней мере в плену горестной своей участи, и для того не лишают их нужного к пропитанию». Напротив, «грубый, в невежестве пребывающий турок дополняет меру своего мщения, попавших в руки храбрых воинов

¹ *Муравьев Н.Н.* О войне 1855 г. в Малой Азии // *Русский вестник*. 1862. Т. 37. № 1. С. 325.

² *Липранди И.П.* Особенности войн с турками. С. 147–148.

³ *Левашев П.А.* Плен и страдание россиян у турков. С. 80–81.

изнурением и наруганием»¹. По свидетельству Цебрикова, во время осады Очакова российскими войсками под командованием Г.А. Потемкина османские воины не только убивали раненых российских солдат «наимучительнейшим образом», но также и отрубали им головы, «натывая на колья по стенам градским»². Цебрикову было особенно не по себе от этого «зверского мщения» потому, что подобная практика оказывалась заразной. После того как в ходе успешной вылазки защитников Очакова был обезглавлен один из российских генералов, разгневанный Потемкин приказал обезглавить трупы османских солдат, наполнявших ров, и выставить их напоказ в российском лагере. По свидетельству Цебрикова, «человеки сбегались со всех сторон, посмотрев на их содрогались и ощущали ноющее омерзение, солдат, вопия: штурм! штурм!.. мужик: неверные... чиновный: гадкость, и все содрогались и отвращались в скорости от сей сцены»³.

Хотя не все отрубленные головы были российскими, подобная практика, безусловно, представлялась недопустимой с точки зрения вестернизированных царских офицеров. Символизируя «варварство» османского способа ведения войны, отрубленные головы отделяли российских офицеров не только от «азиатских» противников, но также и от случайных «азиатских» союзников. В своих воспоминаниях о войне 1806–1812 годов, А.Ф. Ланжерон упоминал об «овации», которую валашские арнауты устроили российскому генералу М.А. Милорадовичу в момент его вступления в Бухарест в 1807 году после смелого маневра, который спас валашскую столицу от разграбления османскими войсками. Узнав, что генерал намеревается остановиться в доме князя Григория Гики, они отрубили головы всех павших

¹ Цебриков Р.М. Вокруг Очакова. 1788 г. (Дневник очевидца.) // Русская старина. 1895. № 9. С. 186.

² Там же. С. 176. По свидетельству Мартоса, после неудачного российского штурма Рушук в 1810 году защитники крепости украсили ее стены и валы 7500 головами погибших российских солдат. См.: Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса // Русский архив. 1893. № 7. С. 328. Османский обычай отрубать головы противников наблюдался и принцем де Линем, представлявшим австрийского императора Иосифа II при ставке Потемкина во время осады Очакова в 1788 году. См.: Линь Ш.Ж. де. Два письма принца де Линя // Вестник Европы. 1809. Ч. 48. № 21. С. 23.

³ Цебриков Р.М. Вокруг Очакова. С. 205. Не только россияне в этом случае сделали то, что они, впрочем, считали подтверждением варварства своих противников. Памфлеты времен Тринадцатилетней войны между Габсбургами и Османами (1593–1606) упоминали, что христиане также радовались возможности отрубить мусульманские головы и водрузить их на пики. См.: Rouilliant C.D. The Turk in French History, Thought and Literature, 1520–1660. Paris: Boivin and Co., 1938. P. 79.

противников и укрепили их вдоль парадной лестницы, у дверей и на галерее, и осветили каждую из них факелом¹. Сопровождаемый арнаутами в своем триумфальном шествии по улицам Бухареста, Милорадович возликовал, увидев иллюминацию вдали. Однако, «когда он вошел во двор и увидел это ужасное зрелище, он на несколько минут потерял сознание». Придя в себя, Милорадович отказался жить в этом окровавленном дворце и поместился там лишь после того, как все было вымыто и вычищено².

Вид османов, отрубавших головы поверженных противников в самой гуще боя, составлял самое ужасное и в то же время самое захватывающее зрелище в российских описаниях «турецких кампаний». В своих воспоминаниях Ф.Ф. Торнау детально описал несчастную участь квартирмейстера, который решил присоединиться к российской вылазке через Дунай против османской крепости Рахово, был легко ранен и отстал от соратников. Увлеченный боем на улицах, Торнау внезапно услышал отчаянный крик у себя за спиной и, обернувшись, увидел квартирмейстера на коленях между двумя турками, которые спешно отрезали ему голову. Хотя российские пехотинцы бросились «на них с бешенством, догнали и в одно мгновение избили в решетот», было уже поздно, потому что голова квартирмейстера уже «каталась в пыли, скрежеща зубами, [а] непомертвевшие глаза выражали всю силу предсмертного страдания»³. Шокирующий вид расчлененного человеческого тела можно встретить на любой войне. Однако Торнау и других российских офицеров ужасало то, что османские воины делали своими руками то, что на европейских полях сражений было следствием падения пушечного ядра в пехотный строй.

Российские авторы находили обычай отрезать носы и уши не менее отвратительным, чем отрубание голов. В описании своего плена А.Г. Розальон-Сошальский упоминает о том, что однажды его и других пленных российских офицеров поместили в палатку рядом с несколькими бочонками отрубленных и засоленных ушей⁴. По словам

¹ Будущий господарь Валахии Григоре IV Гика (1822–1828).

² Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией, 1806–12 гг. // Русская старина. 1907. № 6. С. 588. Ланжерон был французским роялистом, который на протяжении четырех десятилетий сделал замечательную карьеру в России и умер российским подданным в 1831 году от холеры. К тому времени его французское имя — Louis Alexandre Andrault — превратилось в русское Александр Федорович.

³ Торнау Ф.Ф. Воспоминания. С. 57.

⁴ Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера, бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. № 5. С. 183. Среди западных

Зейдлица, «правовверные Турки все еще считали, что с подобными трофеями легче войти в рай»¹. По свидетельству Зейдлица, во время сражения при Кулевче в 1829 году османские войска, получившие временное преимущество, «успели дать волю своей скотской кровожадности, изуродовали мертвых и мучили самым ужасным образом живых, попавшихся к ним в руки»². О том же свидетельствовал из-под Шумлы и молодой российский дипломат Ф.П. Фонтон, чье перо «отказыва[лось] описать ужасное, жалостное зрелище», которое он увидел в российском редуте, временно захваченном турками, которые «не стыдились неистовства свои совершать и на трупах»³.

Тема «турецкого варварства» стала лейтмотивом для российских военных мемуаристов, несмотря на то что османская армия претерпела существенные изменения к середине XIX столетия. По свидетельству участника дунайской кампании 1853–1854 годов П.В. Алабина, османские солдаты снимали скальпы, а также отрубали носы и уши у российских пленников, захваченных в сражении при Ольтенице. Для Алабина этот эпизод служил доказательством неизменяющейся природы противника, что было одной из ключевых характеристик ориенталистского дискурса. Российский автор утверждал, что «турецкий народ и его регулярные войска не покинули еще ни ненависти своей к христианству, ни изуверства, ни варварского образа действия с пленными и ранеными». По мнению Алабина, «они те же по отношению к просвещению, какими были во времена Магомета Второго»⁴.

Реакция российских мемуаристов и авторов дневников на османские «варварства» отражала их представления о допустимых

авторов, участвовавших в войнах с турками, османский обычай отрезать уши подтверждается Георгом фон Валентини, который отмечал, что отрезанные уши служили заменой отрубленных голов, когда последних было слишком много. См.: *Valentini G.W. Military Reflections on Turkey*. P. 55. В то время как Валентини писал про войну 1806–1812 годов, Чесней отмечал ту же практику и во время османских вылазок из Варны, осажденной российским войсками в 1828 году. См.: *Chesney F.R. The Russian-Turkish Campaigns of 1828 and 1829*. P. 107–108.

¹ Зейдлиц К.К. Воспоминания доктора Зейдлица // Русский архив. 1878. № 4. С. 424.

² Там же.

³ Фонтон Ф.П. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры дунайской армии в 1828 и 1829 гг. Лейпциг: Франц Вагнер 1862. Т. 1. С. 139.

⁴ Алабин П.В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56 и 1877–1878 гг. М.: Кушнарев, 1890. Т. 2. С. 147–148.

формах насилия на войне. Эти представления возникли в Европе к концу раннемодерного периода и отражали процесс подчинения сражающихся тел правилам рационалистического военного искусства. Осуждение крайних форм телесного насилия было оборотной стороной превращения солдат в автоматы, подчинявшиеся командам образованного офицера благородного происхождения. Все более сложное маневрирование, избегание сражений, попытки минимизировать разрушительное воздействие войны на гражданское население составляли другие аспекты сублимации войны в XVIII столетии¹. Эти общеевропейские тенденции оказывали влияние и на российских офицеров, чье участие в Семилетней войне, а также в войнах с наполеоновской Францией привело к усвоению ими принципов «цивилизованной» войны. Это усвоение не только побуждало российских авторов ориентализировать османскую армию, но и заставляло их осуждать определенные действия самих российских войск во время «турецких кампаний».

Так, в 1769 году российский генерал ливонского происхождения Георг Эрнест фон Штрاندман был свидетелем нападения казаков на буджакских татар, бывших вассалами крымского хана. По свидетельству Штрандмана, казаки опустошили татарские деревни и кибитки, несмотря на то что их обитатели уже направили депутатов для переговоров о переходе в российское подданство. По словам автора, «казаки совершали при этом самые отвратительные жестокости и умерщвляли всех встречаемых, не исключая детей и женщин», но в конце концов были жестоко наказаны за это превосходящими силами татар². Эпизод, рассказанный Штрандманом, напоминал о жестокостях российских казаков в Восточной Пруссии в начале Семилетней войны 1756–1763 годов³. Ветеран этой войны А.Т. Болотов писал про «разорения, поджоги и грабительства» и «наивеличайшие своевольства и оскорбления» в отношении женщин, совершенные российскими казаками и калмыками. По признанию самого Болотова, эти действия казаков были нарушением «всех военных правил». Они вредили международному образу России, «ибо все европейские народы, услышав о таковых варварствах,

¹ Более подробное рассмотрение этого феномена можно найти в: *Bell D. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It*. Boston: Houghton Mifflin, 2007. P. 44–51.

² Штрандман Г.Е. Записки // Русская старина. 1882. № 5. С. 306.

³ *Keep J. Russian Army in the Seven Years War // The Military and Society in Russia, 1497–1917* / Eds. E. Lohr, M. Poe. Leiden; Boston: Brill, 2002. P. 197–220; *Duffy Ch. Russia's Military Way to the West*. P. 71–120.

стали и обо всей нашей армии думать, что она такая же»¹. Та же самая озабоченность восприятием России в Европе, по-видимому, подвигла другого участника Семилетней войны, фаворита Екатерины II Г.Г. Орлова писать российскому главнокомандующему Румянцеву о неприемлемости нерегулярной войны, в особенности сжигания деревень вокруг османских крепостей Журжи и Браилова войсками генерала Х.Ф. фон Штоффельна зимой 1769–1770 годов.

Как и Орлов, Румянцев был ветераном Семилетней войны и в своем ответе фавориту признавал, что сожжение селений «есть обычай воюющих варваров, а не Европейцев». При этом российский главнокомандующий утверждал, что война против османов имеет в себе «иные меры и иной образ, как во брани в других частях Европы». Выгоды сохранения селений не были очевидны в ходе боевых действий против османов, потому что «неприятель, ежели не успеет со всеми пожитками убраться, то сам оные истребляет, чтобы нам ничего не осталось». Если же сохранять селения, «то должно в опасности быть, чтобы оные не заразил неприятель, не знающий человечества, лютою язвой, что он неоднократно применял на гибель рода человеческого»².

Отвечая на личный запрос Екатерины II по поводу этого инцидента, Румянцев признавал, что война на Дунае «имеет вид того же варварства, которое было обычно и нашим предкам, и всем диким народам». Румянцев отмечал, что россияне оставили свои прежние обычаи после того, как прусская война продемонстрировала невыгоду поджогов и разорений в пространстве театра военных действий, однако «лютость и бесчеловечие» нынешнего противника не позволяли «соблюдать меры благости». Примеры их варварства «столь ожесточают и наши войска, что выходят сии из всякой против них пощады». Румянцев указывал на военную целесообразность сожжения селений, поскольку это лишало османов возможности закрепиться на левом берегу Дуная и оборонять Молдавию и Валахию. Главнокомандующий также уверял императрицу, что христианские жители сожженных селений были оповещены заранее и имели возможность перевезти свои пожитки на территорию княжеств. Что же до жителей-мусульман, составлявших большую часть населения

¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения А.Т. Болотова. Т. 1. С. 476–477.

² Румянцев — Г.Г. Орлову, февраль 1770 года // ЧИОИДР. 1865. № 2. С. 22–23. Румянцев, по-видимому, имел в виду отравление колодцев буджакскими татарами во время Прутского похода, а также крымскими татарами во время вторжения российских войск в Крым в 1736 году.

этих деревень, то они бежали за Дунай при первом приближении российских войск¹.

В ходе русско-турецких войн последующего периода российские полководцы продолжали использовать тактику выжженной земли. Так, в 1806–1812 годах обе воюющие стороны практиковали насильственное переселение местных жителей в таких масштабах, что к концу войны дунайская Болгария практически полностью обезлюдела². Об отношении жителей-христиан к подобным мерам можно догадаться из описания Мартосом сожжения Рущука российскими войсками в 1811 году. Бывшее частью маневра, позволившего Кутузову одержать победу над превосходящими османскими силами, разрушение и оставление Рущукской крепости стало трагедией для местного армянского и болгарского населения. Армяне отказались покидать свои дома, даже рискуя погибнуть в пламени. Болгары долгое время не верили, что город будет сожжен, однако их недоверие сменилось гневом, когда российские войска начали свое «грабительное предприятие». Мартос был вынужден признать, что болгары были совершенно правы, изливая проклятия на российские войска, когда он видел «их бледные лица, плачь ребят, крик жен и стоны старцев... приводящие в ужас железные сердца»³.

Критика Мартоса не ограничивалась теми действиями российской армии, которые вредили православным единоверцам. За год до сожжения Рущука он был свидетелем разграбления «жалким образом» российскими войсками города Кузгун, что включало в себя осквернение мечетей, срывание свинцовых крыш, сожжение лучших строений, включая дворец османского губернатора, а также деревень вокруг города. Мартос скептически отнесся к попыткам своих товарищей-офицеров оправдать подобные действия отсылками к военной целесообразности и находил, что разрушения озлобляли местное население и затрудняли достижение российской армией своих целей. Войска испытывали голод и жажду в стране, «покинутой бедны[ми], несчастны[ми] жителел[ями], которые при виде солдат и казаков бежали в леса и укрывались там с дикими зверьми от варварской руки хищного солдата»⁴.

¹ Румянцев — Екатерине Второй, 18 марта 1770 года // Там же. С. 34.

² См.: Кутузов — военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли. 14 декабря 1811 года // М.И. Кутузов. Сборник материалов. Т. 3. С. 751.

³ Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса // Русский архив. 1893. № 7. С. 355.

⁴ Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса. С. 316. См. также: Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона // Русская старина. 1908. № 6. С. 683.

Мартос был не единственным российским мемуаристом, который писал о страданиях мусульманского населения в ходе «турецких кампаний». Другой ветеран войны 1806–1812 годов, будущий начальник Третьего отделения А.Х. Бенкендорф, также сочувствовал им, видя, как российские войска разоряют «места обитания турок [которые] были ухожены и заботливо окружены садами и виноградниками». По словам Бенкендорфа, «лишь, скрепя сердце, можно было преследовать этих счастливых людей и разрушать их радующие взор жилища»¹. Тактика выжженной земли грозила превратить «турецкие кампании» в войну против населения, от которой российским офицерам становилось не по себе. В 1828 году Розальон-Сошальский писал о тяжелом чувстве, возникавшем при виде разоренной страны, чьи жители «оставили ее, чтобы бежать от вас, и с раздраженным сердцем ждать в какой-нибудь засаде случая отомстить вам смертью за нарушение их спокойствия»².

Жестокости российских войск при взятии османских крепостей также беспокоили некоторых российских офицеров. По свидетельству французского «солдата удачи» Роже де Дамаса, который участвовал в штурме Очакова в 1788 году в качестве адъютанта Потемкина, российские солдаты убили 11 тысяч османов, многие из которых расстались с жизнью уже после того, как крепость была взята. Еще более «ужасная бойня» сопровождала взятие Измаила в 1790 году, когда помимо 24 тысяч вооруженных мужчин и «даже женщины и дети пали жертвой ярости и мести солдат»³. Насилие по отношению к мусульманскому населению в таких случаях было, по-видимому, реакцией на участие последнего в защите крепостей и способы, которыми они это делали. Так, во время неудачного штурма россиянами Рущук в 1810 году Мартос был свидетелем того, как защитники мужчины бросали бревна со стен, а также выливали на штурмующих солдат

¹ Бенкендорф А.Х. Из мемуаров графа А.Х. Бенкендорфа // Российский архив. М.: Российский фонд культуры. Студия «Тритэ» Никиты Михалкова «Российский архив». 2009. Т. 18. С. 292.

² Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера, бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. № 5. С. 175.

³ Damas R. de. Memoirs of the Comte Roger de Damas / Trans. R. Stawell. London: Chapman and Hall, 1913. P. 74, 141. По оценке Ланжерона, в Измаиле на момент осады находилось 38 000 человек. Помимо 20 000 солдат гарнизона, все остальные мужчины также взялись за оружие. Во время штурма 22 700 турок было убито и 10 000 захвачено в плен. Остальным удалось бежать. См.: Langeron L.A.A. Journal des campagnes faites au service de la Russie // Documente privitoare la istoria românilor. Suppliment 1. București: Sococu, 1886–1895. Vol. 3. P. 97.

кипяток и расплавленный свинец. Тем временем женщины заряжали мушкеты и стреляли из них, а дети серпами и колющими добивали раненых русских гренадеров¹. При всей своей критичности по отношению к тактике выжженной земли, практиковавшейся россиянами, Мартос явно полагал такие способы обороны неприемлемыми.

И тем не менее штурмы Очакова и Измаила выявили тревожную обратимость ориентализирующего дискурса, что заставляло некоторых авторов искать альтернативные стратегии репрезентации и видеть в происходящем проявление бесчеловечности войны или же отсутствие у солдат благородной сдержанности. Пример первого можно найти в описании Цебриковым захваченного Очакова, в котором созданные им ранее образы обезглавленных османами российских солдат отступили перед картиной тысяч трупов павших защитников и штурмующих, которые наполняли рвы и улицы разрушенной крепости. После того как тысячи оставшихся в живых османских защитников крепости стали умирать от зимней стужи, Цебриков больше не писал об их варварском обращении с российскими военнопленными. Вместо этого «омерзительное позорище» разрушенных домов заставило его думать «о зловредном изобретении пушек, бомб, мортир, ядер» и сожалеть об «учиненной человечеством против человечества жестокости»².

В то время как Цебриков отреагировал на жестокости российских войск при штурме Очакова критикой войны в духе Руссо, Арман Эммануэль дю Плесси, герцог Ришелье, объяснял резню, сопровождавшую захват Измаила, недостатком благородного хладнокровия у солдат-простолоудинов. Французский роялист, вступивший на царскую службу накануне штурма крепости, Ришелье отказывался видеть подобные «варварства» в качестве проявления «особого характера русских» и утверждал, что «никакое другое войско в Европе не действовало бы в подобной ситуации с большей мягкостью и человечностью». По мнению Ришелье, «большинство людей не обладают бесстрастностью, необходимой для того чтобы сдерживать гнев» по отношению к врагу, сложившему оружие после столь упорного сопротивления. В результате «ярость солдата возрастала тем больше чем сильнее было сопротивление ему оказываемое» и достигло такой степени, что «несмотря на дисциплину, царившую в российских войсках» ни российский

¹ Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса // Русский архив. 1893. № 7. С. 328.

² Цебриков Р.М. Вокруг Очакова. С. 210.

главнокомандующий Потемкин, ни сама Екатерина II, «несмотря на всю их власть, были бы не в силах спасти жизнь турка, которого солдаты хотели убить»¹. Ришелье отверг предположение о том, что более просвещенные европейские народы вели бы себя по-другому, указывая на «жестокости англичан» во время войны за независимость американских колоний, а также «варварства разных видов», которые можно было наблюдать во Франции с начала революции.

Представители вестернизированного российского офицерского корпуса артикулировали дискурс восточной войны посредством систематического сопоставления своего опыта европейских и «турецких кампаний». Различие между европейским военным искусством с его рациональными действиями в бою и brutальной спонтанностью османских войск описывалось как различие между «цивилизованной» войной и ее восточной формой. «Османские варварства» фигурировали в военных дневниках и мемуарах в качестве символической противоположности «оправданным» формам насилия на войне. Отрубленные головы и отрезанные носы отражали первичную brutальность боя. Они не только ужасали, но и будоражили воображение. Анекдот Ланжерона про обморок Милорадовича при виде отрубленных голов забавляет читателя, а описание Розальон-Сошальским пребывания в османском плену в 1828–1829 годах явным образом воспроизводит фабулу полного приключений путешествия вопреки, а может быть, даже и благодаря бочонкам с отрезанными и засолёнными ушами. Так же как и зрелищность османских войск на поле боя, их варварские жестокости являли собой щекочущий аспект войны, которая зачастую представлялась своего рода приключением. Но ориентализация противника имела свои пределы, о чем свидетельствуют те авторы, которым становилось не по себе от определенных действий самой российской армии. В такие моменты турки переставали представляться исключительно источником жестокостей и превращались собственно в жертв. Хотя некоторые российские офицеры пытались оправдать жестокости против мусульманского населения ссылками на его варварство, другие старались представить такие крайности в качестве проявления бесчеловечности войны как таковой или же указывали на отсутствие у солдат-простолюдинов благородной способности к самообладанию.

¹ Richelieu A.E. *du Plessis, duc de. Journal de mon voyage en Allemagne* // СИРИО. 1886. Т. 54. С. 189.

Экзотические войны

В своем обзоре «турецких кампаний» российской армии, опубликованном накануне Крымской войны, двадцатилетний поручик и будущий посол в Константинополе Н.П. Игнатьев утверждал, что «в Турции страшен не неприятель, а гибельны климат, недостаток в продовольствии [и] болезни, уносящие жизни десятков тысяч людей»¹. Военные мемуары XVIII и XIX столетий действительно содержат немало упоминаний тяжелого для россиян климата Северного Причерноморья и нижнего Дуная, служивших театрами боевых действий. Невыносимая жара и «крайний недостаток в съестных припасах», которые испытывала российская армия на Пруте в 1711 году, предвосхитили трудности последующих кампаний². Во время вторжения в Крым в 1736 году российских войск под командованием фельдмаршала Миниха «солдат солнечным зноем и худой пищей весьма изнуряем был», а затем и «всякими болезнями, яко лихорадками, горячками и кровавыми поносами»³. Лишь две тысячи российских солдат пали от руки турок и татар, которые, по свидетельству участника этого похода Кристофа Германа фон Манштейна, «для русской армии менее всего были страшны». Напротив, «гораздо гибельнее на нее действовали голод, жажда, постоянные труды и переходы в самое жаркое время года», которые унесли жизни почти половины солдат Миниха⁴.

Спустя несколько десятилетий Густав фон Штрэндман писал о кровавых поносах, злокачественной горячке, зное и отвратительных змеях, преследовавших его полк под Азовом в 1768–1774 годах⁵. На другом

¹ Игнатьев Н.П. Взгляд на постепенное изменение образа действий русских войск против турок. СПб.: Веймар, 1852. С. 14. Липранди также отмечал, что «война с Турками не кровопролитна, но гибельна во всех других отношениях». См.: Липранди И.П. Обзорение пространства. С. viii, 77.

² Выписка из журнала Александра Андреевича Яковлева, находящегося при Петре Великом во время сражения под Прутом, в 1711 году // Отечественные записки. 1824. Ч. 19. № 51. С. 16, 20.

³ Записка о том сколько помяту о крымских и турецких походах // Русский архив. 1878. № 3. С. 258, 260. Генерал Христоф Герман фон Манштейн (1711–1757), служивший капитаном при Минихе, писал о недостатке пресной воды и сильной жаре, в результате которой треть армии стали больными. См.: Манштейн К.Г. Записки Манштейна о России. СПб.: Балашев, 1875. С. 82, 84 (ориг. фр. изд.: *Manstein Ch.H. Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie*. 2 vols. Leipzig: Weidmann et Reich, 1771). Недавнее рассмотрение войны 1735–1739 годов можно найти у: Davies B. *Empire and Military Revolution*. P. 190–232.

⁴ Манштейн К.Г. Записки Манштейна о России. С. 95–96.

⁵ Штрэндман Г.Е. Записки. С. 296.

краю театра военных действий, в Молдавии, П.А. Румянцев жаловался на чередование «дождей обильных и зноя чрезмерного», которое трудно было переносить его солдатам, особенно новобранцам. По свидетельству российского полководца, практически сразу после восхода солнца началась невыносимая жара, в то время как ночи оставались необычайно холодными для лета¹. Фон Раан писал, что военные действия в Молдавии в 1788–1790 годах также проходили в условиях «несносного жара», причинявшего многие болезни в войсках, недостатка еды и фуража, а также плохого качества воды, которая была часто застоялой и полной насекомых². Российские солдаты также не могли надеяться на то, что за жарким летом последует мягкая зима. На зимних квартирах в Молдавии стужа заставляла российских солдат оставаться в землянках, что способствовало распространению болезней³.

Липранди отмечал, что даже временное пребывание в этой стране подрывало здоровье российских солдат, в результате чего они переходили Дунай «с упавшим уже духом, чтобы вступить в бой с многочисленным неприятелем, привыкшим к климату, свежим и здоровым»⁴. В низинах у реки российских солдат преследовали изматывающие и порой смертельные лихорадки. «Различные свойства вод, во многих местах горьковатых, солоноватых, серных, тинистых и пр., в разбросанных повсюду фонтанах, источниках и колодезях, соединяясь со злокачественным воздухом, зараженным от многообразных причин имея вредное влияние и на самих местных жителей, всем другим делается пагубным»⁵. Пища и одежда, способствовавшие здоровью российского солдата в других климатических зонах, становились фактором риска в условиях больших дневных перепадов температур в долине Дуная⁶. Авторы военно-статистического обозрения Молдавии, составленного после войны 1828–1829 годов, подчеркивали рукотворный характер плохого климата в княжестве, в особенности большие пространства нераспаханной земли, заросшей

¹ Румянцев — Екатерине Второй, 29 мая 1770 года // ЧИОИДР. 1865. № 2. С. 79; см.: Богданович М.И. Походы Румянцева. С. 57–58.

² Раан М.Л. Перечень из собственного журнала. С. 19, 29.

³ Там же. С. 39. С.А. Тучков также обращал внимание будущих российских полководцев на переменчивость климата Молдавии, где оттепели чередовались с морозами и снегопадами. Тучков С.А. Записки С.А. Тучкова // Русский вестник. 1906. № 8. С. 375.

⁴ Липранди И.П. Обзорение пространства. С. 76.

⁵ Липранди И.П. Общие сведения. С. 26.

⁶ Там же. С. 30–32.

дикой травой, тростником и тиной, а также кучи навоза и многочисленные захоронения в городах. По мнению авторов обозрения, болезненная конституция местных жителей свидетельствовала о влиянии «дурного воздуха, дурной пищи, невежества, беспечности, лености и нравственного разврата»¹. Дурной воздух, плохая вода и жилища-мазанки в совокупности вызывали «болезненное расстройство» и у российских солдат².

Российские описания Молдавии и Валахии в унисон восхваляли их плодородную почву, которая позволяла снимать урожаи в 1:10, 1:20 и даже 1:100 на определенные виды зерновых. И тем не менее российские войска, вступавшие в княжества, чтобы сразиться с османской армией, каждый раз зависели от поставок продовольствия из России, которые были нестабильными из-за плохих дорог и нехватки тяглого скота, который надо было добывать у местных крестьян, стараясь не разорить их совершенно³. Во время русско-турецких войн XVIII и начала XIX столетия недостаток продовольствия в Молдавии и Валахии еще можно было объяснить грабительским правлением фанариотов, в результате которого крестьянство не было заинтересовано во введении в оборот новой земли. Однако ситуация кардинально не изменилась и ко времени Крымской войны, разразившейся через четверть века после того, как Адрианопольский мирный договор 1829 года отменил османскую торговую монополию в княжествах и способствовал их превращению со временем в важных конкурентов России на зерновом рынке Европы. Войска, занявшие Молдавию и Валахию в июле 1853 года, продолжали зависеть от поставок из России, поскольку их желудки, привыкшие к ржаному хлебу, не принимали пищи, сделанной из пшеничной или кукурузной муки, которую производили

---

¹ Военно-статистическое обозрение государств и земель, прилежащих к Российской империи. Княжество Молдавия. СПб.: Генеральный штаб, 1853. Ч. 2. С. 5–6. Обозрение Молдавии было первоначально составлено полковником Е.И. Дитмарсом в 1828–1830 годах и дополнено полковником Е.В. фон Руге, подполковником А.И. Бергегеймом и штабс-капитаном И.И. Ходзько в 1834–1835 годах, а также штабс-капитаном А.И. Чемерзиным в 1850–1852 годах.

² Там же. С. 6–7.

³ Так, во время войны 1806–1812 годов, спустя столетие после Прутского похода, проблема обеспечения российской армии припасами и фуражом серьезным образом ограничивала российские военные действия, а транспортная повинность, наложенная российским командованием на местное население, осложняла отношения между последним и российскими войсками. *Петров А.Н.* Война России с Турцией, 1806–1812. СПб.: Военная типография, 1885–1887. Т. 1. С. 76–78; Т. 2. С. 448–449.

в княжествах. Не было в княжествах и достаточно овса, от которого зависела российская кавалерия¹.

Тяжесть климата усугублялась и неспособностью россиян аккумулировать «местное знание». Военные писатели XIX столетия отмечали, что в своих войнах против османов россияне, как и различные европейские нации до них, едва ли учились на своих ошибках. Так, М.К. Марченко утверждал, что россияне каждый раз начинали войну с недостаточным количеством войск, а затем старались исправить эту ошибку, направляя на Дунай дополнительные контингенты². Хотя русско-турецкие войны следовали друг за другом с интервалом в 15–30 лет, Липранди отмечал, что каждый раз европейская Турция представлялась российским офицерам в качестве *terra incognita*³. Селения, которые на российских картах отмечались на левом берегу Дуная, на самом деле находились на правом берегу, а ветераны прежних «турецких кампаний» порой не могли узнать города, в которые им доводилось вступать десятилетиями ранее⁴. В свою очередь, главный врач Генерального штаба Дунайской армии в 1828–1829 годах Христиан Витт отмечал, что его коллеги редко пользовались опытом, приобретенным их предшественниками в предыдущих российско-османских конфликтах. В результате с началом каждой последующей войны приходилось изучать заново климат и болезни, распространенные в Молдавии и Валахии. При этом они снова и снова испытывали трудности в определении соответствующих способов лечения и санитарных мер⁵.

Акцент на трудностях театра военных действий часто является способом принизить стратегические и тактические способности

¹ Петров А.Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания, 1853–1854. СПб.: Военная типография, 1890. Т. 1. С. 89. Необходимость заменять рожь пшеницей упоминалась Манштейном как один из неблагоприятных факторов во время похода Миниха на Крым. См.: Манштейн К.Г. Записки Манштейна о России. С. 82.

² Марченко М.К. Россия и Турция в XIX столетии (Обстановка четырех последних войн). СПб.: Березовский, 1898. С. 47.

³ Липранди И.П. Общие сведения о Европейской Турции. С. 23 и сноска 12. В своей переписке с Екатериной II П.А. Румянцев утверждал, что было невозможно планировать действия против турок, как в войне с европейским противником. По его свидетельству, каждая вылазка за Дунай выявляла неточность существующих карт, и надежные географические сведения имелись лишь в отношении тех территорий, которые были заняты российскими войсками. См.: Румянцев — Екатерине Второй, 28 октября 1773 года // ЧИОИДР. 1865. № 2. С. 293.

⁴ Липранди И.П. Общие сведения о Европейской Турции. С. 23 и сноска 12. См. также: Раан М.Л. Перечень из собственного журнала. С. 92–93.

⁵ Витт Х. О свойствах климата Валахии и Молдавии, и о так называемой Валахской язве. СПб.: Греч, 1842. С. v–vi.

противника. В этом смысле подчеркивание нездорового климата, опасных эпидемий, малоизвестной географии и логистических трудностей было одним из аспектов ориентализации османов. Роль «генерала Мороза» во французских описаниях войны 1812 года представляет собой классический пример этой риторической стратегии, которая также стояла за жалобами российских авторов на географические и климатические трудности войн с Османской империей. В то же время российское восприятие территорий, составлявших театр «турецких кампаний», существенным образом отличалось от восприятия России наполеоновскими офицерами. В то время как последние в своих дневниках и мемуарах войны 1812 года уделяли довольно мало внимания российской культуре и образу жизни, для российских офицеров природа и жители европейской Турции представлялись экзотическими, что добавляло красок в их описания «турецких кампаний».

При всей трудности климата и логистических сложностях дунайского театра военных действий войны с Османской империей порой представлялись российским офицерам перенесением в экзотический, почти сказочный мир. Отчасти такое восприятие было навеяно живописностью тех мест, где происходили сражения. Так, в своем дневнике войны 1787–1791 годов фон Раан называл «райской страной» прилегающую к Пруту часть Молдавии с ее высокими холмами, покрытыми бесконечными виноградниками¹. При виде окрестностей Силистрии в 1810 году А.И. Мартос не мог удержаться, чтобы не сравнить их с суровой природой Севера: «Какое благословенное небо в сравнении тех мест, где основана столица России!» Виноградники, вишневые и абрикосовые деревья, а также столетние каштаны заставляли думать, что даже Киев был «тюрьмой беднейшей в сравнении мест у Силистрии»².

Экзотические качества ландшафта были отчасти продуктом человеческой деятельности, упоминания которой смягчали образы османского «варварства». В 1806–1812 годах А.Х. Бенкендорф в особенности хвалил «источники, обустроенные с заботой и пышностью, располагавшие к тому, чтобы сделать приятную остановку»³. По словам его современника В.Б. Броневского, «фонтаны, мосты и караван-серая (постоялые дворы) устроенные на дорогах, где уставший странник без платы найдет покой и прохладу, суть памятники душевной доброты,

¹ Раан М.Л. Перечень из собственного журнала. С. 26–27.

² Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса // Русский архив. 1893. № 7. С. 318–319.

³ Бенкендорф А.Х. Из мемуаров графа А.Х. Бенкендорфа. С. 292.

достойной подражания»¹. Другой ветеран войны 1806–1812 годов П.И. Панафидин даже находил мусульманский обычай совершения пожертвований на создание колодцев вдоль дорог достойным большего уважения, чем российский обычай жертвования монастырям². Многие авторы отвергли преувеличенное представление о восточной роскоши османских городов, будучи разочарованы контрастом между их живописным видом издали и бедностью, которая становилась очевидной по мере приближения к ним³. Тем не менее упоминания мраморных фонтанов, бань и мечетей (в особенности мечети Ахмеда III в Адрианополе) не могли не вызвать у читателей образов восточной роскоши⁴.

Поразительное многообразие местного населения составляло другой аспект экзотичности, порождавшей любопытство, и в то же время представляло собой испытание для российских офицеров и дипломатов. Конечно, ни одна из «турецких кампаний» российской армии не могла сравниться с египетским походом Наполеона в плане мобилизации экспертного знания в целях завоевания страны. Тем не менее российские полководцы понимали, что способность коммуникации с противником и местным населением была критически важной для успеха их предприятия. Многоязычный состав региона потребовал включения в состав дипломатической канцелярии при российской армии во время войны 1828–1829 годов знатоков восточных и славянских языков, а также армянского, грузинского и греческого. По словам молодого дипломата Ф.П. Фонтана, канцелярия представляла собой Балканский полуостров в миниатюре и была способна «достроить Вавилонскую башню»⁵.

Как бы ни была важна способность к коммуникации с различными группами подданных Османской Порты, сама по себе она не

¹ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Д.И. Сенявина. В 4 т. СПб.: Академия наук, 1837–1838. Т. 3. С. 148.

² Панафидин П.И. Письма морского офицера, 1806–1809. Петроград: Морское министерство, 1916. С. 55. См. также: Краснокутский А.Г. Дневные записки поездки в Константинополь. С. 5.

³ См., например, описание П.П. Свиныным мусульманских жилищ на Тенедосе в 1807 году: Свинын П.П. Воспоминания на флоте. Т. 2. С. 48. Или описание Адрианополя А.И. Михайловским-Данилевским: Михайловский-Данилевский А.И. Записки // Русская старина. 1893. № 8. С. 374.

⁴ Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса // Русский архив. 1893. № 7. С. 318–319; Свинын П.П. Воспоминания на флоте. Т. 2. С. 49. См. также: Тепляков В.Г. Письма из Болгарии. М.: Семен, 1833. С. 118.

⁵ Фонтон Ф.П. Воспоминания. Т. 1. С. 40.

гарантировала успеха. Согласно Липранди, военная разведка на османских территориях требовала особого подхода к дезертирам, перебежчикам и военнопленным в зависимости от их этнического происхождения. По мнению российского автора, «Турка нельзя спрашивать так как Грека, Булгара — как Армянина, Еврея — как Цыгана, Серб или Босняка — как Волоха». Не менее важно было и этническое происхождение допрашивающего. Так, «Турок будет рассказывать с большей откровенностью драгоману, находящемуся при армии, если драгоман этот Перот или Фанариот, но будет воздержаннее если тот Грек (то есть Мореот или другой); напротив того, Серб, Волох или Булгар будут откровеннее с Греком, чем с Фанариотом или Перотом»¹.

Посреди этой экзотической природы и разнородного населения российские полководцы предавались нарочитым демонстрациям величия, что составляло еще одну особенность русско-турецких войн XVIII–XIX столетий. Будучи дополнительной тягостью для солдат и местного населения, эти демонстрации могли сделать жизнь офицеров более приятной. В своих мемуарах о войне 1806–1812 годов А.Ф. Ланжерон признавался, что он «никогда не проводил так приятно время на войне». С Ланжероном могли согласиться многие участники «турецких кампаний» конца XVIII — начала XIX века. По свидетельству Л.Н. Энгельгардта, ставка Потемкина в Молдавии в 1789–1791 годах была особенно роскошна: «Беспрестанно были праздники, балы, театр, балеты». Жен российских офицеров развлекал хор в 300 человек под руководством Джузеппе Сартти, сопровождаемый батареей из десяти орудий².

Хотя вице-королевская роскошь потемкинского «двора» осталась непревзойденной, последующие поколения сохранили вкус к галантному времяпрепровождению. Во время войны 1806–1812 годов командующий российской армией фельдмаршал А.А. Прозоровский обедал в компании 60 офицеров, и его подчиненные генералы старались следовать его примеру³. По свидетельству Ланжерона, генерал А.П. Засс, осаждавший Измаил в 1807–1808 годах, приказал построить бельведер, в котором он курил трубки и наслаждался видом крепости, один или в компании офицеров. Пули и ядра не мешали Ланжерону

¹ Липранди И.П. Некоторые замечания. С. 10–11.

² Энгельгардт Л.Н. Записки / Ред. И.М. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 83.

³ Тучков С.А. Записки С.А. Тучкова // Русский вестник. 1906. № 8. С. 378.

наслаждаться жизнью: «В наших лагерях проживали красивые женщины, всего у нас было в изобилии». Российские офицеры могли покупать драгоценности в многочисленных лавках, заходить в кофейни или играть в бильярд. «Задавались ужины, балы, делались визиты, словом, жизнь в лагерях текла совсем по-городскому»¹.

Свидетельства Энгельгардта и Ланжерона подтверждаются российскими мемуарами войн 1828–1829 и 1853–1854 годов. Даже после того как великолепие екатерининской и александровской эпох ушло в прошлое, «турецкие кампании» продолжали оставаться памятными для тех, кто в них участвовал. Так, российский главнокомандующий И.И. Дибич отметил ратификацию Адрианопольского мира в октябре 1829 года военным парадом и фейерверками, которые представили российским войскам и толпам местных жителей образы триумфальной колесницы, вереницы трофеев и храм мира с монограммами Николая I и Махмуда II между колоннами². В сравнении с армейской жизнью в России, где их «ожидали скучные стоянки по деревням, бесконечные ученья и вообще все удовольствия мирной гарнизонной службы», зимние квартиры в Бухаресте и Яссах предоставляли российским офицерам множество возможностей для развлечения³. Вдали от официального Санкт-Петербурга они наслаждались балами, на которых дамы свободно приглашали кавалеров и вся атмосфера была проникнута «южной, страстной свободой»⁴. В то время как молдавские и валашские бояре проигрывали состояния в карты, российские офицеры флиртовали с их дочерьми и женами, которые находили «приятнее любить героя, нежели бородатого Молдавана»⁵.

¹ Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона // Русская старина. 1907. № 7. С. 85–86.

² Муравьев А.Н. Путешествие ко Святым местам. Т. 1. С. 18–19.

³ Потому можно заключить вместе с Торнау, что решение не предпринимать попытки захвата Константинополя в 1829 году было не единственной причиной сожаления российских офицеров по поводу скорого заключения Адрианопольского мира в 1829 году. Торнау Ф.Ф. Воспоминания. С. 108. Это сожаление было отмечено и другими российскими и европейскими авторами. См., например: Зейдлиц К.К. Из воспоминаний доктора Зейдлица // Русский архив. 1878. № 5. С. 88; Keppel G. Th., Earl of Albemarle. A Narrative of a Journey Across the Balkan. London: Colburn and Bentley, 1831. Vol. 1. P. 233.

⁴ Жадовский П.В. Молдавия и Валахия в современности // Пантеон. 1856. № 1. С. 56.

⁵ Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса // Русский архив. 1893. № 8. С. 452. Торнау и Жадовский описывают свое участие в подобном флирте. См.: Торнау Ф.Ф. Воспоминания. С. 75–77; Жадовский П.В. Молдавия и Валахия в современности. С. 35–36.

Романтические увлечения российских полководцев во время «турецких кампаний» были весьма знамениты, а порой даже скандальны. Так, герой войны 1812 года П.И. Багратион, командовавший российской армией на Дунае в 1809–1810 годах, женился на представительнице древней фамилии валашских бояр Вэкэреску, в то время как генерал-майор И.М. Гартинг, главный инженер армии и будущий губернатор Бессарабии, стал шурином будущего валашского господаря Григория Гики. Наконец, командовавший авангардом российской армии генерал-лейтенант А.И. Милорадович увлекся дочерью валашского боярина Константина Филипеску, который использовал эту связь для того, чтобы передавать османам информацию о расположении российских войск¹. Юная супруга боярина Гуляни стала «любимой султаной» М.И. Кутузова, командовавшего российской армией в 1811–1812 годах, а ее мать использовала эту связь для того, чтобы добиться назначения своих родственников на доходные посты в валашской администрации². Современники могли узнать о свободе нравов среди офицеров дунайской армии от историка Д.М. Бантыш-Каменского, который проезжал через княжества с дипломатической миссией в Сербию в 1808 году. В описании своего путешествия автор рассказал анекдот об одном российском генерале, который в дополнение к первой жене, проживавшей в Москве, завел себе вторую в Бухаресте³.

Периодическое появление российских офицеров в Молдавии и Валахии способствовало изменению нравов боярского класса. В 1770 году генерал-майор Ф.В. Баур писал, что валашские бояре «содержат жен взаперти, так же, как и турки и стараются скрыть их от алчных взоров иностранца»⁴. Спустя полвека Ф.Ф. Торнау уже рассказывал анекдот о молдавской боярыне, игравшей в карты в Яском клубе со своим нынешним и двумя предыдущими мужьями⁵. В результате к середине XIX столетия у российских авторов сложилось представление о том, что валашские женщины, «будучи от природы легкого характера, [и] не получив в детстве нравственной строгости

¹ Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона // Русская старина. 1908. № 3. С. 715.

² Там же. 1910. № 7. С. 167–168; 1911. № 8. С. 257–260.

³ Бантыш-Каменский Д.М. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию в 1808 году. СПб.: Решетников, 1810. С. 71–72.

⁴ Баур Ф.В. Записки повествовательные и землеописательные о княжестве Волосском. СПб.: Императорская типография, 1791. С. 23.

⁵ Торнау Ф.Ф. Воспоминания. С. 128.

воспитания всегда преследуют в жизни одну цель — чувственное наслаждение¹.

Помимо любовных интриг с дочерьми и женами молдавских и валашских бояр, «турецкие кампании» заключали в себе обещание эротических встреч с мусульманскими женщинами. Рассказы о подобных приключениях представляли собой символическое продолжение описаний сражений с мусульманскими воинами. Так, сдача крепости Рущук российским войскам после упорного сопротивления в 1810 году предоставила А.И. Мартосу возможность встретиться с молодой турчанкой, которую организовала одна старая сводница. Двадцатилетний российский офицер истощил все силы своего писательского таланта для того, чтобы передать волнение от встречи с «пылкой, нежной, а после томной Азиаткой», которая стала его первым сексуальным опытом². Хотя откровенность повествования Мартоса и составляет исключение, эта история не была уникальной в ходе тех «турецких кампаний», которые повлекли за собой временное занятие российскими войсками частей европейской Турции, населенных мусульманами. По свидетельству Джорджа Томаса Кеппеля, графа Албемарля, во время пребывания российских войск в Адрианополе в 1829 году «встречи между турецкими дамами и российскими офицерами стали притчей во языцах». По словам британского автора, «неверные в роскошных мундирах произвели такое опустошение в сердцах представительниц слабого пола», что некоторые из них, включая опальную жену османского губернатора, «решили покинуть Родину вместе с российской армией»³.

Столкновения между российскими офицерами и османскими мусульманами за пределами поля боя также структурировались ориенталистскими тропами, такими как образ «благородного турка». Как и в описаниях османского плена, последний представлялся в военных мемуарах в качестве спасителя в отчаянной ситуации. Так, в своих воспоминаниях о кампании 1829 года Ф.Ф. Торнау описывает, как он,

¹ Жадовский П.В. Молдавия и Валахия в современности. С. 71. Российское восприятие румынских княжеств проанализировано в: *Taki V. Moldavia and Wallachia in the Eyes of Russian Observers in the First Half of the 19th Century // East Central Europe/L'Europe Du Centre Est. Eine wissenschaftliche Zeitschrift*. 2005. Vol. 32. No.1–2. P. 199–224.

² Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса. С. 335–337.

³ *Keppel G.Th. A Narrative of a Journey*. Т. 2. С. 228, 230–231. Автор объяснял строптивость турецких женщин воздействием реформ Махмуда II, которые подорвали традиционные мусульманские институты.

раненый, отстал от госпитального обоза и оказался в сопровождении казака и болгарина-переводчика «в открытом поле, ночью, в чужой стороне, наполненной разным сбродом, турками, сербами, албанцами, греками, готовыми без разбора грабить и убивать чужих и своих»¹. Когда Торнау и его сопровождающие по ошибке заехали в мусульманское селение, встреча с «благородным турком» в лице местного старейшины позволила российскому офицеру выбраться из враждебного окружения. Увидев в раненом российском офицере знак божий, престарелый турок принял его с мусульманским гостеприимством, скрыл от своих односельчан, а затем лично помог ему нагнать госпитальный обоз.

Еще более классический образ «благородного турка» можно найти в описании плена Розальон-Сошальского. Когда остатки его эскадрона сдались численно превосходившему неприятелю, автор представлял пленение похожим на «неволю у корсаров» и думал, что он уже «собственность какого-нибудь паши, у которого буду, влача цепи, трудиться над цветниками, назначенными рассеивать скуку его одалисок» или, что еще хуже, в качестве гребца на галерах². Эти страхи рассеялись, когда автор и другие российские пленные офицеры предстали перед сераскером Хуссейном-пашой, полулежащим на диване в шатре, разбитом на склоне горы над Шумлой. Россияне «удивлялись его чело-веколюбию и заботливости, видели в нем человека во многом выше турецких предрассудков»³.

Типический образ «благородного турка» можно найти в «Записках русского офицера» В.Б. Броневского, участвовавшего во второй Архипелагской экспедиции российского флота в 1805–1810 годах. Систематичность, с которой автор описывает характер турок, свидетельствует о том, что, помимо личного опыта общения с ними, он опирался на какие-то литературные образцы. Тем не менее описание Броневского заслуживает рассмотрения хотя бы в качестве иллюстрации того, насколько российские зарисовки османов испытывали влияние существовавших способов репрезентации⁴. Броневский отмечал храбрость, мужество и великоду-

¹ Торнау Ф.Ф. Воспоминания. С. 114.

² Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера, бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. № 5. С. 180.

³ Там же. С. 190.

⁴ В том, что касалось причин взлета и падения Османской империи, Броневский ссылался на: Eton W. A Survey of the Turkish Empire. London: Cardel and Davies, 1798. См.: Броневский В.Б. Записки морского офицера. Т. 3. С. 157–162. Однако его знакомство с западными ориенталистическими текстами наверняка этим не исчерпывалось.

шие — качества, позволившие османам основать империю. «Характер тихой, задумчивый и благородный, возмущаемый иногда страстями, делает Турок подозрительными, и противу врагов жестокими». Автор объяснял презрение османов к своим христианским подданным скорее пороками последних, чем постулатами ислама, который, напротив, делал их «великодушными, сострадательными и гостеприимными». Броневский также отмечал умеренность, терпение и набожность османов, исключение которым составляли только алчность высокопоставленных чиновников. Даже последние вызывали восхищение российского офицера бесстрастностью, с которой они встречали известие о своей опале. По мнению Броневского, «бескорыстие Турок, их щедрость к неимущим, исполнение данного слова, особенно благодарность, при совершенной их необразованности, суть такие добродетели, которые могли бы украсить самые просвещенные народы»¹.

Другим распространенным тропом в европейских описаниях Османской империи был образ мусульманского смирения перед силой судьбы. Представление о том, что северная держава положит конец османскому господству, было одним из проявлений этого фатализма. Мусульманская легенда о грядущем падении османского государства была записана посланником Екатерины II Булгаковым и впервые опубликована на русском в 1789 году². Многочисленные переиздания этого текста в XIX столетии свидетельствовали о популярности подобных предсказаний среди россиян, которым льстило видеть себя вершителями судеб исторического противника. Вступая в Адрианополь в 1829 году, российский офицер и писатель Н.В. Путята видел «небрежно лежащих Турок с длинными чубуками в руках, и погруженных в какое-то равнодушное оцепенение». Путяте казалось, что «самый фанатизм их и ненависть к гяурам, особенно к Русским, после Кулевчинского поражения и перехода нашего через Балканы, покорились

¹ Там же. С. 147–148.

² См.: Предсказание о падении Турецкого царства аравийского звездослова Муста-Эддина. СПб.: Богданович, 1789. Одновременно россияне узнали о так называемом пророчестве Агафангела, в котором говорилось об османском завоевании Константинополя в 1453 году и о конце османского господства спустя примерно 400 лет. Приписываемое сицилийскому монаху XIII века Иерониму Агафангелу «пророчество» на самом деле было составлено греческим церковным писателем первой половины XVIII века Теоклитом Полиидесом. В 1783 году российский посланник Булгаков послал текст этого пророчества Потемкину. См.: Бумаги Я.И. Булгакова // СИРИО. 1885. Т. 47. С. 74–78.

могуществу фатализма над их умами, и на пришествие наше взирают как на событие равно оному подчиненное»¹.

Спокойное принятие своей участи не только влекло за собой комментарии, но и вызывало у россиян определенное уважение к противникам. У некоторых российских авторов можно также найти определенную готовность к общению с поверженными врагами, в результате которой россияне даже перенимали, хотя бы на время, некоторые их культурные практики. По свидетельству Торнау, он и его товарищи старались «облегчать для турок наше непрошеное присутствие [в Адрианополе], избегая нарушать их поверья и привычки: сидя в кофейнях, курили трубки в глубоком молчании, берегли мечети, встречая женщин, отворачивались и не водили за собой собак в жилые комнаты»². По свидетельству А.Н. Муравьева, также закончившего войну 1828–1829 годов в Адрианополе, этот примирительный настрой характеризовал не только образованных офицеров, восхищавшихся Востоком, но и простых солдат. В результате на протяжении трех месяцев пребывания российских войск в старой османской столице «ни малейшая распря не возникла» между ними и мусульманским населением, несмотря на то что и те и другие составляли «два враждебных народа, искони привыкших ненавидеть друг друга»³. Вместо этого вид российских солдат, общавшихся с мусульманскими лавочниками и владельцами кофеен, мог навести на мысль, что турки и русские «воевали так долго единственно для того, чтобы мирно поторговать на ярмарке Адрианопольской»⁴.

Подобные проявления добрых чувств к османским мусульманам зависели от готовности последних не сопротивляться силе судьбы и соответствовать образу «благородного турка». Оба эти тропа вписывали

¹ Письмо Н.В. Путяты Е.А. Боратынскому из Адрианополя в 1829 г. // Русский архив. 1878. № 1. С. 217.

² Торнау Ф.Ф. Воспоминания. С. 103. Сохранение мечетей в 1828–1829 годах также упоминается в: Михайловский-Данилевский А.И. Записки. С. 369, 376. Свидетельства российских авторов отчасти подтверждаются Джорджем Кеппелем. Последний отмечал усилия российского командования, направленные на поддержание порядка и защиту мусульманской собственности и мечетей. *Keppel G.Th. A Narrative of a Journey*. Т. 2. С. 218–219. В то же время британский автор видел в подобных усилиях плод сознательной политики, которая противоречила «привычке русских к насилию и грабежу, которые стали притчей во языках в цивилизованной Европе». Согласно Кеппелю, мечети порой осквернялись теми самыми солдатами, которые были назначены их охранять. Использование бань русскими также оскорбляло мусульман. См.: Там же. С. 172.

³ Муравьев А.Н. Путешествие ко Святым Местам. Т. 1. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

мусульманское население в экзотический ландшафт и делали встречу с ними неотъемлемым аспектом «турецких кампаний». Интерес к экзотике есть умонастроение, выполнявшее в контексте «турецких войн» сразу несколько функций. Восхищение природой и населением европейской Турции позволяло облегчить повседневный опыт этих полных трудностей кампаний. Погоня за экзотикой представляла собой символическое продолжение завоевания и мотивировала офицеров наряду с погоней за боевой славой. Возможность наблюдать природу и население «Турции в Европе» делала эти войны заменой путешествий, которые редко могли позволить себе военные люди. Соответственно, российские описания «турецких кампаний», становившиеся все более многочисленными на протяжении XIX столетия, были альтернативой описаниям путешествий, которых требовала растущая читающая публика.

Экзотизация страны и ее обитателей составляла обратную сторону жалоб на гибельность климата и осуждения османского «варварства» в бою. Как было отмечено ранее, подчеркивание климатических и логистических трудностей позволяло российским авторам принизить качества османской армии, что в определенном смысле воспроизводило аргументацию французских мемуаристов и историков войны 1812 года. Ориентализирующий эффект этого риторического приема несомненен; он отрицал субъектность противника и рассматривал его как элемент ландшафта. Каким бы враждебным этот ландшафт ни казался, контроль над ним в конечном счете должен был обеспечиваться посредством аккумуляции географического, медицинского и логистического знания.

Отсылки к «неприемлемым» формам насилия, практиковавшимся османскими воинами в бою, представляли собой еще более очевидный способ их ориентализации. Обычай отрубать головы и отрезать носы и уши своих противников служил в качестве наиболее сильного маркера инаковости османов на поле сражения, что сразу же реинтерпретировалось как их чуждость принципам «цивилизованной» войны. Будучи следствием вестернизации российского офицерского корпуса, приверженность этим правилам не только заставляла ветеранов «турецких кампаний» смотреть на османские войска как на варваров, но и обуславливала неудобство, которое испытывали некоторые мемуаристы относительно определенных действий самой российской армии. Пределы ориентализации османов проявлялись в сомнениях некоторых российских авторов по поводу тактики выжженной земли,

практиковавшейся самими российскими войсками, и резни, которой порой сопровождалось взятие османских крепостей.

Размышления российских офицеров относительно османского способа ведения войны также демонстрируют противоречивость и амбивалентность ориенталистского дискурса. В то время как для некоторых авторов своеобразная османская манера воевать была поводом подчеркнуть превосходство Запада над Востоком, другие ставили под сомнение применимость принципов «регулярной» войны к «турецким кампаниям». Участие российских офицеров в европейских войнах XVIII и XIX столетий служило катализатором обеих этих тенденций. С одной стороны, столкновения с Пруссией Фридриха Великого или с революционной и наполеоновской Францией способствовали усвоению российскими офицерами европейских принципов военного искусства. С другой стороны, сильные националистические чувства, возникшие у царских офицеров в ходе войн с Францией, способствовали появлению у них интереса к военной истории России в целом и к истории «турецких кампаний» в частности.

Вот почему можно говорить о принципиальной противоречивости репрезентации русско-турецких войн в описаниях царских офицеров. Осознание необходимости применять принципы европейского военного искусства к особенностям османского способа ведения войны уравнивало их представление о военном превосходстве Запада над Востоком. Их смущение по поводу определенных практик собственной армии смягчало их осуждение османских воинов за отрубание голов, скальпирование и прочее уродование раненых и убитых российских солдат. Их опыт знакомства с экзотической природой и населением европейской Турции уравнивал трудности, связанные с вредным климатом, опасными болезнями и трудностью обеспечения армии. И тем не менее при всей присущей им амбивалентности, российские описания «турецких кампаний» представляли собой важнейшую площадку конструирования образа «восточной войны» как символической противоположности войны европейской в конце XVIII и первой половине XIX столетия. В той степени, в какой они способствовали утверждению этой дихотомии, «турецкие кампании» составляли важнейший аспект культурной вестернизации послепетровского российского офицерства и российского образованного общества в целом. Одновременно репрезентации османского способа ведения войны, их поведения в бою и характера театра военных действий представляют собой существенный аспект российского «открытия Востока».

Российские описания «турецких кампаний» являются и важной стороной ориентализма в смысле стиля мышления, определяемого символической оппозицией между Востоком и Западом, которая позволяла российским офицерам артикулировать свою собственную идентичность. Стремление найти ответ на трудности этих кампаний побудило царских офицеров, в особенности А.Н. Пушкина и И.П. Липранди, разработать ряд альтернативных принципов, применение которых, как они полагали, способствовало бы наилучшим результатам в войнах с османами. Однако это слабо очерченная совокупность знаний никогда не стала определять действия российской армии в ее позднейших столкновениях с османскими войсками в той степени, в какой в более поздний период академический ориентализм стал оказывать влияние на практики имперского правления на Кавказе или в Средней Азии. Ко второй половине XIX столетия реформы султанов способствовали сокращению различий между османской и европейскими армиями, что сделало наблюдения Липранди и Пушкина менее актуальными. Знание османского способа ведения войны оказалось также малоприменимо в ходе российского завоевания других частей Азии. В отличие от османской политической системы, служившей главным примером теории «восточного деспотизма», османская военная организация оказалась в конечном счете слишком самобытна, чтобы восприниматься европейцами и россиянами в качестве прототипа прочих азиатских армий. По этой причине столкновение России с Османской империей в XVIII и первой половине XIX столетия не оказало определяющего влияния на формирование военного подраздела академического ориентализма, который способствовал российскому империостроительству в Азии. Хотя позднеимперская Россия располагала многими офицерами-знаатоками восточных языков, эти военные ориенталисты специализировались на северокавказских горцах и среднеазиатских кочевниках, чей способ ведения войны имел не много общего с позднеосманским¹.

¹ Это относится к подавляющему большинству статей издания: Русские военные востоковеды: Биографический словарь / Ред. М.К. Башканов. М.: Восточная литература, 2005. О российском военном ориентализме см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / Ред. А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шастико. М.: Восточная литература, 1997. С. 134–156. См. также: *Marshal A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917*. London; New York: Routledge, 2006. P. 46–66.

«БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК»

Дела Турции находятся в очень хаотическом состоянии. Страна, кажется, разваливается на части... У нас на руках больной человек, очень больной человек¹.

Процитированные в «синих книгах» британского парламента слова Николая I об Османской империи как о «больном человеке» отражали уже устоявшееся восприятие исторического противника как обреченного на гибель². Подобное восприятие «другого» возникло не сразу. Оно кристаллизировалось постепенно, в процессе систематического и осмысленного поиска российскими элитами моделей дипломатического действия и военной организации, которые позволили бы их стране преодолеть свою маргинальность. Данный поиск моделей составлял тот базовый политический и интеллектуальный контекст, в котором особенности османского подхода к международным отношениям и их способ ведения войны были описаны и реинтерпретированы в качестве проявлений ущербности османов и их чуждости европейским понятиям. Эта реинтерпретация происходила в контексте череды русско-турецких войн и растущего знакомства российских элит с западноевропейскими описаниями Османской империи. Данные войны продемонстрировали превосходство европейских принципов военной организации, перенятых Петром I и его преемниками. Переводы же французских и британских ориенталистских текстов на русский предоставляли образованным подданным царя возможность артикулировать свое собственное восприятие державы султана.

¹ Слова Николая Первого британскому послу в Петербурге сэру Гамильтону Сеймуру, сообщенные последним британскому министру иностранных дел лорду Джону Расселу 11 января 1853 года // *Correspondence Respecting the Rights and Privileges of the Latin and Greek Churches in Turkey*. London: Harrison and Sons, 1854. Ч. 5. С. 876–877.

² Согласно британскому историку Гарольду Темперлею, составители «синих книг» британского парламента исказили слова царя «из соображений приличия». В оригинале депеши Сеймура Николай I сравнивал Османскую империю с большим или умирающим медведем, а не с большим человеком. *Temperley H. England and the Near East. The Crimea*. London: Longmans, Green and Co., 1936. P. 272.

В этой главе рассматриваются репрезентации Османской империи в работах российских авторов до середины XIX столетия. Переводные и отечественные описания путешествий, а также статистические описания заключали в себе практически всю совокупность российского знания об историческом противнике до момента возникновения османистики как особой отрасли востоковедения, что произошло довольно поздно. Адресованные широкой аудитории, эти публикации могут рассматриваться как свидетельства существовавших у образованных россиян представлений об Османской империи¹. В силу их количества эти работы составляли интеллектуальный горизонт как для тех, кто активно участвовал в идейных дискуссиях, так и для тех, кто ограничивался простым чтением «толстых журналов». Посредством этих публикаций Османская империя становилась элементом интеллектуального фона дебатов об отношении самой России к Европе и Азии².

Хотя российские авторы следовали западноевропейским интеллектуальным моделям, они внесли свой собственный вклад в развитие ориенталистского дискурса. Специфичность этого вклада обуславливалась не столько особым отношением России к Азии, сколько маргинальностью положения самой России в символической географии Европы³. Периодические ремарки западноевропейцев относительно «полуварварского» характера самой России были одним из проявлений этой маргинальности⁴. Другим, и не менее важным, было определенное самодистанцирование россиян от западных наций в своем качестве учеников и критиков европейской цивилизации. Посредством манипуляции западноевропейскими ориенталистскими идиомами российские наблюдатели Османской империи одновременно утверждали

¹ [Григорьев В.В.] Поездка в Константинополь Изафети Маклуба // Одесский альманах на 1840 г. / Ред. Д.М. Княжевич. Одесса: Городская типография, 1839. С. 642–701; Березин И.Н. Обзор трехлетнего путешествия по Востоку // Журнал министерства народного просвещения. 1847. Т. 55. № 7. С. 1–24.

² Соответственно, под ориентализмом здесь, как и везде в этой книге, понимается «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии Востока и (почти всегда) Запада». Саид Э. Ориентализм. С. 7.

³ По словам Адиба Халида, российский ориентализм отражал «неразделенную любовь» России к Европе в меньшей степени, чем особые отношения России к Азии. См.: Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // *Orientalism and Empire in Russia*. P. 29. Заметка Халида была первоначально опубликована как часть дискуссии о российском ориентализме в журнале: Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 691–727; Халид отвечал на статью Натаниэля Найта: Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 74–100.

⁴ Poe M. A People Born to Slavery; Wolff L. Inventing Eastern Europe.

свое членство в этой цивилизации и подвергали критике некоторые ее стороны. В результате порицание традиционной организации Османской империи сопровождалось имплицитным или явным осуждением политики вестернизации, которую в определенный момент стали проводить османские султаны. В этом смысле российский ориентализм был одновременно и проявлением российского окцидентализма.

То, что Россия была первой страной, чьи правители стали осознанно проводить политику вестернизации, составляло важнейшую особенность российских отношений с Османской империей, если не с Азией в целом. Это обстоятельство стало особенно важным для османов после того, как череда поражений в войнах с северным соседом заставила султанов следовать примеру Петра Великого в деле военной модернизации своей страны. В результате положение Османской империи по отношению к России стало чем-то напоминать положение самой России по отношению к европейским нациям. Хотя османы стали перенимать *европейские* модели международных отношений и военной организации, они следовали в этом *российскому* примеру. С одной стороны, этот процесс грозил положить конец российскому военному превосходству и тем самым подорвать ориентализирующие репрезентации Османской империи как стагнирующей и клонящейся к упадку. С другой стороны, Османская империя вступала на путь вестернизации на столетие позже России. Исторический промежуток между реформами Петра Первого и османских султанов позволял российским комментаторам представлять политику последних как ущербную в том или ином смысле. Дискурсивная стратегия российских авторов заключалась в том, чтобы превратить свою большую опытность в вопросах вестернизации в «позициональное превосходство», которое, как отмечал Саид, «предоставляет западному человеку целый ряд возможных отношений с Востоком, сохраняя при этом его верховенство»¹.

Тема османского упадка и ее рецепция в России

Как и описания османского посольского обычая или способа ведения войны, российские описания общего состояния Османской империи демонстрируют процесс постепенной ориентализации южного соседа. Несмотря на взаимную враждебность религий, ранние российские

---

¹ Саид Э. Ориентализм. С. 16.

тексты об Османской империи не содержали критики османской политической системы как таковой, а поразительный успех, который сопутствовал султанам в XV и первой половине XVI столетия, даже превращал их в пример для подражания для правителей Московского государства. Взяв за основу «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера, Иван Семенович Пересветов в середине XVI столетия предложил необычную интерпретацию падения Константинополя и возрастания османской мощи¹. В своей «Большой челобитной» молодому Ивану Грозному Пересветов охарактеризовал это событие не как результат божественного наказания греков за унию с Римом, но как урок того, что может произойти в случае, если правитель не установит «правду» в своей стране. Для Пересветова «правда» заключалась в подавлении боярской оппозиции и в укреплении войска. Избрав для артикуляции своих идей в качестве персонажа современного ему молдавского князя Петру Рареша, Пересветов восхвалял султана Мехмеда Завоевателя, который «Неверный царь, да Богу угодно учинил»: он назначал судей с хорошим жалованьем и собирал судебные взносы и другие налоги в казну, которую использовал для того, чтобы «воинникам сердца веселити» и «великую правду во царство свое ввел и купцемъ куплю устави́л купити и продати одним словом хотя на тысящу рублевъ»². Согласно Пересветову, политика султана коренным образом отличалась от политики последнего византийского императора и самого русского царя, которые позволили своим боярам богатеть и вести праздную жизнь. Совет Пересветова был очевиден: чтобы избежать судьбы Константина XI, Ивану необходимо было следовать примеру Мехмеда Завоевателя.

«Большая челобитная» уникальна в своем использовании османского султана в качестве примера для подражания для русского царя. Составленная в момент, когда Османская империя достигла своего расцвета, челобитная предвосхитила антибоярскую политику Ивана

¹ Повесть о взятии Царьграда Турками // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 216–267. «Повесть» Нестора Искандера можно, пожалуй, назвать первым российским описанием Османской империи или, скорее, обстоятельств ее основания. В ней воспроизводилась стандартная церковная интерпретация падения Константинополя как божьего наказания грекам за их вероотступничество, в котором «зловверный Магомет» выступал лишь орудием божественного возмездия.

² Пересветов И. С. Большая челобитная // Библиотека литературы Древней Руси / Ред. Д. С. Лихачев и др. СПб.: Наука, 1997–2006. Т. 9. С. 441. О Пересветове см.: Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика. М.: Прометей, 2000. С. 27–126; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М.: Наука, 1958.

Грозного¹. На момент включения челобитной в русский хронограф 1617 года описание антибоярской политики Мехмеда было заменено делами «безбожных турок»². Это редактирование отражало не только начало османского упадка, отмеченного современными европейскими авторами, но и внутривластную ситуацию в самом Московском государстве, в котором за Смутным временем последовал период более примирительных отношений между боярством и царской властью в лице Михаила Федоровича.

Задолго до Петра I российские представления об Османской империи испытывали влияние западно- и центральноевропейских источников. Кропотливые исследования Дэниела Кларка Во демонстрируют, что, несмотря на относительную маргинальность Московского государства, до него доходили европейские памфлеты о «Турке»³. Однако памфлеты мало отражали меняющиеся реалии политического состояния османского государства и в основном способствовали мобилизации христиан на борьбу с османами, а также позволяли европейцам артикулировать свои религиозные убеждения и политические взгляды⁴. В особенности это касалось апокрифических писем османских султанов различным государям Европы, циркулировавших с начала XVI столетия и переведенных в Посольском приказе в XVII веке. Эти письма подчеркивали могущество Османов и угрожали христианским правителям и их подданным смертью, насилиями, пытками и рабством в наказание за заговор против султана. За некоторыми из этих апокрифических писем следовали столь же апокрифические ответы христианских правителей, парировавших угрозы султанов. В качестве примера можно привести «обмен» посланиями между Мехмедом IV и Леопольдом I⁵. Характерно, однако, что в своем ответе султану австрийский император говорил о грядущем поражении Османов как следствии божьего гнева, а не политического упадка их империи.

¹ «Большая челобитная» современна тем, в целом положительным, оценкам османской политической системы, которые можно найти у Макиавелли и Бодена.

² Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. С. 290.

³ Waugh D.C. Seventeenth Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Towards a Study of Muscovite Literary Culture in its European Settling. Ph.D. diss., Harvard University, 1972.

⁴ Waugh D.C. The Great Turkes Defiance. On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Foreword by D.S. Likhachev. Columbus, Ohio: The Slavica Publishers, 1978. P. 6, 10.

⁵ Опубликовано: Там же. С. 213–214.

Известия о военном и политическом ослаблении Османов приходили в Московское государство более прямым путем. Уже в 1592 году посланник Федора Иоанновича Г.А. Нащекин писал, что «в Турции ныне все изменилось: султан и паши мыслят единственно о корысти; нет ни устройства, ни правды в государстве. Султан обирает чиновников, чиновники обирают народ; везде грабеж и смертоубийства; нет безопасности для путешественников на дорогах, ни для купцов в торговле»¹. То же самое известие приносили и представители высшей иерархии греческой церкви, приезжавшие в Москву в XVII столетии². В 1649 году иерусалимский патриарх Паисий призывал Алексея Михайловича присоединиться к господарям Молдавии и Валахии в походе на Константинополь, поскольку «ныне турецкого сила изнемогает»³. После первых побед Московского государства в войне с Речью Посполитой за Гетманщину греческий ученый Николай Морицкий выступил с идеей союза царя с гетманом в целях освобождения османских христиан, «потому что ныне турки обессилили и имеют междоусобную брань»⁴. Греческие иерархи проповедовали идею османского упадка и в более поздний период, когда архимандрит обители Св. Павла на Афоне Исаия привез в Москву послания от бывшего константинопольского патриарха Дионисия, валашского князя Щербана Кантакузена и сербского патриарха Арсения III. От их имени Исаия призвал молодых царей Ивана и Петра подняться на священную борьбу за освобождение православной церкви и заявил, что «в нынешнее время все турецкое владительство приняло от Бога великое наказание, и приходит то великое бусурманство к конечной погибели»⁵.

¹ Цит. по: Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М.: Наука, 1973. С. 28.

² См.: Флоря Б.Н. Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и в раннее новое время / Ред. Б.Н. Флоря. М.: Индрик, 1996. С. 174–187.

³ Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и в XVII столетиях. М.: Снегирев, 1885. С. 262–263. Основатель Богоявленского монастыря Арсений Суханов, путешествовавший по Османской империи в 1649–1653 годах, а затем повторно в 1654 году, отмечал, что «говорят все христиане, чтобы и то видети, чтобы Царем-Градом овладети царю Алексею». Данциг Б.М. Ближний Восток. С. 32.

⁴ Каптерев Н.Ф. Характер отношений. С. 265.

⁵ Там же. С. 271; см. также: Кочубинский А.А. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами. М.: Университетская типография, 1872. С. 6–7.

Сходные попытки вовлечь царей в антиосманскую борьбу предпринимали и представители православного духовенства Гетманщины, занявшие промосковскую позицию в гражданской войне, разразившейся там в 1660–1670-е годы. Настоятель Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель завершил историческое обоснование единства великороссов и малороссов в своем знаменитом «Синописе» молитвой придать храбрость, мужество и силу христианам «на одоление Бусурманов, на искоренение твердынь их поганских, на истребление всего рода их нечестивого, или на превращение поганского их государства под православного Монарха его Царского пресветлого Величества благополучное Царствование»¹. Несколькими годами ранее архиепископ Чернигова Лазарь Баранович высказывал надежду на то, что российский и польский орлы однажды попрут мусульманский полумесяц, а ученик Барановича Иоанникий Галытовский писал вскоре после Чигиринских походов 1677–1678 годов, что «греки, болгаре, сербы, боснийцы, молдаване, валахи и иные христианские народы, которые служат туркам, когда Бог захочет могут согласиться и уговориться между собой, выбиться из турецкой неволи, и турок сделать своими рабами, возратить Гроб Христов и святые места»². Примечательно, однако, что, в отличие от греческих иерархов, их коллеги из Гетманщины не связывали подобных проектов с начавшимся якобы упадком Османской державы. Вместо этого они мыслили в категориях раннемодернистской антитурецкой памфлетной литературы, которая приписывала силу турок божьему наказанию христиан за свои грехи и делала христианское единство условием победы над султаном.

В то же время оптимистических донесений греческих и украинских православных священников было недостаточно, чтобы подорвать традиционное московское представление о силе Османской империи. В 1641 году Земский собор, специально созванный Михаилом Федоровичем, посоветовал царю вернуть Османам Азов, захваченный за несколько лет до того донскими казаками. Осознавая относительную слабость Московского государства, царь Алексей Михайлович и его советники колебались, прежде чем решиться на союз с Гетманщиной, к которому призывал иерусалимский патриарх Паисий. Трудности, с которыми они столкнулись в последовавших за тем войнах против Речи Посполитой и Османской империи, только подтвердили эти

¹ Мечта о русском единстве. Киевский синопис / Ред. О.Я. Сапожникова, И.Ю. Сапожникова. С. 233.

² Цит. по: Сумцев Н.Ф. Иоанникий Галытовский. С. 578.

опасения. По этой причине российские авторы данного периода были еще далеки от мысли о том, что Османская империя вступила в полосу необратимого упадка, и отмечали лишь нехарактерную для европейских государств внутреннюю политику султанов.

Так, А.И. Лызлов писал об озабоченности султанов исключительно своей армией, что привело к оставлению населения на произвол воинов, чьи поборы лишали крестьян желания обрабатывать землю. Упоминая «зело много пустынь безмерных и опустошенных стран не-считно» в османских пределах, Лызлов противопоставлял безлюдность султанских владений населенности немецких земель. Предвосхищая физиократические теории середины XVIII столетия, Лызлов отмечал, что «земледельство и труды около его, то бо подает основание художествам, а художества купечеству; егда же земледельцов мало, тогда всего бывает недостаток». Преобладание в османской торговле евреев и христиан-европейцев было, по мнению Лызлова, дополнительной причиной скудости османского государства. Тем не менее Лызлов оставался сдержанным в своей критике внутренней политики османских султанов: «Но аще доходы султана турецкаго не суть толико многи и богаты, яко бы могло издавати величество государства его и множество стран содержимых им, имеет обаче султан от стран своих наибольшей при-быток, нежели доходы сребра». Лызлов имел в виду систему тимаров (ленов), которая обеспечивала султанам многочисленную конницу¹.

В то время как Пересветов находил османских султанов достойными подражания, российские авторы XVIII столетия полагали их внутреннюю политику несовместимой с идеалами просвещенной монархии и государя как первого слуги государства и благосостояния своих подданных². Посланник Петра I П.А. Толстой отмечал желание султана «содержать в покое» свое государство после Карловицкого мира (1699), «обаче не с таким разсудком, яко подобает милосердовать государем о своих подданных и устроить им мирное житие, и для строения государственного, но своих ради забав». Османские чиновники также радели «болши о своем богатстве, нежели о государственном управлении». Они расхищали треть государственных доходов, так что

¹ Лызлов А.И. Скифская история. С. 268–270.

² О взаимовосприятии россиян и турок в XVIII и XIX столетиях см.: *Шеремет В.И. Взаимные представления русских и турок (XVIII–XIX вв.) // Человек в контексте культуры. Славянский мир / Ред. И.И. Свирида. М.: Индрик, 1995. С. 219–234; Шеремет В.И. Русские и турки: развитие взаимных представлений // Россия и Балканы: Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII — 1878 г.) / Ред. И.С. Достян. М.: Индрик, 1995. С. 278–299.*

после изымания еще одной трети на содержание религиозных учреждений только треть доходов достигала султанской казны¹. Относительно политической нестабильности османского государства Толстой писал, что высокопоставленные чиновники «имеют к подлому народу ласкательство и склонность, не так от любления, как бояся от них бунту», поскольку «к междоусобному государственному смятению, народ турецкой склонен» и «глаголют о себе, яко суть народ свободной»². Толстой не мог не напомнить Петру I о недавнем Стрелецком бунте, когда упомянул янычаров, которые «не пекутца ни о салтане, ни о визире, ниже о каком ином министре» и повинуются только ими же самими избранным командирам³. Из примера для подражания, коим она была во времена Ивана Грозного, внутренняя политика султанов превратилась в антимodelь и воплощение того кошмара, от которого российский правитель недавно избавился, но который все еще продолжал его преследовать.

Преемники Толстого на посту российского резидента в Константинополе, И.И. Неплюев и А.А. Вешняков, были еще более убеждены во внутренней слабости Османской империи. «Революции» 1730 и 1731 годов, положившие брутальный конец «эпохе тюльпанов» Ахмеда III и великого визиря Ибрагима Невшехерли, иллюстрировали буйство янычаров и нестабильность султанской власти⁴. Примечательно, однако, что в одном из своих донесений Вешняков подчеркивает утрату османами мужества за удовольствиями «века тюльпанов», а не бурные потрясения в качестве основной причины их слабости: визирь Ибрагим «показал им путь к чувственному веселию бытия», в результате чего они «потеряли охоту воевать». Многие опытные полководцы «или погублены последним правлением, или померли» и «солдатства навоеванного также почти не имеют». Та же апатия поразила, по свидетельству Вешнякова, и османское чиновничество. Способные представители последнего избегали поднимать голос, чтобы не быть обреченными серьезной государственной должностью и утратить

¹ Толстой П.А. Русский посол в Стамбуле. С. 48.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 58.

⁴ [Бонневаль К.А. де.] Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 года при низложении Ахмеда III и возведении на престол Магомета. СПб.: [Б.и.], 1738. Ориг. фр. изд.: [Bonneval C.A. de.] Relation de deux rebellions arrivées à Constantinople en 1730 en 1731 dans la déposition d'Ahmed III et l'élévation au trône de Mahomet V. La Haye: Clousier, 1737.

безмятежное существование. Из этого Вешняков делал вывод о том, что османы «внутренне зело слабы»¹.

Через несколько месяцев после объявления Россией войны Порте в 1735 году Вешняков, все еще находившийся в Константинополе, снова уверял свое начальство в Петербурге, что у османов не было дееспособных чиновников, способных навести порядок в политических, военных и финансовых делах. По свидетельству российского посланника, «[всяк] от нижняго до высшаго не о государственном, но о своем токмо особом благе и сохранении печется». В результате османы «елико прежде были страшилищем, толь ныне достойны всякого презирания» и сами «громогласно кричат что конец их беззакония приходит и Ваше Величество имеете их искоренить (да сподобит Всевышний свою благодать излить и сие в действо произвести Вашего Величества правлением)». Вешняков был настолько уверен в скором падении Османской империи, что рассматривал в качестве проявления ее слабости даже решение османов не заключать его в Семибашенный замок: «Порта свои прежние варварские обычаи отменила и старается, дабы ни малые не подать причины к огорчению дел, из чего явно и ясно видимо ее слабое состояние»².

В XVIII столетии образованные россияне могли встретить упоминания об упадке Османской империи в опубликованных сообщениях французских дипломатов относительно восстаний янычаров, а также в описаниях османского государства, составленных Полом Рико и Луиджи Фердинандо Марсильи, переведенных на русский³. Не менее значимым могло быть и влияние союзника Петра I в неудачном Прутском походе, молдавского князя Дмитрия Кантемира, чей посмертно опубликованный труд «История возвышения и упадка Османской империи» пользовался большой популярностью в европейских ученых кругах и оставался непревзойденным вплоть до начала XIX столетия⁴. Хотя полный русский перевод этой работы, заверченный в 1719 году,

¹ Первая реляция А.А. Вешнякова с Босфора // Кочубинский А.А. Граф Остерман. С. xiv.

² Цит. по: Там же. С. 150.

³ *Марсильи Л.М.* Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком. СПб.: [Б.и.], 1737; [*Rysaunt P.*] Монархия Турецкая описанная через бывшего английского секретаря посольства при Оттоманской Порте. Перевод с Польского. СПб.: [Б.и.], 1741.

⁴ Написанный на латыни в 1716 году, труд Кантемира был опубликован в английском переводе в 1734-м (*The History of the Growth and Decay of the Othman Empire* / Trans. N. Tindal. 2 vols. London: Knapton, 1734–5) и повторно в 1756-м; фр. и нем. изд. последовали в 1743 и 1744 годах.

не был опубликован, Кантемир, прошедший последние двенадцать лет своей жизни в России, имел широкие возможности поделиться своими знаниями об Османской империи с царем и представителями российской элиты¹. Тем не менее мысль об османском упадке имела мало практических последствий, поскольку русско-турецкая война 1735–1739 годов не принесла решающего успеха России, чье внутреннее состояние в десятилетия, последовавшие за смертью Петра I, также не отличалось стабильностью. Прошло немало времени, прежде чем простая осведомленность о беспорядках в османском государстве превратилась в уверенность в том, что османы слабее России.

Российское описание Османской империи, опубликованное под конец этой войны, подхватило уже знакомую идею о том, что держава султанов не была столь могущественна и богата, насколько это могло показаться, принимая во внимание ее размеры². Эта слабость была результатом непрочности османского контроля над многочисленными протекторатами, чьи правители были готовы воевать за Порту только при условии получения от нее денежных подачек. Большая дань, со-

---

¹ О переводе главного труда Кантемира на русский см.: Густерин П.В. Об одном историческом труде Дмитрия Кантемира. М.: Восточная книга, 2008. С. 32–39. Примечательно, что труды Кантемира оказались мало востребованы в России XVIII столетия. Более столетия прошло, прежде чем отрывки из «Истории возвышения и упадка Османской империи» были опубликованы по-русски. К тому времени эта работа уже утратила свое научное значение. См.: История Турецкого государства от самого основания онаго до новейших времен. Перевод с немецкого. В 2 т. М.: Университетская типография, 1828. Это издание было переводом с немецкого издания 1744 года, а не более ранним переводом на русский с латинского оригинала, который был сделан в 1719 году. Довольно бесстрастное описание Кантемиром исламского законодательства, переведенное на русский в 1722 году, вызвало недовольство российского Святейшего Синода, и потребовалось вмешательство самого Петра I для того, чтобы книга была напечатана. См.: Книга Систима, или Состояние мухамеданския религии. СПб.: [Б.и.], 1722.

² Хотя автор никогда не бывал в Османской империи, он использовал описания очевидцев — «Турецкие письма» Ожье Жислена де Бусбека, «Новое путешествие в Константинополь» Гильома-Жозефа Грело и «Военное состояние Оттоманской империи» Луиджи Фердинандо Марсильи, — чтобы своим читателям «такую чистую зрительную трубу подать, через которую они, из теплых своих покоев, на Оттоманскую Порту глядеть, а притом целое пространное Турецкое государство, со всеми его знатнейшими городами усмотреть, государственное учреждение сея Империи, также житие, и обыкновенное поведение тамошних обывателей в военное и мирное время явно увидеть могут». См.: О турецкой земле и о турках // Примечания к ведомостям. 1739. № 23–24. С. 82. Автор следовал примеру Лызлова, проводя невыгодные для Османской империи сравнения между нею и европейскими странами в отношении населенности: Там же. С. 91.

бираемая с Молдавии и Валахии, шла не столько в османскую казну, сколько в карманы местных пашей и их гарнизонов¹. Согласно автору, «как Турецких цесарей титул страшен, так против того власть сих монархов бедна, а жизнь их сожаления достойна» ввиду постоянного страха потерять престол и быть убитым². Противопоставляя видимость и скрываемую ею реальность, российский автор воспроизводил риторический прием, который часто применялся в европейских описаниях Османской империи XVII столетия. Тем не менее в этот период российскими авторами еще не предпринималось попыток посмотреть на соотношение видимого могущества и действительной слабости в исторической перспективе и утверждать, как делали некоторые европейские авторы, что Османская империя стала заметно слабее в последние десятилетия или столетия.

В то время как россияне петровской эпохи интересовались состоянием султанской армии и флота, а также внутренним управлением Османской империи, их потомков в середине XVIII столетия привлекали и более общие аспекты культуры, такие как состояние просвещения у османов. Это изменение объясняется расширением рамок вестернизации самой России, которая при преемниках Петра Великого все чаще включала в себя имитацию европейских мод и культурных практик наряду с военными и административными технологиями. Уже в конце царствования Елизаветы Петровны образованные россияне находили, что «просвещения [турецкий] народ ни малейшего не имеет, ибо леность и сластолюбие столь отягчили их сердце, что они никую должность положенную действительно не могут править». Автор этого наблюдения М.И. Прокудин-Горский, бывший кавалером при российской миссии в Константинополе, сводил османское образование к изучению арабского языка и отмечал, что «свободных наук они не знают»³.

После трех десятилетий мира в середине XVIII столетия военные и стратегические последствия недостатка просвещения у османов стали очевидны в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Еще до решающих побед, одержанных царской армией и флотом в 1770 году, автор первого романа на русском языке А.Ф. Емин, бывший уроженцем Османской империи, писал, что последняя «славным Екатерины оружием приведена ныне в ужас», и предсказывал турецкому султану

¹ О турецкой земле и о турках. С. 94.

² Там же. С. 95.

³ [Прокудин-Горский М.И.] Письма или уведомления в Москву. С. 77.

столько же поражений, «сколько имеет в своем владении царствий провинций и городов»¹. Описав захватывающее восхождение Османов на вершину могущества, Емин далее отмечал, что их «излишняя гордость произвела... неумеренность, сия рождала роскошествование прежней [их] к воинским трудностями привычке противное». По мнению Емина, современные Османы демонстрировали «пылкое желание» славы, однако не обладали другими предпосылками успеха, такими как «рассудок, искусство, постоянство, терпение, разумн[ая] смелость, а иногда и дерзновение, но с силой и возможностью соединенное»². Бывший турецкоподданный утверждал, что Порта совершила большую ошибку, последовав ложным советам своего французского союзника и вмешиваясь в европейские дела, о которых она могла получить лишь превратное представление от своих секретарей и переводчиков-фанариотов³. Критика Еминым исторического противника тесно увязывала его политический упадок с моральными пороками, «каковые суть зависть, корыстолюбие, невоздержанное и никакого истязания не опасующееся удовольствие страстей, невежество, несогласие, неразличность с добром», которые, по мнению автора, «человеческие сердца в жестоком содержат плену» в османской державе и ведут ее к разрушению⁴.

Хотя российские победы 1770 года служили подтверждением тезиса Емина, прошло еще какое-то время, прежде чем очевидное ослабление Османов стало представляться долговременным и необратимым упадком. Характерными для этой переходной стадии были «Рассуждения на действительно критическое состояние Порты Оттоманской» Евгения Булгари, греческого священника и ученого, приглашенного в Россию Екатериной II в 1770 году⁵. Согласно Булгари, трудно было представить, что Османская империя «толь страшная и всего христианства судьбой управляющая, толь удобно могла при-

¹ Емин А. Ф. Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты. СПб.: Морской шляхетский кадетский корпус, 1769. С. 9.

² Там же. С. 78–79.

³ Там же. С. 68. Анализ роли фанариотов в османском правительстве см.: *Philliou Ch. Biography of an Empire: Governing the Ottomans in an Age of Revolution*. Berkley, CA: University of California Press, 2011. P. 5–37.

⁴ Емин А. Ф. Краткое описание. С. 69.

⁵ О Булгари см.: *Sturdza A.S. Eugène Boulgaris et Nicéphore Teotokis, Précurseurs du réveil intellectuel et national de la Grèce* // Sturdza A.S. *Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires*. Paris: Dentu, 1858–61. Vol. 3. P. 267–311; *Batalden S. Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806*. Boulder, CO: East European Monographs, 1982. Булгари написал свои «Рассуждения» в 1772 году, еще до окончания войны.

ведена быть до самой крайности и в самое короткое время»¹. Отмечая презрение османов к наукам, военному искусству, сельскому хозяйству и коммерции европейцев, Булгари тем не менее релятивизировал их ущербность, указывая на то, что еще несколько столетий тому назад большая часть самих европейских народов находилась в подобном же состоянии. Сама допетровская Россия, «раздираем[ая] мятежами, утопающ[ая] в жестокости и в варварстве... в короткое время принимает удивительный образ, берет совершеннейший порядок и строй в военных делах, и наконец восходит на высочайшую степень славы и могущества, из чего видно, что Скифы получили величие Греков и Римлян»². Булгари вопрошал риторически: «Не может ли то же случиться с Турками, что мы видим над Россиянами?» По мнению греческого прелата Екатерины II, османы «прежде нашего приметили сию перемену Российской империи, и почли оную как образец достойный подражания и побуждающий к поправлению»³.

В доказательство своего тезиса Булгари ссылался на недавно переведенный на русский язык «Трактат о тактике» Ибрагима Мутеферрики, в котором автор указывал на необходимость заимствования европейских военных хитростей и приводил в пример Россию в правление Петра I⁴. Хотя османские успехи в «военном искусстве, земледелии и купечестве» могли бы улучшить положение их христианских подданных, подобное изменение не было в интересах европейских государств. Согласно Булгари, в этом случае при сохранении мира «сокровища Европы текли бы в Турцию», а война «дала бы чувствовать удивленной Европе тяжесть обученной Порты более чем прежде»⁵. В свете подобных перспектив автор находил возмутительной поддержку, оказываемую некоторыми христианскими державами Османской империи

¹ [Булгари Е.] Рассуждения на действительно критическое состояние Оттоманской Порты. М.: Университетская типография, 1780. С. 4.

² Там же. С. 51–52.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 62. См.: Изображение тактики, или искусный образ войск установления, обнародованное и напечатанное в Константинополе на турецком языке Ибрагимом Ефендием Мутеферриком. СПб.: Клеен и Гейке, 1777. Фр. изд.: *Traité de tactique: ou, Méthode artificielle pour l'ordonnance des troupes*. Vienna: Trattenern, 1769. Об османском восприятии петровских реформ в контексте ранних проявлений вестернизации в Османской империи см.: Витол А.В. Османская империя начала XVIII в. и преобразования Петра I в России (военный аспект) // XVIII век: Славянские и балканские народы и Россия / Ред. И.И. Лещиловская. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 91–98.

⁵ [Булгари Е.] Рассуждения. С. 19.

вместо того, чтобы объединить усилия против нее. Булгари ставил под сомнение, что «выгоды Франции должны быть почитаемы пользою всей Европы» и призывал к формированию коалиции европейских государств в целях изгнания Османов с европейского континента¹.

Несмотря на опасения по поводу возможного возрождения османской мощи, высказанные Булгари, победа в войне 1768–1774 годов явным образом продемонстрировала, что россияне обрели уверенность после серии неудач или сомнительных успехов в конце XVII и первой половине XVIII столетия. После новых побед российского оружия в 1788–1789 годах П.А. Левашев мог утверждать с определенной достоверностью, что османское государство «уже совсем не то, каково оно было во времена славных султанов Солимана, Баязета, Амурата и Махомета второго». Автор уподоблял державу султанов «великой громаде обветшалого здания, которое в сих последних переменах одною токмо своею внешностью зрителей удивляло и ужасало» и которую «ныне Российский Борей так сильно оным потряс, что едва не до самого основания разрушил». Упадок Османов был особенно очевиден в сравнении с положением их северного соседа: «Как Россия с [начала сего века] беспрестанно на высшую степень выходит, так напротив того Оттоманская империя час от часу упадает». Это позволяло Левашеву заключить, что новая кампания могла довершить разрушение Османской империи, начатое предыдущей войной².

Как и подобало эпохе, начавшейся со «спора древних и новых книг», тезис Левашева основывался на различии между «древними» и «новыми» турками. Подобно Пересветову, Левашев положительно охарактеризовал первых, отмечая, что они «среди самой жестокости своей явили примеры лучших гражданских добродетелей и большего благоразумия, нежели чаяли от них европейцы». В начале своей истории турецкий народ был «великодушен, учтив, милостив, верен, праводушен» и способен выставить в поле до полумиллиона войска. Напротив, их потомки оказались «всего сего чужды, быв большею частию малодушны, грубы, жестокосерды и в своих обещаниях не токмо неверны, но и обманчивы». Доходы султана были ограничены, а войско не так многочисленно, как прежде, «и притом весьма своевольно и беспорядочно»³. Левашев скептически относится к тезису

¹ [Булгари Е.] Рассуждения. С. 75, 77–78.

² Левашев П.А. Плен и страдания россиян у турков // Цареградские письма. С. 12, сноска 1.

³ [Левашев П.А.] Цареградские письма. С. 39–40.

одного европейского посланника о том, что Османы завоевали бы всю Европу, если бы им удалось реорганизовать свою армию¹. Согласно российскому дипломату, такая реорганизация убила бы в них личное мужество и сделала бы их «одушевленными только машинами, и число их войска гораздо бы убавилось, потому что неистовство их, происходящее от чрезмерной ревности к закону, заменено бы было строгостью, долженствующею непременно оное ослабить; сверх же того их закон, положение их земли, образ их жизни много может препятствовать ко введению как политической внутри сего государства перемены, так и в войске оного, что одно без другого учинено быть не может»².

Утверждая, что шариат и религиозные чувства не позволили бы Османам перенять европейскую военную организацию, Левашев фактически предвосхищал позднейшее восприятие ислама как несовместимого с модернизацией и прогрессом. Однако такое отношение к мусульманской религии не было доминирующим в России конца XVIII столетия. Например, в своем стремлении консолидировать контроль над Поволжьем Екатерина II исходила из постулата, что мусульмане стояли на более высокой ступени цивилизации, чем язычники, и потому закрывала глаза на обращение последних в ислам. Она прекратила политику Елизаветы Петровны насильственного обращения в православие и проявляла толерантность к российским мусульманам, чьи элиты она постаралась интегрировать в государственные структуры³. Конечно, императрица была крайне враждебна по отношению к Османской империи и в своем «Греческом проекте» предполагала изгнать султана из Европы. Однако ни она, ни ее подданные не стали бы приписывать успех подобного предприятия фатальному воздействию ислама на способность Османской империи реформировать свои институты.

¹ Этим иностранным дипломатом был, по-видимому, французский посол Шарль Граве де Верженн (1755–1768), чья деятельность способствовала началу русско-турецкой войны 1768–1774 годов и заключению Левашева в Едикуле.

² [Левашев П.А.] Цареградские письма. С. 60. В 1774 году Левашев также написал книгу «Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков» (СПб.: [Б.и.], 1792) с целью «возбудить в соотечественниках своих большее против прежнего внимание на сих диких, но многочисленных и толь вредных и опасных... народов». См.: Там же. С. i–ii.

³ См.: Fisher A. Enlightened Despotism and Islam under Catherine II // *Slavic Review*. 1968. Vol. 27. No. 4. P. 542–553; Crews R. For Prophet and Tsar. P. 31–91. О классификации различных народностей империи по принципу достигнутой ими стадии цивилизации см.: Slezkine Yu. Naturalists vs. Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Russia's Orient* / Eds. D. Brower, E.L. Lazzerini. P. 28–57.

Существовала и другая более общая причина, по которой восприятие Левашевым Османской империи не могло быть преобладающим в конце XVIII столетия. Тезис о необратимом упадке предполагал представление об истории, основанное на идее прогресса, в котором современная эпоха рассматривалась как представлявшая ценность сама по себе, а не как возвращение к классическим добродетелям. До того как философия истории, основанная на идее прогресса, приобрела хождение среди образованных россиян XIX столетия, их представление о времени определялось, скорее, классицистским понятием истории как театра, в котором достойные похвалы добродетели и прискорбные страсти определяли взлет и падение отдельных личностей и империй. С этой точки зрения проблема Османской империи заключалась прежде всего в недостатке моральной сдержанности ее правителей. «Государство, управляемое властью, поработенною страстям, не может иметь постоянного спокойствия», — писал П.П. Острогорский в своем предисловии к переведенным им «Анекдотам или примечательным историческим деяниям Османского двора» Мадлен Анжелик де Гомес. Согласно Острогорскому, история Османской империи являла пример правителей, которые «удовлетворяя собственным страстям, не рад[ели] о выгодах подданных». Несмотря на мужество османов, их следование страстям много раз приводило Порту на край гибели посредством внутренней или внешней войны¹.

Заимствованные идиомы

Изменения в российском восприятии Османской империи на протяжении XVIII столетия демонстрируют постепенную европеизацию царских подданных, по крайней мере представителей элиты. Природа этого процесса наилучшим образом отражается в области «наук и искусств», игнорирование которых османами было отмечено авторами екатерининской эпохи. Помимо успешного заимствования дипломатического и военного искусства, представители российского правящего класса послепетровской эпохи все больше интересовались европейской, в особенности французской литературой, а также историей и философией. Переписка Екатерины II с представителями

---

¹ Острогорский П.П. Предуведомление // [Gomez M.A. de.] Анекдоты или достопамятнейшие исторические деяния оттоманского двора. СПб.: Овчинников, 1787. Т. 1. С. 9.

французского просвещения сопровождалась амбициозной программой перевода на русский язык литературных, философских и исторических трудов западноевропейских авторов. Хотя образованные россияне второй половины XVIII и XIX столетия, как правило, знали французский, иностранные издания было труднее приобрести, чем их русские переводы. Уже в конце XVIII столетия эти переводы включали в себя значительное количество французских, английских и немецких описаний Османской империи, которая продолжала интересовать европейских авторов.

Вслед за началом русско-турецкой войны 1768–1774 годов Российская академия наук опубликовала перевод статей, касающихся Турции, из энциклопедии Дидро и Даламбера, а также том о «Турции в Европе» из труда немецкого географа Антона Фридриха Бюшинга¹. После окончания этой войны были опубликованы переводы восточных путешествий Джона Белла, Николауса Эрнста Клеемана и Фредерика Калверта, лорда Балтимора². Война 1787–1791 годов также вызвала интерес к европейским описаниям османского государства. Вслед за переводом одного заурядного прусского статистического описания державы султана вышел первый том фундаментального труда Ингация Мураджи д'Оссона «Полная картина Оттоманской империи»³.

¹ Статьи из Энциклопедии, принадлежащие к Турции. В 2 т. СПб.: Академия наук, 1769; Бюшинг А. Ф. Османское государство в Европе и Республика Рагузская. Из Бишинговой географии. СПб.: Академия наук, 1770. Ориг. нем. изд.: Büsching A.F. Erdbeschreibung. 7 vols. Hamburg, 1754–1761.

² Белл Дж. Белевы путешествия через Россию в различные азиатские земли: В Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. В 3 т. СПб.: Академия наук, 1776 (ориг. фр. изд.: *Bell d'Antermony J. Voyages depuis St. Petersburg en Russie dans divers contrées d'Asie*. 3 vols. Paris: Robin, 1766); Калверт Ф. Путешествие лорда Балтимора из Константинополя через Румелию, Болгарию, Молдавию, Польшу, Германию и Францию в Лондон. СПб.: Военная коллегия, 1776 (ориг. англ. изд.: *Calvert F. A Tour to the East in the Years of 1763 and 1764 with Remarks on the City of Constantinople and the Turks*. London: Richardson and Clerk, 1767); Клееман Н. Э. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджакских татар и во весь Крым с возвращением через Константинополь, Смирну и Триест в Австрию 1768–1770 гг. СПб.: Военная коллегия, 1783 (ориг. нем. изд.: *Nicolaus Ernst Kleemans Reise von Wien nach Belgrad bis Kilianowa, durch die Butschak Tatarey über Kauschan, Bender durch die Nogay Tatarey in die Crimm, dann von Kaffa nach Konstantinople nach Smyrna*. 2 B. Leipzig: Kraus, 1773).

³ [Зейденбург И. Г.] Новейшие известия о Турецкой империи для тех, кто желают иметь сведения о состоянии оной, особливо при случае нынешней ее с Российскою империей войны. СПб.: Брейткопф, 1789 (ориг. нем. изд.: *Seidenburg J.G. Neueste Nachrichten vom Türkischen Reiche*. Berlin: Wever, 1788); Мураджа д'Оссон И. Полная картина Оттоманской империи. Т. 1. СПб.: Академия наук, 1795 (ориг. фр. изд.:

В последние годы XVIII столетия российские любители восточных путешествий могли выбирать между забавными письмами леди Элизабет Кравень и ученым путешествием в Египет и Сирию Константина Франсуа Шосбефа де Вольнея¹. Переводы существенно расширили доступ российских читателей к западной литературе об Османской империи, снимая лингвистические и коммерческие барьеры. Хотя эти препятствия вряд ли существовали для представителей российской политической элиты и дипломатов, переводы стали важным аспектом формирования специфически российского восприятия Османской империи ввиду их неизбежной избирательности².

Другим аспектом заимствования у Европы стало развитие академического ориентализма в России. Первоосновы востоковедения были заложены в петровский период под влиянием Готфрида Лейбница. Последний обратился к царю с проектом основания Академии наук, которая позволила бы России стать посредником между Европой и Китаем, к чьей философии и естествознанию Лейбниц проявлял живейший интерес. В открывшейся в 1725 году Санкт-Петербургской академии наук начали работать видные немецкие специалисты по восточным языкам, Готфрид Зигфрид Байер и Георг Якоб Керр, которые подтвердили свою репутацию публикациями и переводами источников по китайской, персидской и среднеазиатской истории. Однако петровский период в истории российского востоковедения был во многом

Mouradja d'Ohsson I. Tableau Général de l'Empire Ottoman. 4 vols. Paris: Monsieur, 1787–1791). См. также: Француз в Константинополе или ясное и точное описание турецкого народа. СПб.: Селиванский, 1794.

¹ Вольней К.Ф.Ш. Путешествие Вольнея в Сирию и Египет бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах. В 2 т. М.: Гиппиус, 1791–1793. Рус. пер. был сделан с нем. изд.: C.F. Volney's Reise nach Syrien und Aegypten in den Jahren 1784, 1785 und 1786. Jena: Maute, 1788; Кравень Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году. М.: Университетская типография, 1795 (ориг. фр. изд.: *Craven E. Voyage en Crimée et à Constantinople en 1786. Paris: Maradan, 1789).*

² Проекты нот российского посланника в Константинополе барона Г.А. Строганова, адресованные Порте в 1816–1821 годах, дают представление о круге чтения российских дипломатов, служивших на берегах Босфора в начале XIX столетия. Бумаги Строганова содержат выписки из: *Habesci E. Etat actuel de l'Empire Ottoman (1792; orig. angl. изд.: 1784); Volney C.F.Ch. Voyage en Egypte et en Syrie (1787); Griffith J. Nouveau voyage dans la Turquie d'Europe, en Asie et en Arabie (1812; orig. angl. изд.: 1805); Eton W. Tableau Historique, Politique et moderne de l'Empire Ottoman (1801; orig. angl. изд.: 1798); Pouqueville F. Voyage en Morée, en Constantinople et en Albanie, années 1798–1801 (1805); Sonnini Ch.S. Voyage en Grèce et en Turquie fait par ordre du Louis XVI avec l'autorisation de la cour Ottoman (1801) и Hughes Th.S. Voyage à Janina en Albanie par la Sicile et la Grèce (1821; orig. angl. изд.: 1819).* РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 376. Л. 46–83.

фальстартом, поскольку ни Байер, ни Керр не оставили учеников и не оказали существенного влияния на российское общество. То же самое касалось и уже упомянутого молдавского князя Дмитрия Кантемира, умершего за год до основания Петербургской академии наук¹.

В начале правления Александра I реформа образования привела к основанию (или переоснованию) четырех университетов, в каждом из которых были устроены кафедры восточных языков. Хотя первые обладатели этих кафедр (по преимуществу немцы) не были успешными учителями, в Санкт-Петербурге и Казани в конце концов возникли серьезные востоковедческие школы. Развитие Казанской школы в 1830–1840-е годы связано с фигурой А.К. Казембека, который преподавал турецко-татарский язык с 1826 года и подготовил важных учеников, а именно В.Ф. Диттеля и И.Н. Березина². Санкт-Петербургская школа испытала влияние С.С. Уварова, президента Санкт-Петербургской академии наук и российского министра просвещения в 1830–1840-е годы. Еще в свою бытность секретарем российского посольства в Вене в 1809 году, Уваров попал под влияние немецкого романтика Фридриха Шлегеля, сыгравшего важную роль в так называемом «Восточном ренессансе» начала XIX столетия³. Вдохновленный идеей Шлегеля о возрождении Европы посредством приобщения к восточной мудрости, Уваров находил, что из всех европейских наций Россия наилучшим образом расположена для изучения Азии, и предложил проект основания Восточной Академии с этой целью⁴. Хотя этот проект остался на бумаге, Уваров пригласил в Санкт-Петербург двух учеников Сильвестра де Сасси для преподавания восточных языков в университете. Петербургская школа востоковедения получила дополнительный импульс и от О.И. Сенковского, выпускника университета в Вильно, который вернулся из двухлетнего путешествия по Леванту в 1819–1821 годах с совершенным знанием арабского и турецкого⁵.

Несмотря на существенное развитие российского востоковедения в первой половине XIX столетия, это развитие не вылилось

¹ *Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism. P. 31–35, 38–43.*

² Там же. С. 91–109.

³ *Schwab R. La Renaissance Orientale. Paris: Payot, 1950. P. 20 and passim.*

⁴ Об Уварове см.: *Whittaker C. The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855. DeKalb, IL: Northern European University Press, 1984.* См. также: *Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism. P. 154–159.*

⁵ Там же. С. 160–169; История отечественного востоковедения до середины XIX века / Ред. Г.Ф. Ким, П.М. Шаститько. М.: Наука, 1990. С. 202–206.

в оформление османистики, то есть дисциплины, посвященной османскому турецкому языку и Османской империи. Турецкий преподавался непрерывно в Казанском университете Казембеком и Березиным и с некоторыми перерывами в Петербургском университете Сенковским, Джафаром Топчибашевым и Диттелем¹. С середины 1820-х годов османский турецкий также преподавался будущим сотрудникам российской дипломатической миссии на образовательном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел². Однако ни один из российских востоковедов первой половины XIX столетия не специализировался преимущественно в османском турецком языке, истории и политике³. Помимо учебников турецко-татарского языка, опубликованных Казембеком и Березиным, наиболее значительным российским трудом по Османской империи был перевод Сенковского османского описания русско-турецкой войны 1768–1774 годов⁴.

Примечательно и то, что российские ориенталисты первой половины XIX столетия практически не участвовали в формировании имперской политики. Наиболее важной практической услугой, которую Сенковский, Топчибашев и Казембек оказали российскому государству, было преподавание при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел⁵. После 1830 года их студенты начали заменять греков-фанариотов и перотов в качестве драгоманов при российской миссии

---

¹ Даницг Б.М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX вв.). М.: Наука, 1968. С. 33, 40–41, 53–54, 63.

² Там же. С. 83–85.

³ История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 206. После ранней смерти В.Ф. Диттеля в 1849 году А.О. Мухлинский занимал кафедру турецкого языка в Петербургском университете до 1866 года. См.: Даницг Б.М. Изучение Ближнего Востока. С. 65–67. Однако первым российским османистом следует считать В.Д. Смирнова, назначенного профессором турецкого языка в 1873 году. Смирнов не только специализировался на Османской империи, но и оставил существенное научное наследие, которое включало среди прочего «Хрестоматию османской литературы» и «Историю турецкой литературы». Кроме языка и литературы, Смирнов также регулярно читал курс истории Османской империи. Там же. С. 138–139.

⁴ Сенковский О.И. Рассказ Резми эффендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией (1769–1776) // Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. С. 1–78.

⁵ В первой половине XIX столетия турецкий также время от времени преподавался в Лазаревском институте восточных языков, основанном изначально как школа для бедных армянских детей в 1815 году. История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 206.

в Константинополе и в консулатах. В остальном эти востоковеды не участвовали в определении российской политики в том смысле, в каком В.В. Григорьев или Н.П. Остроумов позднее влияли на имперскую политику в степном крае или в Туркестане¹. Вот почему ориентализм в смысле взаимосвязи западного знания о Востоке и колониальной власти над ним не применим к российско-османским отношениям первой половины XIX столетия². Вместо этого российские публикации о южном соседе являют много примеров ориентализма во втором смысле, в котором этот термин употреблял Саид, а именно стиля мышления, основанного на эссенциализации бинарных оппозиций между «Востоком» и «Западом», который помогал формированию европейской идентичности. Российские востоковеды способствовали этому процессу посредством освещения различных аспектов Османской империи в популярных «толстых журналах» первой половины XIX столетия.

Развитие российской периодической печати в начале XIX века сыграло важную роль в ориентализации османской державы в двух аспектах. Во-первых, в отличие от спорадического освещения османских событий, которое имело место в предыдущем столетии, «Вестник Европы», «Сын Отечества», а также «Московский телеграф» предоставляли своим читателям возможность пристально следить за событиями в соседней империи, как раз в тот момент, когда ее относительная стабильность сменилась глубоким кризисом 1800-х годов. Этот кризис был отмечен выступлениями Пасван-оглу и Мустафы-паши Байракта, янычарскими бунтами, низложением Селима III, восстанием ваххабитов и Али-паши Янинского, Греческой войной за независимость и отчаянными попытками Махмуда II сохранить единство османского государства. В то время как поражения, понесенные от России в конце XVIII столетия, служили подтверждением представления об османском упадке, драматические события 1800-х годов наводили многих российских современников на мысль о том, что «Оттоманская империя явно отжила век свой», как отмечал карамзинский «Вестник Европы»³.

¹ Knight N. Grigor'ev in Orenburg. P. 74–100; Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 691–699.

² Анализ академического ориентализма в позднеимперской России предпринят в: Tolz V. *European, National and (Anti-) Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia* // *Orientalism and Empire in Russia*. P. 107–134. См. также: Tolz V. *Russia's Own Orient*.

³ По мнению Карамзина, с разрушением Османской империи «откроется просвещению Европы верный и легкий путь в Азию». См.: *Известия и замечания* // *Вестник Европы*. 1802. Ч. 4. № 14. С. 158–159.

Вместо полных переводов западноевропейских авторов, предпринимавшихся в царствование Екатерины II, российская периодическая печать XIX столетия часто публиковала отрывки из западноевропейских путешествий на Восток и научных работ¹. Это существенным образом расширило круг иностранных авторов, которые стали доступны российским читателям, и в то же время привнесло политические соображения в процесс выбора тех или иных фрагментов для перевода и публикаций. Западные представления об османском упадке пропускались через российский фильтр. Заимствование западных ориенталистских идиом было очень амбивалентной практикой. С одной стороны, она предоставляла российским авторам новые риторические приемы и аргументы, которые позволяли им утвердить свое цивилизационное превосходство над османами. С другой стороны, западноевропейские описания Османской империи порой демонстрировали российским читателям, что их собственная страна не вполне признавалась в качестве европейской. Ориенталистские идиомы могли служить не только для формирования дискурса «цивилизационной миссии» России, но и для подчеркивания ее сохраняющейся цивилизационной маргинальности. В этом смысле ориентализация Османской империи обнаруживала пределы превращения самой России в «Запад».

Самодержавный характер российской политической системы объясняет относительную редкость критики формально неограниченной власти султанов в репрезентациях цивилизационной маргинальности Османской империи в начале XIX столетия. Из доступных им фрагментов из западных описаний Османского государства российские читатели могли заключить, что упадок этой державы происходил, скорее, от ограничений, налагавшихся на султанскую власть силой традиции. Так, в отрывке под заглавием «О Нынешнем состоянии Турецкого государства», опубликованном в «Вестнике Европы» в 1816 году, султаны уподоблялись «бездушной фигуре, движимой скрытными пружинами», все слова и движения которых были заранее предписаны и «каждой поступок [которых] в самых даже маловажных обстоятельствах должен быть сообразен с предначертанными правилами». Управляясь «уставами, советом, духовенством и янычарами», султан, согласно

¹ Помимо работ, цитируемых ниже, речь идет о: Wittman W. *Travels in Turkey, Asia-Minor, Syria, and across the desert into Egypt* (1803); Andréossy A.-F. *Voyage à l'embouchure de la Mer-Noire* (1813); Otto von Ranke's. *Fürsten und Völker von Süd-Europa* (1827); Michaud J.-F. *Correspondence d'Orient* (1830–1834).

автору этой публикации, был «такой невольник, какому нет на свете подобного»¹.

Власть улемов и янычаров не только не имела «полезных следствий для свободы народной и общего благосостояния», согласно «Революциям в Константинополе в 1807 и 1808 гг.» Антуана Юшера де Сен-Дени, частично опубликованном в «Сыне Отечества», но и была «глав[ой], а может быть и единственн[ой] причин[ой] действительного ослабления Оттоманской Империи, невежества и варварства турок». В то время как улемы «всегда страшились просвещения и любви к наукам основательным, которые могли бы возбудить презрение к Алкорону», янычары, «привыкшие исполнять только легкую службу... с ужасом отвергают строгий порядок европейских армий». В совокупности обе эти группы мешали Османской империи «стать на чреде других европейских держав и присвоить себе их полезные открытия и военные учреждения»². Не понимая истинных причин своих военных поражений и не заимствуя у европейских народов выработанной ими военной организации, султаны, утверждал Юшера де Сен-Дени, «увидят истребление своих войск, занятие Ромелии, опасность Константинополя, и греков с оружием в руках»³.

В то же время картина ограничений, сковывавших султанскую власть, оставляла место для нюансов. Некоторые из западноевропейских авторов, как, например, посол Наполеона в Константинополе граф Антуан-Франсуа Андреосси, представляли эти ограничения в положительном свете и находили возможным говорить о «турецкой конституции». В своей положительной рецензии книги Андреосси издатель «Духа журналов» К.И. Арсеньев, известный своими конституционалистскими пристрастиями, проследил вслед за французским автором растущие ограничения на власть султанов с начала правления Ахмеда III в XVIII столетия⁴. Перестав быть главнокомандующим османской армии, султан, согласно Андреосси, установил «целые

¹ О нынешнем состоянии Турции // Вестник Европы. 1816. Ч. 89. № 20. С. 295. Данный отрывок был взят из: [Badia y Leblich D.] Travels of Ali Bey in Morocco, Tripoli, Cyprus, Egypt, Arabia, Syria, and Turkey. 2 vols. Philadelphia: James Maxwell, 1816. Автор данной книги, Доминго Бадия-и-Леблих (1766–1818), был испанским путешественником, принявшим мусульманское имя (Али-бей аль Аббаси) для того, чтобы ему было легче перемещаться по исламскому миру.

² [Юшера де Сен-Дени А.] Отрывки о Турции // Сын Отечества. 1821. Ч. 72. № 36. С. 102–103.

³ Там же. Ч. 72. № 49. С. 112.

⁴ [Арсеньев К.И.] Турецкая конституция // Дух журналов. 1818. № 11. С. 169–176.

сословия чинов государственных», отдал ведение текущих дел Дивану под председательством великого визиря и утвердил великого муфтия в качестве религиозного главы всех мусульман. Хотя ни одно из этих утверждений не было исторически верным, они составляли важный противовес представлению Монтескье об Османской империи как о типическом примере «восточного деспотизма», которое было хорошо усвоено Арсеньевым и другими российским читателями «Духа законов». Андреосси также не соглашался с презрительным отношением Вольтера к клерикалам и утверждал, что в Османской империи пользовавшиеся всеобщим уважением улемы оказывали сдерживающее влияние на произвол султанов, настаивая на том, что «ни один гражданин без суда да не накажется»¹. Хотя султан все еще сохранял неограниченную власть над жизнью и смертью своих собственных чиновников, российский конституционалист, должно быть, позитивно относился к этому проявлению «восточного деспотизма» будучи озабочен проблемой произвола российской бюрократии.

Западные авторы так же расходились в своей оценке причин османского упадка. Характерным с этой точки зрения является пример «Обозрения величия и упадка Османской империи» Конрада Мальтбрюна, отрывки из которого были опубликованы в «Вестнике Европы» за 1822 год². Для Мальтбрюна этот упадок был не следствием характера ислама, который его современник Луи де Бональд находил «противоречащим природе и человеческому обществу», а, скорее, следствием неспособности султанов «привнести дух Корана в свои учреждения, где военный аспект всегда подавлял политический»³. В результате несдерживаемый ничем военный деспотизм, приведший Османов к апогею их власти, также объяснял внутреннюю нестабильность и слабость их государства. Работа Мальтбрюна также демонстрирует, что представления французских авторов относительно будущего османского государства могли быть столь же различными, сколь и их объяснения того кризиса, в котором оно находилось. В опущенном в российский перевод отрывке автор заявлял, что «Османская империя все еще способна к длительному и даже славному существованию», в особенности если деятельный правитель, подобный Петру I и Фридриху II,

¹ Там же. С. 173.

² См.: [Malte-Brun C.] Статья о Турции из Парижа // Вестник Европы. 1821. Ч. 121. № 20. С. 302–308. Ориг. изд.: *Malte-Brun C. Aperçus sur la grandeur et la décadence de l'Empire Ottoman // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire.* 1821. Vol. 11. P. 284–327.

³ [Malte-Brun C.] Статья о Турции из Парижа. С. 306.

воспользуется слабостью склонных к сепаратизму пашей и внутренними противоречиями между своими христианскими подданными¹.

Освещение в российской периодической печати уничтожения Махмудом II янычарского корпуса в 1826 году иллюстрирует избирательность российского использования текстов западноевропейских авторов, писавших об Османской империи. Следуя уже устоявшейся практике, «Сын Отечества» опубликовал фрагменты из книги Шарля Деваль «Два года в Константинополе и Морее» (1827) для того, чтобы проинформировать российских читателей о драматических событиях, происходивших в османской столице и восставшей Греции. Деваль охарактеризовал уничтожение янычаров как «ужасную резню» и сравнил его с подавлением стрелецкого бунта Петром I, а также с более недавним уничтожением корпуса мамелюков египетским вассалом Махмуда II Мухаммедом Али². В российском переводе была, однако, опущена характеристика Девалем всех этих событий как «великих переворотов, которые не могли иметь место среди цивилизованных наций и происходят только среди варварских народов, где приказы государя, справедливые или несправедливые, исполняются немедленно со слепым повиновением»³. Как показывает этот и предыдущий примеры, российские переводчики и редакторы знали о том, что риторические приемы, используемые для ориентализации Османской империи, с той же целью применялись западными авторами и к России. В этих условиях российское освещение событий в Османской империи характеризовалось имплицитным контрастом между клонящейся к упадку державой султанов и все более укрепляющимся царством. Одновременно в переводах западных текстов купировались все сравнения между Россией и Турцией, которые представляли последнюю в более выгодном свете.

Повлекшее за собой очередную русско-турецкую войну греческое восстание 1821 года не только способствовало дальнейшей ориентализации Османской империи, но и выявило амбивалентность отношений России и европейских государств. Переводимые на русский западноевропейские комментарии относительно греческого кризиса вписывались в образ Османской империи как стагнирующей деспотической

¹ Malte-Brun C. Aperçus sur la grandeur. P. 300, 327.

² [Деваль Ш.] Два года в Константинополе и Морее // Сын Отечества. 1828. Ч. 117. № 3. С. 302.

³ Deval Ch. Deux années à Constantinople et en Morée (1825–1826). Paris: Nepveu, 1827. P. 107. (Рус. изд.: Деваль Ш. Два года в Константинополе и Морее. СПб.: Плюшар, 1828).

державы. Так, «Вестник Европы» откликнулся на греческий кризис публикацией мнения Луи де Бональда, одного из главных легитимистских писателей, относительно нелегитимности османского присутствия в Европе. Де Бональд отмечал, что Османам не удалось «принести мир, гражданские свободы и политическое равенство в отношения между народом, который властвует, и народом, составляющим подданных». Как следствие, нельзя было наблюдать ни «той благосклонности со стороны турок», ни той «уверенности в своих правах со стороны греков», ни «того взаимоуважения с обеих сторон, которые после трех с половиной столетий проживания под единым правлением должны связывать два народа в единую нацию»¹. Для де Бональда Османская империя представляла собой не «легитимное общество», а «военный лагерь» в Европе, что оправдывало вмешательство европейских держав на стороне греков.

Российский переводчик пропустил замечание де Бональда относительно того, что европейцам не стоило опасаться захвата Россией Константинополя в ходе такого вмешательства, поскольку, утвердившись на Босфоре, российские ставленники естественным образом стали бы независимы от Санкт-Петербурга. (Де Бональд имел в виду «Греческий проект» Екатерины II, который предполагал назначение второго внука императрицы Константина Павловича императором новой греческой империи со столицей в Константинополе.) В пропущенном российским переводчиком пассаже де Бональд также говорил о России как о стране, сильной «своим климатом, своим многочисленным населением, своими пустынями, просвещенностью своего правительства и невежеством своего населения», которая, «как и все великие империи, как и держава Бонапарта, найдет предел только в самой себе, будучи подобна огромной реке, которая, расширяясь, будет неизбежно ослабевать»². Сравнение России с наполеоновской империей свидетельствовало о пределе интеграции России в европейскую систему великих держав, который проявился в период греческого кризиса. Примечательно, что это сравнение служило не для иллюстрации «русской угрозы», а для предсказания последствий дальнейшего территориального расширения Российской империи.

Спустя восемь лет, когда российские войска вступали в Адрианополь, ту же самую идею еще более отчетливо выразил Чарльз Мак-Фарлан в своей книге «Константинополь в 1828 году». Находившийся

¹ [Бональд Л. де.] О Турции // Вестник Европы. 1821. Ч. 121. № 19. С. 211.

² Bonald L. de. Sur la Turquie // Journal des Débats. 20 September 1821. P. 3.

в Константинополе во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов британский автор утверждал, что обширная царская империя, представлявшая собой скорее собрание разнородных частей, чем единое целое, уже чувствовала в себе симптомы своего грядущего распада. Согласно Мак-Фарлану, это было бы неизбежным результатом «того улучшения, хотя и медленного, которое наблюдается в ее полуварварских пределах»¹. Предполагая неизбежное сокращение России до «более скромных размеров», Мак-Фарлан утверждал, что российское завоевание «Турции в Европе» только ускорит этот процесс. В доказательство своего тезиса он приводил пример попытки Людовика XIV объединить французскую и испанскую короны в руках Бурбонов. Несмотря на все усилия, приложенные французским королем для того, чтобы обеспечить испанский престол за своим внуком Филиппом, «по прошествии нескольких лет бурбонский принц стал идентифицировать себя с испанской нацией, а его потомки превратились в прирожденных испанцев»². Разумеется, этот пассаж также был пропущен переводчиком при публикации отрывков из сочинения Мак-Фарлана в «Вестнике Европы»³.

Период, предшествовавший русско-турецкой войне 1828–1829 годов, ознаменовался появлением многочисленных российских описаний Османской империи. Широко используя западноевропейские источники, эти описания заключали в себе отчетливо ориентализирующее представление о державе султанов, сочетавшее тему ее упадка с уверенностью в неизбежном изгнании Османов в Азию. Будучи скрыто или явно озабочены маргинальностью своей собственной страны в Европе, российские авторы использовали любую возможность подчеркнуть маргинальность османов, для чего воспроизводили целые куски из западноевропейских публикаций. Так, автор простенького описания Османской империи И.Г. Гурьянов писал о турках как об одном из тех «диких азиатских народов, которые, не имея оседлости, почитали всякую страну своей землею, [и] переходили с места на место»⁴. Автор

¹ MacFarlane Ch. Constantinople in 1828. London: Saunders and Otley, 1829. Vol. 2. P. 328. Примечательно, что французский переводчик Мак-Фарлана передал английское слово «improvement» как «цивилизация». См.: MacFarlane Ch. Constantinople et la Turquie en 1828 / Trans. M.M. Nettemment. Paris: Moutardier, 1829–1830. Vol. 3. P. 18.

² MacFarlane Ch. Constantinople in 1828. Vol. 3. P. 19–20.

³ См.: Мак-Фарлан Ш. О причинах нынешнего положения Турции // Вестник Европы. 1829. Ч. 168. № 17. С. 63–67.

⁴ Гурьянов И.Г. Русский в Царьграде или историческое, топографическое и статистическое обозрение Константинополя и его окрестностей. М.: Университетская

«Исторического и политического описания Османской Порты» Сергей Николаевич Глинка цитировал обличительные комментарии Гердера по поводу Османов, в которых немецкий философ оплакивал разрушение ими многочисленных произведений искусства и порабощение греков. Соглашаясь с Гердером, Глинка сравнивал Османскую империю с «обшири[ой] темниц[ей] для всех племен Европейских, обитающих в ней» и высказывал уверенность в том, что она неминуемо падет, «ибо что делают в Европе сии люди которые в продолжении целых веков были и хотят быть только варварами Азиатскими!»¹. В другой своей работе Глинка цитировал популярное описание путешествия на Восток Роберта Вальша, который, увидев «поля, лежащие впусе, города в развалинах, народонаселение исчезающее», пришел к выводу, что «спящий лев», с которым он первоначально сравнивал Османскую империю, на самом деле «не спит, а умирает... и после судорожных припадков он уже не проснется»².

Дословно воспроизводя де Бональда, неизвестный автор «Исторического, статистического и политического обозрения Порты Оттоманской» подчеркивал нежелание турок открываться европейским влияниям, несмотря на столетия присутствия на европейском континенте: «Только сии варвары покорившие множество просвещенных народов могли соединиться с ними, не приняв их языка, веры, просвещения и обычаев»³. То обстоятельство, что «в священной отчизне веры и свободы» «потомки Леонида, Фемистокла и Эпаминонда страждут под игом неизвестного народа», представлялось автору особенно противоестественным в эпоху, когда «на берегах Гангеса и Анадыря, де-ла-Платы, Миссисипи, на Южном краю света, на Мысе Доброй Надежды, по ту сторону Синих гор Нового Валиса, европеец утвердил

типография, 1828. С. 33. См. также: *Лугинин Ф.* Взгляд на турецкое правление // *Сын Отечества*. 1827. Ч. 118. № 20. С. 389–396.

¹ [Глинка С.Н.] Картина историческая и политическая Порты Оттоманской. М.: Степанов, 1830. С. 25–26; *Herder J.G.* *Outlines of a Philosophy of the History of Man*. 2nd ed. London: Luke Hanford, 1803. Vol. 2. P. 355.

² [Глинка С.Н.] Обозрение внутренности Турции Европейской почерпнутое из древних и новых писателей. М.: Решетников, 1829. С. 9–10, цитируя: *Вальш Р.* Путешествие по Турции из Константинополя в Англию через Вену. СПб.: Плюшар, 1829. С. 189–190. Рус. пер. был сделан с фр. изд.: *Walsh R.* *Voyage en Turquie et Constantinople*. Paris: Moutardier, 1828. P. 168–169. Ориг. англ. изд.: *Walsh R.* *Narrative of a Journey from Constantinople to England*. London: Westley and Davis, 1828. P. 221.

³ Историческое, статистическое и политическое обозрение Порты Оттоманской. М.: Степанов, 1829. С. 4–5.

свою славу и могущество, распространил просвещение и образование»¹. Без всяких сомнений причисляя россиян к европейцам, автор высказывал твердое убеждение в том, что «мужественным сына Севера» османские твердыни «не могут долго сопротивляться»².

Османский Петр Великий?

Особый акцент на чуждости османов Европе не был единственной особенностью российских репрезентаций державы султана в начале XIX столетия. Помимо желания подчеркнуть европейскость самодержавной России, ориентализация соседней державы также объяснялась ее внутривосточными изменениями. Изображение османского упадка как проявления восточной неподвижности и стагнации совпало по времени с ранними попытками османских правителей следовать европейским моделям. Этот курс фактически ставил Османскую империю в то же положение по отношению к Европе, что характеризовало петровскую Россию и это не осталось незамеченным западноевропейскими авторами. Вскоре последние сравнивали «новый строй» Селима III с «потешными полками» Петра Великого, а уничтожение янычарского корпуса Махмудом II с подавлением стрелецкого бунта в 1698 году³. Такие сравнения казались западноевропейцам уместными, но они

¹ Историческое, статистическое и политическое обозрение Порты Оттоманской. С. 5.

² Там же. С. 64–65.

³ Сравнение янычаров со стрельцами можно найти уже у Вольтера: *Voltaire F.M.A. L'Histoire de la Russie sous Pierre le Grand*. Paris: Librairie de la Bibliothèque Nationale, 1880. Vol. 1. P. 45–46. Вестернизация одежды была другим аспектом сопоставления царя с султаном. Некоторые наблюдатели, включая бывшего наполеоновского маршала Огюста де Мармона, находили, что новым полукафтанам, фескам и узким брюкам недоставало величия традиционной восточной одежды. См.: *Мармон О. Путешествия Маршала Мармона, герцога Рагузского*. М.: Степанов, 1841. Т. 2. С. 46; ориг. фр. изд.: *Marmont A. Voyage du maréchal Marfont, duc de Raguse*. 4 vols. Paris: Ladvocat, 1837. Другие западные авторы защищали заимствование европейской моды султаном-реформатором. Согласно Альфонсу Руйе, критика Махмуда II за введение перемен в одежде была тем более несправедливой, что «никто не порицает Петра Великого за то, что русские обрили бороды, и подрезали длинные кафтаны, чтобы сделаться европейцами». См.: *Руйе А. Султан Махмуд и его министры // Сын Отечества*. 1838. Ч. 3 (второе двадцатипятилетие). № 4. С. 66. Османские авторы этой эпохи также рассматривали фигуру Петра I в контексте модернизационной политики султанов. См.: *Ортайлы И. Россия после реформ Петра I и османская общественная мысль XIX — начала XX в. // Османская империя: проблемы внешней политики и отношения с Россией*. С. 222–226.

грозили релятивизировать цивилизационную дистанцию между двумя империями, которую создавали российские авторы. Реакция последних заключалась в подчеркивании бесполезности любых попыток султанов европеизировать свою державу и поверхностности достигнутых результатов. Тем временем растущая амбивалентность в отношении российского общества к Европе вносила элемент неопределенности и в российские репрезентации османских реформ. К середине XIX столетия тема повреждения народных нравов пороками цивилизации вытеснила более раннюю критику враждебности османов просвещению. Отныне ориентализация Османской империи подразумевала осуждение негативных моральных последствий султанской политики вестернизации.

Среди российских авторов первоначально не было единогласия по поводу попыток Махмуда II преобразовать Османскую империю и воспроизвести европейские институты и практики. В целом сочувственная оценка реформ была сделана О.И. Сенковским, пользовавшимся широкой популярностью в качестве редактора «Библиотеки для чтения», самого читаемого российского «толстого журнала» конца 1830-х и начала 1840-х годов. Критически отзываясь о западноевропейских путешествиях на Восток, Сенковский одновременно хвалил уничтожение Махмудом II янычаров, которые «и в мирное время всегда были первые к возмущению, всегда первые останавливали действие правительства»¹. По мнению российского востоковеда, «народ с ненавистью произнес смертный приговор над этой жестокой ратью, а султан только исполнил его»². Сенковский даже воспроизвел официальный османский довод, согласно которому «Греция поднялась в духе тех же преобразований которые представлялись уже уму Султана Махмуда». С этой точки зрения последовавшее в конце концов отпадение Греции объяснялось «гибельным владычеством янычар», сохранявшимся до 1826 года³. Сенковский также хвалил султана за уничтожение дербеев, «многие из которых успели прибрать к рукам выгодные привилегии и сделать должность свою наследственной». Положив конец злоупотреблениям дербеев, османское правительство «показало только намерение возвратиться к прежним основам народного правления»⁴. Сенковский отмечал, что отсутствие аристо-

¹ Сенковский О.И. Способности и мнения европейских путешественников по Востоку // Библиотека для чтения. 1835. Т. 13. С. 130.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 131. Некоторые западные авторы также хвалили Махмуда за меры против сепаратизма дербеев (местных феодалов, дословно «властителей

кратических родов и социальных классов делало османское общество более податливым и предоставляло реформатору свободу действий. Единственная опасность в этой ситуации заключалась в том, «чтобы слишком короткая дружба с Европейскими системами не изменила их характера и духа народного»¹.

Сочувственное отношение к реформам Махмуда II характеризовало и российского консула в Сирии и Палестине К.М. Базили. По его мнению, «[в] наши дни совершился огромнейший переворот в соседней с нами великой империи; Монарх с железной волей усиленно стряхивает предрассудки закоптелые на преждевременно устарелой его монархии и жадно ищет ей элементов новой жизни в преобразованиях»². Автор сравнивал султана с Самсоном, который стремился разрушить «целое здание народных поверий», невзирая на риск оказаться погребенным под его обломками. Оставляя деяния Махмуда II на суд истории, Базили тем не менее положительно оценивал личные качества султана, такие как «сила воли, самоотвержение и благородство намерений»³. Описание российским консулом титанической борьбы Махмуда II с традиционализмом не могло не напомнить его читателям о Петре Великом. Уничтожение янычаров в 1826 году, открывшее, по словам Базили, путь к народному процветанию, действительно сильно напоминало подавление стрелецкого бунта царем-реформатором.

В ретроспективном обзоре правления Махмуда II, составленном через несколько лет после его смерти в 1839 году, автор богато иллюстрированного двухтомника «Константинополь и турки» (1841–1843) отмечал, что превращение Османской империи в европейскую державу было главной целью покойного султана. Эту цель он преследовал

долин»). Статья из «Бритиш Кроникл», опубликованная на русском как: Взгляд на внутреннее состояние Турецкой империи // Вестник Европы. 1829. Ч. 165. № 12. С. 298, утверждала, что «Турция находится в ином состоянии противу прежнего» после того, как Махмуд «отменил все наследственные права на пашалыки и начал по своей воле отставлять управляющих ими». По мнению Альфонса Руие, «деребеи были, вместе с Али-Тепеделенли, пашею Яннинским, и Мегемедом-Али, пашею Египетским, главною подпорою восточного феодализма. Деребеев и паши Яннинского уже нет. Престарелый Мегемед-Али один остается теперь против властителя своего, в том положении, в каком был герцог Бургундский против Людовика XI». См.: Руие А. Султан Махмуд и его министры. С. 80. Разумеется, подобные сравнения должны были не оставлять у французских и российских читателей сомнения в конечном успехе преобразований Махмуда.

¹ Сенковский О.И. Способности и мнения. С. 137–138.

² Базили К.М. Очерки Константинополя. СПб.: Греч, 1835. Т. 1. С. 69.

³ Там же. С. 179.

в своих указах об организации, униформе и обучении армии, принятии на службу иностранных офицеров, художников и ремесленников, отмене бесполезных придворных рангов, об изменении самого образа жизни, отмене восточной роскоши, создании фабрик, колледжей, печатен, построении новых зданий, преодолевая невежество среди населения и способствуя распространению полезной информации¹. Не вынося оценок политике Махмуда II, автор тем не менее проводил параллель между нею и преобразованиями Петра Великого, отмечая, что покойному султану особенно нравилось, когда его сравнивали с царем-реформатором².

Эта параллель была очевидна не только западноевропейским или российским наблюдателям. Есть основания полагать, что османы сами рассматривали Россию в качестве примера для подражания. «Трактат о тактике» Ибрагима Мютеферрики был, быть может, гласом вопиющего в пустыне в момент его написания в середине XVIII столетия, однако к 1830 году у султана не было другого выбора, кроме как учиться у исторического соперника. Российские путешественники, посещавшие Константинополь, знали это и не стеснялись льстить османам в расчете на любезности с их стороны, оставляя критические замечания для своих сочинений. Для того чтобы добиться аудиенции у османского султана и тем самым удовлетворить свое любопытство, Н.С. Всеволожский сообщил высокопоставленному османскому чиновнику, что главной целью его прибытия в османскую столицу было «видеть великого государя, преобразователя своего народа, следующего примеру нашего Великого Петра», после чего Всеволожский сразу же был принят Махмудом II³. Этот анекдот демонстрирует, насколько имитация европейских моделей стала структурировать российско-османские контакты в этот период. В результате критика подобной имитации стала важной стратегией ориентализации Османской империи в российских описаниях середины XIX столетия⁴.

¹ Константинополь и турки. СПб.: Бородин, 1841. Т. 1. С. 43.

² Там же. С. 44.

³ Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж. М.: Семен, 1839. Т. 1. С. 201.

⁴ О феномене подражания в колониальном дискурсе см.: Bhabha H. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse // Bhabha H. The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994. P. 85–92. В российском контексте этот феномен проанализирован в: Layton S. Colonial Mimicry and Disenchantment in Alexander Druzhinin's "A Russian Circassian" and Other Stories // The Russian Review. 2001. Vol. 60. No. 1. P. 55–71.

Наиболее характерный пример этого можно найти в воспоминаниях Николая Николаевича Муравьева-Карского о его дипломатической миссии в Константинополь и Александрию в 1832–1833 годах. Стремясь поддержать колеблющуюся власть султана и укрепить российское влияние в Османской империи, Муравьев встретился с рядом османских государственных деятелей и мог наблюдать войска «нового образца», созданные султаном после разгрома янычарского корпуса. Свой первый визит Муравьев нанес османскому сераскеру Мехмеду Хусреву-паше, который встретил его одетый в солдатскую униформу. Как отмечал российский посланник, «[турки], вводя регулярство в своих войсках, хотели во всем подражать Европейцам и не догадались заметить, что офицеры не носят солдатских шинелей и сюртука»¹. Поведение сераскера во время беседы только подтверждало первичное впечатление Муравьева о неуклюжести османской вестернизации. Когда сераскер заметил, что его российский посетитель проявляет интерес к оружию, висящему на стенах залы, сераскер снял одно из ружей и два раза сделал на караул, хвастаясь знанием ружейных приемов. По словам Муравьева, «нельзя [было] себе вообразить смешнее фигуры сего уродливого старика с ружьем на карауле»².

Покинув сераскера, Муравьев заглянул в караульную, где нашел дюжину плохо обутых солдат, чье невычищенное оружие висело на стенах. После того как российский генерал попросил османского офицера продемонстрировать ружейные приемы и маршировку, «несчастных замарашек поставили во фронт, и они по команде офицера своего... сделали ружейные приемы». Несмотря на ряд неточностей и «неопрятность одежды, рук, обуви и самого ружья», Муравьев похвалил умение солдат обращаться с оружием, а для себя заключил, что «нельзя большого ожидать от молодого войска». Отмечая ошибки солдат офицеру и одновременно щедро их расхваливая, Муравьев торжествовал при мысли о том, что о его визите в караульную будет доложено сераскеру и султану, что произведет на них положительное впечатление³. Российский посланник завершил свой день, показывая османским офицерам, как правильно маршировать. По указаниям Муравьева они долго стояли на одной ноге, покачивая другою и удивляя российского генерала тем, что их это занимало «как государствен-

¹ *Муравьев-Карский Н.Н.* Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский архив. 1894. № 7. С. 370.

² Там же. С. 373.

³ Там же. С. 373–374.

ное дело». Он находил странным желание «в умнейшем из Турок заниматься и самому изучаться всем мелочам фронтовой службы, как будто какому спасительному средству в тесных обстоятельствах, в коих они ныне находятся!»¹

Изумление, которое испытывал Муравьев при виде османских командиров, осваивавших правильный способ маршировать и салютовать оружием, по-видимому, было подобным тому удивлению, которое испытывали западноевропейцы при виде русского царя, осваивавшего ремесло корабельного плотника и кузнеца в Саардаме². Однако имелось и принципиальное отличие: западноевропейцам могло казаться, что занятия царя не соответствовали его статусу государя. Напротив, занятия османских сановников казались Муравьеву неуместными ввиду критического состояния их государства. Российский посланник скептически относился к идее, что решение проблем османского государства заключалось в освоении последних военных технологий. Вместо этого он подчеркивал значимость традиционных моральных качеств. Это составляло важное изменение в российской критике османских реформ. В ответ на запрос османской стороны предоставить несколько сотен российских артиллеристов, переодетых в османскую униформу для защиты Константинополя от наступающей египетской армии Мухаммеда Али под предводительством его сына Ибрагима-паши, Муравьев заявил османскому представителю, что «не время действовать орудиями» и что «нужен ятаган, сабля... нужна душа, храбрость, преданность вашему государю»³.

Описание Муравьевым его контактов с османскими командующими и офицерами в 1832–1833 годах представляет собой важную перемену в российском восприятии южного соседа. В то время как российские авторы XVIII столетия объясняли упадок державы султанов их отказом перенимать европейские науки и искусства, к середине XIX столетия они стали утверждать, что заимствования у Европы были в конечном счете несовместимы с традиционными источниками османской силы. Так, «Московский телеграф» отмечал, что уничтожение янычарского корпуса произошло в самый неподходящий момент: «Во времена мира, он мог бы идти к цели своей верною стопою, но среди

¹ *Муравьев-Карский Н.Н.* Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского. С. 385.

² Cross A.G. Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 43.

³ *Муравьев-Карский Н.Н.* Из записок. С. 384–385.

войны, которая долженствовала быть народной и религиозною, по замыслу самого хатт-и шерифа его, преобразования лишь отнимали нравственную силу у народа, нисколько не усиливая военных средств»¹. По словам главного врача российской армии в 1829 году К.К. Зейдлица, османов привело к поражению не «незнание Европейской военной науки, а упадок воинского духа; а дух этот убила военная солдатская выправка новейшего времени, которую им навязали и в которой они не видят ни смысла, ни необходимости»².

Отдаленно напоминавшие ранние неудачи Петра I в Северной войне, поражения Махмуда II в конце 1820-х и начале 1830-х годов не содержали в себе зачатки будущих побед. Согласно Всеволожскому, черед победоносных российских полководцев от Миниха до Паскевича была следствием систематического приглашения иностранцев на царскую службу³. Однако в случае с османами это было невозможно ввиду требования обращения в ислам, а также презрения, с которым османы относились к ренегатам⁴. По этой причине российский путешественник сомневался в конечном успехе османской армии, которую он охарактеризовал как толпу плохо одетых и порой босоногих подростков, которые не знали «ни опрятности, ни выправки»⁵.

По мнению российского ориенталиста В.В. Григорьева, новые османские войска понесли поражения от египетской армии Мухаммеда Али потому, что французские и прусские инструкторы, нанятые

¹ Исторический и статистический взгляд на последнее десятилетие Турции // Московский телеграф. 1832. № 14. С. 262.

² Зейдлиц К.К. Из воспоминаний доктора Зейдлица // Русский архив. 1878. № 5. С. 110.

³ Всеволожский Н.С. Путешествие. Т. 1. С. 267. Мармон скептически оценивал способность Махмуда II повторить подвиг царя-реформатора, чей успех, по мнению французского маршала, объяснялся тем, что, в отличие от султана, он имел дело с народом, представлявшим собой «однородную массу», и «будучи удален от политических дел Европы и принимая в них столько участия, сколько хотел». Мармон О. Путешествия маршала Мармона. Т. 2. С. 96.

⁴ Всеволожский Н.С. Путешествие. Т. 1. С. 268–269.

⁵ Там же. С. 267. См. также: Березин И.Н. Посещение цареградских достопримечательностей во время пребывания в Константинополе Его Высочества Великого Князя Константина Николаевича в 1845 году. СПб.: Академия наук, 1854. С. 88. Мармон так характеризовал новую османскую армию, наскоро собранную и плохо обученную: «Сборище людей, у которых вы замечаете только одно общее: вид жалкий и боязливый» под командованием нескольких субальтерн-офицеров, «людей без способностей»; Мармон О. Путешествия маршала Мармона. Т. 2. С. 63. Напротив, упоминавшаяся выше статья из «Бритиш Кроникл» положительно отзывалась о возросшей численности османской армии. Взгляд на внутреннее состояние Турции. С. 298.

Махмудом II, должны были уступить командование османским офицерам во время битвы. Григорьев находил, что османским солдатам не хватало воинственности, и отмечал, что «по наружности смирной и тихой, по неповоротливости и неопрятности, их можно принять скорее за пленников, чем за защитников веры и престола»¹. Российский востоковед признавал в то же время, что у этих подростков было больше шансов превратиться в настоящих солдат, чем у старых воинов, которые «никогда не могут привыкнуть совершенно к новому порядку». Одетые в русские шинели, которые на них «висели, коробились и топырчились», «победоносные» войска Махмуда II напоминали Григорьеву «потешные полки» Петра I. Оставалось узнать, писал он, «созреют ли эти дети так скоро, чтобы успеть подпереть штыками своими падающее здание империи»².

Другим аспектом критики реформ Махмуда II было отсутствие настоящих офицеров в новой османской армии. Европейские наблюдатели давно обратили внимание на то, что османскими армиями и флотами зачастую командовали бывшие брадобреи и водоносы, становившиеся визирями и капудан-пашами по прихоти султанов и бывшие в высшей степени неподготовлены к исполнению своих должностей³. В эпоху, когда европейское офицерство было все еще по преимуществу аристократическим институтом, этот недостаток османской военной организации в конечном счете воспринимался как иллюстрация теории Монтескье о «восточном деспотизме», в котором по определению не могло быть аристократии. Российские авторы отмечали, что европеизирующие преобразования Махмуда II и Абдул-Меджида I препятствовали формированию офицерского этоса в османской армии. Согласно Базили, служившему российским консулом в Сирии и Палестине с 1839 года, командующие новой османской армии проявляли еще некоторое уважение к рядовым солдатам, но хотели продолжать пользоваться теми же услугами со стороны младших офицеров, что и ранее. В результате вне фронта «все офицеры до майорского чина обходились с рядовыми, как с равными, а пред своими полковниками и генералами пресмыкались со всем уничижением старинных форм турецкого этикета»⁴. В свою очередь

¹ [Григорьев В.В.] Поездка в Константинополь Изафети Маклуба. С. 680.

² Там же. С. 678–679.

³ Marmont A. The Present State of the Turkish Empire / Trans. and ed. Frederick Smith. London: Oliver, 1839. P. 63.

⁴ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правлением в 1847 году. М.: Восточная литература, 1962 [1861]. С. 168.

Григорьев отмечал, что младшие османские офицеры были ненамного опрятнее, чем рядовые, редко умели читать и писать и не имели ни мусульманского, ни европейского образования. По мнению российского ориенталиста, «все усилия их клонятся к тому чтобы сюртук сидел на них получше шпоры звенели на всю улицу и приемами походили они на неловких своих инструкторов»¹. Наблюдения Базили и Григорьева находят подтверждение в воспоминаниях ветерана Крымской войны П.В. Алабина, который находил, что наружность пленного османского капитана «топорна, неуклюжа; он даже не похож на офицера: черты лица его грубы, манеры наших солдат, право, облагороженнее». Алабин отказывался считать равными себе людей, которые «не отличаются от солдат образованием и даже образом жизни» и которые, по слухам, могли подвергаться телесному наказанию вплоть до штаб-офицера включительно². Алабин находил невозможным развитие «нравственной стороны общества, составленного из таких лиц» и утверждал, что «большинство турецких офицеров — старшие варвары и только»³.

Хотя российские критики реформ Махмуда II концентрировались преимущественно на военных аспектах, они не оставили вниманием и преобразования местного управления. В своем «Обзоре нынешнего состояния Малой Азии» (1839–1840) военный географ М.П. Вронченко утверждал, что с уничтожением янычаров «управляемые потеряли последнюю свою опору против произвола частных правителей, а на место ее, не приобрели другой, которую долженствовало бы составить попечение и правосудие верховного правительства». Отмена старых провинций (санджаков) и последующее разделение империи на более мелкие административные единицы создали хаос различных юрисдикций и оставили систему налоговых откупов единственным стабильным элементом османских институтов⁴. Положительно отзываясь о традиционных моральных качествах турок, Вронченко приписывал

¹ [Григорьев В.В.] Поездка в Константинополь Изафети Маклуба. С. 681.

² Это подтверждалось западными наблюдателями военных реформ Махмуда Второго. См. статью: Сравнительное состояние турецких и египетских военных сил // Военный журнал. 1837. № 2. С. 115 (пер. из фр. журнала «Le spectateur militaire»).

³ Алабин П.В. Четыре войны. С. 150.

⁴ Вронченко М.П. Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии. СПб.: Край, 1839–1840. Т. 1. С. 247. Маршал Мармон также критиковал отмену тимаров и утверждал, что реформа местного управления не удалась, поскольку «поставленные [султаном] чиновники не в силах иметь над народом такой власти как владельцы поместьев». См.: Мармон О. Путешествия маршала Мармона. Т. 2. С. 89–90.

долговечность Османской империи примерной судебной системе, которая соответствовала народному образу жизни и мыслей. По его свидетельству, «теперь народ горюет об упадке этих качеств, жалуется на криводушие судей, [и] притеснения правителей»¹. Вронченко отмечал, что с восстановлением султанского контроля над Анатолией жизнь в ней стала практически столь же безопасной, как и в европейских государствах, «но за это, и многие другие улучшения, народ не очень благодарен султану»².

По мнению российских наблюдателей, равнодушное отношение мусульманского населения к реформам Махмуда II свидетельствовало о несовместимости политики вестернизации с народными нравами и обычаями. Всеволожский описывал все улучшения в османском государстве исключительно как продукт личных убеждений султана, в то время как народ «равнодушен ко всему и, неподвижный в своих понятиях, не хочет постигнуть к чему ведут новые изобретения»³. Не обеспеченные народной поддержкой европеизирующие преобразования Махмуда II, по мнению Муравьева, оказывали разрушающее воздействие на традиционные моральные качества османских мусульман и способствовали распространению среди них развращенности⁴. Согласно Муравьеву, «в народе сохранились, однако, давнишние свойства его — честность и правота и если неосновательные преобразования губят в нем чистоту нравов, то чувство глубокого уважения к справедливости и в настоящем поколении не вполне изгладилось из сердец»⁵.

Даже Базили, в основном симпатизировавший Махмуду, должен был признать, что реформы противоречили народному духу. В продолжении своих «Очерков Константинополя» он рассказывал своим читателям о встрече с молодым османским офицером в одной из столичных библиотек. В ответ на замечание Базили относительно того, что чтение иностранных газет было гораздо полезнее бесконечного переписывания Корана, его османский собеседник пожаловался на то,

¹ Вронченко М.П. Обзорение Малой Азии. Т. 1. С. 261–262.

² Там же. С. 267.

³ Всеволожский Н.С. Путешествие. Т. 1. С. 271. Со своей стороны, Мармон отмечал, что попытка воспроизвести институты и практики христианских обществ вызвала отчуждение по отношению к султану со стороны мусульманских подданных, которые «уже не столь религиозно благоговееют перед потомками кори Оттоманской». См.: Мармон О. Путешествия маршала Мармона. Т. 2. С. 90.

⁴ Муравьев-Карский Н.Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 гг. М.: Мамонтов, 1969. Т. 1. С. 6.

⁵ Там же.

что «с тех пор как его соотечественники принялись за вводное чужеземное образование, впадает в забвение и пренебрегается их коренное образование». Офицер задавался вопросом, являлось ли предание забвению мудрости предков первым условием прогресса образования в европейских государствах. По его мнению, именно это сейчас грозило османской державе: «Между тем как молодое насаженное Султаном деревце еще не скоро может принести плоды, уже чахнет почтенное древо древней науки». Принимая во внимание «непреодолим[ую] преград[у] религии и самобытной народности», отделявшую Османскую империю от Европы, собеседник Базили настаивал на том, что «первым делом преобразователя должно быть поддержание этой народности» и что лучший способ образовать страну заключается в том, чтобы улучшать местные мусульманские образовательные заведения¹.

Очевидная для российских наблюдателей неспособность Махмуда II и других султанов-реформаторов придать национальный характер заимствуемым западным институтам и практикам стала лейтмотивом российских описаний Османской империи к началу Крымской войны. Как и многие другие элементы российского дискурса о соседней империи, эта тема присутствовала и в западноевропейских репрезентациях послепетровской России. Чувство дежавю посетит любого читателя Базили, знакомого с «Общественным договором» Руссо, в котором тот критиковал Петра Великого за желание сделать из своих подданных немцев или англичан, в то время как ему стоило начать с того, чтобы сделать их русскими. Критика поверхностного характера османской вестернизации была одним из проявлений ориенталистского дискурса как такового, однако она имела и свои специфические корни в российском политическом и интеллектуальном контексте 1830-х и 1840-х годов. Вслед за наполеоновским вторжением 1812 года, восстанием декабристов 1825 года и Польским восстанием 1830–1831 годов образованные россияне озаботились проблемой отношения их страны к Европе. Тем временем царский режим, бывший до сих пор в России «главным европейцем», начал поиск идеологических фильтров, которые позволили бы отсеивать «вредные» западные влияния. Подразумеваемое понятием «народность» критическое переосмысление достижений западной цивилизации не было продуктом традиционалистской реакции и должно, скорее, рассматриваться как свидетельство определенной идейной зрелости, приобретенной наиболее европеизированным сегментом российского общества. Примечательно, что Базили избрал

¹ Базили К.М. Босфор и новые очерки Константинополя. Т. 2. С. 225–226.

«молодого», а не «старого» Турка для артикуляции критики реформ Махмуда II. Тем самым защита османской «народности» возлагалась на человека, знакомого с европейской культурой. Так же и в самой России авторство доктрины «официальной народности» принадлежало писавшему в основном по-французски министру просвещения С.С. Уварову.

Российские критики Танзимата

Хотя фигура Махмуда II продолжала вызывать симпатию у некоторых российских наблюдателей Османской империи, российская критика османской вестернизации со временем становилась все более бескомпромиссной. Эта тенденция отражала перемены в отношениях России с Османской империей за четверть столетия до Крымской войны. Вслед за победой над султаном в 1829 году Николай I был заинтересован в сохранении его державы. Политика «слабого соседа» пыталась обеспечить преобладающее влияние России над Османской империей и проявилась среди прочего в высадке российских войск на Босфоре в 1833 году, после того как армия Махмуда II понесла ряд поражений от войск его египетского вассала Мухаммеда Али. Николай I тем самым выступил в качестве спасителя Османской империи, а его посланник Муравьев мог воображать себя примером для подражания для османских офицеров. Смерть Махмуда II в 1839 году и начало Танзимата (преобразования) при его менее харизматичном сыне Абдул-Меджиде I сделали Великобританию и Францию, а не Россию, ориентирами для османской партии реформ. Потеря российского влияния на Порту, которая в конце концов подтвердилась Крымской войной, делала российское освещение политики Танзимата все более и более желчным.

Будучи критически настроены по отношению к османской политике периода Танзимата, российские наблюдатели сокрушались по поводу негативного воздействия вестернизации на эстетическое единство восточного мира. Российские дипломаты и частные путешественники середины XIX столетия не могли не замечать изменений, касающихся внешнего вида как самих османов, так и их столицы. Реформы Махмуда II, его сына и преемника способствовали заимствованию османскими элитами европейских культурных практик. А появление в России западноевропейских промышленных товаров и туристов все больше мешало радоваться вещам и видам, которые россияне полагали

по-настоящему восточными. Османская вестернизация была слишком поверхностна, чтобы превратить державу султана в европейское государство, но в то же время достаточно заметна, чтобы помешать удовольствию образованных подданных царя созерцать природно восточные типы.

Для российских комментаторов Танзимата проявления османской европеизации нарушали классическую восточную эстетику. Уже в 1837 году будущий российский посланник на Босфоре В.П. Титов писал, что «богатые ковры Персии и Кашмира», «гордые жеребцы Аравии», «многоценное дамасское оружие» и «хваленый левантйский кофе» исчезли или оказались заменены более дешевыми британскими или американскими продуктами. Российский дипломат также отмечал, что эти изменения в материальной стороне восточной жизни сопровождались изменениями в психологии и общественных нравах, в результате которых Османы и их подданные утрачивали часть своего восточного характера. По мере того как «уродливый красный колпак» и «неловкий сюртук из европейского сукна» заменили шали и шелка, гордая таинственность, окружавшая восточную жизнь, куда-то исчезла, и стало «почти не видно того зверства и фанатизма», составлявших излюбленные темы для авторов описаний восточных путешествий¹. Даже гаремы, ставшие доступными для иностранцев, не оправдали их ожиданий².

Все более многочисленные российские туристы в Константинополе чувствовали эти перемены, едва вступив на улицы османской столицы. Так, Григорьев, посетивший Константинополь в 1839 году, был приятно удивлен вежливостью жителей. По свидетельству российского востоковеда, фанатики более не нападали на европейских путешественников, а мальчишки не бросали в них камнями, как бывало в прошлом: «Они привыкли видеть у себя европейцев... что, наверное, не тронут вас и пальцем если вы первым их не заденете»³. По мнению Григорьева, это изменение в поведении отражало перемену общего настроения, в результате чего «старика потеряли дух, а молодые, особенно военные, стараются скорее подражать европейцам, чем своим папам». Несмотря на то что в сердцах некоторых «теплится еще старинная вражда к неверным», они более не давали волю своим чувствам⁴. По

¹ Космократов Т. [Титов В.П.] Восточная жизнь // Современник. 1837. № 4. С. 27–28.

² Там же.

³ [Григорьев В.В.] Поездка в Константинополь Изафети Маклуба. С. 670–671.

⁴ Там же. С. 671.

словам российского востоковеда, «присутствие в Архипелаге английской и французской эскадр имеет вообще удивительное влияние на развитие в мусульманах терпимости, а запрещение носить оружие многих тигров превратило в совершенных агнцев»¹.

Сколь бы ни были достойны похвалы эти перемены сами по себе, новый внешний вид османской столицы несколько разочаровывал тех, у кого уже выработались стереотипы о Востоке. За смертью султана-реформатора в 1839 году не последовал кровавый бунт старых янычаров, вроде того, что положил конец правлениям Ахмеда III и Селима III, которые также пытались заимствовать у Европы. Никто не был повешен, задушен или посажен на кол, и не было «ни одной головы без туловища и ни одного туловища без головы». Европейцы «разгуливают себе господами, лавки и магазины отперты, всякий занят своим делом»². Вступление на престол нового султана Абдул-Меджида I также было несколько разочаровывающим. Григорьев не мог смотреть без улыбки на плохо сидящие одежды нового покроя на старых османах, участвовавших в традиционной церемонии опоясывания мечом нового султана, и отмечал, что «поезд султана слишком мало имел тождественности»³.

В результате вестернизации османской элиты некогда маленькое общество европейских дипломатов в Константинополе расширилось и включило новое поколение османских чиновников и членов их семей. По словам авторов «Живописных очерков Константинополя» (1855), на променаде в Буюкдере уже можно было увидеть «молодую и знатную турчанку без покрывала чинно сидящую возле своего офранцузенного супруга, в кругу фрачикиков и дам, одетых по-иностранному, говорящих по-иностранному. Не одна звезда гарема (только не султанского) умеет лепетать по-французски, выезжает на бал у того или другого посланника, и, хотя танцевать не решается, но беседует с молодежью, как прилично самой благовоспитанной, хотя и немного робкой женщине»⁴. Разительные перемены в одежде и поведении, инициированные Махмудом II и продолженные его сыном, означали исчезновение собственно восточного стиля жизни. По словам М.А. Гамазова, российского члена международной комиссии по разграничению османско-персидской границы в 1849–1852 годах, «пестрые восточные одежды уступили

¹ [Григорьев В.В.] Поездка в Константинополь Изафети Маклуба. С. 671–672.

² Там же. С. 660–661.

³ Там же. С. 673.

⁴ Живописные очерки Константинополя. СПб.: Прац, 1855. С. 85.

место Европейским темным кафтанам и узким панталонам, чалма заменилась фескою, размеры бород, янтарных мундштуков и чубуков уменьшились, чепраки и седла утратили много своей роскоши». За исключением легких и изящных каиков на Босфоре, отделанных бархатом и приводимых в движение рослыми и мускулистыми гребцами, «все остальное измельчало, выдохлось, полиняло»¹. Перемены в характере одежды и предметов быта постепенно затронули и сферу нравов и обычаев, в результате чего «самая строгость в исполнении религиозных обрядов уступила место ухваткам и образу действий, исполненному легкомыслия»².

Утрата восточного колорита была следствием растущего присутствия европейцев, в особенности французов и британцев, влияние которых возросло после краткого периода российского преобладания в начале и середине 1830-х годов. По словам составителей «Живописных очерков Константинополя» (1855), при посещении «Сладких вод Европы» и «Сладких вод Азии» уже редко удавалось «подсмотреть картину увеселений чисто восточных, народных, не испорченных присутствием крутой шляпы, любопытных джентльменов в красных британских мундирах, или сентиментальных наблюдательниц с записными книжками и в парижских шляпках»³. К середине XIX столетия все более и более многочисленные европейские туристы на берегах Босфора начинали уже стесняться своего собственного присутствия, нарушавшего аутентичность восточных видов: «Коротенькое пальто и черная шляпа так не подходят к этим прудам, этим фонтанам, этим раззолоченным киоскам, к этому мрамору, исписанному затейливыми арабесками». Сам взор европейского туриста нарушал спонтанность восточных развлечений, «принужда[я] девушек старательнее прятаться в покрывало и меша[я] кейфу седого курильщика, ходившего в Мекку и отрастившего бороду по пояс». Осознавая, что критика назойливости западного присутствия могла относиться и к россиянам, составители «Живописных очерков Константинополя» советовали «глядеть на увеселения турок притаившись где-нибудь в киоске или надевши восточный наряд, который, впрочем, носить не так легко, как нашу одежду»⁴.

¹ [Памазов М.А.] От Босфора до Персидского залива // Время. 1861. № 6. С. 516–517.

² Там же. С. 517.

³ Живописные очерки Константинополя. С. 85–86.

⁴ Там же. С. 86.

Наблюдаемое исчезновение «старой Турции» служило еще одним подтверждением упадка Османской империи. По мнению знаменитого путешественника Е.П. Ковалевского, сами османы признавали, что ислам отстает в Константинополе, и приписывали этому обстоятельству все беды, которые свалились на их империю. Согласно Ковалевскому, реформы Махмуда II проводились в основном в столице, в то время как прочие города скрыто или явно им сопротивлялись. По этой причине «более типов истинно-турецких» сохранилось в Адрианополе, городе «по преимуществу турецком»¹. Однако исчезновение настоящего мусульманства не ограничивалось столицей, где европейские влияния были наиболее очевидны, но наблюдалось и в европейских провинциях империи, в которых, по словам Ковалевского, «больше всего поражает путешественника отсутствие турок»². По его оценке, турки составляли лишь 800 000 человек при общем населении европейской Турции, достигавшем 14 миллионов. «Турецкое присутствие» обеспечивалось османскими губернаторами и солдатами новой османской армии (низама), а также кофейщиками и банщиками, но не всадниками-тимариотами или владельцами поместий, которые проживали в столице. Российский путешественник объяснял очевидное сокращение количества османских мусульман непрерывными войнами, военными призывами, распространявшимися только на мусульман, эпидемиями чумы, от которых проживавшие преимущественно в городах мусульмане страдали больше остальных, уничтожением янычаров, составлявших наиболее зажиточный и здоровый слой общества, а также обычаем многоженства, который не способствовал увеличению населения. Ковалевский не забыл упомянуть и «дух самого народа, увлекаемого к неизбежной гибели фатализмом, которому он беспрекословно подчинил себя»³.

Для российских авторов середины XIX столетия «старая Турция» воплощала истинный Восток, который вот-вот должен был исчезнуть, хотя продолжал оставаться морально-политическим феноменом, вызывавшим неоднозначное к себе отношение. Некоторые россияне продолжали смотреть на османов с традиционной враждебностью и описывали их в категориях, сильно напоминающих раннемодерную

¹ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и по морям. Ч. 4. Нижний Дунай и Балканы // Библиотека для чтения. 1849. Т. 94. С. 56, 61.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 21. Подобный же взгляд на упадок провинций Османской империи можно найти в: [Героу Н.] Письма из Болгарии // Москвитянин. 1854. № 8. С. 110–111.

памфлетную литературу. Так, одно из исторических обозрений Османской империи, опубликованное во время Крымской войны, характеризовало османов как честолюбивых, завистливых, презрительных, злобных, непостоянных, невежественных, суеверных и фанатичных¹. Автор отвергал мысль о терпимом отношении османов к христианам, находя в нем «действие, основанное на собственной пользе», и утверждал, что мусульманская благотворительность распространялась только на правоверных². По мнению уже упоминавшегося Гамазова, неизменный характер османов ограничивал успех европеизирующих преобразований. Молодое поколение старалось «подделаться под тон и манеры людей просвещенных, но искренности в них нет, и быть не может, пока окончательно не сбросят они с себя оковы своих нелепых верований и не забудут преданий своих»³.

Менее туркофобные авторы избегали таких обобщений и вместо этого противопоставляли «официальную» и «неофициальную» Турцию. Согласно Сенковскому, «отчаянная безнравственность» османского правительства и его приспешников «не подлежит сомнению» и включает «ложь, обман, измен[у], яд, кинжал, пытку[у], ужас, грабительство», сравнимые с теми, что имели место в Риме, Византии и ренессансной Италии. Однако остальная часть османского общества демонстрировала «много хороших качеств, которые приятно принять в счет даже и в неприятеле». По мнению Сенковского, простые мусульманские подданные султана были «смирны, внимательны к удовольствию других, вежливы с чужими, стыдливы и часто целомудренны внутри семейств, в примечательной степени честны и прямодушны»⁴. С ним соглашался петербургский издатель А.И. Давыдов. Согласно его «Живописным очеркам Константинополя», «ренегаты, паши, судьи, правители областей, а пуще всего их челядь» демонстрировали жадность, разврат, фанатизм, взяточничество и прочие пороки, которые вели Османскую империю к ее гибели. Напротив, образ жизни скромных турок был достоин похвалы: «Турок старого времени... живет тихо и умеренно, курит трубку сидя возле своей супруги, ходит в кофейню послушать

¹ Поляков Н. Турция в ее прошедшее и настоящее время. М.: Степанов, 1855. С. 60–67, 71–80.

² Там же. С. 61–63.

³ [Гамазов М.А.] От Босфора до Персидского залива // Время. 1861. № 7. С. 514–515.

⁴ См. рецензию Сенковского на книгу Е. Серчевского «Обозрение Оттоманской империи, Валахии и Молдавии» (1854): Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. С. 50.

новостей и водит по праздникам свое семейство на пресные воды или в другое увеселительное место». Давыдов представлял такого турка великодушным и щедрым, пока у него были средства к жизни, и, в случае разорения, принимающим благотворения «также просто, как сам раздавал их недавно»¹. Однако, согласно «Живописным очеркам», такие «старые турки» были исчезающим типом, особенно после того, как с началом Крымской войны Константинополь заполнили офицеры и солдаты союзных армий.

Автор «Живописных очерков» фактически утверждал, что за фасадом англо-франко-турецкой коалиции против России скрывалось фундаментальное противоречие между «старотурецким» образом жизни и вестернизацией. По мере того как Константинополь наполнялся британскими и французскими военными, «турецкое население города, за исключением военных, по-видимому, скрылось в глубину города». После того как многие строения были заняты союзными войсками, «старые турки», ранее неподвижно курившие свои трубки, глядя на Босфор, куда-то исчезли, а небольшие группы жителей столицы с печальными и озабоченными лицами свидетельствовали о приходе нищеты и голода. Враждебность мусульманского населения к союзникам-завоевателям была несомненна:

Все кроется от европейца, все глядит на него исподлобья... Город... разделен на два полувраждебных лагеря: европейский и мусульманский. В первом нет места турку, во втором англичанину или француз; в первом заметна сильная деятельность, соединенная с некоторым порядком; во втором одна нищета с унынием и мрачным молчанием².

Во второй половине XIX столетия количество русскоязычных публикаций об Османской империи продолжало расти, однако основные параметры ориентализации можно наблюдать уже в начале периода Танзимата в 1840-е годы. Центральное место в этом процессе занимала меняющаяся политика сравнения между двумя империями. Российские авторы всегда очевидно или подспудно противопоставляли свою страну державе султана, однако делали это весьма по-разному в зависимости от периода. Как бы забывая про религиозные отличия, Пересветов представлял османского султана русскому царю как образец для подражания. В более поздний период российские авторы

¹ Живописные очерки Константинополя. С. 45–46.

² Там же. С. 112, 118–119.

находили достойными уважения лишь некоторые стороны османской военной и политической организации, а в какой-то момент османская система стала представляться ущербной во всех отношениях. В конце XVIII столетия османский упадок уже служил мерилом восхождения России на новые ступени величия, однако первый еще не казался необратимым, последнее все еще представлялось «удивительным», и оба они все еще были относительно недавними. Ситуация изменилась после 1800 года, когда султаны начали осуществлять первые попытки последовать примеру Петра Великого. Западные авторы быстро уловили сходство между Махмудом II и царем-реформатором, и их отношение к османской вестернизации варьировало от симпатии до скептицизма. Напротив, российские авторы этого периода были более сдержанны в подобных сравнениях. Их отношение к европеизирующим преобразованиям было в основном негативно. Они все чаще представляли такую политику как лишенную корней, поверхностную и в конечном счете неспособную остановить упадок империи. В то время как более ранние российские авторы противопоставляли невежество и суеверие османов освоению Россией европейских наук и искусств, позднее они открыли для себя ценность «народности» и стали порицать «растлевающее» воздействие вестернизирующих реформ султана. Эта перемена дискурса обеспечивала российским авторам «позиционное превосходство» в отношениях с противной империей, подобное тому, каким обладали по отношению к Востоку западноевропейские авторы.

Подчеркивая глупость османского подражательства, Муравьев и другие российские критики уподоблялись тем французским и британским путешественникам по Восточной Европе, которые отмечали поверхностный характер усвоения самими россиянами европейских мод, манер поведения и фигур речи¹. В обоих случаях часто встречающиеся отсылки к неглубокой вестернизации «другого» скрывали различные политические взгляды авторов. Для либеральных российских критиков Танзимата, публиковавшихся в «толстых журналах» во второй половине XIX столетия, поверхностность османской европеизации свидетельствовала об их враждебности к просвещению и неспособности усвоить европейские понятия. Напротив, с точки зрения людей более консервативного склада мыслей, подобных Муравьеву, подражание внешним формам западной цивилизации угрожало традиционным ценностям, которые старорежимные элиты стремились

¹ Wolff L. *Inventing Eastern Europe*. P. 23–24, 87–88.

противопоставить возникающим современным социальным институтам и практикам.

Ориентализируя Османскую империю, российские авторы утверждали свою европейскую идентичность в пику периодически встречающимся в западной литературе упоминаниям «полуварварского» характера самой России. Очевидно, такие ремарки задевали образованных россиян за живое, поскольку они систематически опускались при переводах западноевропейских описаний Востока. Артикулируемые с помощью заимствованных идиом российские представления об Османской империи можно рассматривать как пример «компенсирующего ориентализма», который позволял многим периферийным обществам преодолевать свою маргинальность¹. Однако борьба за признание в Европе была не единственным фактором трехсторонних отношений между «Западом», Россией и Османской империей. Российские описания державы султана также демонстрируют взаимосвязь между ориентализмом и окцидентализмом. Последний можно понимать не только в смысле заявки на «западное происхождение», посредством отвоевания у Османской империи земель классической древности², но и в смысле эссенциализирующих репрезентаций «Запада» представителями периферийных или вовсе незападных обществ. Сочетание российского ориентализма с российским окцидентализмом в ходе описаний вестернизирующей политики Махмуда II совпало с началом переоценки петровского наследия в России. Элементы окциденталистского дискурса, наблюдаемые уже в российской критике реформ Махмуда II, становятся еще более очевидны в период Танзимата. Однако не стоит воспринимать это сочленение ориентализма и окцидентализма, характерное для России и, возможно, некоторых других периферийных обществ, как простое следствие неудачной попытки стать частью «Запада». Скорее, оно свидетельствует об амбивалентности ориентализма как такового.

¹ Это явление было впервые проанализировано в балканском контексте. См.: Bakic-Hayden M. «Nesting Orientalisms»: The Case of Former Yugoslavia // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. No. 4. P. 917–993. Еще более интересный пример представляют собой ориенталистские репрезентации арабских провинций Османской империи: Makdissi U. Ottoman Orientalism // *American Historical Review*. 2002. Vol. 107. No. 3. P. 768–796; Herzog Ch., Motilka R. Orientalism “alla Turca”: Late Nineteenth — Early Twentieth Century Ottoman Voyages into the Muslim “Outback” // *Die Welt der Islams*. 2000. Vol. 40. No. 2. P. 139–195. В российском контексте то же явление было проанализировано Сарой Дикинсон. См.: Dickinson S. Russia’s First “Orient”: Characterizing Crimea in 1787 // *Orientalism and Empire in Russia*. P. 85–106.

² В каком его употребляет Дикинсон: Там же. P. 86–87.

Глава 5

НАРОДЫ ИМПЕРИИ

Проблема греко-славянских народов составляет центральный аспект восточного вопроса¹.

Российское описание Османской империи, опубликованное в 1829 году, утверждало, что турки составляли большинство населения европейских владений султана, после чего шли греки и армяне². Соответственно, большая часть книги была посвящена истории ислама, зарождению османского государства и его политической системе, османской армии, национальному характеру турок, их видам деятельности, их столице и ее окрестностям, а также наиболее важным провинциальным городам. В книге также содержалось довольно подробное описание материковой и островной Греции, которое следовало той же схеме. Наконец, некоторое внимание было уделено вассальным княжествам Молдавии и Валахии. Сербским и болгарским подданным Порты посвящалось по одной странице.

Очевидное незнание автором действительного этнического состава «Турции в Европе» было тем более примечательно, что к 1829 году Россия уже шестой раз воевала с Османской империей за период немногим более ста лет. Конечно, в плане информации о христианских подданных султана описание 1829 года было гораздо более подробным, чем то, которое было опубликовано девятью десятилетиями ранее и которое даже не упоминало термин *райя*, фокусируясь исключительно на Османах и их мусульманских вассалах, таких как правители Египта и Триполи или крымские

---

¹ Robert C. Le monde gréco-slave // *Revue de deux mondes*. 1842. Vol. 29. P. 383.

² Турецкая империя в древнем и нынешнем ее состоянии. М.: Кузнецов, 1829. С. 7. Другое описание утверждало, что турки составляют большинство населения Румелии. См.: О Театре войны, славно кончившийся Адрианопольским миром // *Вестник Европы*. 1829. Ч. 168. № 18. С. 152. *Ладыженский М.В.* Взгляд на Европейскую Турцию и окрестности Константинополя в топографическом и военном отношении с присовокуплением описания главнейших постановлений Оттоманской империи. СПб.: Свешников, 1828. Это издание даже не упоминало христианских подданных султана, составлявших на самом деле большинство населения Турции в Европе.

татары¹. В начале XIX столетия российские знания о христианском населении Османской империи были еще весьма фрагментарны. Это становится особенно явным, если сравнить описание 1829 года с еще одним, опубликованным в 1854 году и включавшим главы приблизительно равной длины, посвященные всем областям и народам «Турции в Европе»².

Данная фрагментарность отражала последовательность «открытия» россиянами подвластных султану народов. Каждая из следовавших друг за другом русско-турецких войн конца XVIII и первой половины XIX столетия обращала внимание российского общества на новый народ Балканского полуострова. Каждое «открытие» такого рода предполагало интерес со стороны образованных россиян не только к национальному характеру данного народа, но и к характеру его отношений с Османами и другими подвластными им народами. В результате серии этих «открытий» к моменту Крымской войны у россиян возникло более или менее полное представление о комплексной этнической мозаике европейских областей Османской империи. Осознание сложного этнического состава «Турции в Европе» способствовало превращению российских репрезентаций этого региона в вариант дискурса о Балканах, рассматривавшего каждую из местных этнических групп саму по себе, вне все более слабой ее зависимости от Порты³.

В то время как историки до сих пор изучали российско-греческие, российско-сербские или российско-болгарские отношения, данная глава анализирует осмысление российскими авторами места каждого подвластного Османам народа в системе межэтнических и межконфессиональных отношений, которая существовала в державе султана⁴.

¹ О турецкой земле и о турках // Примечания на ведомости. 1739. № 21–22. С. 81–88; № 23–24. С. 89–96; № 25–26. С. 97–108.

² Европейская Турция в современном состоянии. М.: Эрнст, 1854. Численность и состав населения Турции в Европе оставались предметом спекуляций. Пожалуй, наиболее авторитетное статистическое описание середины XIX столетия, составленное М.А. Убичини (*Ubicini M.A. Lettres sur la Turquie*. Paris: Domain, 1853; рус. пер.: Убичини М.А. Изображение современного состояния Турции. СПб.: Собственная Е.И.В. канцелярия, 1854), определяло численность мусульманского населения Европы в 2,1 млн человек, а христианское славянское население — в 6,2 млн. Данные Убичини подвергал критике российский востоковед И.Н. Березин. См.: Березин И.Н. Современная Турция // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1856. № 474. С. 149–163.

³ О дискурсе балканизма и его отличии от ориентализма см.: *Todorova M. Imagining the Balkans*.

⁴ Помимо исторических исследований российской внешней политики на Балканах, существует обширная литература о российских отношениях

Этот анализ позволяет определить сложное соотношение религии и этничности в российском восприятии населения региона. В главе демонстрируется, что к началу XIX столетия этнические категории приобрели хождение наряду с конфессиональными как способ классификации подданных султана. Это явление отражало как секуляризацию мировоззрения российских элит, так и зарождение антагонистических национальных движений внутри православной общины Османской империи.

Греки

Освоение культурного наследия классической древности составляло один из аспектов вестернизации российских элит в конце XVII, XVIII и начале XIX столетия. Классически образованные представители украинского православного духовенства сыграли важную роль в церковной политике Петра Великого и произвели существенные изменения в российских политических понятиях¹. Персонажи из греческой и римской мифологии играли немалую роль в саморепрезентации царя-реформатора, а также в «сценариях власти» его

с балканскими народами. См.: *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1982; *Бажова А.П.* Россия и югославяне в конце XVIII — начале XIX века. М.: Институт российской истории РАН, 1996; *Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей / И.С. Достян; XVIII век: Славянские и балканские народы и Россия / Ред. И.И. Лециловская; Лециловская И.И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб.: Алетей, 2006. Исследования российского восприятия отдельных балканских народов не столь многочисленны и посвящены в основном ранним российским лингвистическим и этнографическим работам о южных славянах. См.: *Керимова М.М.* Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997; *Калоева И.А.* Изучение южных славян в России в XVIII — первой половине XIX в. М.: ИНИОН РАН, 2002. Работа И.С. Достян (*Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М.: Наука, 1980) представляет собой исключение в том смысле, что рассматривает как написанное российскими дипломатами и военными о Балканах, так и публикации в прессе. В отличие от работы Достян, данная глава концентрируется не столько на российском восприятии греков, сербов, болгар и румын как таковых, сколько на российском восприятии межэтнических отношений среди православного населения Османской империи.

¹ *Bushkovich P.* Religion and Society in Russia. The Sixteenth and the Seventeenth Centuries. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 51–73.

преемников¹. Греческие, римские и современные классицистские авторы стали частью культурного багажа российских элит. Классицистская эстетика, заимствованная под влиянием французских авторов, обуславливала творчество многих представителей русской литературы XVIII столетия².

Одновременно преобразованное царство стало ассоциироваться с Римской империей принципиально иным способом, чем тот, что был связан с понятием «Москва — Третий Рим», предложенным псковским монахом Филофеем в послании великому князю Василию III в 1519 году. Идея Филофея заключалась в противопоставлении духовно падших первых двух Римов истинно православному третьему и, тем самым, не покидала пределов средневековой политической теологии. Напротив, феномен *translatio imperii*, заключающийся в российском подражании римским образцам, в целом соответствовал недавним спорам относительно превосходства «древних» и «новых» книг (а также научного знания, военного искусства и политической организации древних и новых народов)³. Политическая образность классической древности включала как идею империи, так и антитираническую республиканскую тему, и обе они обуславливали диалог между российскими правителями и элитами в период между смертью Петра Великого и консолидацией династического правления Романовых в начале XIX столетия⁴. Хотя эта классицистская образность никогда не вытеснила полностью христианскую и православную идентичность, она, безусловно, свидетельствовала о значительной секуляризации имперских элит в XVIII столетии.

Российский классицизм представлял бы собой простое проявление постренессансной культуры на периферии европейского континента, если бы он не приобрел сразу же геополитического измерения

¹ См.: Wortman R. Scenarios of Power.

² Segel H. Classicism and Classical Antiquity in Eighteenth- and Early Nineteenth-Century Russian Literature // The Eighteenth Century in Russia / Ed. J.G. Garrard. Oxford: Oxford University Press, 1973. P. 48–71.

³ Baehr S. From History to National Myth: Translatio Imperii in Eighteenth-Century Russia // Russian Review. 1978. Vol. 37. No. 1. P. 1–13.

⁴ Две разных интерпретации роли классической образности в отношениях между российскими правителями и российскими элитами предложены в: Wortman R. Scenarios of Power; Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2003. О консолидации династии Романовых см.: Wortman R. Russian Imperial Family as a Symbol // Imperial Russia: New Histories for Empire / Ed. J. Burbank and D. Ransel. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1998. P. 60–85.

в контексте русско-турецких войн екатерининской эпохи. Соединение классицистской образности и агрессивной имперской политики на юге было следствием попытки Екатерины II компенсировать недостаток естественной легитимности посредством умного самопозиционирования как в самой России, так и в более широком европейском контексте. Императрица воспользовалась османским объявлением войны, чтобы выступить в качестве успешного продолжателя неудавшегося предприятия Петра Великого на юге. Это позволило ей нейтрализовать аристократическую придворную партию, предпочитавшую более умеренную политику «Северного согласия»¹. Одновременно Екатерина использовала свою переписку с Вольтером и другими значимыми европейскими интеллектуалами для того, чтобы легитимировать российскую экспансию за счет Османской империи, несмотря на то что потенциально эта экспансия нарушала баланс сил в Европе. Правы были те исследователи, которые отмечали, что «Греческий проект» зародился в ее переписке с Вольтером, в которой крупнейший классицистский писатель Европы и хорошо начитанная императрица делали постоянные отсылки к древнегреческим и древнеримским образам, обсуждая текущие военные и политические события².

Хотя первичной реакцией образованных россиян на начало новой войны с Османской империей было использование христианских образов (правда, в классицистской окраске), Екатерина II предпочитала классические мотивы, которые вскоре стали определяющими³. Другим заметным изменением стала «эллинизация» культурных референций, в результате которой отсылки к римской древности (подобно тем, что имели место в переписке императрицы и П.А. Румянцева после Кагульской баталии 1770 года) со временем уступили место древнегреческим мотивам⁴. Пример был положен Вольтером, который сравнил русско-турецкую войну с греко-персидскими войнами V века до н.э. Тем самым знаменитый корреспондент Екатерины II не только под-

---

¹ См.: Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven: Yale University Press, 1975. О роли аристократических группировок в царствование Екатерины II также см.: LeDonne J. Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762–1796. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984.

² Ключевский В.О. О русской истории. М.: Просвещение, 1993. С. 509; Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла. С. 39; Voltaire — Catherine II, Correspondance, 1763–1778 / Ed. Alexandre Stroev. Paris: Non Lieu, 2006. P. 68, 76, 79, 83, 105, 130, 143, 155, 159, 221–222.

³ Проскурина В.Ю. Мифы империи. С. 149–163.

⁴ Там же. С. 163–174.

тверждал уже устоявшееся восприятие Османской империи как восточного деспотизма, но и способствовал формированию представления о россиянах как о «новых греках», которое со временем развилось в мощный культурный миф¹.

Война 1768–1774 годов сыграла важную роль в культурной и политической истории России, способствовав превращению российского классицизма в прямое военно-политическое вмешательство империи в судьбу земель греческой древности и их современного населения². Продуктом этого превращения стало российское эллинофильство, сочетавшее восхищение древней Элладой с поддержкой греческой иммиграции в Россию и культивированием отношений с османскими греками. Эллинофильство привнесло существенное изменение в отношения России с православными подданными султана. Уходящая корнями в классицистскую идиому, которая определяла переписку Екатерины II с наиболее известным европейским философом-деистом, идея возрождения «греческой империи» под скипетром второго внука Екатерины Константина сочетала культурную образность Константинополя и Афин в сознании образованных россиян конца XVIII столетия³. Тем самым представление о России как о наследнице классической Греции стало дополнять более старую тему религиозной преемственности Московского царства у Византийской империи⁴. Это не могло не оказать секуляризирующего воздействия на российское восприятие греков.

В то же время, наряду с эллинофильским образом греков как героических борцов за свободу, в российском дискурсе присутствовала и тема раболепия современных греков перед их османскими властями. Еще до формирования российского эллинофильства первый российский резидент в Константинополе П.А. Толстой отмечал, что Османы «подданных своих греков держат в великом утеснении и так в них страх свой вкоренили, что греки ниже в мысли своей противного к ним чего иметь смеют»⁵. Позднее ознакомление образованных россиян с классическими текстами превратило древнегреческие добродетели в высокий моральный стандарт, служивший для оценки

¹ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла. С. 40–41.

² Batalden S. Catherine's Greek Prelate. P. 24.

³ О слиянии христианской и классической образности в одах Державина, ставшего крупным российским поэтом ко времени второй русско-турецкой войны Екатерины II, см.: Проскурина В.Ю. Мифы империи. С. 192.

⁴ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла. С. 36.

⁵ Толстой П.А. Русский посол в Стамбуле. С. 39.

современных греков. Так, П.А. Левашев сокрушался по поводу того, что по взятии Константинополя Мехмедом Завоевателем «греческая церковь пришла в совершенный упадок и самое жалостное состояние», и писал о «невежестве и худом поведении ее правителей», которое есть «следствие невольничества, уничтожения и рабства». Левашев отмечал, что османское завоевание рассеяло «искуснейших и ученейших» греков по разным христианским странам, в то время как оставшиеся практически утратили знание своего языка и «учинялись неспособными проповедовать надлежащим образом слово Божие»¹. Для подкрепления этой нелестной характеристики своих единоверцев Левашев в деталях описал османскую практику продажи патриаршего престола тому, кто больше заплатит, которая вовлекла греческое духовенство в торговлю всеми церковными назначениями².

Россияне XVIII столетия не только противопоставляли былую славу греческой православной церкви и ее жалкое состояние под османским владычеством, но и проводили различия между древними и новыми греками в исключительно мирском смысле. Задолго до Шатобриана кавалер российского посольства в Константинополе М.И. Прокудин-Горский противопоставлял Гомера, Демокрита, Демосфена, Сократа и других «разумнейших людей великими дарованиями преисполненных» их нынешним потомкам, которые посвятили себя исключительно торговле. «Хитрость, обман, злость к ближнему... в высшем градусе почитаются» среди тех греков, которых автор встречал в османской столице в 1760 году³. По мнению российского автора, моральный упадок греков произошел «под жесточайшим игом» Османов и был следствием уничтожения греческой аристократии Мехмедом Завоевателем. Получив свободу торговли, простой люд быстро утратил благородные побуждения и выработал жалость и алчность, так что «во всей империи ни одного чаю не найдется благородного человека»⁴.

Эллинофильское восхищение воображаемыми греками объясняло большое разочарование, испытываемое европеизированными россиянами при встрече с современными им обитателями Мореи и Архипелага. Так, ветеран первой Архипелагской экспедиции российского флота С.П. Хметевский писал, что греки «лжецы великие», и отмечал

¹ [Левашев П.А.] Цареградские письма. С. 80. См. также: Титов А.А. Константинополь в описании русского путешественника в половине XVIII века. М.: Московский университет, 1911. С. 16.

² [Левашев П.А.] Цареградские письма. С. 80–84.

³ [Прокудин-Горский М.И.] Письма или уведомления в Москву. С. 77.

⁴ Там же. С. 78.

«неограниченную леность», господствующую в их земле¹. Расстроенный неудачей антиосманского восстания в Морее, командующий российским флотом А.Г. Орлов находил, что единоверцы «льстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы, лакомы к деньгам и добыче». По мнению Орлова, «грубое невежество» обитателей островов Эгейского моря и материковой Греции, а также «рабство и узы Турецкого правления на них наложенные, в которых они родились и выросли», не оставляли надежды произвести «какое-нибудь в них, к их общему благу, на твердом основании сооруженное, положение»². Хотя критические высказывания Хметевского и Орлова о греках были опубликованы через столетие после первого появления российского флота в Средиземноморье, их современники могли найти сходные характеристики православных единоверцев в описании Архипелага М.Г. Коковцева. По мнению этого ветерана экспедиции 1770–1774 годов, местные греки жили в «невежестве и бедности», причиною чему были «леность, непросвещение и беспорядочное Турецкое правление». Хотя Коковцев признавал в греках остроумие их древних предков, они использовали его на «обман, притворство и лицемерие». Российский автор также отмечал, что «сребролюбие владычествует над сердцами их» и что они были «рады жертвовать блеску металла самыми лучшими друзьями и родственниками»³.

Образованные россияне выработали еще более критическое отношение к грекам-фанариотам, которые с конца XVII столетия занимали важные посты в османской политической системе. Будучи культурными наследниками Византии, столь ненавидимой британским историком Эдуардом Гиббоном и его читателями, греческие аристократы из квартала Фанар представлялись российским дипломатам и военным жалкими продуктами османской политической системы, служившей историческим прототипом теории восточного деспотизма Шарля Монтескье. Один из первых примеров подобного восприятия константинопольских греков можно найти уже в сообщениях первого российского резидента П.А. Толстого. Российский дипломат писал, что знаменитый основатель фанариотской системы Александр Маврокордат «добрый суть политик и образом христианин, а дела его многие

¹ Журнал Степана Петрова сына Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии 1770–1774 // Современник. 1855. № 1. С. 73, 81.

² А.Г. Орлов — Екатерине Второй // СИРИО. 1867. Т. 1. С. 43, сноска.

³ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийского берега. С. 70–71.

являются противные благочестия христианского». За свою помощь Порте в посольских делах Маврокордат «от них награждаем бывает почетом и богатством, защищения же благочестивым христианам под игом басурманским пребывающим нималого, когда от него явится, аще и может, но не хочет творити, весьма угождая воли басурманской»¹.

Русско-турецкие войны и временные занятия российскими войсками Дунайских княжеств предоставили царским дипломатам и военным возможность оценить последствия правления князей фанариотов, начавшегося с восхождения сына Александра Маврокордата Николая на Молдавский престол в 1711 году. К концу XVIII столетия россияне стали воспринимать господарей-фанариотов Молдавии и Валахии как неотъемлемую часть системы османского деспотизма. Российский дипломат И.Х. Струве отмечал, что Порта редко позволяла фанариотам оставаться у власти более пяти или шести лет подряд, чтобы не дать им сформировать сильную партию поддержки в княжествах, или же просто из «жадности и желания чаще получать подарки и выплаты, которые сопровождают церемонию возведения в господарское достоинство»². В этих условиях «господари даже не думают способствовать благу народному»³. Вместо этого князья-фанариоты прилагали все усилия, чтобы возместить себе все возрастающие суммы, которые они затрачивали на получение господарских престолов, посредством торговли государственными должностями, создания синекур и простыми вымогательствами. Управляемые страхом, коварством и алчностью, фанариоты бросали вызов современным представлениям о человеческой психологии. По словам А.Ф. Ланжерона, «европеец, родившийся в цивилизованной стране, не сможет представить себе ни унижения, ни страха, которыми исполнено существование фанариотов»⁴.

Подобные зарисовки выявляли темные стороны отношений между греками и другими православными подданными турецких султанов, скрываемые эллинофильским дискурсом. Характерной в этом смысле была статья Константина Кантакузина «Картина Валахии», опубликованная в «Вестнике Европы» в 1810 году. Автор находил Валахию одной из лучших областей Европы по своему географическому положению и качеству земли, отмечая «величественный вид Дуная и его

¹ Толстой П.А. Русский посол в Стамбуле. С. 43.

² [Struve J.Ch.] Travels in the Crimea. P. 90.

³ Там же. С. 267.

⁴ Langeron L.A.A. Journal des campagnes faites en service de Russie // Documente privitoare la istoria românilor. Supplement 1. București: Socescu, 1885–1896. Vol. 3. P. 73.

окрестностей», который представлял «самую великолепную картину». Однако эта картина «теряет свои красоты в стране владычества варваров, в стране угнетаемого человечества»¹. Кантакузин связывал все несчастья, постигшие эту страну, с греками-фанариотами, которые управляли Валахией уже около столетия. Согласно Кантакузину, «[сии] вероломные участники злодеяний Турецкого Правительства в течение ста лет привели Валахию в самое плачевное состояние, произвели в ней опустошение, и даже переменили нравы несчастных ее жителей. Народ, будучи угнетен, потерял всю бодрость и стал робким и ленивым». В свою очередь, бояре перестали заботиться о всеобщем благе, которое в любом случае не было в их руках, и присоединились к фанариотам².

К началу XIX столетия отношение россиян к фанариотам становилось все более и более негативным. Заимствование российскими авторами западноевропейских представлений о фанариотах³ перекликалось с допетровским восприятием греков как «хитрых» и «лживых». Наиболее проницательные россияне вскоре поняли, что потомки Перикла и Фемистокла, по словам екатерининского посланника Булгакова, «родились в Турции». Памятуя об этом, А.Г. Краснокутский, посланный с секретной дипломатической миссией в Константинополь во время войны 1806–1812 годов, усмотрел провокацию в желании «быть под покровительством России», высказанном ему греческими нотаблями города Серрес на его обратном пути в ставку российской армии⁴. Действительно, за признаниями греков стояли интриги османского губернатора Серреса Измаила-паши, который таким способом пытался проверить, насколько сам Краснокутский был искренен в своих заверениях доброжелательства. Разумеется, подобные инциденты ограничивали влияние «греческого мифа» на восприятие россиянами современных им греческих подданных султана.

Открытие роли фанариотов в системе османского господства не уничтожило симпатии к грекам. Хотя контраст между древними

¹ Кантакузин К. Картина Валахии // Вестник Европы. 1810. Ч. 52. № 14. С. 147–148. Хотя семейство Кантакузино вело свою генеалогию от византийского императора Иоанна VI Кантакузина, к XVIII столетию они ассимилировались в валахскую аристократию и стали лидерами «автохтонного» боярства, оппозиционного фанариотам.

² Там же. С. 150.

³ См.: О силе фанариотов в Турецком правительстве // Сын Отечества. 1828. Ч. 125. № 19. С. 381–391. Этот текст, взятый из «Ревю этранжер», описывал вовлеченность греков-фанариотов в распределение должностей в османском правительстве.

⁴ Краснокутский А.Г. Дневные записки поездки в Константинополь. С. 89.

и новыми греками был очевиден, некоторые российские наблюдатели, как и их западноевропейские современники, воспринимали новых греков как жертв, а не приспешников османского ига, и потому продолжали им сочувствовать. В первые десятилетия XIX столетия российские эллинофилы удивлялись вместе с Франсуа Пуквилем способности греков сохранять, несмотря на завоевание и многочисленные беды, их «обычай отечественные вместе с остатками языка»¹, а также возмущались, подобно Шатобриану, при виде османского губернатора Афин, который жил среди скульптур Иктина и Фидия, пребывая в полном неведении относительно их происхождения². Участник Второй Архипелагской экспедиции российского флота в 1805–1810 годах П.И. Панафидин писал, что греки утратили свой «живой и пылкий характер» и стали «лицемерны, корыстолюбивы до низости» в результате жестокого угнетения со стороны Османов, которые не имели ни малейшего представления о том, кто такие Аристид, Фемистокл, Перикл и Альчибиад³.

Политические события периода Французской революции и правления Наполеона ослабили идеологические и культурные скрепы между российским самодержавием и образованным обществом, одной из которых в царствование Екатерины II было эллинофильство. Под влиянием экспансии революционной и наполеоновской Франции в Средиземноморье Павел I и Александр I отказались от «Греческого проекта» Екатерины II в пользу политики сотрудничества и союза с Османской империей, что в 1799 году даже привело к совместным российско-османским действиям против французских войск на о. Корфу⁴. Помимо постепенной утраты эллинофильством геополитической актуальности, его влияние ослаблялось и общей идеологической конфигурацией начала XIX столетия. Республиканские коннотации

¹ [Pouqueville F.] Обычай, поверья и предрассудки нынешних греков // Вестник Европы. 1827. Ч. 152. № 5. С. 52. Ориг. фр. изд.: Pouqueville F. Voyage dans la Grèce. Paris: Firmin Didot, 1822–1827. Vol. 6. P. 123.

² Отрывки из путешествия господина Шатобриана // Вестник Европы. 1807. Ч. 35. № 18. С. 83. Российский журнал перевел отрывки, которые Шатобриан публиковал во французских журналах за четыре года до выхода полного текста его описания: Chateaubriand F.R. Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris. 3 vols. Paris: Le Normant, 1811. См. фр. ориг. цитируемого отрывка там же: Vol. 1. P. 263.

³ Панафидин П.И. Письма морского офицера. С. 49–50.

⁴ О российской политике в отношении Османской империи см.: Достян И.С. Россия и балканский вопрос. С. 43–44; Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798–1807. М.: АН СССР, 1962. С. 197–203, 343–344.

греческой древности представлялись все более проблематичными российским правителям в контексте общеевропейского противостояния монархических режимов и Французской революции, чьи деятели сознательно следовали классическим образцам.

Эллинофильство еще больше противоречило мистической христианской идеологии Священного союза, с инициативой которого в посленаполеоновский период выступил Александр I для того, чтобы укрепить контрреволюционное единство европейских монархов. Хотя российский император поддерживал деятельность греческих образовательных обществ и назначил уроженца о. Корфу Иоанна Каподистрию своим министром иностранных дел, «Агамемнон Европы» не рассматривал Священный союз как средство организации антиосманского крестового похода¹. После того как известие о восстании этеристов в Молдавии и Валахии достигло Александра I на конгрессе Священного союза в Лайбахе в марте 1821 года, император осудил это движение, возглавляемое его бывшим адъютантом Александром Ипсиланти, как бунт против легитимного, хотя и мусульманского государя². В то время как Екатерина II была рада раздувать антиосманские мятежи в Море, ее внук предпочел остаться легитимистом после того, как восстание разгорелось по-настоящему.

Восстание этеристов в 1821 году оказало противоречивое воздействие на российское восприятие греков. В то время как Александр I в своей оценке этого движения предпочел остаться на легитимистских позициях, российские читатели встретили известие о восстании с воодушевлением, которое свидетельствовало о «расхождении путей» правительства и российского общества в первой половине XIX столетия³. Восстание постоянно фигурировало в новостных

¹ О деятельности Каподистрии в России см.: *Kennedy-Grimstead P. Capodistrias and a "New Order" for Restoration Europe: The "Liberal Ideas" of a Russian Foreign Minister, 1814–1822 // The Journal of Modern History. 1968. Vol. 40. № 2. P. 166–192; Арш Г.Л. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. М.: Наука, 1976.*

² Главным исследованием по этой теме является по-прежнему книга Л.Г. Арша: *Арш Г.Л. Этеристское движение в России. М.: Наука, 1970.* Интересное рассмотрение «Этерии» в контексте романтических восстаний постнаполеоновского периода было предпринято американским историком Ричардом Стайтсом. *Stites R. The Four Horsemen: Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014. P. 186–239.*

³ См.: *Prousis Th. Russian Society and the Greek Revolution. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1994. P. 26–54.* О расхождении путей см.: *Riasanovsky N.V. A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801–1855. Oxford: Clarendon Press, 1976.*

колонках российских периодических изданий 1820-х годов, и множество публикаций по этой теме заставляли сочувствовать греческим жертвам османского угнетения¹. Вызывая у российских читателей симпатию, восстание явило немало примеров классического героизма, позволявших говорить о «возрождении Греции» и ставивших под сомнение скептическое отношение Шатобриана к современным обитателям этой страны². По словам российского военного и писателя Н.В. Путяты, в 1820-е годы «[берега] Дуная, Царьград, Греция, возрождающаяся из пепла, были беспрестанными предметами наших разговоров»³.

Хотя Греческая война за независимость вызвала широкую симпатию со стороны российского общества⁴, ход и итоги этой войны заключали в себе зародыш российского охлаждения к грекам. В 1820-е годы борцы за независимость Морей могли показаться достойными потомками Аристиды и Фемистокла⁵, однако они не оказали решающего влияния на российское восприятие греков, большинство из которых остались османскими подданными после учреждения в 1830–1832 годах небольшого греческого королевства на юге Балканского полуострова. В силу своего положения в социальной и экономической структуре Османской империи греки продолжали представляться мелкими торговцами, лицемерными священниками или коварными фанариотами. Этим объяснялось устойчивое восприятие греческих подданных султана как недостойных своих древних предков, сформированное французскими авторами в начале 1800-х годов.

Период 1820-х годов был временем апогея российского классицизма, когда древнегреческие поэты и писатели сыграли важную

¹ См., например: Взгляд на поступки Турков с подвластными Греками // Северный Архив. 1827. Ч. 26. № 5. С. 56–75. Этот текст был отрывком из путешествия по Греции Деметрия и Николая Стефанопольского, который был характерным примером монополизации виктимности греческими интеллектуалами.

² Возрождение греков // Вестник Европы. 1822. Ч. 137. № 13. С. 57–67. Данный текст отражал подход Франсуа Пуквиля. См.: Pouqueville F. Histoire de la régénération de la Grèce. 4 vols. Paris: Firmin Didot, 1824. Та же аргументация отражалась и в: История греческих происшествий. М.: Университетская типография, 1824, основывавшейся на: Raffenet C.R. Histoire des évènements de la Grèce. Paris: Dondey & Dupré, 1822.

³ Письмо Н.В. Путяты Е.А. Боратынскому из Адрианополя. С. 215.

⁴ Это подтверждается благотворительными сборами в пользу греков со стороны практически всех слоев российского общества в 1820-е годы. См.: Prousis Th. Russian Society and the Greek Revolution. P. 55–83.

⁵ И.В. Сабанеев — П.Д. Киселеву, 22 февраля 1821 года, цит. по: Иовва Ф. Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев: Штиинца, 1974. С. 174.

роль в формировании русской национальной литературы¹. Однако сама популярность классических авторов и их героев у нескольких поколений образованных россиян объясняет их постоянное разочарование в новых греках. Классическое образование способствовало усвоению представителями российского общества идеализированных представлений о древних добродетелях, которым потомки Леонида и Перикла просто не могли следовать. Порой само восхищение антиками заставляло россиян презирать тех, кто ежедневно ступал по древним обломкам. Это относилось, в частности, к В.Г. Теплякову, посланному генерал-губернатором Новороссии М.С. Воронцовым собирать древние греческие и римские монеты в Болгарии, занятой российскими войсками в 1829–1830 годах. Тепляков был поражен жадностью греческого митрополита Варны, который требовал 500 пиастров за кусок древнего мрамора, встроенного в городскую стену. Высмеивая местное поверие о том, что такие камни предохраняют здания от разрушения, Тепляков видел в подобных историях «настоящий характер народа, обезображенный... алчностью к корысти и малодушным суеверием — неизбежными последствиями столь долгого оцепенения духа, омраченного отсутствием нравственной жизни, изнемогшего под бременем вековой неволи»². При виде «наследник[ов] просвещения, вкуса и роскоши Афин», российский автор мог лишь сокрушаться по поводу того, как мало времени потребовалось, чтобы «глухое варварство воссело на обломках человеческой образованности!»³

Таким образом, российское восприятие греков в XIX столетии становилось все более и более амбивалентным. В каком-то смысле оно всегда было таковым. Элементы этой амбивалентности можно усмотреть в отношении царских подданных допетровской эпохи к своим греческим единоверцам. Это отношение было одновременно уважительным к византийским истокам русского православия и в то же время принимало во внимание последующее отступничество греков, заключивших унию с Римом в 1439 году, что навлекло на них гнев божий в виде османского завоевания Константинополя. Секуляризация и вестернизация мировоззрения российских элит в течение XVIII столетия воспроизвела эту противоречивость на новом уровне. В той степени, в какой эллинофильство повлекло за

¹ См.: Prousis Th. Russian Society and the Greek Revolution. P. 84–160.

² Тепляков В. Письма из Болгарии. С. 60–61.

³ Там же. С. 62.

собой открытие дохристианского прошлого, оно способствовало секуляризации российского образа греков, а также ослабляло традиционную ассоциацию между греками и православием, которую Русь заимствовала у Византии. В то же время вестернизация российских элит не только выражалась в их интересе к классическим авторам, но и способствовала развитию у них критического отношения к фанариотам, которое перекликалось с допетровским представлением о «коварных» греках.

Греческая история заключала в себе как предметы, достойные восхищения, так и те, что вызывали порицание. Несмотря на представление о Древней Греции как о колыбели европейской цивилизации, ее недавнее прошлое выглядело унылым. Османское завоевание, по всеобщему мнению, привело к упадку искусств и знаний, чему сопутствовало и изменение в характере самих греков. Значение греческой темы в культуре российских элит XVIII столетия, как и многослойность, проявившаяся позднее, сыграли важную роль в формировании российского восприятия других христианских народов Балканского полуострова, остававшихся до определенного времени в тени греков. Греки как мужественные античные герои и греки как коварные и пресмыкающиеся царедворцы служили российским авторам двумя моделями описания других балканских народов.

Славяне

Открытие россиянами славянских подданных султана было постепенным процессом, в результате которого раса и этничность стали дополнять религиозную систему координат. Образованные россияне долгое время не выделяли славянских «братьев» среди православных единоверцев. В своих отношениях с северным царством южные славяне гораздо чаще подчеркивали свое единоплеменство, порой даже в ущерб единоверию. Напротив, россияне долгое время игнорировали эти панславистские призывы или реинтерпретировали их в смысле единства православных народов. Характерны в этом смысле российские злоключения уже упоминавшегося Юрия Крижанича. Московские власти не оценили новаторского панславизма Крижанича и сослали его в Тобольск, когда выяснилось, что он был католическим миссионером.

Хотя сопротивление Черногории османскому господству привлекло внимание Петра Великого и привело к установлению долгосрочных

российско-черногорских отношений, последние были не безоблачны¹. Непосредственные преемники царя-реформатора не знали, что делать с воинственностью черногорцев, или находили последних слишком неуправляемыми. Елизавета Петровна позволила прибывшему в Россию черногорскому владыке Василие Петровичу Негошу отслужить литургию в Московском кафедральном соборе и снабдила его средствами для восстановления церквей в его собственной стране. Однако Василие не удалось заинтересовать императрицу своим проектом объединения всех славянских народов против Османской империи под черногорским руководством и российским протекторатом². Тем временем эмиссар Елизаветы Петровны С. Пушкин, отправленный от имени императрицы примирить враждующие части черногорского общества, сообщал ей, что «пользы от Черногории ожидать нечего, ибо весь народ сей нимало о службе е. и. в. не помышляет»³. Еще более критичную картину черногорского общества представил посланник Екатерины II Ю.В. Долгоруков, посланный на Черную Гору после начала русско-турецкой войны в 1769 году. Долгорукову не удалось мобилизовать черногорцев на борьбу с султаном, и сам он писал, что местные жители «питаются воровством, граблением и разбоем, не разбирая ни веры, ни знакомства, ни человечества»⁴. У российской императрицы не было причин ставить под сомнение отчет Долгорукова ввиду появления тремя годами ранее черногорского самозванца Степана Малого, представлявшегося свергнутым супругом Екатерины II

¹ По-видимому, первым россиянином, заметившим черногорцев, был посол Петра Первого в Константинополе П.А. Толстой, который до своего назначения изучал морское дело в Италии и посещал Адриатический берег. См.: Путевой дневник П.А. Толстого // Русский архив. 1888. № 5. С. 13. Хотя Толстой называл жителей Черной Горы «вольными людьми», которые «никому не служат», формально Черногория была частью Османской империи, которой она время от времени платила дань. В течение XVIII столетия Петербург направил несколько эмиссаров в Черногорию, включая М.И. Милорадовича и Ивана Лукьяновича в 1711 году, С. Пучкова в 1758–1760 годах, поручика Михайло Тарасова в 1766 году и князя Ю.В. Долгорукого в 1769 году. Эти миссии описаны в: *Хитрова Н.И. Русско-черногорские связи в XVIII в. // XVIII век: Славянские балканские народы и Россия. С. 6–26.*

² *Бажова А.П. Русско-югославянские отношения. С. 72–74.*

³ Цит.: Там же. С. 82.

⁴ См.: Журнальная записка происшествий во время экспедиции его сиятельства князя Юрия Владимировича Долгорукого в Черную Гору // Русский архив. 1886. № 4. С. 403. Другая нелестная характеристика Черногории была дана Иваном Белевичем. См.: *Костяшев Ю.В. Иван Белевич и его «Описание Черногории» // Славяноведение. 1998. № 1. С. 41–42.*

Петром III¹. Предпринятая в то же время миссия подполковника Н.А. Каразина в Болгарию также оказалась безуспешной, хотя и по другим причинам².

Вплоть до конца екатерининского царствования греки занимали центральное место в антиосманских планах Петербурга, порой за счет южных славян. Согласно «Греческому проекту» Екатерины II, Черногория, Босния и османская Сербия попадали в зону влияния Габсбургской монархии, а территория нынешней Болгарии должна была стать частью возрожденной греческой империи. Демонстрируя свою приверженность союзу с австрийцами, императрица изгнала из России черногорского правителя Петара Петровича Негоша, прибывшего в надежде заручиться традиционной поддержкой³. По той же причине Екатерина II и ее фаворит Г.А. Потемкин не воспользовались проектом создания славянского царства под российским протекторатом, а также идеей всеславянского восстания против султана, и только столкновение с революционной и наполеоновской Францией заставило преемников императрицы пересмотреть роль славянского фактора⁴.

До начала XIX столетия сведения о славянских подданных султана предоставлялись самими представителями южных славян, иммигрировавшими в Россию или посещавшими ее временно. Эти авторы в основном концентрировались на древней истории славян и их славной борьбе с Османами⁵. В той степени, в какой они затрагивали

¹ *Petrovich M. Catherine II and a False Peter III in Montenegro // American Slavic and East European Review. 1955. Vol. 14. No. 2. P. 169–194; Фрейденберг М.М.* Степан Малый из Черногории // Вопросы истории. 1975. № 10. С. 118–132.

² О миссии Каразина см.: Век Екатерины II. Дела Балканские / Ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 2000. С. 147–148.

³ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. С. 40.

⁴ См.: Обращение 1784 года кнезов Рашки к Екатерине II с жалобами на османские злоупотребления и свидетельством готовности к восстанию: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями. Документы / Ред. А.Л. Нарочницкий, Н. Петрович. М.: Наука, 1984. С. 329. Об отношениях Екатерины II с сербами в этот период см.: *Бажова А.П.* Россия и югославяне; Век Екатерины II. Дела Балканские. С. 197–200. О панславянских проектах Александра I см.: *Vernadsky G. Alexandre Ier et le problème Slave pendant la première moitié de son règne // Revue des études Slaves. 1927. Vol. 7. P. 94–111.*

⁵ Так, в российском переводе книги Мавро Орбини «Славянское царство», опубликованном герцеговинцем на царской службе Савой Владиславовичем Рагузинским, можно было прочитать о том, что Рагуза сохранила свои вольности после храброго сопротивления Сулейману II и Мураду III, но не о том, что представители республики подавали дань султану на коленях. См: Книга

османский период, они не упускали возможности пожаловаться на греков. Так, Василий Петрович утверждал, что греки воспользовались русско-турецкой войной 1736–1739 годов для того, чтобы представить сербов приверженными России предателями султана, и в результате добились назначения своего единоплемянника во главе сербской церкви. Вооружившись султанским фирманом, последний ездил по Сербии, «поставляя Греки Архиереи, муча народ и деньги насилу взимае», «попленив святые церкви и народ Сербский, а особливо Сербскую Патриархию Пекскую одрав до самых стен»¹. Антигреческие выпады можно найти также и в «Истории разных славянских народов» Йована Раича, первый том которой был опубликован в России в 1795 году. В ней Раич сокрушался по поводу очернения имени славян греческими авторами, которые «славу оных затмить хотяще» после того, как последние «прочих всех, силою, мужеством и храбростию превзыде» и «не малые беды греками причиняли»².

Первое десятилетие XIX столетия характеризовалось проблесками интереса россиян к славянским подданным султана, и как к отдельным народам, и как к членам православной общины Османской империи³. Если первое появление российского флота в Средиземноморье в 1770–1774 годах сопровождалось становлением российского эллинофильства, то Вторая Архипелагская экспедиция под предводительством Д.М. Сенявина способствовала нанесению Черной Горы на ментальную карту российских читателей⁴. В своих «Воспоминаниях морского офицера» (1818–1819) участник этой экспедиции В.Б. Броневский предоставил одно из первых популярных российских описаний Черногории. Оно характеризовало обитателей этой страны как непримиримых врагов Османов, которыми управлял князь-митрополит при содействии общего собрания и которые тратили свою немалую энергию на грабежи

историография почтита имени, славы и расширения народа славянского. СПб.: [Б.и.], 1722. С. 176.

¹ Петрович В. История о Чорной Горы // ЧИОИДР. 1860. № 2. С. 14.

² Раич Й. История разных словенских народов, наипаче же болгар, хорватов и сербов. СПб.: Корпус чужестранных единоверцев, 1795. С. xii–xiii, 22–25.

³ Калоева И.А. Изучение южных славян; Керимова М.И. Югославянские народы и Россия. С. 23–40.

⁴ Жители области Монтенегро или Черногорцы // Вестник Европы. 1805. Ч. 21. № 7. С. 240–249; Статистические сведения о черногорской области // Вестник Европы. 1807. Ч. 36. № 22. С. 144–1449. Хотя Османы утратили реальный контроль над Черногорией в 1796 году, когда черногорцам удалось разгромить шkodрского пашу Махмуда Бушатли, Порты отказывалась признать независимость этой маленькой страны вплоть до 1878 года.

и кровную месть¹. Эта в целом положительная характеристика примитивных, но прямых нравов черногорцев свидетельствует о влиянии идеи «благородного дикаря» Руссо². В то же время автор критиковал черногорцев за невежество и презрение к коммерции и промышленности, противопоставляя их более развитым и менее воинственным славянским соседям, таким как далматинцы, хорваты и сербы³. Таким образом, данное описание отличалось как от негативных отзывов российских эмиссаров XVIII столетия, так и от работ позднейших российских панславистских авторов, которые идеализировали черногорцев и южных славян в целом⁴.

К началу XIX столетия отношения между российскими войсками и православным славянским населением Османской империи уже определялись памятью о предыдущих появлениях российской армии на Дунае. В 1806–1812 годах, как и во время русско-турецкой войны 1768–1874 годов, российские войска сражались с османской армией на южном берегу Дуная, в местностях, где болгары составляли большую или меньшую долю населения. В своих дневниках и воспоминаниях российские офицеры отмечали прежде всего воодушевление и преданность, с которыми славянские подданные султана встречали своих единоверцев и единоплеменников. При этом российские авторы были склонны игнорировать другие чувства, которые могли возникать

---

¹ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Д.И. Сенявина от 1805 по 1810 г. В 4 т. СПб.: Морская типография, 1818–1819. Описание Черногории первоначально было опубликовано отдельно: Описание Черногории // Сын Отечества. 1818. Ч. 46. № 28. С. 50–59, и было во многом произведением Семена Ивановича Мазаровича, уроженца Боки Которской и выпускника одного из итальянских университетов, который в 1807 году поступил на российскую дипломатическую службу, а также российских морских офицеров П.В. Коробки и П.И. Панафидина, с добавлениями впечатлений самого Броневского. См.: Достян И.С. Русская общественная мысль. С. 155–157. Броневский оспаривал честь быть первым российским автором, опубликовавшим описание Черногории, с П.П. Свиным. См.: Свиный П.П. Воспоминания о плавании российского флота под командою вице-адмирала Сенявина в водах Средиземного моря // Сын Отечества. 1816. Ч. 34. № 47. С. 48–53. См. также: Свиный П.П. Воспоминания на флоте. Свиный использовал тексты тех же авторов, что и Броневский, однако без их на то разрешения.

² Описание Черногории // Сын отечества. 1818. Ч. 46. № 29. С. 117–124.

³ Там же. № 31. С. 205–211.

⁴ Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории // Собрание сочинений Е.П. Ковалевского. СПб.: Глазунов, 1871–1872. Т. 4. С. 4–157 (написано в 1841 году); Попов Н.А. Путешествие в Черногорию. СПб.: Прац, 1847. См.: Черногория и ее жители // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1849. № 323. С. 275–288.

у местного населения в связи с частыми появлениями и столь же частыми отступлениями российской армии. Так, А.Г. Краснокутский упоминает в своем дневнике секретной дипломатической миссии во время войны 1806–1812 годов болгарского крестьянина, который с радостью целовал серебряные рубли с изображением Екатерины II в знак признательности за ее намерение освободить их от жестокого османского ига¹. На обратном пути болгарские крестьяне выходили из своих деревень навстречу российскому представителю и «почти на руках несли» его². Такие сцены свидетельствовали о том, что местное славянское население рассматривало россиян как предвестников грядущего освобождения.

С начала XIX столетия российское восприятие южных славян концентрировалось на их страдании от турецкого ига и борьбе с ним. А.И. Тургенев и А.С. Кайсаров, посетившие австрийско-османскую границу и Белград в 1804 году, были, пожалуй, первыми российскими путешественниками, оставившими трогательное описание бед сербского населения в Османской империи. Как русский, «которого и порода, и религия с [сербам] соединяют», Тургенев не мог «видеть их состояния без внутреннего негодования» и предупреждал своих читателей, что «если помедлят подать им руку помощи, то скоро и следов сербских в Турции не останется»³. Последовавшее вскоре за этим Первое сербское восстание 1804–1813 годов описывалось в российской периодической печати преимущественно как история героической борьбы. Сербский предводитель Георгий Петрович (Карагеоргий) являлся российским читателям 1810-х и 1820-х годов в качестве благородного дикаря и романтического борца за свободу, проявлявшего беспрецедентное мужество и храбрость⁴. Это сочетание героизма и жертвенности объясняет

¹ *Краснокутский А.Г. Дневные записки поездки в Константинополь. С. 5.*

² Там же. С. 99.

³ *Истрин В.М. Путешествия А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. Петроград: Академия наук, 1915. С. 55. См. также: Никулина М.В. Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.) // Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки Тартуского университета. 1981. № 573. С. 43–61.*

⁴ Некоторые из этих текстов были заимствованы из западных периодических изданий. См.: Георгий Петрович Черный, предводитель сербов // *Вестник Европы*. 1808. Ч. 42. № 23–24. С. 164–167; Георг Петрович Черный (Краткая биография) // *Вестник Европы*. 1817. Ч. 95. № 20. С. 287–298. Другие описания были составлены теми российскими дипломатами, которым довелось повстречать сербского предводителя: *Бантыш-Каменский Д.М. Путешествие в Молдавию, Валахию*

особенно сильную симпатию, которую образованные россияне испытывали к сербам.

Греческий кризис 1820-х годов играл особенно важную роль в открытии россиянами южных славян. Образованные подданные царя не могли не обратить внимания на равнодушие, с которым другие народы Балканского полуострова встретили восстание греков. Попытка понять, почему так произошло, заставила секретаря российской миссии в Константинополе С.И. Тургенева критиковать лидера Этерии Александра Ипсиланти за недостаток подготовки и знания местной ситуации. Тургенев также порицал Ипсиланти за склонность ставить греков выше всех остальных и охарактеризовал попытку лидера повстанцев восстановить греческую империю как «бесполезную и вредную»¹. В то время как Тургенев приписывал поражение Этерии ошибкам руководителей восстания, его коллега в российском консульстве в Бухаресте А.М. Спиридов писал про «общее, неизменное предубеждение всех славянских племен, обитающих в Турции, против Греков» и связывал с ним неудачу всебалканского восстания 1821 года².

По мнению Спиридова, это предубеждение имело глубокие исторические корни и в конечном счете объяснялось моральной испорченностью греков, в результате чего «коварные царедворцы, нравов развратных» пришли на смену античным «сынам славы». По словам Спиридова, византийцы «с завистью смотрели на племена свободные, непокорные их властолюбию», которые защищали их от «варваров»³. В конце концов греки разоружили своих славянских защитников и поработили их, однако очень скоро сами попали под господство чужестранцев. После османского завоевания Константинополя «лесть и унижение открыли грекам вход к обладателям своим». Для того чтобы улучшить свое положение, они «старались обращать внимание и месть Османлиев на простодушные и воинственные племена Славян-

---

и Сербию. С. 120–129; *Свиньин П.П.* Письмо к брату из Хотина // *Сын Отечества*. 1816. Ч. 31. № 30. С.141–150.

¹ Об оценке Тургеньевым этеристского восстания см.: *Barratt G.P.* Notices sur l'insurrection des Grecs contre l'Empire Ottoman. A Russian View of the Greek War of Independence // *Balkan Studies*. 1973. No. 14. P. 78–79.

² *Спиридов А.М.* Краткое обозрение народов Славянского племени в европейской части Турецкой империи // *Северный Архив*. 1825. № 14. С. 86. Спиридов лучше, чем кто-либо другой, мог судить о событиях 1821 года, поскольку в 1817–1821 годах он служил в российском консульстве в Бухаресте, а затем провел еще два года в Сибиу в Трансильвании, куда переместилось консульство после начала восстания в княжествах.

³ Там же. С. 87–88.

ские... В продолжение веков и доныне, Греки, потеряв самобытность свою, старались властвовать на земле предков остроумием и проникательностью. Чтобы вернее успевать в своем намерении, они удалили лучи просвещения от народов славянских»¹.

Статья Спиридова важна тем, что в попытке объяснить неудачу Этерии поднять на борьбу с Османами всех балканских христиан, она указывала на существование важных конфликтов и противоречий между различными этническими группами православных подданных султана. Иллюстрируя амбивалентное отношение россиян к грекам, работа Спиридова была также одной из первых российских формулировок идеи славянского единства, которая основывалась на представлении о славном прошлом славян и объясняла их нынешние беды османским и греческим угнетением. В своей статье Спиридов изобразил мифическую историю борьбы между силами зла и добра, которые воплощали соответственно греки и славяне.

Анализ Спиридовым греко-славянских отношений совпадал с идеями наиболее значимого из современных ему представителей сербской мысли Вука Караджича, находившегося в переписке с российскими учеными-славистами. В своем описании Сербии, опубликованном в «Вестнике Европы», Караджич обвинял греческое духовенство, захватившее во второй половине XVIII столетия все ключевые позиции в сербской церковной иерархии, в приведении сербских священников в такое состояние, что «теперь трудно найти священника, которой бы умел хорошо читать по книге». Для Караджича греки были «происхождением своим и языком чужие нам и принадлежат к народу, которой никогда не был (и никогда, кажется, быть не может) истинно дружественным к Сербскому племени». Подобно господарям-фанариотам в Молдавии и Валахии, греческие епископы были по сути откупщиками, получавшими свои посты на год и озабоченными лишь тем, чтобы вернуть с лихвой затраченные ими деньги. При назначении приходских священников греков интересовала прежде всего способность кандидата заплатить за свое назначение, а не его способность исправлять обязанности священника. Наконец, согласно Караджичу, греческие иерархи сами редко обладали хорошим образованием, будучи, как правило, «они сами большею частию люди простые, неблагонравные, иногда

¹ Спиридов А.М. Краткое обозрение народов Славянского племени в европейской части Турецкой империи. С. 88–89. См. также: Липранди И.П. Описание пространства. С. 94–95.

разорившиеся торговцы, иногда монахи, от имени какого-нибудь монастыря напросившие денег»¹.

Несмотря на негативную роль греческих иерархов, сербы не обратились в ислам, не поддались соблазну католицизма и остались верны православию. Согласно А.Г. Розальону-Сошальскому, который составил подробное описание Сербии после русско-турецкой войны 1828–1829 годов, эта верность объяснялась эмиграцией сербской знати после османского завоевания². В подтверждение своего тезиса автор обращал внимание на несчастную роль, которую сыграла в истории южных славян более укорененная знать Боснии и Герцеговины. Боснийские и герцеговинские феодалы обратились в ислам для того, чтобы сохранить свои земли и титулы, что вызвало массовое вероотступничество и в конце концов сделало славян-мусульман более многочисленными, чем славян-православных в этих двух областях³. Напротив, отсутствие знати в османской Сербии лишало ислам важного канала влияния на широкие массы населения, что позволило последнему сохранить православную веру, несмотря на убогость местной церковной иерархии.

В то же время православная система координат сосуществовала в составленном Розальоном-Сошальским описании сербов с исключительно светскими категориями. Сохранившая свою значимость культурная идиома классицизма, в сочетании с постепенным разочарованием в греках, побудила Розальона-Сошальского видеть в южных славянах истинное воплощение классических добродетелей. На основании биографий представителей сербской родовой знати российский автор делал вывод, что простые сербы имели много общего с греками времен троянской войны⁴. В то время как греки утратили свои классические добродетели, сербы сохранили свой традиционный образ жизни и свою приверженность православию. Российский офицер отмечал, что войны между Османами и Габсбургами часто велись в серб-

¹ [Караджич В.] Описание сербского народа // Вестник Европы. 1827. Ч. 156. № 18. С. 137–138.

² В мае 1830 года российский главнокомандующий И.И. Дибич послал Розальона-Сошальского и еще нескольких российских офицеров в Сербию с задачей составить военно-топографическое описание сербской территории и в особенности шести пограничных районов, которые Порты должна была передать под сербский контроль, согласно условиям Адрианопольского мира 1829 года. Об этой миссии см.: РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 16. Т. 1. Д. 1028. Л. 6 и далее.

³ Розальон-Сошальский А.Г. Статистическое описание Сербии до Адрианопольского мира // РГВИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об.

⁴ Там же. Л. 36 об.

ских землях, препятствуя развитию у местных жителей той рабской покорности, с помощью которой пленник добивается снисхождения и мира от своего господина¹. Хотя войны лишили сербов желания совершенствоваться в земледелии, в котором они уступали болгарам и грекам, они позволили им сохранить воинственный дух и придали стране дикий вид, который она сохраняет и теперь². Розальон-Сошальский находил, что сербы горных областей во многих отношениях были близки к природному состоянию человечества, и утверждал, что они еще сохраняют свежесть ума, которая зачастую утрачивается с выходом из этого состояния³.

В глазах россиян сербы могли быть одновременно доблестными героями, благородными дикарями и истинно православными людьми. Это почти невозможное сочетание религиозных, классицистских и руссоистских черт объясняет, почему в первые три десятилетия XIX века сербы практически монополизировали внимание тех образованных россиян, которые интересовались православным славянским населением Османской империи. В сравнении с преходящим увлечением греками интерес читающей российской публики к сербам оказался более устойчивым и сохранялся вплоть до революции 1917 года. В то же время этот интерес совершенно не совпадал с внешнеполитическими целями российского правительства, как это было в случае с ранним эллинофильством и «Греческим проектом» Екатерины II. Также стоит отметить, что этот интерес появился слишком поздно, с точки зрения самих сербов. Православная система координат, а позднее и «греческий миф» помешали российскому «открытию» сербов в XVIII столетии, то есть тогда, когда последние нуждались в России и как в политической силе, и как в источнике культуры и просвещения так, как никогда впоследствии⁴. Характерным для этой упущенной исторической возможности был запрет Екатерины II на публикацию последующих томов «Истории разных славянских народов» Йована Раича, написанной на словено-русском языке в соответствии с практикой южнославянских ученых XVIII столетия⁵. Начиная с 1820-х годов создание сербского литературного языка Вуком Караджичем положило конец представлению

¹ Розальон-Сошальский А.Г. Статистическое описание Сербии до Адрианопольского мира. Л. 38.

² Там же. Л. 38 об.

³ Там же. Л. 60 об.

⁴ См.: Лециловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII в. С. 131–171.

⁵ Пытин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. СПб.: Стасюлевич, 1879. Т. 1. С. 204.

о том, что русский и сербский являются диалектами одного языка, что в свою очередь усложняло осуществление проектов «Славяно-сербского царства» под российским протекторатом¹.

Прочие славяне, в особенности болгары, никогда полностью не исчезали с горизонта российской общественности, однако они оставались в тени греков и сербов вплоть до четвертого десятилетия XIX столетия². Хотя войны 1768–1874 и 1806–1812 годов включали военные действия на южном берегу Дуная, ни одна из этих войн не способствовала восприятию болгар вершителями «Восточной политики» России в качестве политического субъекта, способного к автономному или даже независимому существованию, подобно грекам или сербам. Так, Болгария оказалась включена в предполагаемое «Сербское королевство» в плане политического обустройства Балканского полуострова, который представил бывший министр иностранных дел Александра I, а ныне президент Греции Иоанн Каподистрия по просьбе российского правительства в марте 1828 года, накануне русско-турецкой войны в ходе которой российские войска впервые перешли Балканы³. Болгария также не фигурировала в качестве отдельного политического образования в меморандуме, представленном российским представителем в Греции графом М.Н. Булгари «Секретному комитету по Восточному вопросу», созданному Николаем I 4 сентября 1829 года с целью определить дальнейшую политику России по отношению к Османской империи. Вместо этого Булгари предлагал объединить Молдавию и Валахию в единое государство под российским протекторатом⁴.

В то же время война 1828–1829 годов отличалась от предыдущих, поскольку на этот раз российские войска впервые перешли Балканы и заняли Адрианополь. Российские офицеры, проявлявшие панславистские

---

¹ Об утрате российского влияния в Сербии в 1830-е и 1840-е годы см.: Кудрявцева Е.П. Россия и Сербия в 30–40-х годах XIX века. М.: Институт российской истории РАН, 2002.

² О ранних контактах между российским командованием и представителями болгарского духовенства и в особенности о деятельности Софония Врачанского см.: Казаков Н.И. Из истории русско-болгарских связей в период войны России с Турцией в 1806–1812 гг. // Вопросы истории. 1955. № 5. С. 42–45; Конобеев В.Д. Русско-болгарские отношения в 1806–1812 // Из истории русско-болгарских отношений. С. 219–255.

³ Иоанн Каподистрия — К.В. Нессельроде, 19 марта 1828 года, цит. по: Достян И.С. Россия и Балканский вопрос. С. 297–299.

⁴ Записка М.Н. Булгари, представленная Особому комитету по восточным делам // Внешняя политика России в XIX — начале XX вв. / Ред. А.Л. Нарочницкий и др. М.: Международные отношения, 1995. Т. 16. С. 294–301.

настроения, такие как будущий славянофил А.С. Хомяков, не могли не заметить преобладающего болгарского населения на занятых российской армией территориях. Сратник Хомякова А.Н. Муравьев, вскоре ставший известным религиозным писателем, отмечал в 1829 году, что «племя болгарское... не утратило подобно грекам, своей первобытной свежести». По мнению российского автора, османское господство обрушилось на болгар, как и на сербов, «не в истощении дряхлой старости, но в полном цвете молодости». Тяжелое иго, которое султаны-завоеватели установили над болгарями, было «как некий чудный сон, от которого пробуждаются, не чувствуя полета столетий»¹.

Война 1828–1829 годов также сделала возможным ученое путешествие Юрия Ивановича Венелина, помогшее образованным россиянам открыть для себя болгар². Закарпатский русин, известный своими связями с панславистским историком и публицистом М.И. Погодиным и московскими славянофилами, Венелин впервые встретил болгар в Бессарабии, где он провел несколько лет, прежде чем поступить в Московский университет³. Эта встреча превратила его в самопровозглашенного болгарского интеллигента, который до конца своей короткой жизни преследовал цель поместить болгар в центр формирующегося панславистского исторического нарратива⁴. Венелин выступал против Августа Шлецера, Н.М. Карамзина, Юлиуса Клапрота и Павла Шафарика, которые утверждали, что болгары были народом тюркского или финно-угорского происхождения, и соглашался с А.И. Лызловым, В.Н. Татищевым и Йованом Раичем, которые считали болгар славянами⁵.

Лингвистические и исторические исследования Венелина имели серьезное значение для российского восприятия османских славян. Венелин выступал против фокусирования исключительно на сербах

¹ *Муравьев А.Н.* Путешествие по Святым Местам. Т. 1. С. 13–14.

² О российском восприятии болгар см.: *Калиганов И.И.* Болгары глазами русских в XIX столетии // *Славянский мир в глазах России: Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе* / Ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 107–137.

³ О Венелине см.: *Clarke J.F.* *Venelin and the Bulgarian Origins* // *The Pen and the Sword: Studies in Bulgarian History* by James F. Clarke / Ed. D. Hupchick. Boulder, CO: East European Monographs, 1988. P. 132–150; *Смолянинова М.Г.* Юрий Венелин и Болгария // *Славянский мир в глазах России*. С. 88–106.

⁴ *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние Болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношениях к Россиянам. В 2 т. М.: Университетская типография, 1829–1841.

⁵ *Мыльников А.С.* Картина Славянского мира. Взгляд из Восточной Европы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 104–105.

или черногорцах, утверждая, что те, кто сопротивлялся османскому правлению, не обязательно несли на своих плечах наибольший груз последнего. В дневнике своего путешествия в Болгарию, все еще занятую российскими войсками в 1830 году, Венелин утверждал, что «турецкое господство и существование в Европе более всех своих подданных и почти исключительно опирается на болгар», не защищенных географией и заступничеством других держав¹. По его словам, «молдаване и волохи были всегда полусвободными; сербы, прежде будучи менее смешаны с турками, менее терпели нахальств; сверх сего гористая их страна, более способная к защите, служила для них некоторым щитом; ныне, слава единому, и они дышат свободнее и легче под щитом народного правления и русской эгиды»².

Абсолютная зависимость болгар от османов могла бы быть смягчена дееспособной церковной иерархией, однако последняя, по словам Венелина, была «в плачевном состоянии» в результате греческих интриг³. После того как османское завоевание Константинополя привело греческую и болгарскую патриархии под единую юрисдикцию, греки «довели до того, что Болгарские иерархи унижены на степень Экзархов и подчинены Царьградскому Архипастырю, и так отворен путь их монахам на болгарские кафедры». Как следствие, епископства Македонии и Румелии были болгарскими по языку и этничности большинства местного населения, но греческими по составу местной церковной иерархии⁴. Венелин сокрушался по поводу недостатка школ для подготовки священников, в результате чего белое духовенство было столь же невежественным, сколь и миряне. В сочетании с османским запретом ремонтировать церкви и строить новые недостаток обученных священников делал болгар уязвимыми для соблазнов исламизма и униатской

¹ О путевых записках Ю.И. Венелина // Записки отдела рукописей. Вып. 51. М.: Российская государственная библиотека, 2000. С. 217. О путешествии Венелина см.: Бессонов П.А. Некоторые черты путешествия Ю.И. Венелина в Болгарию. М.: Степанов, 1857; Никулина М.В. Путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю.И. Венелин в болгарском возрождении / Ред. Г.К. Венедиктов. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 122–147.

² О путевых записках Ю.И. Венелина. С. 217.

³ Венелин Ю.И. Древние и нынешние Болгаре. С. 14. О православной церкви в Болгарии в османский период см.: Hopkins J.L. The Bulgarian Orthodox Church. A Socio-Historical Analysis of the Evolving Relationship between Church Nation and State in Bulgaria. Boulder, Colo.: East European Monographs, 2009. P. 47–82.

⁴ Венелин Ю.И. Древние и нынешние Болгаре. С. 12.

пропаганды, хотя последняя, по оценке Венелина, имела среди болгар меньше успеха, чем среди сербов, греков и армян¹.

Спустя пятнадцать лет после путешествия Венелина в Болгарию другой важный ученый-славист В.И. Григорович подтвердил его критический анализ греко-болгарских отношений и состояния просвещения у болгар. На Афоне Григоровича шокировало обращение греческих монахов со славянскими рукописями. В то же время российский ученый сокрушался безразличием самих славян, которые из мелкого желания сойти за представителей высшего класса проявляли «приверженность к грецизму»². За несколькими исключениями, такими как Рылский монастырь, в образовательной программе приходских школ и гимназий, основанных в болгарских городах, преобладала греческая риторика, в ущерб практическому знанию, которое, по мнению Григоровича, более соответствовало характеру болгар³. Российский ученый отмечал несколько случаев сожжения или сокрытия греками славянских рукописей, а также унижительного обращения с ним самим со стороны греческих иерархов в тех городах османской Болгарии, которые ему довелось посетить. Рассматривая болгар как несправедливо забытый народ, Григорович с возмущением писал про «византийское высокомерие, не принимающее достоинство человека иначе как под условием грека», которое продолжало «сеять между христианами самы нечеловеколюбивые понятия»⁴.

В то время как российские описания черногорцев и сербов, опубликованные в начале XVIII столетия, подчеркивали их героизм и храбрость, описания болгар, появившиеся позднее, представляли их прежде всего в качестве жертв. В начале 1820-х годов чиновник российского консульства в Бухаресте И.П. Яковенко писал, что болгары томились «в деспотической зависимости от пашей и аянов... в величайшей бедности, рабстве и унижении» ввиду отсутствия у них храбрых и способных предводителей, подобных Милошу Обреновичу и его

¹ Венелин Ю.И. Древние и нынешние Болгаре. С. 14–15.

² Григорович В.И. Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань: Императорский университет, 1915. С. 128.

³ Там же. С. 209. Инок Парфений (Петр Агеев), путешествовавший через болгарские земли на Афон за несколько лет до Григоровича, подтверждал наблюдения последнего и отмечал, что греческие иерархи «не позволяют болгарам по-славянски ни петь, ни читать, ни детей учить». Согласно Парфению, болгары «не только отягчены от тяжкого ига турецкого, но и от греков страдают не много меньше». См.: Парфений. Сказание о странствовании и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. М.: Семен, 1855. Т. 2. С. 51.

⁴ Григорович В.И. Донесения. С. 210.

депутатам в Константинополе¹. Известный российский путешественник Е.П. Ковалевский, посетивший Болгарию в 1840-е годы, отмечал, что из всех подвластных Османам христианских народов болгары «покорнее всего несут свое иго не смотря на то что они терпят более всех»². Образ одинокого болгарского пастуха с «грустн[ой] апати[ей] во всех чертах его лица, во всех движениях», набросанный Ковалевским, мог послужить преамбулой для душераздирающей истории османского угнетения православных славян, которая всегда вызывала сочувствие образованных россиян в эпоху растущей популярности панславистских идей³.

Некоторые российские наблюдатели объясняли особенность болгар среди славянских народов Османской империи историческими изменениями, которые этот народ претерпел на протяжении столетий. Выше было уже отмечено противопоставление российскими авторами «древних» и «новых» греков. Сходным образом обозрение Османской империи, опубликованное в начале Крымской войны, противопоставляло воинственных героев ранней истории болгар их потомкам, которые «смягченные жизнью земледельческою... сделались ныне трудолюбивы, мирны и гостеприимны»⁴. Другое описание указывало на обращение в христианство как фактор превращения болгар из «грубых и жестоких варваров» времен Юстиниана, в людей, отличающихся «промышленностью, кротостью в отношении друг друга, услужливостью и гостеприимством к чужеземцам»⁵. Таким образом, сравнение прежнего и нынешнего характера болгар не всегда было невыгодным для современных болгар, как при сравнении древних и новых греков. Тем не менее сам факт этого сравнения отличал российские описания болгар от репрезентации сербов и черногорцев, в которых россияне видели воплощение древних доблестей.

Проведение различий между «древними» и «новыми» не было единственной общей чертой российских репрезентаций греков и болгар. Другое сходство заключалось в выявлении различных свойств отдельных подгрупп двух народов в зависимости от их рода занятий, географического положения и влияния соседних народов. Так, Ковалевский отмечал храбрость и любовь к отечеству, свойственные

¹ Яковенко И.П. Молдавия и Валахия с 1820 по 1829 г. СПб.: Греч, 1834. С. 128.

² Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и по морям. С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Европейская Турция в ее нынешнем состоянии. М.: Эрнст, 1854. С. 121.

⁵ Константинополь и турки. Т. 1. С. 154.

грекам горных областей, как и сербам и черногорцам. В то же время российский путешественник характеризовал румилийских греков-арендаторов как «самый злой бич народа», не забывая отметить их способность к «коварству, к интриге самой утонченной»¹. Согласно Ковалевскому, к югу от Балканских гор, где «преобладает греческое начало», и местное болгарское население было «бойкое, хитрое, празднo-любивое, характера вкрадчивого, ласкающегося к тому, кто гнетет его, любящего страстно деньги, и все удовольствия». Напротив, болгарское население, жившее к северу от Балкан, было «трудолюбивое, постоянное в вере и в правилах, честное и неповоротливое в движениях, как и в своих начинаниях, искушенное горьким опытом продолжительных страданий и потому терпеливое»². Моральные качества, которые Ковалевский приписывал северным болгарам, в наибольшей степени соответствовали роли жертвы, которая характеризовала российское восприятие болгарского народа в целом.

Интерес россиян к болгарам, впервые проявившийся в конце 1820-х годов, полностью развился в 1850-е³. Как и в случае с российским «открытием» греков и сербов, «открытие» болгар было продуктом особого идейного контекста. К середине XIX столетия в России сформировалась существенная болгарская община, представители которой стремились привлечь внимание образованных россиян к положению своих соотечественников в Османской империи⁴. Обстоятельства, сопутствовавшие началу Крымской войны, весьма им в этом поспособствовали. Нейтральная позиция, занятая сербским руководством и греческим королевством в 1853 году, составляла разительный контраст с героическими подвигами Карагеоргия в 1800-е годы и с отчаянной борьбой греков в 1820-е⁵. Наряду с кратковременным присутствием российских войск на правом берегу Дуная в 1854 году, это позволило

¹ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и по морям. С. 54.

² Там же. С. 53.

³ Этому также способствовал роман Тургенева «Накануне» (1860).

⁴ В 1840 году генерал-губернатор Новороссии М.С. Воронцов убедил Николая I выделить финансирование на обучение болгарских детей в России, после чего несколько молодых болгар поступили в Херсонскую семинарию в Одессе. См.: *Песчаный Д.Г.* Русско-болгарские культурные связи в 30–40-х годах XIX века // Из истории русско-болгарских отношений. С. 148–149. О болгарском восприятии России в этот период см.: *Petrovich M.* The Russian Image in the Renaissance Bulgaria, 1760–1878 // *East European Quarterly*. 1967. Vol. 1. No. 2. P. 87–105.

⁵ Об обстоятельствах, способствовавших тому, что сербское руководство решило сохранять нейтралитет в 1853 году, см.: *Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия. С. 168–172.

болгарам впервые появиться в центре внимания россиян. На какое-то время они стали первой этнической группой, которая приходила на ум представителям российской общественности, когда они говорили о православных подданных султана.

Наиболее значительная публикация о болгарх периода Крымской войны — «Письма из Болгарии» (1854) Найдена Герова — возвращалась к уже знакомой теме османского и фанариотского угнетения. Согласно Герову, недавние османские реформы едва ли ослабили вековое угнетение. Отмена смертной казни и принцип равноправия мусульман и христиан, провозглашенные хатт-и шерифом Гюльхане в 1839 году, были, по мнению автора, юридическими фикциями. То же относилось и к созданным незадолго перед войной советам местного самоуправления, в которых функции христианских представителей сводились к подаче курительных трубок мусульманским советникам¹. Благонамеренные указы центрального правительства оставались мертвой буквой, над которой надсмехались и которую игнорировали местные османские власти и мусульманское население². Даже церковная иерархия была частью мусульманской системы угнетения, что было несколько тревожно с православной точки зрения. Согласно Герову, церковные иерархи оставались «чуждые народу» и фактически действовали как «турецкие согладатаи»³. Автор не упоминал греков, но осведомленный российский читатель к этому времени и сам был способен догадаться, о ком идет речь.

Судьба болгар занимала Герова и его российских читателей не только в связи с «мусульманским игом», угнетавшим их, но и в связи с «соблазном» католической унии, которая все больше угрожала их православия⁴. Автор порицал деятельность французских и британских эmissаров, стремившихся «отдалить [болгар] от единовѣрных братьев». При этом Геров спешил заверить своих российских читателей, что попытки французов и британцев очернить Россию в глазах его соотечественников были обречены на неудачу из-за сильной привязанности болгар к православия⁵. В целом обсуждение католического и протестантского прозелитизма среди православных подданных Порты

¹ [Герова Н.] Письма из Болгарии // Москвитянин. 1854. № 8. С. 96.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 111.

⁴ О привязанности болгар к православия см.: Муравьев А.Н. Путешествие по Святым Мѣстам. Т. 1. С. 9–10.

⁵ [Герова Н.] Письма из Болгарии. С. 114–115. Католическая и протестантская пропаганда были предметом озабоченности Московского славянского

накануне и во время Крымской войны свидетельствовало о том, что россияне все чаще рассматривали западное влияние на своих единоверцев как большую проблему, чем сохраняющаяся власть султана над ними¹. В этом смысле Крымская война была неким водоразделом, за которым российское восприятие славянских подданных Порты определялось не столько российско-османскими отношениями, сколько отношениями России и «Европы».

Румыны

При мысли о географическом положении румын чиновник дипломатической канцелярии российской дунайской армии в 1828–1829 годах Ф.П. Фонтон не мог не сожалеть о том, что «эти восемь миллионов чуждого славянам племени, поселились здесь на прелестных скатах Карпатских гор, составляя как будто клин между Славянскими племенами и препятствуя их объединению». Если бы на месте румын были сербы или болгары, писал Фонтон своему адресату, «как просто тогда решался бы Восточный, или, если ты лучше хочешь, Славянский вопрос»². Войдя в сослагательное наклонение, молодой дипломат уже не мог из него выйти:

Если Петр Великий, во время своего похода вместо изменника Бранкована и равнодушного и к унижениям привыкшего народа нашел бы здесь плотных и честных Булгар или доблестных Сербов, исход был бы другой. Тогда точка тяжести нашей русской политики перенеслась бы на юг. Тогда, может быть, не эксцентрический, холодный и гранитный Петербург, но великолепный Киев сделался бы вторым столичным городом нашего государства!³

благотворительного комитета после Крымской войны. См.: *Hopkins J.L. The Bulgarian Orthodox Church*. P. 95–99.

¹ Шевырев С.П. Антиохийская церковь. СПб.: Министерство внутренних дел, 1850; Березин И.Н. Православная и другие христианские церкви в Турции. СПб.: Штаб отдельного корпуса внутренней стражи, 1855; О Православном Востоке. Три записки, составленные в 1848 г. // Русский архив. 1878. № 1–4. С. 111–124.

² Фонтон Ф.П. Воспоминания. Т. 1. С. 37.

³ Там же. С. 38. Константин Брыновяну был господарем Валахии, который во время Прутского похода не пришел на помощь Петру Первому, несмотря на секретное соглашение между ними. Решение Брыновяну остаться верным Османам объяснялось его соперничеством с молдавским господарем Дмитрием

Этот отрывок был частью «Юмористических, политических и военных писем», адресованных другу из штаб-квартиры российской армии, сражавшейся с османами на Дунае в 1828–1829 годах. Легкий и даже насмешливый тон этих писем молодого дипломата свидетельствует о том, что автор не принимал всерьез своих собственных наблюдений о роковой роли румын в истории России. Тем не менее они представляют собой одно из первых свидетельств «открытия» россиянами румын как неславянского народа, занимавшего особое место в ансамбле межнациональных отношений внутри православной общины Османской империи.

В силу своего географического положения вассальные османские княжества Молдавия и Валахия поддерживали гораздо более прямые и тесные контакты с Московским государством, а позже с Российской империей, чем южные славяне. Все русско-турецкие войны, начиная с Прутского похода 1711 года, приводили к занятию Молдавии или обоих княжеств российскими войсками. Первое русскоязычное описание двух княжеств появилось только в конце XVIII столетия и основывалось скорее на западноевропейских источниках, чем на прямых наблюдениях¹. Авторы первых российских описаний княжеств, составленных очевидцами в 1790-е и 1800-е годы, соглашались с работами западноевропейских авторов, которые отмечали сказочное плодородие Молдавии и Валахии, но сожалели об их недонаселенности, невозделанности земель, а также нищете и невежестве населения, томившегося под османским и фанариотским игом².

Кантемиром, медленностью продвижения российской армии, а также более скорой, чем ожидалось, мобилизацией османской армии.

¹ См.: Фишер И.О. О происхождении молдавцев, о их языке, знатнейших приключениях, вере, нравах и поведении // Месяцеслов, на лето от Рождества Христова 1770. СПб.: Академия наук, 1769. С. 31–76. Фишер использовал «Описание Молдавии» Дмитрия Кантемира, написанное в 1716 году по просьбе Берлинской академии наук. Книга Кантемира была переведена на русский и опубликована в 1789 году под названием «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии». Двумя годами позже был опубликован русский перевод книги Ф.В. Баура о Валахии. См.: Баур Ф.В. Записки повествовательные, землеописательные и политические о княжестве Волоцком. СПб.: Вильковский, 1791. Ориг. фр. изд.: Baur F.W. Mémoires historiques et géographiques sur la Valachie. Frankfurt et Leipzig: Broenner, 1778. То обстоятельство, что русские переводы этих работ публиковались с существенной задержкой, свидетельствует о том, что периодическое занятие российскими войсками дунайских княжеств способствовало ознакомлению с ними прежде всего западноевропейской публики.

² Раан Л.М. Перечень из собственного журнала; [Малиновский В.Ф.] Записки о Молдавии // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. № 2. С. 417–425; № 3. С. 213–229; № 6. С. 33–39; № 7. С. 56–71; № 8. С. 90–123.

Восприятие княжеств как жертв фанариотской алчности осложнялось наличием молдавского и валашского боярства, которое пережило османское завоевание, в отличие от болгарской и сербской знати к югу от Дуная. Османских правителей и их греческих прислужников можно было обвинить в жалком состоянии Сербии и Болгарии, однако сохранение автохтонной аристократии в княжествах ставило вопрос о ее доли ответственности в страданиях местного населения. Примечательной в этом смысле была попытка оправдать господрей фанариотов, предпринятая в 1810 году А.Ф. Негри, греческим эмигрантом, прибывшим в Россию в свите валашского господаря Константина Ипсиланти. В своем ответе на цитировавшуюся выше статью Константина Кантакузина «Картина Валахии» Негри утверждал, что фанариоты, основавшие княжеские академии в Бухаресте и Яссах, принесли в Молдавию и Валахию ту малую толику просвещения, которое там можно было ныне найти. В отсутствие местных законов, кодификация которых затруднялась несовершенством румынского языка, господари-фанариоты ввели византийские судебники и способствовали развитию ремесел и печатного дела¹. По мнению Негри, несчастья Валахии объяснялись алчностью местных бояр, а также изначальным невежеством, леностью и трусливостью населения. Легендарная жадность характеризовала, по мнению Негри, не фанариотских князей, а членов временных правлений, состоявших из местных бояр, которые назначались после смещения очередного господаря и перед назначением нового и которые «не упускали пользоваться случаем для разграбления своего несчастного отечества». Согласно Негри, эта жадность объясняла, почему «волохи не имеют ни патриотической ревности, ни сожаления к своим соотечам» и почему они не пытались воспользоваться войной между Россией и Османской империей и восстать «против утеснителей свободы своей, против общих врагов Христианства»².

Хотя попытка Негри реабилитировать фанариотов в глазах российских читателей потерпела неудачу, его критика валашских бояр перекликалась с российским восприятием элит обоих княжеств

¹ Негри А.Ф. Письмо к издателю Вестника Европы // Вестник Европы. 1812. Ч. № 5. С. 55.

² «Частная польза, занимая дух их, препятствует соединиться в общее благомыслие. Их нимало не трогает разорение их отечества, если удачливы личные их расчеты, ежели могут жить весело и роскошно в огромных их домах, наряжаться в пышные и богатые одежды, гордиться великолепными колесницами, пресыщаться дорогими яствами, как между тем простой несчастный их соотечественник угнетен, пресмыкается в рабстве и гибнет голодом». Там же. С. 56–58.

и в конечном счете способствовала формированию представления о румынах как о народе. Авторы российских описаний Молдавии и Валахии были особенно склонны критиковать злоупотребления высших классов и выражать сочувствие страданиям простого народа. Один российский чиновник, ревизовавший молдавскую администрацию во время российской оккупации княжеств в 1806–1812 годах, так охарактеризовал причину местных бедствий: «Крокодил, нашедший жертву свою, прежде растерзания и поглощения, обливает ее слезами и в то самое время снедает оную; такового рода животным многие здесь уподобляются, которые, сострадая участи разоренного своего отечества, обливаются слезами, жалуются, а между тем сами виновники разорения оного, наполнив мешки свои златом и серебром»¹.

До тех пор пока в Молдавии и Валахии сохранялся фанариотский режим, на греков приходилась значительная часть вины за жалкое состояние обоих княжеств. После того как неудачное восстание этеристов положило конец вековому контролю фанариотов над Молдавией и Валахией, местное боярство стало главным объектом российской критики. Интересную иллюстрацию этого изменения можно найти в описании событий 1820-х годов в Молдавии и Валахии, опубликованном уже упоминавшимся сотрудником российского консульства в Бухаресте И.П. Яковенко. Вопреки недвусмысленному осуждению любого восстания со стороны официальной России, Яковенко находил совершенно истинным страстное осуждение злоупотреблений фанариотов Тудором Владимиреску, лидером антифанариотского восстания в Валахии, вспыхнувшего за несколько недель до вступления этеристов в княжества². Однако первые автохтонные господа, назначенные после падения фанариотов, оказались в неменьшей степени проводниками губительного господства Порты. Яковенко порицал их опору на османские войска, произвольное преследование политических противников и грабительские налоги, вводимые с целью удовлетворить возросшие запросы Порты³. В более общем плане Яковенко критиковал неспособность валахов оказать хотя бы символическое сопротивление османам, что так сильно контрастировало с действиями сербов в 1810-е и в 1820-е годы. В то время как

¹ Цит. по: *Халиппа И.Н.* Описание архива господ Сенаторов, председательствовавших в диванах княжеств Молдавии и Валахии с 1808 по 1813 год // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии / Ред. И.Н. Халиппа. Кишинев: Шлиомович, 1900. Т. 1. С. 340–341.

² *Яковенко И.П.* Молдавия и Валахия. С. 33–38.

³ Там же. С. 105–125.

сербы отказались разоружаться и повиновались только тем приказам, «кои согласны с истинною пользою народа», Валахия, «потеряв из рук оружие, долженствует в сих критических обстоятельствах преклонить выю свою пред Турками с рабской покорностью»¹. Это нелестное для валахов сравнение свидетельствовало об утрате жителями дунайских княжеств военной доблести, которую авторы XVIII столетия все еще находили у них². Здесь можно усмотреть проявление того же противопоставления «древних» и «новых», которое структурировало российское восприятие греков.

Тем временем растущее влияние панславистских идей побудило российских авторов задаться вопросом об отношении молдаван и валахов к славянам. Вопреки упоминаниям их латинских корней в описаниях княжеств, составленных в XVIII столетии, некоторые российские авторы 1820-х годов утверждали, что жители Молдавии и Валахии были славянами³. Согласно Спиридову, язык валахов представлялся ему смесью славянского и «испорченного латинского или итальянского», который даки, которых Спиридов также считал славянами, переняли у римлян. Российский автор рассматривал молдаван и валахов как часть славянской общности племен, о существовании которой свидетельствовали «сходство наречий, ими употребляемых и имеющих один и тот же корень, нравов, обычаев, прозваний людей, названий городов, селений, рек, озер, урочищ, наконец вера ими исповедуемая»⁴.

Спустя несколько лет Венелин соглашался со Спиридовым в том, что молдаване и валахи были славянами. Для того чтобы соединить исторические нарративы южных и восточных славян, Венелин был готов превратить всю историю двух княжеств в историю болгар. Преобладание славянского элемента в Молдавии и Валахии, согласно Венелину, подтверждалось топонимами и использованием церковно-славянского языка представителями высших классов и чиновниками в государственной переписке в средневековый период. По мнению Венелина, лингвистическая и культурная специфика румын была следствием османского завоевания. Для того чтобы прервать естественную взаимосвязь, которая существовала между Московским государством

¹ Там же. С. 126.

² Baur F.W. Mémoires historiques. P. 22.

³ Одним из первых латинское происхождение валахов отмечал Ф.В. Баур. См.: Записки повествовательные. С. 20–21.

⁴ Спиридов А.М. Краткое обозрение народов Славянского племени // Северный Архив. 1825. № 14. С. 93.

и княжествами, Османы установили фанариотский режим, после чего валашский язык вытеснил церковно-славянский в церквях, а болгарская знать подверглась эллинизации¹.

Версия Венелина соответствовала представлению о молдавских и валашских боярах как о коррумпированной и непатриотичной элите. Это представление возникло в первые десятилетия XIX столетия и отражало опыт российских оккупационных властей в Молдавии и Валахии в период войны 1806–1812 годов, а также первый опыт управления Бессарабией. Согласно Спиридову, валашское «дворянство, через столетия привыкшее повиноваться воли фанариотов и от них ожидать милостей и наград, приняло все пороки сих знаменитых хитростью, крамолами, пронырством и любострастием Греков. Оно утратило все добродетели праотцов, забыло о их мужестве и воинственном духе, пренебрегло любовью к отечеству, приверженностью к вере»².

Спиридов отмечал, что растлевающее воздействие фанариотов на славянскую основу молдаван и валахов было неравномерным. Оно в особенности проявлялось в Валахии, где боярские «гордость и чванство равняются только лести и унижению, оказываемыми ими перед мгновенными своими властителями, чтобы получить от них место или должность, способствующую грабить и разорять соотечественников своих». Не ограничиваясь аристократической верхушкой валашского общества, вредное чужестранное влияние затронуло и валашских купцов, которые стремились получить боярские титулы. Согласно Спиридову, их характеризовала «ленность, причиняемая притеснителями [и] трусливость, следствие боязни побоев или денежных взысканий». По мнению российского автора, «какое-то безобразное потворство каждому, скрытая злоба и зависть» отличали даже ремесленников и крестьян³.

Напротив, жители горных регионов Валахии и Олтении (Малой Валахии) вызывали у Спиридова симпатию своим трудолюбием,

¹ Венелин высказывал свои взгляды о значении болгар в истории Молдавии и Валахии в рецензии на описание Дунайских княжеств, опубликованное И.П. Яковенко: Яковенко И.П. Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и российской Бессарабской области. СПб.: Смирдин, 1828. См.: Венелин Ю.И. Замечания на сочинение господина Яковенко о Молдавии и Валахии и проч. (Первое письмо к издателю Московского вестника) // Московский вестник. 1829. № 15. С. 256–278; № 16. С. 373–392; № 17. С. 160–175. Интерпретацию Венелина в свою очередь подверг критике С.В. Руссов в: Отечественные записки. 1828. № 102. С. 90–115.

² Спиридов А.М. Краткое обозрение народов Славянского племени // Северный Архив. 1825. № 15. С. 209.

³ Там же. С. 211–212.

смелостью, честностью и чистотой нравов. Также и простые молдаване, хотя и «не столь имеют природных дарований как Валахи», были тем не менее «смелее, отважнее [и] может быть промышленнее своих соседей». Они также «сохранили более Валахов не только слов и речений, но даже оборотов речи славянских» в своем языке, который, по мнению Спиридова, «происходил от славянского корня», но был испорчен латинскими и итальянскими словами¹. По его мнению, даже представители высших классов Молдавии были более озабочены просвещением и образованием, чем их валашские собратья, а также менее раболепны в отношениях с князьями, менее жадны до синекур, рангов и отличий, а также более уделяли внимания благополучию своей страны.

И Венелин, и Спиридов полагали, что молдаване и валахи были в основе своей славянами и потому разделяли их былую славу и более недавние страдания от османского и греческого угнетения. Однако их представление шло вразрез с теорией латинского происхождения румын, сформулированной рядом представителей униатского духовенства в Габсбургской Трансильвании². В 1810-е и 1820-е годы идеи так называемой «трансильванской школы» становились все более популярными среди представителей автохтонного боярства в княжествах, что в конце концов привело к существенным лингвистическим трансформациям, заключавшимся в подчеркивании латинского субстрата румынского языка за счет многочисленных славянских заимствований. Тем временем в самой России язык и литература княжеств становились предметом академического изучения, которое концентрировалось на деталях и особенностях, а не на широких обобщениях. Так, в 1840 году недавно назначенный профессор румынского языка в Санкт-Петербургском университете Я.Д. Гинкулов в своем «Очерке молдо-валашской грамматики» считал возможным говорить о едином румынском языке и определял его как ветвь латыни по принципу преобладающего словарного субстрата³.

¹ Спиридов А.М. Краткое обозрение народов Славянского племени. С. 231–232.

² Hitchens K. The Idea of Nation: The Romanian of Transylvania, 1691–1848. Bucharest: Editura enciclopedică și științifică, 1985. P. 94–140.

³ Гинкулов Я.Д. Начертание правил Молдовлахийской грамматики. М.: Академия наук, 1840. С. i–iii. Другие работы Гинкулова: Собрание сочинений и переводов в прозе и стихах, для упражнения в валахо-молдавском языке, с присовокуплением словаря и собрания славянских первообразных слов, употребляемых в языке валахо-молдавском. СПб.: Академия наук, 1841; Выводы из влахо-молдавской грамматики. СПб.: [Б.и.], 1847; Карманная книжка русских воинов в походах по княжествам Молдавии и Валахии. В 2 т. СПб.: Академия наук, 1854.

В пику этим лингвистическим доводам некоторые приверженцы теории Венелина признавали, что валашский язык произошел от латыни, но настаивали на том, что его нынешнее преобладание в княжествах было относительно недавним феноменом, вызванным изменениями в системе османского господства. Так, Василь Априлов, крупнейший представитель болгарского возрождения, живший в России, писал в 1840-е годы, что население Валахии первоначально говорило на «болгарском языке» и сохраняло его в первые столетия османского господства вплоть до установления в XVIII веке монополии греков-фанариотов на княжеские престолы дунайских княжеств. По словам Априлова, «сии то Греческие князья, имея свою политику, старались переводить все на Волошский язык» и продолжали использовать кириллический шрифт только потому, что греческие буквы не подходили для валашского языка, а использование латинского алфавита означало движение в сторону Унии¹. С этой точки зрения лингвистическая особенность княжеств была следствием греческой интриги против славянского единства, однако подобная теория не позволяла объяснить масштаб румынского лингвистического возрождения по прошествии нескольких десятилетий после падения фанариотского режима в княжествах, возрождения, которое способствовало увеличению культурной дистанции между румынами и славянами.

Другая слабость российского панславистского восприятия молдаван и валахов состояла в недооценке политического потенциала бояр. В то время как Спиридов, Венелин и другие российские авторы критиковали бояр как лишенный патриотического чувства хищнический класс, молодое поколение бояр формулировало проект современной румынской нации. Конец фанариотского режима и назначение первых автохтонных господарей за более чем сто лет необходимым образом повысили вес и автохтонного боярства². Стремление боярских элит к большей независимости от внешнего, особенно российского, вмешательства заставляло наиболее проницательных российских наблюдателей заключить, что румыны вряд ли когда-либо станут частью славянского единства и, скорее, представляют препятствие для его реализации. Наряду со все более очевидной лингвистической инаковостью

¹ См.: Априлов В. Предисловие // Болгарские грамоты собранные, переведенные на русский язык и объясненные Ваилем Априловым. Одесса: Городская типография, 1845. С. vi–vii.

² Первыми автохтонными господарями были Григоре IV Гика в Валахии и Ион Санду Сурдза в Молдавии. Оба они правили в 1822–1828 годах.

румын, это наблюдение могло вызвать полную переоценку восприятия румын российскими панславистами.

Наиболее характерный пример подобной переоценки можно найти в работах Е.П. Ковалевского. Проезжая через княжества на пути в Черногорию, куда он был направлен с дипломатической миссией, Ковалевский не мог не удивляться, «каким образом этот малочисленный сравнительно народ, окруженный отовсюду славянскими племенами, одной с ними веры, совершавший свое богослужение, свою переписку на одном с ними языке, — нынче так резко отличается от них своим духом, своим нравственным направлением»¹. По мнению Ковалевского, морально-политическое отличие румын от их славянских соседей не было недавним и фактически проявлялось столетиями ранее. Попав вместе с другими балканскими народами под османское иго, румыны разительно отличались от славян, которые всегда бились с врагами. По словам Ковалевского, «это был бой гладиатора, отовсюду ранимого, но ни разу не сраженного гладиатора, который изнеможенный падал, но только для того, чтобы усыпить врага своего уловкой и при первой же возможности опять восставал, если не с прежними силами, то с прежним мужеством». Напротив,

Молдаване и Валахи несли свой жребий покорно, терпеливо, в самом рабстве искали своих личных выгод, и находили. Если они сближались со славянами, то или представляя лицо страдательное, увлеченное необходимостью, или действуя в этом случае интригою, орудием, которое они довели до страшного совершенства, заменившим у них политические сношения, интригою, достойной византийцев и потом греков-фарианотов, и превосходившей в своей утонченности макиавеллиевскую политику итальянских республик. Возбуждая славянские племена против своих общих притеснителей, Ромыны почти всегда предавали их на жертву неприятелей, стараясь тем временем силою обмана, лести, соблазна, подкупа, выторговать или вымолить себе некоторые привилегии, которые конечно всегда относились или к владетельным князьям, или к боярам... и на счет бедного народа, низведенного наконец силою таких привилегий до самой низшей ступени человечества².

¹ [Ковалевский Е.П.] Воспоминания о берегах нижнего Дуная // Библиотека для чтения. 1844. Т. 65. № 7. С. 1. О миссии Ковалевского в Черногорию в 1838 году см.: Анишаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856). М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 222–225.

² [Ковалевский Е.П.] Воспоминания о берегах нижнего Дуная. С. 2.

У Ковалевского все еще можно встретить симпатию к простому народу княжеств, угнетаемому хищническими господами и боярами, и эта симпатия будет сохраняться и далее. Тем не менее автор рассматривает высшие классы как действительных представителей нации, а не как изолированную группу, забывшую свое происхождение и утратившую доблести своих предков. Ковалевский описывает различие национального характера славян и румын в черно-белых категориях, не оставляющих у читателя никаких сомнений: «Славяне ратовали на жизнь и на смерть выходя в поле с открытой грудью, а под кровь союзника, с открытыми сердцем. Ромыны действовали силою своей политики и успех оставался гораздо чаще на стороне последних»¹.

Разумеется, средневековая и раннеמודерная история Молдавии и Валахии включает в себе не меньшее количество примеров упорного сопротивления османскому завоеванию, чем история соседних Сербии и Болгарии. Тем не менее явное искажение прошлого помогало Ковалевскому и другим российским авторам интерпретировать настоящее. Политические и культурные изменения в Молдавии и Валахии в третьем, четвертом и пятом десятилетиях XIX столетия усугубляли отличие румын от славян и оставляли современникам не много сомнений в том, что симпатии румынских элит принадлежали Франции, а не России. Осознавая эти изменения, российские авторы реагировали с раздражением. Однако ирония ситуации заключалась в том, что подобный результат в значительной степени был следствием политики самой России в Дунайских княжествах.

Конец фанариотского режима в Молдавии и Валахии и серия политических реформ, проведенных под эгидой временной российской администрации после русско-турецкой войны 1828–1829 годов, способствовали культурной вестернизации высших слоев румынского общества и развитию румынского национализма². Изменение культурных практик заключалось в постепенном вытеснении восточной одежды европейскими модами и замене греческого на французский в качестве языка политики и высокой культуры³. Любопытную иллю-

¹ Там же.

² См.: Filitti I.C. Principatele Române de la 1828 la 1834. Ocupația rusească și Regulamentul organic. București: Institutul de Arte Grafice "Bucovina", 1934; Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах; Taki V. Between Polizeistaat and Cordon Sanitaire: Epidemics and Police Reform during Russian Occupation of Moldavia and Wallachia, 1828–1834 // Ab Imperio. 2008. No. 4. P. 75–112.

³ См.: Djuvara N. Între Orient și Occident. Țările române la începutul epocii moderne. București, Humanitas, 1995; Eliade P. Influenta franceza asupra spiritului public în

страцию к этому процессу можно найти у А.Н. Демидова в описании бухарестского высшего общества на бульваре, созданном в начале 1830-х годов по указанию главы временной российской администрации П.Д. Киселева: «В одной и той же карете вы увидите женщин, которые в туалете и в кокетстве всячески подражают венским щеголихам, молодых людей одетых по-Европейски, в черный фрак, и какого-нибудь старого боярина с почтенною благородною наружностью, совершенно седою бородою, в монументальной шапке, занесенное сюда Фанариотскими Греками»¹.

То же сочетание восточных черт и прозападных устремлений характеризовало, по мнению российских наблюдателей, и политическое мышление молдавских и валашских элит в середине XIX столетия². Согласно И.П. Липранди, «влияние нравов Фанара было причиною также, что ныне Бояре всех разрядов совершенно отличаются свойством своим от знати всех прочих стран Европы» и, как следствие, «природа их необыкновенно как склонна к умыслам и интригам»³. С другой стороны, Липранди порицал «вредные» или «нелепые» идеи получивших западное образование бояр молодого поколения, которые полагали, что «Валахи, называющие себя Румунами или Румынами, суть истинные потомки древних римлян, и что потому они одного происхождения с Западными Европейцами, к которым и должны всячески приближаться во всем, начиная с языка, до образа мыслей, нравов, правительственного устройства и даже самой религии». Ли-

---

România. Originile: studiu asupra stării societății românești în vremea domniilor fanariote. Translated from French by Aurelia Dumitrescu. București: Humanitas, 2000 [1898]; Idem. La Roumanie au XIX-e siècle. Vol. 2. Les trois présidents plénipotentiaires (1828–1834). Paris: Hachette, 1914.

¹ Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. М.: Семен, 1853. Ориг. фр. изд.: *Demidov A. Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par l'Hongrie, la Valachie et la Moldavie*. Paris: Ernest Bourdin, 1840. P. 108. О российском восприятии княжеств как границы между цивилизованным и нецивилизованным миром см.: *Taki V. Moldavia and Wallachia in the Eyes of Russian Observers* // *East-Central Europe/L'Europe du Centre-Est*. 2005. Vol. 32. No. 1–2. P. 199–224.

² Некоторые западнически настроенные российские авторы отмечали не без смущения, что бородатые, важные и малоподвижные молдавские и валашские бояре выглядели совсем как их предки допетровского периода. См.: *Вигель Ф.Ф. Замечания на нынешнее состояние Бессарабской области* // *Вигель Ф.Ф. Воспоминания*. СПб.: Сытин, 1892. Т. 6. С. 1–34 (отдельная пагинация).

³ *Липранди И.П. Дунайские княжества*. М.: Императорское Общество Истории и Древностей Российских, 1877. С. 5. Описание княжеств было составлено Липранди в 1854 году.

пранди отмечал с сожалением, что валашские писатели стремились переманить простой народ, в силу инстинкта и столетних связей тянувшийся к России, посредством замены многочисленных славянских слов итальянскими, французскими или латинскими, а также посредством замены кириллицы на латиницу¹.

Новые политические настроения румынских элит были замечены и другими российскими наблюдателями Молдавии и Валахии. Так, П.В. Алабин, служивший в российских войсках, занявших Дунайские княжества в начале Крымской войны, с сожалением отмечал, что

маститые бояре, свидетели наших благодеяний их отечеству, живо помнящие как мы своими руками разбили ярмо, на них столько веков лежавшее, как мы извлекли их из омута невежества и полудикости, в который они с каждым годом все более погружались, те маститые старцы, сошли уже, некоторые, с политической сцены, а большинство со сцены мира. Следовательно, за нас некому поднять голоса: все, что мы сделали благого Молдовлахии, забыто, хотя сделанное стоило нам много, много крови, а ныне у всех перед глазами только то, что мы не допустили княжества сложиться в те формы, в которых, по их понятиям, только и возможно счастье гражданина.

Алабин также понимал более общую философскую подоплеку нового отношения румынских элит к России. По его словам, «революционная партия Молдо-Валахии видит в нас недоброжелателей, стремящихся подавить демократические начала, на которых они готовы построить новое, по их понятиям, великое здание». Российский офицер весьма реалистично признавал, что «большинство мыслящих молдо-влахов против нас, потому что это большинство принадлежит к тому новому поколению, осуществлению идей которого мы помешали в 1848 году». В отличие от некоторых своих соратников по дунайской армии, Алабин не обманывался внешними выражениями сочувствия, преданности и любви, демонстрируемыми румынами в 1853 году, и отмечал, что «случись нам понести погром в эту войну, они ничем не будут смущаться и несомненно постараются отплатить нам за 1848 год»².

«Открытие» румын на протяжении первой половины XIX столетия составляло важный аспект эволюции российских представлений

¹ Липранди И.П. Дунайские княжества. С. 6–8.

² Алабин П.В. Четыре войны. Т. 2. С. 43.

об Османской империи в нескольких отношениях. Конфликт между этеристскими повстанцами под предводительством Александра Ипсиланти и движением Тудора Владимиреску в 1821 году, имевший фатальные последствия для обоих, служил наглядной иллюстрацией противоречий, существовавших между греками и другими православными подданными султана. В последующие десятилетия все более критические российские описания румын служили контрапунктом все более восторженным представлениям о южных славянах. Наиболее проникательные российские авторы, такие как Липранди и Алабин, осознавали уже к началу Крымской войны, что румыны были фактически «потеряны» для России¹.

Тем не менее панславистская система координат помешала широкой российской публике извлечь уроки из румынского случая. Вместо того чтобы понять, что поворот румын на запад отражал общую закономерность, которой последуют все балканские народы в процессе эмансипации от османского господства, образованные россияне середины XIX столетия предпочитали видеть «предательство» румын как следствие их неславянского происхождения, негативного влияния их развращенных элит и слабости их привязанности к православию. Предполагалось, что российско-болгарские и российско-сербские отношения будут отличаться, поскольку оба эти народа были славянскими, не имели колеблющихся элит и были истинно православными. Однако последствия войны «за освобождение Болгарии» в 1877–1878 годах обманули эти идеалистические ожидания и вызвали сильное разочарование россиян в своих южных «братьях».

Несмотря на сохраняющуюся привычку российских авторов говорить о населении Юго-Восточной Европы в обобщающих категориях религиозной общности, они уделяли все больше внимания видимым и реальным отличиям входивших в эту общность этнических групп и все больше симпатизировали некоторым из них в противовес другим. Повышение внимания к этничности было следствием секуляризации мировоззрения российских элит с конца XVII столетия, что способствовало разведению этнических и религиозных категорий в восприятии «себя» и «другого». Со временем

¹ До славянофильского «Послания к Сербам» 1858 года российские авторы положительно оценивали прогресс просвещения среди южных славян. Автор описания европейской Турции, опубликованного в начале Крымской войны, хвалил их заботу о просвещении и то обстоятельство, что южные славяне посылали своих детей в европейские университеты. Европейская Турция в ее нынешнем состоянии. С. 99.

отличия исторического происхождения, языка и национального характера способствовали «открытию» россиянами отдельных народов в составе религиозных сообществ, на которые домодерное мышление разделяло человечество.

Последовательность подобных «открытий» в конце XVIII и первой половине XIX столетия составляла собой кумулятивный процесс. Стереотипы, характеризовавшие восприятие единоверных народов, «открытых» россиянами ранее, обуславливали и описание тех, кто привлек внимание российских авторов позднее. Репрезентации южных славян и румын несли на себе отпечаток сложившихся до того способов описания греков. Одной из наиболее заметных общих черт российского восприятия православных подданных Порты было разделение на «древних» и «новых». Впервые проявившееся в противопоставлении доблестных героев классической древности византийцам и фанариотам это разделение позднее проявилось и в российских описаниях болгар и румын. С сочувствием или осуждением российские авторы противопоставляли мужественных основателей болгарского, валашского или молдавского государств их робким и послушным потомкам, томившимся под османским игом.

Помимо привнесения разделения на «древних» и «новых», российское «открытие» греков повлияло на последующее восприятие южных славян и румын и более прямым способом. Сами эпитеты, используемые российскими авторами для описания греков, — мужество, добродетель, ученость или коварство, невежество или алчность — впоследствии использовались для характеристики сербов, болгар и румын, а также отдельных социальных или региональных подгрупп этих этносов. Эти эпитеты составляли моральную палитру, которая позволяла представить южных славян, в особенности сербов, героями антиосманского сопротивления и жертвами византийских и фанариотских интриг, а также постепенно перевести румын из категории жертв османского и греческого угнетения в категорию неблагодарных предателей России и славянства. Наиболее примечательным аспектом этого упражнения в национальной характерологии была взаимообусловленность коллективных этнических портретов. Моральная двусмысленность, приписываемая российскими авторами грекам и румынам, существовала на фоне славянских добродетелей, и наоборот.

Православная система координат никогда не была полностью вытеснена этническими категориями. В определенных обстоятельствах, таких как канун Крымской войны, ее значимость даже возрастала

за счет последних¹. Во второй половине XIX столетия конфессиональный подход напрямую столкнулся с панславистским, когда мнения российской общественности разделились по вопросу греко-болгарского церковного раскола². Однако в большинстве случаев, и в особенности в первой половине XIX столетия, конфессиональные и религиозные категории более или менее мирно сосуществовали в российских репрезентациях османской державы. В этот период «открытия» отдельных подвластных султанам православных народов изменяли российское восприятие этнического состава православной общины Османской империи в целом. В этом смысле «греческий миф» в культуре российских элит последней трети XVIII столетия способствовал секуляризации образа греков и тем самым ослаблял представление о православии как о «греческой вере», что в свою очередь создавало предпосылки для ее переопределения как веры славянской.

«Открытия» отдельных христианских народов, подвластных Порте, следует рассматривать как часть процесса осознания образованными россиянами этнической сложности, скрывавшейся за фасадом ее православной общины Османской империи. Хотя российские авторы и были склонны рассматривать державу султанов как временный военный лагерь в Юго-Восточной Европе, османское присутствие в регионе было достаточно сильным, чтобы определять не только реальные отношения между различными подвластными Османам православными народами, но и российское восприятие этих отношений. В этом смысле русско-турецкая война 1853–1856 годов, развившаяся в борьбу России с коалицией морских держав, стала реальным водоразделом в эволюции российских представлений о православных единоверцах. Начиная с этого момента конфликты России и европейских держав заменили российско-османское противостояние в качестве определяющего фактора российско-греческих, российско-сербских, российско-болгарских и российско-румынских отношений.

¹ О роли православия во время Крымской войны см.: Goldfrank D. The Holy Sepulcher and the Origins of the Crimean War // *The Military and Society in Russia*. P. 491–505; Norris S. A War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture and Russian National Identity, 1812–1945. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006. P. 63–69, 86–100; Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping the Sacred Space in the Russian Empire and Beyond. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008. P. 125–140.

² Vovchenko D. Modernizing Orthodoxy: Russia and the Christian East (1856–1914) // *Journal of the History of Ideas*. 2012. Vol. 73. No. 2. С. 295–317.

Р.А. Фадеев, Н.Я. Данилевский, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев и ряд менее известных авторов, писавших о православных единоверцах в 1860-е и 1870-е годы, делали это сквозь призму отношений России и «Европы», или «романо-германского мира». С этой точки зрения не критическое восприятие западных политических или культурных понятий представителями южнославянской интеллигенции представляло гораздо большую угрозу для мыслимого россиянами всеславянского единства, чем деспотизм османских пашей. Данилевский, Аксаков и особенно Леонтьев даже отмечали консервирующее воздействие османского правления на православных подданных султана, замедлявшее их вестернизацию. Это правда, что риторическая фигура «османского ига» над православными единоверцами сыграла важную роль в истории Восточного кризиса 1875–1878 годов, побудив тысячи россиян отправиться волонтерами на сербо-османскую войну 1876 года и обеспечив спустя год массовую общественную поддержку «войне за освобождение Болгарии». Тем не менее дипломатическое поражение России на Берлинском конгрессе, которое последовало за ее победой на поле боя, послужило напоминанием о том, что в борьбе за влияние над «Турцией в Европе» основным противником России давно была не Порта, а Великобритания и Австро-Венгрия.

Ослабление, а затем и прекращение османского господства в Юго-Восточной Европе во второй половине XIX и начале XX столетия выразилось в постепенном вытеснении термина «Турция в Европе» рядом альтернативных выражений. Расширяющееся использование терминов «Балканы» и «православный Восток» отражало склонность российских авторов рассматривать этот регион сам по себе, в отрыве от формального и все более хрупкого османского контроля над ним. В этот период происходит трансформация российских представлений об этнической сложности Османской империи в российский вариант дискурса о Балканах, окончательно сформировавшегося в Европе к началу Первой мировой войны¹. Однако эта трансформация заключалась преимущественно в смене политической рамки, а не содержания. Хотя во второй половине XIX и начале XX века российские представления о балканских народах становились все более детальными и нюансированными, они в целом основывались на тех лекалах, которые сформировались в столетие, предшествовавшее Крымской войне.

¹ О балканизме см.: *Todorova M. Imagining the Balkans.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге были рассмотрены основные изменения в контактах России с Османской империей на протяжении нескольких столетий, предшествовавших Крымской войне. Эти контакты составляют важную главу в истории российского открытия Востока и не менее важный аспект взаимоотношений России и Европы. Разумеется, ни Восток, ни Европа не существовали на начальных стадиях российско-османских отношений ни как политические и культурные явления, ни даже как плоды воображения царских подданных. Значение контактов России с державой султана как раз и заключалось в том, что они способствовали формированию этих символических единиц — Европы и Востока, что в свою очередь оказало влияние на складывание современной российской идентичности. Описание Османской империи как Востока в течение полутора столетий, предшествовавших Крымской войне, стало и важным механизмом вестернизации российских элит, и проявлением этой вестернизации, обозначившим в определенный момент и предел превращения России в Европу.

Царские посольства в Константинополь составляли наиболее ранний аспект российских контактов с Османской империей. История этих посольств свидетельствует о том, что «формы» дипломатии были не менее важны, чем ее «содержание», в результате чего российско-османские переговоры зачастую сводились к обсуждению наиболее подходящего формата переговоров. Споры вокруг посольского церемониала были проявлением борьбы правителей за символическое равенство или превосходство. Эта борьба имела большое значение в эпоху, когда «государство» было все еще продолжением государева тела и сводилось к положению (статусу) правителя по отношению к его собственным подданным и к другим правителям. В то же время переговоры Москвы с Османской империей и Крымским ханством в XVI и XVII столетиях свидетельствуют о том, что эта борьба велась на разных уровнях, в пересечении которых цари были принципиально не заинтересованы. Формат московско-крымских отношений противоречил тому, как московские посланники представляли царя в Константинополе.

В течение XVIII столетия отстаивание чести царя в османской столице во многом стало совпадать с борьбой за утверждение статуса России среди европейских держав. Эти параллельные процессы

проявились в обеспечении права содержать постоянного представителя в Константинополе, подобно другим европейским державам, в борьбе за признание императорского титула, принятого Петром Великим, и в попытках добиться равенства российского посланника четверым старейшим и наиболее уважаемым послам европейских держав. Пребывание в османской столице способствовало усвоению царскими представителями принципов и практик европейской дипломатии. Религиозная и культурная дистанция, отделявшая «франков» от мусульман и даже от левантийских христиан, четко очерчивала границы сообщества европейских дипломатов в османской столице. Именно с этим сообществом стали соотносить себя царские представители, как только они открыли для себя вызовы и возможности современной дипломатии. Обратной стороной этого процесса стала ориентация османского подхода к международным отношениям в работах российских дипломатов. Специфика османского посольского обычая и кажущаяся невосприимчивость Порты к европейским принципам дипломатической взаимности и равенства также способствовали усвоению царскими дипломатами этих самых принципов, что в определенный момент побудило их охарактеризовать османский подход к международным отношениям как «варварский».

В то же время история российских Посольств к «порогу счастья» свидетельствует о том, что связь между вестернизацией российских дипломатов и ориентализацией Османов в их работах не была прямой и недвусмысленной. Царские представители не только ругали «варварство» османского посольского обычая, но и осуждали своих европейских коллег за снисходительное отношение к поправлению Османами таких принципов европейской дипломатии, как взаимность, равенство и неприкосновенность дипломатических агентов. В своей приверженности этим принципам россияне стремились быть более европейцами, чем сами европейцы, и делали это в моменты наибольшей напряженности в отношениях между Россией и европейскими державами. В этом смысле ориентализация Османской империи в описаниях российских дипломатов не только составляла обратную сторону их вестернизации, но и служила выражением конфликта России с другими державами в «восточном вопросе».

Наконец, критика россиянами «варварства» османского посольского обычая и снисходительного отношения к нему со стороны европейцев свидетельствует о том, что противостояние между великими державами в XVIII и XIX столетиях не ограничивалось конфликтом вокруг территорий, торговых путей или статуса, но и включало в себя

борьбу за определение самого формата международных отношений. Утверждение принципов «цивилизованной» дипломатии свидетельствует о том, что на тот момент не существовало общепринятых и действующих правил, которым империи следовали бы в отношениях друг с другом. Международное соревнование включало в себя борьбу за изменение всей совокупности международных отношений в соответствии со своими интересами.

Пленение царских подданных и их угон в османские владения составляли еще одну раннюю форму контактов между Московским государством и Османской империей. Анализ раннемодерных повествований о плене свидетельствует о том, что отношение московских властей к пленникам сильно отличалось от того, что характеризовало образованных россиян XIX столетия, оправдывавших свою экспансию на Кавказе и в Средней Азии среди прочего необходимостью освободить соотечественников от рабства у азиатов. Московское государство не могло вызволить десятки, если не сотни тысяч своих подданных, попавших в османскую неволю в допетровский период. Те же немногие пленники, которым удалось бежать и вернуться на родину своими силами, вызывали не только сочувствие, но и подозрение, если не осуждение. Подобное отношение, связывающее плен с возможным вероотступничеством, совершенным сознательно или навязанным пленнику, просматривается в расспросных листах тех, кто вернулся из османской неволи, составлявшихся в Приказе Патриаршего двorca. Предполагалось, что человек мог надеяться на спасение, только живя в православном царстве, и что покидание этого царства, даже если оно произошло не по воле потерпевшего, ставило спасение под вопрос. Вероятный проход возвращенцев через католические земли Южной и Центральной Европы только усиливал подозрения в возможном вероотступничестве. Это в очередной раз подтверждает тезис о том, что контакты Московского государства с Османской империей переплетались с его контактами с Европой.

Разумеется, возвращенцы сопротивлялись подобному восприятию плена и стремились представить свое пребывание в османской неволе как продолжение служения царю или же делали акцент на своем паломничестве к Святым местам, которое произошло благодаря пребыванию в Османской империи. С конца XVII столетия религиозное восприятие османского плена постепенно перестало быть преобладающим под воздействием секуляризации российских элит. К концу XVIII века человек, вернувшийся из османской неволи, уже не обязательно подозревался в вероотступничестве. Тем не менее отношение

к таким людям продолжало быть настороженным до тех пор, пока представители образованного российского общества не выработали способов описания османского плена, делавших его совместимым с современными представлениями о чести и добропорядочности.

Это произошло с появлением описаний плена рядом представителей российского дворянства, захваченных османами во время русско-турецких войн начала XIX столетия. Данные описания свидетельствовали о противоречиях между положением пленника, с одной стороны, и представлениями о дворянской чести и простом человеческом достоинстве, с другой. Решение этой моральной дилеммы парадоксальным образом заключалось в подчеркивании бессилия благородного пленника. Последнее контрастировало с часто сомнительным моральным выбором, на который приходилось идти пленникам-простолюдинам, чьи истории можно найти в расспросных листах Приказа Патриаршего дворца. В результате происходил перенос акцента с действий пленника на условия плена, включая обращение османских властей с военнопленными и отношение к ним со стороны местного населения. Этот перенос акцента превращал рассказы о плене в еще одну категорию ориентализирующих репрезентаций Османской империи, которые включали описание буйного фанатизма мусульманских толп, образы великодушных пашей и картины экзотической природы. Подобные репрезентации снимали подозрения по поводу православности или просто моральности пленника, которые сохранялись на протяжении практически всего раннемодерного периода. Взамен российская читающая публика проникалась все большим интересом к рассказам о плене, представлявшим ей возможность опосредованного наслаждения экзотикой и одновременно все более сочувствовала их протагонистам, чьи страдания отныне считались заслуживающими благотворного вмешательства российского государства.

С начала XVIII столетия череда «турецких войн» стала третьей разновидностью российских контактов с Османской империей. В столетие, последовавшее с момента неудачи, которую Петр I потерпел на Пруте, российские войска добились явного превосходства над османской армией, однако продолжали испытывать различные трудности, связанные с культурными особенностями, климатом или демографией театра военных действий. Эти вызовы стали проверкой тех понятий о «цивилизованной» или «регулярной» войне, которые были усвоены российскими офицерами в результате участия в европейских войнах XVIII и начала XIX столетия и знакомства с европейской военной литературой. Трудности «восточной войны» побудили некоторых

российских офицеров выработать альтернативные принципы, следование которым, по их мнению, должно было обеспечивать наилучшие результаты в «турецких кампаниях».

Несмотря на, казалось бы, очевидную значимость военного ориентализма, последний до сих пор остается неизученным явлением. Это объясняется специфическим характером военной литературы, сочетавшей теоретические и исторические исследования с дневниками и воспоминаниями разной степени литературности. Историки российского ориентализма практически не уделили внимания российским работам о войне в различных частях Азии. Последние не стали частью академического ориентализма, фокусировавшегося на изучении восточных языков, знание которых помогало управлять, но не завоевывать. В свою очередь, исследователи литературного ориентализма, по-видимому, посчитали дневники и воспоминания участников «восточных войн» слишком прозаическими по сравнению с литературными путешествиями на Восток, а также другими произведениями ориенталистского толка, созданными российскими писателями XIX века. Однако эти фрагментарные источники, заурядные с литературной точки зрения, неопределимы для понимания того, как образ «другого» и чувство самости вырастают из сублимации реального боевого опыта.

Интеллектуальная траектория постколониальных исследований также позволяет объяснить неизученность военного ориентализма. Хотя Эдвард Саид охарактеризовал Египетский поход Наполеона как начало современного ориентализма, его анализ обошел собственно военный аспект этого предприятия и сконцентрировался на его более общем культурном и интеллектуальном значении. Другие постколониальные исследователи последовали примеру Саида, концентрируясь почти исключительно на режимах власти, возникших после демонстрации решающего военного превосходства Запада над восточными империями. Таким образом, возросшее понимание форм западной власти над Востоком сопровождалось относительным забвением культурной истории войн, которые предшествовали установлению этой власти. Тем не менее описания «восточных» войн позволяют понять, каким образом некогда могучие азиатские империи превратились в объект знания и власти под названием «Восток». Рассмотрение российских описаний «турецких кампаний», предпринятое в этой книге, можно считать приглашением к дальнейшему исследованию истории военного ориентализма.

Посольства, плен и война, рассмотренные в первых трех главах, составляли три наиболее важных измерения российских контактов

с Османской империей с конца XV столетия до Крымской войны. За это время несколько сотен россиян побывали в Османской империи в качестве царских посланников и их помощников. Значительно большее число людей, наверняка исчисляемое многими десятками тысяч, оказались во владениях султана в качестве пленников и военнопленных. Наконец, еще большее количество, исчисляемое сотнями тысяч человек, познакомились с Османской империей, будучи участниками шести русско-турецких войн, которые произошли на территории «Турции в Европе» в XVIII и первой половине XIX столетия. Эти три основные разновидности исторического опыта послужили основой для более общих ориентализирующих репрезентаций Османской империи и подвластных ей народов в российской периодической печати.

Интеллектуальная предыстория сравнения Николаем I Османской империи с «больным человеком», рассмотренная в четвертой главе данной работы, представляет собой вклад в анализ фигур исторического упадка и стагнации, ставших характерными для европейских репрезентаций Востока. Представление об упадке Османской империи возникло задолго до того, как российский император якобы произнес эту знаменитую фразу, и произошло это не в России. Европейские авторы стали отмечать османский упадок более чем за два столетия до Крымской войны и объясняли это различными способами, каждый из которых в конечном счете способствовал формированию современного представления о восточной стагнации и застое. Заимствование такого представления образованными россиянами в послепетровский период составляло один из аспектов их вестернизации.

Несмотря на западноевропейские корни, российское представление об османском упадке имело свою специфику, поскольку российская и османская вестернизации начались в разное время. Как и держава султанов, Московское государство было изначально незападным обществом, которое не было частью европейского Ренессанса и религиозных войн, оказавших определяющее влияние на историческое развитие большинства европейских стран. И Россия, и Османская империя впоследствии демонстрировали ту же самую траекторию вестернизации, многократно с тех пор воспроизводившуюся. Изначальный импульс этому процессу задавался центральной властью, что со временем вело к вовлечению более широких слоев общества. Раннее восхищение техническими и материальными сторонами европейской цивилизации впоследствии дополнялось критическим отношением к моральному влиянию Запада.

Однако российское самодержавие и элиты встали на путь сознательной и необратимой вестернизации в конце XVII века, более чем за столетие до того, как по этому же пути пошли и османы. В результате этого хронологического зазора Османская империя выступает в описаниях российских авторов как страна, чье отношение к Европе было противоположным российскому в каждый отдельно взятый период времени. В XVIII столетии россияне противопоставляли игнорирование османами европейских наук и искусств своим собственным успехам в этих областях. С начала 1800-х годов они находили запоздалые усилия султанов перенять европейские науки и искусства противоречащими «народному духу», важность которого они открыли в эпоху Наполеоновских войн. В результате, не игнорируя важные изменения, происходившие в Османской империи в первой половине XIX столетия, россияне тем не менее смогли реинтерпретировать их как проявления необратимого упадка, вызванного «неправильным» отношением к Европе. Непрестанные победы российского оружия в без малого сто пятьдесят лет, предшествовавших Крымской войне, казалось, подтверждали правильность подобного представления об историческом противнике.

Таким образом, ориенталистский дискурс необязательно представлял Восток неподвижным, стагнирующим или внеисторическим. Идентичность, порожденная таким дискурсом, не всегда однозначно прогрессивна и лишена противоречий. Вместо этого эволюция российских репрезентаций османского упадка свидетельствует о том, что и образ «другого», и формируемая с его помощью идентичность в разные периоды времени могут наполняться разными смыслами. Единственное, что остается неизменным в их противопоставлении, — это подспудное представление о собственном превосходстве, которое порождается критикой «другого». Это представление всегда обеспечивает коллективному «я» символические победы над «другим», которые дополняют более материальные проявления властных отношений. В этом смысле ориентализация Османской империи в российских описаниях дополняла российские победы над османами, подобно тому как британские и французские описания Востока дополняли коммерческое преобладание этих держав в Леванте.

Формирование представлений об Османской империи как об упадочной и в конечном счете обреченной на гибель послужило предпосылкой для превращения «Турции в Европе» в регион, определяемый в своих собственных категориях, безотносительно слабеего контроля Порты над ним. Это превращение было также следствием

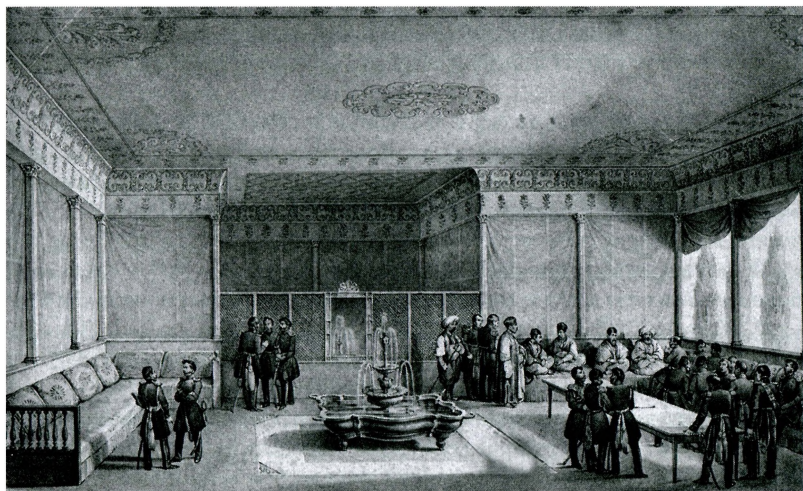
интенсификации отношений России с православными подданными султана, в ходе которых появились многочисленные описания страданий единоверцев от мусульманского «ига». Конфессиональная категория единоверцев стала наполняться различным этническим содержанием по мере того, как образованные россияне екатерининской, александровской и николаевской эпох последовательно «открывали» для себя греков, сербов, болгар и румын.

Характеристики каждого из этих народов были порой противоречивы, и тем не менее приписываемые им национальные черты были производной той роли, которую, по мнению российских наблюдателей, каждый из этих народов сыграл в утверждении османского господства или сопротивлении ему. Это прежде всего относится к грекам, первому из «открытых» россиянами народов, в котором образованные подданные царей видели героических борцов за свободу или коварных приспешников османской тирании. Способы описания, изначально применяемые к грекам, составили номенклатуру идеальных типов, которые впоследствии использовались и для характеристики «открытых» позднее славян и румын. К середине XIX столетия эти «открытия» позволили россиянам создать более или менее целостное представление о системе иерархически организованных межконфессиональных и межэтнических отношений, отражавших национальные характеристики каждого из балканских народов.

Как бы ни были важны эти «открытия», они не вытеснили полностью конфессиональную категорию единоверцев, а, скорее, способствовали ее периодическому наполнению новым этническим смыслом. Накануне Крымской войны наблюдается реактуализация религиозной системы координат в российском восприятии православного населения «Турции в Европе». Растущее культурное, политическое и религиозное влияние Европы на православные народы данного региона накануне и во время Крымской войны объясняет постоянное возвращение образованных россиян середины XIX столетия к категории единоверцев. В этом смысле Крымская война могла лишь привести российских наблюдателей балканского региона к заключению, что их исторический конфликт с Османской империей был не более чем формой противостояния России и Запада.

Крымская война была кульминацией нескольких параллельно развивавшихся процессов. Она служила поворотным пунктом, после которого другие европейские державы стали более важным фактором отношений России с ее православными единоверцами, чем само османское правительство. «Турция в Европе» тем самым превратилась

в «Православный Восток», ставший главным предметом спора между Россией и католическим или протестантским, но в любом случае все более светским Западом. В случае Крымской войны российско-османские отношения впервые привели к прямому столкновению между Россией и коалицией европейских держав. Это столкновение заставило российскую общественность задуматься о пределе превращения России в Европу, чему до сих пор так способствовала ориентализация Османской империи.

Чрезвычайное посольство генерал-адъютанта Х.П. Граббе
в Константинополь, 1849 г.

Отдел эстампов Российской национальной библиотеки

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Алабин П.В.* Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56 и 1877–1878 гг. В 3 т. М.: Кушнарев, 1888–1892.
- Антиг И.Ф.* Жизнь и военные деяния генералиссимуса, князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического. В 3 т. М.: Университетская типография, 1800.
- Априлов В.* Болгарские грамоты собранные, переведенные на русский язык и объясненные Василем Априловым. Одесса: Городская типография, 1845.
- [*Арсеньев К.И.*] Турецкая конституция // Дух журналов. 1818. № 11. С. 169–176.
- Архив военно-походной канцелярии графа Румянцева // ЧИОИДР. 1865. № 2. С. 1–330.
- Байов А.К.* Курс истории русского военного искусства. СПб.: Скачков, 1909.
- Базили К.М.* Босфор и новые очерки Константинополя. В 2 т. СПб.: Греч, 1836.
- Базили К.М.* Очерки Константинополя. В 2 т. СПб.: Греч, 1835.
- Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правлением в 1847 году. М.: Восточная литература, 1962 [1861].
- Бантыш-Каменский Д.М.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию в 1808 году. СПб.: Решетников, 1810.
- Баур Ф.В.* Записки повествовательные, землеописательные и политические о княжестве Волосском. СПб.: Вильковский, 1791.
- Белл Дж.* Белевы путешествия через Россию в различные азиатские земли: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. В 3 т. СПб.: Академия наук, 1776.
- Березин И.Н.* Дипломатические сношения Турции // Современник. 1855. № 6. С. 92–112.
- Березин И.Н.* Обзор трехлетнего путешествия по Востоку // Журнал министерства народного просвещения. 1847. т. 55. № 7. С. 1–24.
- Березин И.Н.* Посещение цареградских достопримечательностей во время пребывания в Константинополе Его Высочества Великого Князя Константина Николаевича в 1845 году. СПб.: Академия наук, 1854.
- Березин И.Н.* Православная и другие христианские церкви в Турции. СПб.: Штаб отдельного корпуса внутренней стражи, 1855.
- Березин И.Н.* Современная Турция // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1856. № 474. С. 149–163; № 475. С. 257–270; № 476. С. 356–381; № 477. С. 44–70.

- Бенкендорф А.Х. Из мемуаров графа А.Х. Бенкендорфа // Российский архив. М.: Российский фонд культуры. Студия «Тритэ» Никиты Михалкова «Российский архив». 2009. Т. 18.
- Болотов А.Т. Жизнь и приключения А.Т. Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 4 т. СПб.: В.И. Головин, 1870–1873.
- Богданович М.И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова против Турции. СПб.: Веймар, 1852.
- [Бональд Л. де.] О Турции // Вестник Европы. 1821. Ч. 121. № 19. С. 210–218.
- Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством Д.И. Сенявина. В 4 т. СПб.: Академия наук, 1837–1838.
- [Бонневаль К.А.] Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 года при низложении Ахмеда III и возведении на престол Магомета. СПб.: [Б.и.], 1738.
- [Булгаков Я.И.] Российское посольство в Константинополь. СПб.: Академия наук, 1777.
- [Булгари Е.] Рассуждения на действительно критическое состояние Оттоманской Порты. М.: Университетская типография, 1780.
- Бумаги Я.И. Булгакова // СИРИО. 1885. Т. 47. С. 1–240.
- Бумаги князя Н.В. Репнина // СИРИО. 1871. Т. 6. С. 305–372.
- Бумаги князя Николая Васильевича Репнина // СИРИО. 1875. Т. 15. С. 415–608.
- Бутурлин Д.П. Картина войн России с Турцией в царствование Екатерины II и императора Александра I. СПб.: Императорский воспитательный дом, 1829.
- [Бюшинг А.Ф.] Османское государство в Европе и Республика Рагузская. Из Бишинговой географии. СПб.: Академия наук, 1770.
- Вальш Р. Путешествие по Турции из Константинополя в Англию через Вену. СПб.: Плюшар, 1829.
- Варлаам. Перегринация или Путник, в нем же описуется путь до Святого Града Иерусалима и во все Святые Места, от иеромонаха Варлаама, бывшего тамо в 1712 г. // ЧИОИДР. 1873. № 3. С. 55–76.
- Венелин Ю.И. Древние и нынешние Болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношениях к Россиянам. В 2 т. М.: Университетская типография, 1829–1841.
- Венелин Ю.И. Замечания на сочинение господина Яковенко о Молдавии и Валахии и проч. (Первое письмо к издателю Московского вестника) // Московский вестник. 1829. № 15. С. 256–278, № 16. С. 373–392, № 17. С. 160–175.
- Взгляд на внутреннее состояние Турецкой империи // Вестник Европы. 1829. Ч. 165. № 11. С. 230–242, № 12. С. 298–312.
- Взгляд на поступки Турков с подвластными Греками // Северный Архив. 1827. Ч. 26. № 5. С. 56–75.
- Вигель Ф.Ф. Замечания на нынешнее состояние Бессарабской области // Ф.Ф. Вигель. Воспоминания. СПб.: Сытин, 1892. Т. 6. С. 1–34 (отдельная пагинация).

- Витт Х. О свойствах климата Валахии и Молдавии, и о так называемой Валахской языке. СПб.: Греч, 1842.
- Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб.: Семеновская типография И. Ефрона, 1897–1904. Т. 2.
- Внешняя политика России в XIX — начале XX вв. / Ред. А.Л. Нарочницкий и др. М.: Международные отношения, 1995. Т. 16.
- Военно-статистическое обозрение государств и земель, прилежащих к Российской империи. Княжество Молдавия. СПб.: Генеральный штаб, 1855.
- Военное искусство и военные силы турок // Военный журнал. 1829. № 5. С. 201–210.
- Вольней К.Ф.Ш. Путешествие Вольнея в Сирию и Египет бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах. В 2 т. М.: Гиппиус, 1791–1793.
- Возрождение греков // Вестник Европы. 1822. Ч. 137. № 13. С. 57–67.
- Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж. В 2 т. М.: Семен, 1839.
- Вронченко М.П. Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии. В 2 т. СПб.: Край, 1839–1840.
- Выписка из журнала Александра Андреевича Яковлева, находящегося при Петре Великом во время сражения под Прутом, в 1711 году // Отечественные записки. 1824. Ч. 19. № 51. С. 15–24.
- [Гаматов М.А.] От Босфора до Персидского залива // Время. 1861. № 6. С. 501–83; № 8. С. 317–348; № 9–10. С. 82–114; № 11. С. 59–120.
- Георгий Петрович Черный, предводитель сербов // Вестник Европы. 1808. Ч. 42. № 23–24. С. 164–167.
- Георг Петрович Черный (краткая биография) // Вестник Европы. 1817. Ч. 95. № 20. С. 287–298.
- [Геро Н.] Письма из Болгарии // Москвитянин. 1854. № 8. С. 85–118.
- Гинкулов Я.Д. Начертание правил Молдовлахийской грамматики. М.: Академия наук, 1840.
- Гинкулов Я.Д. Собрание сочинений и переводов в прозе и стихах, для упражнения в валахо-молдавском языке, с присовокуплением словаря и собрания славянских первообразных слов, употребляемых в языке валахо-молдавском. СПб.: Академия наук, 1841.
- Гинкулов Я.Д. Выводы из валахо-молдавской грамматики. СПб.: [Б.и.], 1847.
- Гинкулов Я.Д. Карманная книжка русских воинов в походах по княжествам Молдавии и Валахии. В 2 т. СПб.: Академия наук, 1854.
- Глебов П.Н. Дунайская экспедиция 1829 года // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1843. Т. 40. № 159. С. 337–400.
- Глебов П.Н. Осада Силистрии в 1829 году. (Из воспоминаний армейского офицера.) // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1843. Т. 40. № 157. С. 45–120.
- [Глинка С.Н.] Картина историческая и политическая Порты Оттоманской. М.: Степанов, 1830. С. 25–26.

- [Глинка С.Н.] Обзорение внутренности Турции Европейской, почерпнутое из древних и новых писателей. М.: Решетников, 1829.
- [Гомез М.А.] Анекдоты или достопамятнейшие исторические деяния оттоманского двора. СПб.: Овчинников, 1787. Т. 1.
- Григорович В.И. Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань: Императорский университет, 1915.
- [Григорьев В.В.] Поездка в Константинополь Изафети Маклуба // Одесский альманах на 1840 г. / Ред. Д.М. Княжевич. Одесса: Городская типография, 1839. С. 642–701.
- Гурьянов И.Г. Русский в Царьграде или историческое, топографическое и статистическое обозрение Константинополя и его окрестностей. М.: Университетская типография, 1828.
- [Деваль Ш.] Два года в Константинополе и Морее // Сын Отечества. 1828. Ч. 117. № 3. С. 291–309.
- Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. М.: Семен, 1853.
- Де Санглен Я.И. О военном искусстве древних и новых народов, с прибавлением о пользе теории военного искусства. М.: Дрекслер, 1808.
- Де Санглен Я.И. Краткое обозрение воинской истории XVIII-го столетия. СПб.: Императорская типография, 1809.
- Договоры России с Востоком / Ред. Т.П. Юзефович. СПб.: Бакст, 1869.
- Долгоруков Ю.В. Журнальная записка происшествий во время экспедиции его сиятельства князя Юрия Владимировича Долгорукого в Черную Гору // Русский архив. 1886. № 4. С. 389–437.
- Дополнения к деяниям Петра Великого / Ред. И.И. Голиков. М.: Университетская типография, 1790–1797. Т. 5.
- Допрос, снятый с нижегородского купца Василия Яковлевича Баранщикова, явившегося добровольно из-за границы // Действия Новгородской губернской ученой архивной комиссии. 1900. Т. 4. С. 108–110.
- Дюгамель А.О. Автобиография. М.: Университетская типография, 1885.
- Европейская Турция в ее нынешнем состоянии. М.: Эрнст, 1854.
- Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791 / Ред. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997.
- Емин А.Ф. Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты. СПб.: Морской шляхетский кадетский корпус, 1769.
- Жадовский П.В. Молдавия и Валахия в современности // Пантеон. 1856. № 1. С. 31–58, № 2. С. 73–94.
- Жизнь князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. В 3 т. М.: Дубровин и Мерзяков, 1808.
- Жители области Монтенегро или Черногорцы // Вестник Европы. 1805. Ч. 21. № 7. С. 240–249.
- Жомини Г.В. Рассуждение о великих военных действиях или критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона. В 8 т. СПб.: Шнорр, 1809–1817.

- [Зейденбург Й.Г.] Новейшие известия о Турецкой империи для кого желают иметь сведения о состоянии оной, особливо при случае нынешней ее с Российскою империей войны. СПб.: Брейткопф, 1789.
- Записка о том сколько помятуют о крымских и турецких походах // Русский архив. 1878. № 3. С. 257–274.
- Зейдлиц К.К. Воспоминания доктора Зейдлица о турецком походе 1829 года (в письмах друзьям) // Русский архив. 1878. № 4. С. 412–435; № 5. С. 88–113.
- Игнатъев Н.П. Взгляд на постепенное изменение образа действий русских войск против турок. СПб.: Веймар, 1852.
- Изображение тактики, или искусный образ войск установления, обнародованное и напечатанное в Константинополе на турецком языке Ибрагимом Еффендием Мутеферриком. СПб.: Клеен и Гейке, 1777.
- Исторический и статистический взгляд на последнее десятилетие Турции // Московский телеграф. 1832. № 13. С. 91–108; № 14. С. 261–278; № 15. С. 431–446.
- Историческое, статистическое и политическое обозрение Порты Оттоманской. М.: Степанов, 1829.
- История греческих происшествий. М.: Университетская типография, 1824.
- История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститыко. М.: Восточная литература, 1997.
- История Турецкого государства от самого основания оного до новейших времен / Пер. с нем. В 2 т. М.: Университетская типография, 1828.
- Калверт Ф. Путешествие лорда Балтимура из Константинополя через Румелию, Болгарию, Молдавию, Польшу, Германию и Францию в Лондон. СПб.: Военная коллегия, 1776.
- Кальер Ф. Каким образом договариваться с государями. СПб.: Академия наук, 1772. Т. 1.
- Кантакузин К. Картина Валахии // Вестник Европы. 1810. Ч. 52. № 14. С. 144–151.
- [Кантемир Д.] Книга Систима, или Состояние мухамеданския религии. СПб.: [Б.и.], 1722.
- [Караджич В.] Описание сербского народа // Вестник Европы. 1827. Ч. 155. № 14. С. 134–145; № 15. С. 215–222; № 16. С. 297–309; Ч. 156. № 17. С. 56–66; № 18. С. 128–141.
- Клеман Н.Э. Клеманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджакских татар и во весь Крым с возвращением через Константинополь, Смирну и Триест в Австрию 1768–1770 гг. СПб.: Военная коллегия, 1783.
- Клемент Н.М. Год в плену у турок // Морской сборник. 1857. Т. 28. № 3. С. 32–62.
- Книга историография початия имени, славы и расширения народа славянского. СПб.: [Б.и.], 1722.

- [Ковалевский Е.П.] Воспоминания о берегах нижнего Дуная // Библиотека для чтения. 1844. Т. 65. С. 1–46.
- Ковалевский Е.П. Странствовать по суше и по морям. Ч. 4. Нижний Дунай и Балканы // Библиотека для чтения. 1849. Т. 94. С. 19–96.
- Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории // Собрание сочинений Е.П. Ковалевского. СПб.: Глазунов, 1871–1872. Т. 4. С. 4–157.
- Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийского берега. СПб.: Вильковский и Галиченков, 1786.
- Константинополь и турки. В 2 т. СПб.: Бородин, 1841–1843.
- Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Археографическая комиссия, 1884. С. 98.
- Космократов Т. [Титов В.П.] Восточная жизнь // Современник. 1837. № 4. С. 25–61.
- Кравень Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году. М.: Университетская типография, 1795.
- Краснокутский А.Г. Дневные записки поездки в Константинополь А.Г. Краснокутского в 1808 году. М.: Селиванский, 1815.
- [Крижанич Ю.] О Промысле. Сочинение того же автора, как и Русское государство в половине XVII в. / Ред. П.С. Бессонов. М.: Семен, 1860.
- Кутузов Н.И. Воспоминание о генерал-фельдмаршале графе Петре Александровиче Румянцеве-Задунайском // Отечественные записки. 1845. № 3. С. 35–80.
- Ладыженский М.В. Взгляд на Европейскую Турцию и окрестности Константинополя в топографическом и военном отношении с присовокуплением описания главнейших постановлений Оттоманской империи. СПб.: Свешников, 1828.
- Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией, 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. № 5. С. 432–448; № 6. С. 577–615; № 7. С. 69–100; № 8. С. 311–329; № 9. С. 563–583; № 10. С. 153–163; № 11. С. 427–437; 1908. № 2. С. 477–489; № 3. С. 711–726; № 4. С. 225–240; № 6. С. 661–696; № 7. С. 159–209; № 8. С. 401–428; № 9. С. 661–672; № 10. С. 267–288; № 11. С. 511–529; 1909. № 6. С. 535–590; № 7. С. 163–206; № 8. С. 379–396; № 9. С. 411–431; 1910. № 7. С. 167–182; № 8. С. 341–361; № 9. С. 527–546; № 10. С. 211–230; 1911. № 7. С. 121–146.
- Левашев П.А. Картина или описание всех нашествий на Россию Татар и Турков. СПб.: Богданович, 1792.
- Левашев П.А. Плен и страдание россиян у турков. СПб.: [Б.и.], 1790.
- [Левашев П.А.] Цареградские письма // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины Второй / Ред. А.Я. Хазизова. М.: Восточная литература, 1995. С. 36–98.
- Лесков Н.С. Вдохновенные бродяги (Удалецкие «скаски») // Н.С. Лесков. Полное собрание сочинений. СПб.: Суворин, 1897. Т. 12.
- Линь Ш.Ж. де. Два письма принца де Линя // Вестник Европы. 1808. Ч. 48. № 21. С. 7–23.

- Липранди И.П.* Взаимное действие пехоты, конницы и артиллерии у турок. СПб.: Военная типография, 1854.
- Липранди И.П.* Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турции. Дунайские княжества М.: Императорское Общество Истории и Древностей Российских, 1877.
- Липранди И.П.* Некоторые замечания по поводу двух сочинений, вышедших под заглавием «Малая война». СПб.: Министерство внутренних дел, 1851.
- Липранди И.П.* Обзорение пространства, служившего театром войны России с Турцией с 1806 по 1812 год. СПб.: Генеральный штаб, 1854.
- Липранди И.П.* Общие сведения о Европейской Турции. Из Записок И.П. Липранди // ЧИОИДР. 1876. № 4. С. 15–44.
- Липранди И.П.* Осады турецких крепостей. СПб.: Военная типография, 1855.
- Липранди И.П.* Особенности войн с турками. СПб.: Фомин, 1877.
- Лугинин Ф.* Взгляд на турецкое правление // Сын Отечества. 1827. Ч. 118. № 20. С. 389–396.
- Лукьянов И.* Путешествие во Святую Землю московского священника Иоанна Лукьянова в 1701–1703 гг. М.: Лазаревский институт восточных языков, 1862.
- Лызов А.И.* Скифская история / Ред. Е.В. Чистякова, А.П. Богданов. М.: Наука, 1990.
- М.И. Кутузов.* Сборник материалов / Л.Г. Бескоровный. М.: Военное издательство, 1950–1956.
- Макарий и Сильвестр.* Путь нам иеромонахам Макарию и Сильвестру из монастыря Всемилоствитого Спаса Новгорода Северского до Святого Града Иерусалима поклониться Гробу // ЧИОИДР. 1873. № 3. С. 1–26.
- Мак-Фарлан Ш.* О причинах нынешнего положения Турции // Вестник Европы. 1829. Ч. 168. № 17. С. 63–67.
- [*Малиновский В.Ф.*] Записки о Молдавии // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. № 2. С. 417–425; № 3. С. 213–229; № 6. С. 33–39; № 7. С. 56–71; № 8. С. 90–123.
- [*Мальт-Брюн К.*] Статья о Турции из Парижа // Вестник Европы. 1821. Ч. 121. № 20. С. 302–308.
- Маништейн К.Г.* Записки Манштейна о России. СПб.: Балашов, 1875.
- Марсильи Л.М.* Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком. СПб.: [Б.и.], 1737.
- Мартос А.И.* Записки инженерного офицера Мартоса // Русский архив. 1893. № 7. С. 305–368; № 8. С. 449–519.
- Мартос А.И.* Отрывок из писем русского офицера // Сын Отечества. 1819. Ч. 57. № 44. С. 165–170.
- Мармон О.* Путешествия Маршала Мармона, герцога Рагузского. В 4 т. М.: Степанов, 1840.
- Марченко М.К.* Россия и Турция в XIX столетии (обстановка четырех последних войн). СПб.: Березовский, 1898.

- Мечта о русском единстве. Киевский синопсис / О.Я. Сапожникова, И.Ю. Сапожникова. М.: Европа, 2006.
- Миних Б.Х. Записки фельдмаршала графа Миниха / Ред. С.Н. Шубинский. СПб.: Безобразов, 1874.
- Михайловский-Данилевский А.И. Записки // Русская старина. 1893. № 7. С. 177–207; № 8. С. 356–387.
- Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра Первого с 1806 по 1812 гг. В 2 т. СПб.: Штаб отдельного корпуса внутренней стражи, 1843.
- Моро-де-Бразе Ш. Записки Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 г.) // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.: АН СССР, 1950. Т. 10. С. 368–419.
- Муравьев А.Н. Путешествие ко Святым Местам в 1830 году. В 2 т. СПб.: Третье отделение Собственной Е.И.В. канцелярии, 1832.
- Муравьев Н.Н. О войне 1855 г. в Малой Азии // Русский вестник. 1862. Т. 37. № 1. С. 310–341.
- Муравьев-Карский Н.Н. Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский архив. 1894. № 7. С. 351–411.
- Муравьев-Карский Н.Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 гг. В 4 т. М.: Мамонтов, 1969.
- Мураджа д'Оссон И. Полная картина Оттоманской империи. Т. 1. СПб.: Академия наук, 1795.
- Наказ, данный стольнику Илье Даниловичу Милославскому и дьяку Леонтию Лазоревскому по отправлении послами в Царьград // Временник ИОДР. 1850. № 9. С. 1–102.
- Негри А.Ф. Письмо к издателю Вестника Европы // Вестник Европы. 1812. № 5. С. 51–59.
- Нешастные приключения Василия Яковлевича Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода в трех частях света: В Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год. СПб.: Вильковский и Галиченков, 1787.
- Ольшеской М.Я. Русско-турецкая война за Кавказом // Русская старина. 1884. Т. 44.
- Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у Турок во второй половине XVII в. / Ред. П.А. Сырку // Православный палестинский сборник. 1890. Т. 30. С. 1–54.
- Описание церемониала, с которым Ее Императорского Величества чрезвычайный и полномочный посол господин генерал Румянцев в Константинополь свой тождественный въезд имел и сперва у Верховного Визиря на визите, а потом у Турецкого Султана на аудиенции был. СПб.: [Б.и.], 1741.
- Описание Черногории // Сын Отечества. 1818. Ч. 46. № 28. С. 50–59; № 29. С. 117–124.
- Отрощенко И.О. Записки генерала Отрощенко // Русский вестник. 1877. № 10. С. 508–537.
- О нынешнем состоянии Турции // Вестник Европы. 1816. Ч. 89. № 20. С. 281–299.

- О Православном Востоке. Три записки, составленные в 1848 г. // Русский архив. 1878. № 1–4. С. 111–124.
- О путевых записках Ю.И. Венелина // Записки отдела рукописей. Вып. 51. М.: Российская государственная библиотека, 2000. С. 217.
- О силе фанариотов в Турецком правительстве // Сын Отечества. 1828. Ч. 125. № 19. С. 381–391.
- О Театре войны, славно кончившейся Адрианопольским миром // Вестник Европы. 1829. Ч. 168. № 18. С. 147–152.
- О турецкой земле и о турках // Примечания на ведомости. 1739. № 21–22. С. 81–88; № 23–24. С. 89–96; № 25–26. С. 97–108.
- Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымом, ногами и Турцией // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1895. Т. 95.
- Памятники дипломатических сношений с Римской империей. В 10 т. СПб.: Собственная Е.И.В. Канцелярия, 1851–1871.
- Панафидин П.И. Письма морского офицера, 1806–1809. Петроград: Морское министерство, 1916.
- Парфений [Агеев П.] Сказание о странствовании и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. В 4 т. М.: Семен, 1855.
- Пересветов И.С. Большая челобитная // Библиотека литературы Древней Руси / Ред. Д.С. Лихачев и др. СПб.: Наука, 1997–2006. Т. 6. С. 433–451.
- Петрович В. История о Черной Горы // ЧИОИДР. 1860. № 2. С. 1–16.
- Письма князя В.П. Кочубея графу С.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова / Ред. П.И. Бартенев. М.: Мамонтов, 1880. Т. 18. С. 1–295.
- Письма князя С.Р. Воронцова его отцу графу И.Р. Воронцову // Архив кн. Воронцова. Т. 16. С. 1–148.
- Повесть о взятии Царьграда Турками // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 216–267.
- Полевой Н.А. История князя италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб.: Journal de Petersburg, 1843.
- Поляков Н. Турция в ее прошедшее и настоящее время. М.: Степанов, 1855.
- Попов Н.А. Путешествие в Черногорию. СПб.: Прац, 1847.
- Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь // Петр I. Материалы для биографии / Ред. М.М. Богословский. М.: Огиз-Госполитиздат, 1948. Т. 5.
- Посольство князя Меншикова и его пребывание в Константинополе // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Ред. Н.Ф. Дубровин. СПб.: Департамент уделов, 1871. Т. 1.
- Предсказание о падении Турецкого царства аравийского звездослова Муста-Эддина. СПб.: Богданович, 1789.
- Приключения чешского дворянина Врацлава в Константинополе и тяжелой неволе у турок, с австрийским посольством / К.М. Победоносцев. СПб.: Министерство путей сообщения, 1877.
- Прозоровский А.А. Записки генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского / Ред. А.К. Афанасьев. М.: Российский архив, 2004.

- [Прокудин-Горский М.И.] Письма или уведомления в Москву бывшего в Константинополе в 1760 году дворянином посольства лейб-гвардии Преображенского полку сержанта М.П. // Ежемесячные сочинения. 1764. Т. 20. С. 62–85.
- [Пуквиль Ф.] Картина Турецкого войска // Вестник Европы. 1822. Ч. 123. № 17. С. 228–231.
- [Пуквиль Ф.] Обычай, поверья и предрассудки нынешних греков // Вестник Европы. 1827. Ч. 152. № 5. С. 51–68; № 6. С. 290–300.
- Путята Н.В. Письмо Н.В. Путята Е.А. Боратынскому из Адрианополя в 1829 г. // Русский архив. 1878. № 1. С. 215–222.
- Пушкин А.Н. Взгляд на военное состояние Турецкой империи // Сын Отечества. 1826. Ч. 107. № 9. С. 74–90; № 10. С. 173–191; № 11. С. 264–274.
- Различные записки, касающиеся до турок // Растущий виноград. 1785. № 69. С. 25–44.
- Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланные из Разряда в Патриарший дворцовый приказ для допросов // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. СПб.: Пантелеевы, 1875. Т. 2. С. 598–668.
- Рибопьер А.И. Записки графа А.И. Рибопьера // Русский архив. 1877. № 5. С. 5–36.
- [Рико П.] Монархия Турецкая описанная через бывшего английского секретаря посольства при Оттоманской Порте. Перевод с Польского. СПб.: [Б.и.], 1741.
- Робертсон В. История государственования Императора Карла Пятого / Пер. С. Смирнов. В 2 т. СПб.: Академия наук, 1778.
- Розальон-Сошальский А.Г. Записки русского офицера, бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. № 5. С. 173–220; № 6. С. 351–386; № 7. С. 17–34.
- Руйе А. Султан Махмуд и министры его // Сын Отечества. 1838. Т. 3 (второе двадцатипятилетие). С. 65–105.
- Сакович М.П. Действия Суворова в Турции в 1773 году. СПб.: Край, 1853.
- Сафонова В.А. Выписки из журнала В. Сафонова, лейтенанта корвета Флоры // П.П. Свинын. Воспоминания на флоте. СПб.: Плавильщиков, 1819. Т. 3. С. 92–117.
- Свинын П.П. Воспоминания о плавании российского флота под командою вице-адмирала Сенявина в водах Средиземного моря // Сын Отечества. 1816. Ч. 34. № 47. С. 48–53.
- Свинын П.П. Письмо к брату из Хотина // Сын Отечества. 1816. Ч. 31. № 30. С. 141–150.
- Сенковский О.И. Рассказ Резми эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией (1769–1776) // Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. С. 1–78.
- Сенковский О.И. Способности и мнения европейских путешественников по Востоку // Библиотека для чтения. 1835. Т. 13. С. 130.

- Серапион*. Путник или путешествие в Святую Землю Матренинского монастыря инок Серапиона 1749 года // ЧИОИДР. 1873. № 3. С. 78–129.
- Сильвестр из Ливорно*. Известие о замечательном происшествии, недавно случившемся // Киевская старина. 1883. № 6. С. 224–228.
- Созонович С.И.* Жизнь, характер и военные деяния генерала-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. М.: Бекетов, 1803.
- Спиридов А.М.* Краткое обозрение народов Славянского племени в европейской части Турецкой империи // Северный Архив. 1825. № 14. С. 85–117; № 15. С. 191–234.
- Список с челобитной Василя Васильева сына Полозова // Русский архив. 1865. № 3. С. 19–24.
- Сравнительное состояние турецких и египетских военных сил // Военный журнал. 1837. № 2. С. 93–140.
- Статейный список И.П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / Ред. Д.С. Лихачев. М.: АН СССР, 1954. С. 63–99.
- Статейный список о посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Царьград в 7150 г. // Временник ИОДР. 1850. № 7. С. 1–136.
- Статистические сведения о черногорской области // Вестник Европы. 1807. Ч. 36. № 22. С. 144–119.
- Статьи из Энциклопедии, принадлежащие к Турции. В 2 т. СПб.: Академия наук, 1769.
- Раан М.Л.* Перечень из собственного журнала в продолжение прошедшей войны. СПб.: Государственная военная коллегия, 1792.
- Раич Й.* История разных словенских народов, наипаче же болгар, хорватов и сербов. М.: Корпус чужестранных единоверцев, 1795.
- Тейльс В.* Известия служащие к истории Карла XII, короля шведского. М.: Университетская типография, 1789. Т. 1.
- Тепляков В.Г.* Письма из Болгарии. М.: Семен, 1833.
- Толстой П.А.* Письма П.А. Толстого к его брату И.А. Толстому // Русский архив. 1864. № 5–6. С. 144–160.
- Толстой П.А.* Путевой дневник П.А. Толстого // Русский архив. 1881. № 2. С. 161–204; № 3. С. 321–368; № 4. С. 505–552; № 5. С. 5–62; № 6. С. 113–156; № 7. С. 225–264; № 8. С. 369–400.
- Толстой П.А.* Русский посол в Стамбуле / Ред. М.Р. Арунова, С.Ф. Орешкина. М.: Наука, 1985.
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания русского офицера. М.: Арио-XX, 2002.
- Турецкая империя в древнем и нынешнем ее состоянии. М.: Кузнецов, 1829.
- Турция накануне Полтавской битвы. Глазами австрийского дипломата / Ред. Шутой В.Е. М.: Наука, 1977.
- Тучков С.А.* Записки С.А. Тучкова // Русский вестник. 1906. № 8. С. 347–383.
- Убичини М.А.* Изображение современного состояния Турции. СПб.: Собственная Е.И.В. канцелярия, 1854.

- Фишер И.О. О происхождении молдавцев, о их языке, знатнейших приключениях, вере, нравах и поведении // Месяцеслов, на лето от Рождества Христова 1770. СПб.: Академия наук, 1769. С. 31–76.
- Фонтон Ф.П. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры дунайской армии в 1828 и 1829 гг. В 2 т. Лейпциг: Франц Вагнер, 1862.
- Француз в Константинополе или ясное и точное описание турецкого народа. СПб.: Селиванский, 1794.
- Халем Г.А. Жизнь графа Миниха, императорского российского генерал-фельдмаршала. В 2 Т. СПб.: Университетская типография, 1806.
- Халиппа И.Н. Описание архива господ Сенаторов, председательствовавших в диванах княжеств Молдавии и Валахии с 1808 по 1813 год // Труды Бессарабской губернской учено-архивной комиссии / Ред. И.Н. Халиппа. Кишинев: Шлиомович, 1900. Т. 1. С. 327–374; Т. 2. С. 341–424; Т. 3. С. 442–508.
- Хатов А.И. Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 г. СПб.: Военная типография, 1840.
- Хметевский С.П. Журнал Степана Петрова сына Хметевского о военных действиях русского флота в архипелаге и у берегов Малой Азии 1770–1774 // Современник. 1855. № 1. С. 37–82; № 2. С. 111–170.
- Цебриков Р.М. Вокруг Очакова. 1788 г. (Дневник очевидца) // Русская старина. 1895. № 9. С. 147–212.
- Челобитная калужского стрельца Ивана Семеновича Мошкина // ЧИОИДР. 1894. Кн. 2. С. 20–28.
- Чрезвычайное посольство к Порте Оттоманской в 1699 и 1700 гг. для заключения мирного договора на 30 лет // Отечественные записки. 1827. Ч. 29. № 82. С. 197–215; № 83. С. 457–486.
- Черногория и ее жители // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1849. № 323. С. 275–288.
- Шатобриан Ф.Р. Отрывки из путешествия господина Шатобриана // Вестник Европы. 1807. Ч. 35. № 18. С. 82–91.
- Шевырев С.П. Антиохийская церковь. СПб.: Министерство внутренних дел, 1850.
- Штрэндман Г.Е. Записки // Русская старина. 1882. № 5. С. 289–318.
- Энгельгардт Л.Н. Записки / Ред. И.М. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 1997.
- [Юшери де Сен-Дени А.] Отрывки о Турции // Сын Отечества. 1821. Ч. 72. № 36. С. 97–115; Ч. 74. № 47. С. 21–30; № 48. С. 69–80; № 49. С. 97–113.
- Яковенко И.П. Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и российской Бессарабской области. СПб.: Смирдин, 1828.
- Яковенко И.П. Молдавия и Валахия с 1820 по 1829 г. СПб.: Греч, 1834.

- L'Abbé Laugier*. Histoire des négociations pour la paix conclue à Belgrade. Paris: Duchesne, 1768. Vol. 1.
- [*Badia y Leblich D.*] Travels of Ali Bey in Morocco, Tripoli, Cyprus, Egypt, Arabia, Syria, and Turkey. 2 vols. Philadelphia: James Maxwell, 1816.
- Baur F.W.* Mémoires historiques et géographiques sur la Valachie. Frankfort; Leipzig: Broenner, 1778.
- Bonald L. de*. Sur la Turquie // *Journal des Débats*. 20 September 1821. P. 1–3.
- [*Bonneval C.A. de.*] Relation de deux rebellions arrivées à Constantinople en 1730 en 1731 dans la déposition d'Ahmed III et l'élévation au trône de Mahomet V. La Haye: Clousier, 1737.
- Cantemir D.* The History of the Growth and Decay of the Othman Empire / Trans. N. Tindal. 2 vols. London: Knapton, 1734–1735.
- Chesney F.R.* The Russian-Turkish Campaigns of 1828 and 1829: With a View of the Present State of Affairs in the East. New York: Redfield, 1854.
- Ciriacy F. von*. Théâtre de la guerre autrichien et russe dans la Turquie d'Europe. Paris: F.G. Levirault, 1828.
- Chateaubriand F.R.* Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris. 3 vols. Paris: Le Normant, 1811.
- Correspondence Respecting the Rights and Privileges of the Latin and Greek Churches in Turkey. London: Harrison and Sons, 1854.
- Damas R. de*. Memoirs of the Comte Roger de Damas / Trans. R. Stawell. London: Chapman and Hall, 1913.
- Demidov A.* Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par l'Hongrie, la Valachie et la Moldavie. Paris: Ernest Bourdin, 1840.
- Deval Ch.* Deux années à Constantinople et en Morée (1825–1826). Paris: Nepveu, 1827.
- Dirsch G.C. der*. Historische Nachricht von der Röm. Kayserl. Groß-Botschaft nach Constantinopel. Nürnberg: Monath, 1723.
- The Dispatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710–1714) / Ed. A.N. Kurat. London: Offices of the Royal Historical Society, Camden Third Series, Vol. 78, 1953.
- Distinta relazione della solenne entrata fatta in Vienna dal gran ambasciatore Ottomano Ibrahim Pascià Beiler Bey di Rumelia, seguita li 30 gennaio 1700. Roma: Luca Antonio Chracas, 1700.
- Eton W.* A Survey of the Turkish Empire. London: Cardel and Davies, 1798.
- Hammer-Purgstall J. von*. L'Histoire de l'Empire Ottoman. Paris: Bellizard, Barthes, Dufour and Lowell, 1839–1841.
- Herder J.G.* Outlines of a Philosophy of the History of Man. 2nd ed. London: Luke Hanford, 1803.
- Keppel G.Th.* Earl of Albemarle. A Narrative of a Journey Across the Balkan. London: Colburn and Bentley, 1831.
- Keraglio L.-F. G. de*. L'Histoire de la guerre des russes et des impériaux contre les turcs en 1736, 1737, 1738 et 1739. 2 vols. Paris: Debures, 1780.
- Keraglio L.-F. G. de*. Histoire de la dernière guerre des Russes contre les Turcs en 1769. 2 vols. Paris: Dasaint, 1777.

- Langeron L.A.A.* Journal des campagnes faites en service de Russie // Documente privitoare la istoria românilor. Supplement 1. București: Socecu, 1885–1896. Vol. 3. P. 70–370.
- MacFarlane Ch.* Constantinople in 1828. London: Saunders and Otley, 1829.
- MacFarlane Ch.* Constantinople et la Turquie en 1828. 3 vols / Trans. M.M. Nettemment. Paris: Moutardier, 1829–1830.
- Malte-Brun C.* Aperçus sur la grandeur et la décadence de l'Empire Ottoman // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire. 1821. Vol. 11.
- Marmont A.* The Present State of the Turkish Empire / Trans. and ed. Frederick Smith. London: Oliver, 1839.
- Marmont A.* Voyage du maréchal Marmont, duc de Raguse. 4 vols. Paris: Ladvocat, 1837.
- Moltke H. von.* Der russisch-türkische Feldzug 1828–1829. Berlin: G. Reimer, 1845.
- Monteith W.* Kars and Erzeroum: with the Campaigns of Prince Paskiewitch in 1828 and 1829. London: Longman et als., 1856.
- Moreau de Brasey J.* Mémoires politiques, amusants et satiriques de messire J.N.D.B.C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne. 3 vols. Veritopolie: Jean Disant-vrai, 1735.
- Mubadele.* An Ottoman-Russian Exchange of Ambassadors / Eds. and trans. N. Itzkowit, M. Mote. Chicago; London: University of Chicago Press, 1970.
- Perceval Ch. de.* Précis historique de la guerre des turcs contre les russes, depuis l'année 1768 jusqu'à l'année 1774. Paris: Le Normant, 1822.
- Pouqueville F.* Histoire de la regeneration de la Grèce. 4 vols. Paris: Firmin Didot, 1824.
- Pouqueville F.* Voyage dans la Grèce. Paris: Firmin Didot, 1822–1827.
- Raffenel C.R.* Histoire des évènements de la Grèce. Paris: Dondey & Dupré, 1822.
- Robert C.* Le monde gréco-slave // Revue de deux mondes. 1842. Vol. 29. P. 380–430.
- Richelieu, Armand Emmanuel Sophie Septimeanie de Vignerot du Plessis, duc de.* Journal de mon voyage en Allemagne // СИPIO. 1886. T. 54. C. 189.
- Sainte-Ange X.R.* Précis historique et géographique des deux dernières guerres de la Russie contre la Turquie, 1810–1811 et 1828–1829. Bruxelles: Meline, Cans et al., 1853.
- Simpert, Abbe of Nesperheim,* Diarium ou Relation curieuse d'un voyage de Vienne à Constantinople et de là en Allemagne. Augsbourg: n.p., 1701.
- [*Struve J. von*] Travels in the Crimea. A History of the Embassy from St. Petersburg to Constantinople in 1793. London: S. Hamilton, 1802.
- Tott F. de.* Mémoires du baron de Tott, sur les turcs et les tartars. 2 vols. Amsterdam: [n.p.], 1785.
- Traité de tactique: ou, Méthode artificielle pour l'ordonnance des troupes. Vienna: Trattenern, 1769.
- Ubicini M.A.* Lettres sur la Turquie. Paris: Dumaine, 1853.
- Valentini G.W. von.* Précis des dernières guerres des russes contre les turcs. Paris: Schubart and Heideloff, 1828.

- Valentini G.W.* Military Reflections on Turkey by Baron von Valentini. London: Rivlington, 1828.
- Voltaire F.M.A.* L'Histoire de la Russie sous Pierre le Grand. 2 vols. Paris: Librairie de la Bibliothèque Nationale, 1880.
- Voltaire* — Catherine II, Correspondance, 1763–1778 / Ed. Alexandre Stroeve. Paris: Non Lieu, 2006.
- Walsh R.* Voyage en Turquie et Constantinople. Paris: Moutardier, 1828.
- Walsh R.* Narrative of a Journey from Constantinople to England. London: Westley and Davis, 1828.
- Warnery Ch. de.* Remarques sur le militaire des turcs et des russes, sur la façon la plus convenable de combattre les premiers. Breslau: Korn, 1771.

Литература

- Анишаков Ю.П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856). М.: Институт славяноведения РАН, 1998.
- Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи, последняя треть XVIII — начало XX в. М.: МПГУ, 2004.
- Арш Г.Л.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. М.: Наука, 1976.
- Арш Л.Г.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М.: Наука, 1970.
- Бажова А.П.* Россия и югославы в конце XVIII — начале XIX века. М.: Институт российской истории РАН, 1996.
- Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1982.
- Бессонов П.А.* Некоторые черты путешествия Ю.И. Венелина в Болгарию. М.: Степанов, 1857.
- Бережков М.Н.* План завоевания Крыма, составленный в царствование Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб.: Балашов, 1891.
- Бережков М.Н.* Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса: Шульце, 1888.
- Век Екатерины II. Дела Балканские / Ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 2000.
- Витол А.В.* Османская империя и международные отношения в 1718–1735 гг. // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура / Ред. С.Ф. Орешкова. М.: Наука, 1990. С. 306–321.
- Витол А.В.* Османская империя начала XVIII в. и преобразования Петра I в России (военный аспект) // XVIII век: Славянские и балканские народы и Россия / Ред. И.И. Лещиловская. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 91–98.
- Вишленкова Е.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России в первой четверти XIX века. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002.

- Водарский Е.Я. Загадки Прутского похода Петра I. М.: Наука, 2004.
- Даницг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М.: Наука, 1973.
- Даницг Б.М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1968.
- Дзюба Е.М., Киселева П.В. В. Баранщиков: Загадки личности и поэтика прозы нижегородского мещанина // Нижегородский текст русской словесности: межвузовский сборник научных статей / Ред. В.Т. Захаров. Нижний Новгород: НГПУ, 2007. С. 280–289.
- Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Белоруссии и Литве при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей первой трети XIX века. М.: Наука, 1972.
- Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М.: Наука, 1980.
- Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999.
- Горяинов С.М. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском главных архивах. СПб.: Скороходов, 1907.
- Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20-е — 30-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1966.
- Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России, 1774–1806. Кишинев: Штиинца, 1975.
- Густерин П.В. Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М.: Восточная книга, 2008.
- Жигарев С.А. Российская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX веках, критические оценки и будущие задачи). Историко-юридические очерки. В 2 т. М.: Университетская типография, 1896.
- Забелин Е.И. Русские посольства в Турцию в XVII столетии // Русская старина. 1877. № 9. С. 1–34.
- Западные окраины Российской империи / Ред. М.Д. Долбилов, А.И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М.: Наука, 1958.
- Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Из истории русско-болгарских отношений / Ред. Л.Б. Валева. М.: АН СССР, 1958.
- Иовва И.Ф. Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев: Штиинца, 1974.
- История отечественного востоковедения до середины XIX века / Г.Ф. Ким, П.М. Шаститко. М.: Наука, 1990.
- История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко. М.: Восточная литература, 1997.

- Истрин В.М.* Путешествия А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. Петроград: Академия наук, 1915.
- Ишутин В.В.* Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 89.
- Казаков Н.И.* Из истории русско-болгарских связей в период войны России с Турцией в 1806–1812 гг. // Вопросы истории. 1955. № 5. С. 42–55.
- Калоева И.А.* Изучение южных славян в России в XVIII — первой половине XIX в. М.: ИНИОН РАН, 2002.
- Кантлеров Н.Ф.* Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и в XVII столетиях. М.: Снегирев, 1885.
- Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика. М.: Прометей, 2000.
- Карпов Г.Ф.* Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508–1517 годах // Известия Московского университета. 1865. № 4. С. 1–32.
- Кессельбреннер Г.Л.* Хроника одной дипломатической карьеры. Дипломат-востоковед С.Л. Лашкарев и его время. М.: Наука, 1987.
- Керимова М.М.* Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997.
- Костяшев Ю.В.* Йован Белевич и его «Описание Черногории» // Славяноведение. 1998. № 1. С. 38–43.
- Кочубинский А.А.* Граф Остерман и раздел Турции. Одесса: Штаб Одесского военного округа, 1899.
- Кочубинский А.А.* Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами. М.: Университетская типография, 1872.
- Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия в 30–40-х годах XIX века. М.: Институт российской истории РАН, 2002.
- Кудрявцева Е.П.* Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX в. М.: Наука, 2011.
- Куприянов П.С.* Маскулинность и плен // Мужской сборник. 2007. № 3. С. 199–216.
- Кушко А., Таки В.* Бессарабия в составе Российской империи, 1812–1917. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Ладыженский А.М.* Отмена капитуляций в Турции. М.: Кушнер, 1914.
- Лециловская И.И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб.: Алетей, 2006.
- Калиганов И.И.* Болгары глазами русских в XIX столетии // Славянский мир в глазах России: Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе / Ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 107–137.
- Клюевский В.О.* О русской истории. М.: Просвещение, 1993.
- Миллер А.И.* Империя и нация в воображении русского национализма // Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 147–170.
- Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении. СПб.: Алетей, 2000.

- Михнева Р.А. К вопросу о русско-турецких отношениях после Белградского мира (чрезвычайное посольство в Турцию А.И. Румянцева) // *Etudes Balkaniques*. 1979. No. 4. P. 91–107.
- Михнева Р.А. Россия и Османская империя в международных отношениях середины XVIII века. М.: Наука, 1985. С. 47–63.
- Мыльников А.С. Картина Славянского мира. Взгляд из Восточной Европы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.
- Неклюдов А.В. Начало сношений России с Турцией. Посол Ивана III-го Плещеев // Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел. 1883. № 3–4. С. 1–53.
- Некрасов Г.А. Международное признание российского великодержавия в XVIII веке // *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе* / Ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1972. С. 381–389.
- Никулина М.В. Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.) // *Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки Тартуского университета*. 1981. № 573. С. 43–61.
- Никулина М.В. Путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю.И. Венелин в болгарском возрождении / Ред. Г.К. Венедиктов. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 122–147.
- Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.: АН СССР, 1948.
- Орешкова С.Ф. Неизвестное турецкое сочинение середины XVIII века об отношениях с Россией и османском понимании европейских международных отношений того времени // *Османская империя: проблемы внешней политики и отношения с Россией* / Ред. С.Ф. Орешкова. М.: Институт Востоковедения, 1996. С. 129–146.
- Ортайлы И. Россия после реформ Петра I и османская общественная мысль XIX — начала XX в. // *Османская империя: проблемы внешней политики и отношения с Россией*. С. 222–226.
- Петров А.Н. Влияние русско-турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. СПб.: Военная типография, 1894.
- Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. В 5 т. СПб.: Веймар, 1866–1874.
- Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование Екатерины-Второй. СПб.: Голике, 1880.
- Петров А.Н. Война России с Турцией, 1806–1812. В 3 т. СПб.: Военная типография, 1885–1887.
- Петров А.Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания, 1853–1854. В 2 т. СПб.: Военная типография, 1890.
- Политические и культурные отношения России с югославянскими землями. Документы / Ред. А.Л. Нарочницкий, Н. Петрович. М.: Наука, 1984.

- Проскурина В.Ю. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины Второй. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. В 2 т. СПб.: Стасюлевич, 1879–1881.
- Русские военные востоковеды: Биографический словарь / Ред. М.К. Башканов. М.: Восточная литература, 2005.
- Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006.
- Сверчевская А.К., Черман Т.П. Библиография Турции. М.: Восточная литература, 1961. Т. 1.
- Северный Кавказ в составе Российской империи / Ред. В.О. Бобровников. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Сибирь в составе Российской империи / Ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Смилянская Е.Б., Смилянская И.М., Велижев М.Б. Россия в Средиземноморье: Архипелагская экспедиция Екатерины II. М.: Индрик, 2006.
- Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. В 2 т. М.: Ученые записки МГУ, 1946. № 94.
- Смирнов С.О. О посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Турцию в 1643 году // Временник ИОДР. 1850. № 6. С. 13–58.
- Смолянинова М.Г. Юрий Венелин и Болгария // Славянский мир в глазах России: Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе / Ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 88–106.
- Станиславская А.М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России в Ионической республике. М.: Наука, 1976.
- Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798–1807. М.: АН СССР, 1962.
- Сумцев Н.Ф. Иоанникий Галатовский. К истории южнорусской литературы XVII века // Киевская старина. 1884. № 1. С. 1–20; № 2. С. 183–204; № 3. С. 371–390; № 4. С. 565–588.
- Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб.: Скороходов, 1887.
- Твертинова А.С. Извлечение из описания посольства в Россию Шехди-Османа в 1758 г. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Ред. А.С. Твертинова. М.: Наука, 1969. Ч. 2. С. 296–303.
- Теплов В.А. Представители европейских держав в прежнем Константинополе. СПб.: «Общественная польза», 1890.
- Теплов В.А. Русские представители в Царьграде, 1496–1891. СПб.: Суворин, 1891.
- Титов А.А. Константинополь в описании русского путешественника в половине XVIII века. М.: Московский университет, 1911.

- Флоря Б.Н. Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и в раннее новое время / Ред. Б.Н. Флоря. М.: Индрик, 1996. С. 174–187.
- Фрейденберг М.М. Степан Малый из Черногории // Вопросы истории. 1975. № 10. С. 118–132.
- Хитрова Н.И. Русско-черногорские связи в XVIII в. // XVIII век: Славянские балканские народы и Россия / Ред. И. Лещиловская. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 6–26.
- Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: Динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 69–79.
- Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. М.: Едиториал УРСС, 2001.
- Центральная Азия в составе Российской империи / Ред. С.Н. Абашин. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Шеремет В.И. Взаимные представления русских и турок (XVIII–XIX вв.) // Человек в контексте культуры. Славянский мир / Ред. И.И. Свирида. М.: Индрик, 1995. С. 219–234.
- Шеремет В.И. Русские и турки: развитие взаимных представлений // Россия и Балканы: Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII — 1878 г.) / Ред. И.С. Достян. М.: Индрик, 1995. С. 278–299.
- Шеремет В.И. Сафьяновы портфель М.И. Кутузова // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 75–78.
- Шмидт С.О. Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России / Ред. Н.В. Устюгов. М.: АН СССР, 1961. С. 30–34.
- Шпаро О.Б. Освобождение Греции и Россия (1821–1829). М.: Мысль, 1965.
- Штильмарк Р.А. Повесть о страннике российском. М.: Географическая литература, 1962.
- Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М.: Гацук, 1883.
- Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Лимбах, 2007.
- Ястржембский В.О. О капитуляциях в Османской империи. Харьков: Печатное дело, 1905.
- Abi-Mershed O. Apostles of Modernity: Saint-Simonians and the Civilizing Mission in Algeria. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010.
- Abu-El-Haj R. Formation of the Modern State: The Ottoman Empire, Sixteenth to Eighteenth Centuries. Albany: State University of New York Press, 1991.
- Adamovsky E. Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France, 1740s — 1880s. Bern: Peter Lang, 2006.
- Adamson J. The Making of Ancien-Regime Court, 1500–1700 // J. Adamson. The Princely Courts of Europe 1500–1700: Ritual, Politics, Culture under Ancien Regime. London: Weidenfeld & Nicolson, 1999. P. 7–41.

- Aksan V.* Breaking the Spell of Baron de Tott: Reframing the Question of Military Reform in the Ottoman Empire, 1760–1830 // *The International History Review*. 2002. Vol. 24. No. 2. P. 253–277.
- Aksan V.* Ottoman Wars 1700–1870: An Empire Besieged. Harlow: Longman/Pearson, 2007.
- Aksan V.* The One-Eyed Fighting the Blind: Mobilization, Supply and Command in the Russian-Turkish War of 1768–1774 // *The International History Review*. 1993. Vol. 15. No. 2. P. 221–238.
- Andreeva E.* Russia and Iran in the “Great Game”: Travelogues and Orientalism. London; New York: Routledge, 2008.
- Aron R.* Peace and War: A Theory of International Relations. London: Weidenfeld and Nicolson, 1966.
- Austin P.* The Exotic Prisoner in Russian Romanticism // *Russian Literature*. 1984. Vol. 16. P. 217–274.
- Baehr S.* From History to National Myth: Translatio Imperii in Eighteenth-Century Russia // *Russian Review*. 1978. Vol. 37. No. 1. P. 1–13.
- Bakic-Hayden M.* Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. No. 4. P. 917–993.
- Balisch A.* Infantry Battlefield Tactics in the Seventeenth and Eighteenth Centuries on the European and Turkish Theatres of War: The Austrian Responses to Different Conditions // *Studies in History and Politics*. 1983–1884. Vol. 3. P. 43–60.
- Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Imperial Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Batalden S.* Catherine II’s Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806. Boulder, CO: East European Monographs, 1982.
- Bell D.* The First Total War: Napoleon’s Europe and the Birth of Warfare as We Know It. Houghton: Mifflin Co., 2007.
- Beck B.* From the Rising of the Sun. English Images of the Ottoman Empire to 1715. New York: Peter Lang, 1987.
- Barratt G.P.* Notices sur l’insurrection des Grecs contre l’Empire Ottoman. A Russian View of the Greek War of Independence // *Balkan Studies*. 1973. No. 14. P. 47–115.
- Berridge G.R.* The Origins of the Diplomatic Corps // *The Diplomatic Corps as an Institution of International Society* / Eds. P. Sharp, G. Wiseman. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 15–30.
- Berridge G.R.* British Diplomacy in Turkey, 1583 to the Present. A Study in the Evolution of the Resident Embassy. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2006.
- Bhabha H.* Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse // H. Bhabha. The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994. P. 85–92.
- Billington J.* The Icon and the Axe. An Interpretative History of Russian Culture. New York: Knopf, 1966.
- Bitsis A.* Russia and the Eastern Question. Army, Government, and Society, 1815–1833. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Black J.* A History of Modern Diplomacy. London: Reaktion Books, 2010.

- Bobroff B.* Roads to Glory: Late Imperial Russia and the Turkish Straits. London: I.B. Tauris, 2006.
- Bohnstedt J.* The Infidel Scourge of God: The Turkish Menace as Seen by German Pamphleteers of the Reformation Era. Philadelphia, PA: The American Philosophical Society, 1968.
- Boogert M.H. van den.* The Capitulations and the Ottoman Legal System: Qadis, Consuls and Beraths in the Eighteenth Century. Berlin; Leiden: Brill, 2005.
- Bosscha Erdbrink G.R.* At the Threshold of Felicity: Ottoman-Dutch Relations during the Embassy of Cornelis Calkoen at the Sublime Porte, 1726–1744. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basemevi, 1975.
- Breyfogle N.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.
- Brower B.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London: Routledge Curzon, 2003.
- Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. New York, NY: Columbia University Press, 1977.
- Bushkovich P.* Religion and Society in Russia. The Sixteenth and the Seventeenth Centuries. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Canadine D.* Ornamentalism: How the British Saw Their Empire. New York: Oxford University Press, 2001.
- Carr E.* The Twenty Years Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1946 [1939].
- Chew S.* The Crescent and the Rose: Islam and England during the Renaissance. New York: Octagon Books, 1965.
- Clarke J.F.* Venelin and the Bulgarian Origins // The Pen and the Sword: Studies in Bulgarian History by James F. Clarke / Ed. D. Hupchick. Boulder, CO: East European Monographs, 1988. P. 132–150.
- Clissold S.* The Barbary Slaves. London: Elek, 1977.
- Coley L.* Captives: Britain, Empire and the World, 1600–1850. New York: Anchor Books, 2007.
- Crews R.* Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // American Historical Review. 2003. Vol. 108. No. 1. P. 50–83.
- Crews R.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.
- Cross A.G.* Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Christensen S.T.* The Heathen Order of Battle // Violence and the Absolutist State: Studies in the European and the Ottoman History / Ed. S.T. Christensen. Copenhagen: Center for Research in the Humanities, Copenhagen University, 1990. P. 75–138.
- Croskey R.* The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // Slavic Review. 1984. Vol. 42. No. 2. P. 257–269.
- Croskey R.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. New York: Garland Publishing, 1987.

- Daniel N.* Islam and the West: The Making of an Image. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press, 1962.
- Davies B.* Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. London; New York: Routledge, 2007.
- Davies B.* Empire and the Military Revolution: Russia's Turkish Wars in the Eighteenth Century. London; New York: Continuum, 2011.
- Davies R.* Christian Slaves, Muslim Masters: White Slavery in the Mediterranean, the Barbary Coast and Italy, 1500–1800. New York: Palgrave MacMillan, 2003.
- Desmet-Grégoire H.* Le Divan Magique: La France et l'Orient Turc au XVIIIème siècle. Paris: L'Hartmann, 1994.
- Dickinson S.* Russia's First "Orient": Characterizing Crimea in 1787 // *Orientalism and Empire in Russia* / Eds. Michael David Fox, Peter Halquist, and Alexander Martin. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2006. P. 85–106.
- Djuvara N.* Între Orient și Occident. Țările române la începutul epocii moderne. București, Humanitas, 1995.
- Eliade P.* Influenta franceza asupra spiritului public în România. Originile: studiu asupra starii societatii românești în vremea domniilor fanariote. Translated from French by Aurelia Dumitrascu. București: Humanitas, 2000 [1898].
- Eliade P.* La Roumanie au XIX-e siècle. Vol. 2. Les trois présidents plénipotentiaires (1828–1834). Paris: Hachette, 1914.
- Ferruta P.* Constantinople and the Saint-Simonian Search for the Female Messiah: Theoretical Premises and Travel Account from 1833 // *International Journal of the Humanities*. 2009. Vol. 6. No. 7. P. 67–72.
- Fichtner P.* Terror and Toleration: The Habsburg Empire Confronts Islam. New York: Reaktion Books, 2006.
- Figes O.* Crimea: The Last Crusade. London; New York: Penguin, 2011.
- Filitti I.C.* Principatele Române de la 1828 la 1834. Ocupația rusească și Regulamentul organic. București: Institutul de Arte Grafice "Bucovina", 1934.
- Finer S.* The History of Government from the Earliest Times. Vol. 1. Ancient Monarchies and Empires. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Fisher A.* Chattel Slavery in the Ottoman Empire // *Slavery and Abolition*. 1980. Vol. 1. No. 1. P. 25–41.
- Fisher A.* Enlightened Despotism and Islam under Catherine II // *Slavic Review*. 1968. Vol. 27. No. 4. P. 542–553.
- Fisher A.* Muscovite-Ottoman Relations in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Humaniora Islamica*. 1973. Vol. 1. P. 207–217.
- Fisher A.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade // A. Fisher. A Precarious Balance: Conflict, Trade, and Diplomacy on the Russian-Ottoman Frontier. Istanbul: Isis Press, 1999.
- Fodor P.* Piracy, Ransom Slavery and Trade: French Participation in the Liberation of the Ottoman Slaves from Malta during the 1620s // *Turcica*. 2001. Vol. 33. P. 119–134.
- Fontenay M.* The Barbary Coast and Mediterranean Slavery during the 16th and 17th Centuries // *Cahiers de Tunisie*. 1991. Vol. 44. No. 3–4. P. 7–43.

- Foucault M.* Security, Territory, Population. Lectures at the College de France, 1977–1978 / Eds. M. Sellenart, trans. G. Burchell. New York: Palgrave MacMillan, 2007 (см. рус. пер.: Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011).
- Foucault M.* The Government of Self and Others. Lectures at the College de France, 1982–1983 / Ed. M. Sellenart, trans. G. Burchell. New York: Palgrave Macmillan, 2011 (см. рус. пер.: Фуко М. Управление собой и другими. СПб.: Наука, 2011).
- Frary L.* Russian Consuls and the Greek War of Independence (1821–1831) // *Mediterranean Historical Review*. 2013. Vol. 28. No. 1. P. 46–65.
- Geraci R.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001 (см. рус. пер.: Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013).
- Gilpin R.* Global Political Economy — Understanding the International Economic Order. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Genio E.* Piracy and Redemption in the Aegean Sea during the First Half of the Eighteenth Century // *Turcica*. 2001. Vol. 33. P. 135–147.
- Goffman D.* Negotiating with the Renaissance State: the Ottoman Empire and the New Diplomacy // *The Early Modern Ottomans: Remapping the Empire* / Eds. D. Goffman, V. Askan. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 61–74.
- Goldfrank D.* Policy Traditions and the Menshikov's Mission of 1853 // *Imperial Russian Foreign Policy* / Ed. H. Ragsdale. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1993. P. 119–158.
- Goldfrank D.* The Holy Sepulcher and the Origins of the Crimean War // *The Military and Society in Russia, 1450–1917* / Eds. E. Lohr, M. Poe. Leiden: Brill, 2002. P. 491–505.
- Golub I., Bracewell W.* The Slavic Idea of Juraj Krizhanic // *Harvard Ukrainian Studies*. 1986. Vol. 10. No. 3–4. P. 438–491.
- Gorizontov L.* The “Great Circle” of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1917* / Eds. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2008. P. 67–93.
- Grygorieva T.* Symbols and Perceptions of Diplomatic Ceremony: Ambassadors of the Polish-Lithuanian Commonwealth in Istanbul // *Kommunikation durch symbolische Akte. Religiöse Heterogenität und politische Herrschaft in Polen-Litauen* / Ed. Y. Kleinmann. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. S. 115–131.
- Hartley J.* Russia, 1762–1825: Military Power, the State and the People. Westport, Conn.: Praeger, 2008.
- Herzog Ch., Motilka R.* Orientalism “alla Turca”: Late Nineteenth — Early Twentieth Century Ottoman Voyages into the Muslim “Outback” // *Die Welt der Islams*. 2000. Vol. 40. No. 2. P. 139–195.
- Hintzel F.* Osman Aga, un captive ottoman dans l'empire des Habsburg à la fin du XVIIe siècle // *Turcica*. 2001. Vol. 33. P. 191–213.

- Hitchins K.* The Idea of Nation: The Romanian of Transylvania, 1691–1848. Bucharest: Editura enciclopedică și științifică, 1985.
- Hokanson K.* Empire of the Imagination: Orientalism and the Construction of Russian National Identity in Pushkin, Marlinskii, Lermontov, and Tolstoi. Toronto: University of Toronto Press, 2008.
- Hopkins J.L.* The Bulgarian Orthodox Church. A Socio-Historical Analysis of the Evolving Relationship between Church Nation and State in Bulgaria. Boulder, Colo.: East European Monographs, 2009.
- Hosking G.* Russia, People and Empire, 1552–1917. London: HarperCollins Publishers, 1997.
- Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven: Yale University Press, 2000.
- Inalcik H.* A Case in the Renaissance Diplomacy: The Agreement between Innocent VIII and Bayezid II Regarding Djem Sultan // H. Inalcik. The Middle East and the Balkans under the Ottoman Empire. Essays on Economy and Society. Bloomington, IN: Indiana University Turkish Studies, 1993. P. 342–368.
- Inalcik H.* Power Relations Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire // *Passé Turco-Tatar et Present Soviétique: Studies Presented to A. Bennigsen*. Eds. Ch. Lemerrier-Quelquejay, G. Veinstein, S. Enders Wimbush. Paris: Peeters, 1986. P. 175–211.
- Inalcik H.* Service Labor in the Ottoman Empire // *The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds. The East European Patterns* / Eds. A. Ascher, T. Halasi-Kun, B. Király. New York: Brooklyn College, 1979. P. 25–43.
- Ivanics M.* Enslavement, Slave Labor and the Treatment of Captives in the Crimean Khanate // *Ransom Slavery Along the Ottoman Borders (Early Fifteenth — Early Eighteenth Centuries* / Eds. G. David, P. Fodor. Leiden: Brill, 2007. P. 201–207.
- Ingrao Ch.* The Habsburg Monarchy, 1618–1815. New York: Cambridge University Press, 2000.
- Jelavich B.* Russia and the Romanian National Cause, 1858–1859. Bloomington, IN: Slavic and East European Series, Indiana University Press, 1959.
- Jelavich B.* Russia and the Formation of the Romanian Nation-State. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1984.
- Jersild A.* Orientalism and Empire. North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal: McGill University Press, 2002.
- Jewsbury G.* Russian Annexation of Bessarabia, 1774–1828. A Study of Imperial Expansion. New York: Eastern European Monographs, 1976.
- Kane E.* Odessa as a Hajj Hub, 1880s–1910s // *Russia in Motion: Cultures of Human Mobility Since 1850* / Eds. E. Avrutin, J. Randolph. Urbana: University of Illinois Press, 2012. P. 107–125.
- Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München: C.H. Beck, 1992 (см. рус. пер.: Канпелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997).
- Karpat K.* The Formation of Modern Nationhood: Turkism and Pan-Islamism in Russian and the Ottoman Empire // *Karpat K. Politicization of Islam: Reconstructing*

- Identity, State, Faith and Community in the Late Ottoman State. Oxford University Press, 2001. P. 276–307.
- Keep J. Russian Army in the Seven Years War // *The Military and Society in Russia, 1497–1917* / Eds. E. Lohr, M. Poe. Leiden and Boston; Brill, 2002. P. 197–220.
- Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford: Clarendon Press, 1985.
- Kennedy-Grimstead P. Capodistrias and a “New Order” for Restoration Europe: The “Liberal Ideas” of a Russian Foreign Minister, 1814–1822 // *The Journal of Modern History*. 1968. Vol. 40. No. 2. P. 166–192.
- Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 74–100.
- Kołodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (fifteenth-eighteenth century): An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents. Leiden: Brill, 2000.
- Kołodziejczyk D. Slave Hunting and Slave Redemption as Business Enterprise: the Northern Black Sea Region in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Oriente Moderno*. 2006. Vol. 25. No. 1. P. 149–159.
- Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2010.
- Kizilov M. The Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources // *Journal of Early Modern History*. 2007. Vol. 11. No. 2. P. 1–31.
- Laidlaw C. The British and the Levant: Trade and Perceptions of the Ottoman Empire in the Eighteenth Century. London: I.B. Tauris, 2010.
- Layton S. Colonial Mimicry and Disenchantment in Alexander Druzhinin's “A Russian Circassian” and Other Stories // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60. No. 1. P. 55–71.
- Layton S. Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoi. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- LeDonne J. Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762–1796. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984.
- Lieven D. Empire: Russian Empire and Its Rivals. New Haven, CT: Yale University Press, 2001 (см. рус. пер.: *Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. М.: Европа, 2007).
- Lowe L. Critical Terrains: French and British Orientalisms. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.
- MacLean G. The Rise of Oriental Travel: English Visitors to the Ottoman Empire, 1580–1720. London: Palgrave Macmillan, 2006.
- Maggs B. “Imprisoned! Two Russian Narratives of Travel and Captivity in Asia in the late Eighteenth and the Early 19th Century: Filip Efremov in Central Asia and Vasilii Golovin in Japan // *Canadian Slavonic Papers*. 2010. Vol. 52. No. 3–4. P. 331–351.
- Malia M. Russia under the Western Eyes: From Bronze Horseman to Lenin's Mausoleum. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

- Makdisi U.* Ottoman Orientalism // *American Historical Review*. 2002. Vol. 107. No. 3. P. 768–796.
- Massie R.* Peter the Great: His Life and World. New York: Alfred A. Knopf, 1981.
- Marx K.* The Eastern Question: A Reprint of Letters Written 1853–1856 dealing with the Events of the Crimean War. New York: Franklin, 1968;
- Marx K.* Însemnări despre Români, manuscrise inedite. Бухарест: Editura politică, 1964.
- Marx K.* Revelations of the Diplomatic History of the Eighteenth Century // Marx K., Engels F. Collected Works. Moscow: Progress Publishers, 1975–2004. Vol. 15. P. 81.
- Marshal A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London; New York: Routledge, 2006.
- Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. London: Cape, 1955.
- Meienberger P.* Johann Rudolf Schmid zum Schwarzenhorn als kaiserlicher Resident in Konstantinopel in den Jahren 1629–1643. Bern: Herbert Lang; Frankfurt am Mein: Peter Lang, 1973.
- Meriage L.* Russia and the First Serbian Uprising, 1804–1813. New York: Garland Publishers, 1987.
- Miller A.* Between Local and Inter-Imperial: Russian Imperial History In Search of Paradigm // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. Vol. 5. No. 1. P. 7–26.
- Miller A.* The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / Ed. Kimitaka Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center, 2006. P. 11–24.
- Milosevic A.* The Festival Book Dedicated to the Exchange of Austrian and Turkish Deputations in 1719 // *The Peace of Passarowitz, 1718* / Eds. Ch. Ingrao, N. Samardzic, J. Pesali. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 2011. P. 239–253.
- Modernization of Russian Empire and Paradoxes of Orientalism* // *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2002. No. 1. P. 239–311.
- Morrison A.* Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Rieber A.* The Comparative Ecology of Complex Frontiers // *Imperial Rule* / Eds. A. Miller, Al. Rieber. Budapest: Central European University Press, 2004. P. 177–208.
- Meyer J.* Immigration, Return, and the Politics of Citizenship: Russian Muslims in the Ottoman Empire, 1870–1914 // *International Journal of Middle Eastern Studies*. 2007. Vol. 39. No. 2. P. 15–32.
- Morgenthau H.* Politics Among Nations. New York, NY: Alfred A. Knopf, 1948.
- Murphey R.* Ottoman Warfare, 1500–1700. London: USL Press, 1999.
- Murphy O.T.* Charles Gravier, Comte de Vergennes. The French Diplomacy in the Age of Revolution, 1709–1787. Albany, NY: State University of New York Press, 1982.

- Naff Th.* Reform and the Conduct of Ottoman Diplomacy in the Reign of Selim III // Journal of the American Oriental Society. 1963. Vol. 83. P. 295–315.
- Neumann I.* The Body of the Diplomat // European Journal of International Relations. 2008. Vol. 14. No. 4. P. 671–695.
- Neumann I.* Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. New York: Routledge, 1996.
- Neumann I.* Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
- Norris S.* A War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture and Russian National Identity, 1812–1945. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006.
- Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in the Russian Empire / Eds. R. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.
- Owen R.* The Middle East in the World Economy, 1800–1914. London: Methuen, 1981.
- Palfy G.* Ransom Slavery along the Ottoman-Hungarian Frontier in the Sixteenth and the Seventeenth Centuries // Ransom Slavery Along the Ottoman Frontiers (Early Fifteenth — Early Eighteenth Century) / G. David, P. Fodor. Leiden: Brill, 2007. P. 35–84.
- Philliou Ch.* Biography of an Empire: Governing the Ottomans in an Age of Revolution. Berkley, CA: University of California Press, 2011.
- Parker G.* Europe and the Wider World, 1500–1700: The Military Balance // The Political Economy of Merchant Empires / Ed. J. Tracy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991. P. 161–195.
- Paul M.* The Military Revolution in Russia, 1550–1682 // The Journal of Military History. 2004. Vol. 68. No. 1. P. 9–45.
- Petrovich M.* Catherine II and a False Peter III in Montenegro // American Slavic and East European Review. 1955. Vol. 14. No. 2. P. 169–194.
- Petrovich M.* The Russian Image in the Renaissance Bulgaria, 1760–1878 // East European Quarterly. 1967. Vol. 1. No. 2. P. 87–105.
- Poe M.* A People Born To Slavery: Russia in Early Modern Ethnography, 1478–1750. Ithaca: Cornell University Press, 2000.
- Porter B.* The Absent-Minded Imperialists: Empire, Society and Culture in Britain. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Prousis Th.* Russian Society and the Greek Revolution. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1994.
- Рязановский H.B.* A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801–1855. Oxford: Clarendon Press, 1976.
- Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven: Yale University Press, 1975.
- Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy in Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998.
- Rogers C.* The Military Revolution Debate: Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe. Boulder, CO: The Westview Press, 1995.
- Rosen W.* Early Modern Diplomatic Ceremonial: A Systems Approach // The Journal of Modern History. 1980. Vol. 52. No. 3. P. 452–476.

- Rouillard C. *The Turk in French History, Thought and Literature, 1520–1660*. Paris: Boivin, 1938.
- Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples / Eds. Daniel Brower, Edward L. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997.
- Russian History and the Debate over Orientalism* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 691–727.
- Russian Travellers to the Christian East From the Twelfth to the Twentieth Century* / Eds. Th. Stavrou, P. Weisensel. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 1986.
- Sahadeo J. *Russian Colonial Society in Tashkent, 1867–1923*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2006.
- Saul N. *Russia and the Mediterranean, 1797–1807*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1970.
- Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to Emigration*. New Haven, CT: Yale University Press, 2010.
- Schwoebel R. *The Shadow of the Crescent: The Renaissance Image of the Turk (1453–1517)*. New York: St. Martin's Press, 1967.
- Scott H. *Diplomatic Culture in Old Regime Europe* // *Cultures of Power in Europe in the Long Eighteenth Century* / Eds. H. Scott, B. Simms. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. P. 58–85.
- Schwab R. *La Renaissance Orientale*. Paris: Payot, 1950.
- Segel H. *Classicism and Classical Antiquity in Eighteenth- and Early Nineteenth-Century Russian Literature* // *The Eighteenth Century in Russia* / Ed. J.G. Garrard. Oxford: Oxford University Press, 1973. P. 48–71.
- Shaw E., Heywood C.J. *English and Continental Views of the Ottoman Empire, 1500–1800*. Los Angeles: University of California, William Andrews Clark Memorial Library, 1972.
- Skinner B. *The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in 18th-Century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009.
- Smiley W. *The Burdens of Subjecthood: The Ottoman State, Russian Fugitives and Interimperial Law, 1774–1869* // *International Journal of Middle Eastern Studies*. 2014. Vol. 46. No. 1. P. 73–93.
- Smiley W. *Let Whose People Go? Subjecthood, Sovereignty, Liberation and Legalism in the Eighteenth-Century Russo-Ottoman Relations* // *Turkish Historical Review*. 2012. No. 3. P. 196–228.
- Smiley W. *The Meanings of Conversion: Treaty Law, State Knowledge, and Religious Identity among Russian Captives in the Eighteenth Century Ottoman Empire* // *International History Review*. 2012. Vol. 34. No. 3. P. 559–580.
- Smiley W. *The Rules of War on the Ottoman Frontiers: An Overview of the Military Activity, 1699–1829* // *Empires and Peninsulas: Southeastern Europe Between Carlowitz and the Peace of Adrianople, 1699–1829* / Ed. Plamen Mitev et al. Leiden: Brill, 2010. P. 63–71.
- Southern R.W. *Western Views of Islam in the Middle Ages*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962.

- Spuler B.* Die Europäische Diplomatie in Konstantinopel bis zum Frieden von Belgrad (1793) // *Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas*. 1936. Vol. 1. S. 29–262, 383–439.
- Staliunas D.* Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam: Rodopi, 2007.
- Starr G.A.* Escape from Barbary: A Seventeenth-Century Genre // *The Huntington Library Quarterly*. 1965. Vol. 21. P. 35–52.
- Stein M.* Guarding the Frontier: Ottoman Border Wars and Garrisons in Europe. London: Tauris Academic Studies, 2007.
- Stites R.* The Four Horsemen: Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014.
- Strong R.* Art and Power: Renaissance Festivals, 1450–1650. Woodbridge: The Boydell Press, 1994.
- Sturdza A.S.* Eugène Boulgaris et Nicéphore Teotokis, Précurseurs du réveil intellectuel et national de la Grèce // *Sturdza A.S. Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires*. Paris: Dentu, 1858–1861. Vol. 3. P. 267–311.
- Sumner H.B.* Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, UK: B. Blackwell, 1949.
- The Travel Diary of Peter Tolstoi. A Muscovite in Early Modern Europe* / Ed. M. Okenfuss. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1987.
- Taki V.* Between Polizeistaat and Cordon Sanitaire: Epidemics and Police Reform during Russian Occupation of Moldavia and Wallachia, 1828–1834 // *Ab Imperio*. 2008. No. 4. P. 75–112.
- Taki V.* Limits of Protection: Russia and the Orthodox Co-Religionists in the Ottoman Empire. Pittsburgh, PA: Center for Russian and East European Studies, 2015.
- Taki V.* Moldavia and Wallachia in the Eyes of Russian Observers in the First Half of the 19th Century // *East Central Europe/L'Europe Du Centre Est. Eine wissenschaftliche Zeitschrift*. 2005. Vol. 32. No. 1–2. P. 199–224.
- Taki V.* Orientalism at the Margins: The Ottoman Empire under Russian Eyes // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. No. 2. P. 321–351.
- Temperley H.* England and the Near East. The Crimea. London: Longmans, Green and Co., 1936.
- Teplý K.* Die kaiserliche Grossbotschaft an Sultan Murad IV. Wien: Schendl, 1976.
- Todorova M.* Imagining the Balkans. New York: Oxford University Press, 1997.
- Toledano E.* As if Silent and Absent: Bonds of Enslavement in the Islamic Middle East. New Haven: Yale University Press, 2007.
- Tolz V.* European, National and (Anti-) Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia // *Orientalism and Empire in Russia* / Eds. M. David-Fox, P. Halquist, A. Martin. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2006. P. 107–134.
- Tolz V.* Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period. Oxford, UK: Oxford University Press, 2011

- Uyar M., Erikson E. A Military History of the Ottomans: From Osman to Atatürk. Santa Barbara, CA: Praeger Group International, 2009.
- Vandal A. L'Odyssée d'un ambassadeur. Les Voyages du Marquis de Nointel (1670–1679). Paris: Plon, 1900.
- Vandal A. Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La Mission du Marquis de Villeneuve. Paris: Plon, 1887.
- Verlinden Ch. L'Esclavage dans l'Europe médiévale. Vol. 2. Italie, Colonies italiennes du Levant, Levant latin, Empire byzantin. Gent: De Tempel, 1977.
- Verlinden Ch. Medieval Slavers // Economy, Society and Government in Medieval Italy / Ed. David Herlihy. Kent, OH: Kent State University Press, 1969. P. 1–14.
- Vernadsky G. Alexandre Ier et le problème Slave pendant la première moitié de son règne // Revue des études Slaves. 1927. Vol. 7. P. 94–111.
- Vovchenko D. Modernizing Orthodoxy: Russia and the Christian East (1856–1914) // Journal of the History of Ideas. 2012. Vol. 3. No. 2. C. 295–317.
- Waugh D.C. Ioannikii Galiatovs'kyi's Polemics against Islam and Their Muscovite Translations // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. 3–4. No. 2. P. 909–918.
- Waugh D.C. Seventeenth Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Towards a Study of Muscovite Literary Culture in its European Settling. Ph.D. diss., Harvard University, 1972.
- Waugh D.C. The Great Turkes Defiance. On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Foreword by D.S. Likhachev. Columbus, Ohio: The Slavica Publishers, 1978.
- Wawrzyniak K. Ottoman-Polish Diplomatic Relations in the Sixteenth Century. Istanbul: Institute of Economic and Social Sciences of Bilkent University, 2003.
- Weber C. Performative States // Millennium. 1997. Vol. 27. No. 1. P. 77–95.
- Weeks Th. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, Northern Illinois University Press, 1996.
- Weiss G. Captives and Corsairs: France and Slavery in Early Modern Mediterranean. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011.
- Werth P. Lived Orthodoxy and Confessional Diversity: The Last Decade on Religion in Modern Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12. No. 4. P. 849–865.
- Werth P. On the Margins of Orthodoxy: Mission, Governanace and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1805–1917. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.
- Whittaker C. The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855. DeKalb, IL: Northern European University Press, 1984.
- Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2003.
- Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of Enlightenment. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994 (см. рус. пер.: Вульф Л.

Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003).

Wortman R. Russian Imperial Family as a Symbol // *Imperial Russia: New Histories for Empire* / Ed. J. Burbank and D. Ransel. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1998. P. 60–85.

Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006 (см. рус. пер.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М.: ОГИ, 2004).

Wright M. Power Politics. Harmondsworth, England: Penguin Books, 1986.

Zarakol A. After Defeat: How the East Learned to Live with the West. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдул-Гамид I, султан 50
Абдул-Меджид I, султан 29, 204, 208, 210
Абдулькерим-эфенди 46
Агафангел И. 163
Аксаков И.С. 264
Аксан В. 123
Алабин П.В. 145, 205, 260, 261
Александр I, император 67, 114, 128, 187, 228, 229, 242
Алексеев М.И. 35
Алексей Михайлович, царь 173, 174
Али-паша Янинский 45, 189, 199
Альгаротти Ф. 9
Амурат – см. Мурад I
Андреосси А.-Ф. 191, 192
Анна Иоанновна, императрица 41, 125
Анненков Е. 80
Априлов В. 256
Арлей Ф. де 60
Арсений III, патриарх 173
Арсеньев К.И. 191, 192
Арш Л.Г. 229
Ататюрк М.К. 8
Ахмед III, султан 157, 176, 191, 210
Ахмед-паша, Каваноз 56

Багратион П.И. 160
Бадия-и-Леблих Д. 191
Базили К.М. 64, 199, 204, 205, 206, 207
Байер Г.З. 186, 187
Бакич-Хэйдэн М. 14
Бадтаджи Мехмед-паша 120

Бантыш-Каменский Д.М. 160
Баранович Л. 174
Баранщиков В.Я. 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 113, 116, 117
Баур Ф.В. 160, 250, 253
Баязет I, султан 182
Баязет II, султан 28, 34, 39
Бегичев И. 41
Белл Дж. 185
Бенкендорф А.Х. 149, 156
Береггейм А.И. 154
Березин И.Н. 68, 187, 188, 219
Берридж Г.Р. 53
Бецкий И.И. 95
Бикир-бей 112
Боден Ж. 172
Болотов А.Т. 98, 99, 100, 101, 146
Бональд Л. де 192, 194, 196
Бот, маркиз 42
Бразе Ж.Н.М. де 137
Броневский В.Б. 156, 162, 163, 235, 236
Брыновяну К., господарь Валахии 120, 249
Буколов Л. 79
Булавин К. 88
Булгаков Я.И. 62, 64, 65, 67, 68, 69, 92, 163, 227
Булгари Е. 180, 181, 182, 242
Бурбоны 195
Бусбек О.Ж. де 130, 178
Бушатли, Махмуд-паша 235
Бык Д.С. 35
Быков Я.В. 84
Бюшинг А. Фр. 185

- Валентины Г.Ф. фон 135, 138, 141, 145
Вальш Р. 196
Варлаам, монах 86, 87, 88
Варнери Ч. 132
Василий III, царь 35, 39, 221
Великопольский Г.О. 80
Венгеров С.А. 97
Венелин Ю.И. 243, 244, 245, 253, 254, 255, 256
Верженн Ш.Г. де 183
Вешняков А.А. 59, 60, 65, 66, 176, 177
Вигасин А.А. 93
Вирмонт А.Ф. фон 44, 45
Витт Х. 155
Владимиреску Т. 252, 261
Во Д.К. 172
Возницын П.Б. 54, 59
Вольней К.Ф.Ш. де 186
Вольтер Ф.-М. 192, 197, 222
Воробьев Ф.К. 78, 79
Воронцов А.Р. 95
Воронцов М.С. 231, 247
Воронцов С.Р. 125
Вронченко М.П. 205, 206
Всеволожский Н.С. 200, 206
Вульф Л. 6
Вэкэреску, род бояр Валахии 160
Габсбурги 9, 17, 26, 42, 44, 45, 59, 70, 80, 105, 114, 123, 124, 143
Галятовский И. 124, 174
Гамазов М.А. 210, 213
Гартинг И.М. 160
Гердер И.Г. 196
Геров Н. 248
Гиббон Э. 225
Гизель И. 124, 174
Гика Григоре, господарь Валахии 143, 160, 256
Гинкулов Я.Д. 255
Гирей 35
Глебов П.Н. 137, 138, 141
Глинка С.Н. 196
Годунов Б. 81
Голицын А.М. 66
Голицын В.В. 124
Голохвастов Б.Я. 35
Гомес М.А. де 184
Грело Г.-Ж. 178
Григорович В.И. 245
Григорьев В.В. 189, 203, 204, 205, 209, 210
Гуляни 160
Гурьянов И.Г. 195
д'Оссон И.М. 185
Давыдов А.И. 213, 214
Даламбер Ж. 185
Дамас Р. де 149
Данилевский Н.Я. 264
Деваль Ш. 193
Демидов А.Н. 259
Демокрит 224
Демосфен 224
Державин Г.Р. 223
Деррида Ж. 25
Дибич И.И. 115, 136, 159, 240
Дидро Д. 185
Дикинсон С. 216
Дионисий, патриарх 173
Дитмарс Е.И. 154
Диттель В.Ф. 187, 188
Долгоруков Ю.В. 233
Должонков О.Л. 80
Дорохин Ф.Ф. 82
Достян И.С. 220
Дэвис Р. 75

- Дюгамель А.О. 101, 104, 105, 107, 108, 109, 115, 116, 118
- Екатерина II, императрица 41, 50, 62, 67, 69, 70, 89, 125, 147, 151, 155, 163, 179, 180, 181, 183, 184, 190, 194, 222, 223, 228, 229, 233, 234, 237, 241
- Елизавета Петровна, императрица 179, 183, 233
- Емин А.Ф. 179, 180
- Емини-паша Мехмед 46
- Емин-паша 110
- Еремей Гаврилович (Болотов?) 98, 99, 100, 101
- Жадовский П.В. 159
- Жиров И.Г. 79
- Жомини А.-А. де 128, 129, 134
- Забелина А. 79
- Засс А.П. 158
- Захарьев Л. 80
- Зейдлиц К.К. 141, 145, 203
- Ибрагим-паша 111, 202
- Иван III, царь 35, 39
- Иван IV Грозный, царь 39, 171-172, 176
- Иван V, царь 173
- Иванов 107
- Иванов К. 80
- Иванов С. 80
- Игнатьев Н.П. 152
- Измаил-паша 227
- Иктин 228
- Иналджик* X. 35
- Иоанн VI Кантакузин, император 227
- Иосиф I, император 57
- Иосиф II, император 69, 143
- Ипсиланти А. 229, 238, 261
- Ипсиланти К. 251
- Исаия, архимандрит 173
- Искандер Н. 171
- Италинский А.И. 67
- Кадышев Т. 35
- Казембек А.К. 187, 188
- Кайсаров А.С. 237
- Калверт Фр., лорд Балтимор 185
- Кальер Ф. 62
- Кантакузен Ф. 37
- Кантакузин К. 226, 227, 251
- Кантакузин III. 173
- Кантемир Д. 120, 177, 178, 187, 249-250
- Каподистрия И. 229, 242
- Караджич В. 239, 241
- Карамзин Н.М. 189, 234, 243
- Карл XII, император 58, 114, 119
- Кеппель Дж.Т. 161, 164
- Кепрюлю Ахмед 85
- Кепрюлю Кара Мустафа 43
- Керр Г.Я. 186, 187
- Киселев П.Д. 129, 259
- Клапрот Ю. 243
- Клееман Н.Э. 185
- Клемент Н.М. 101, 103, 104, 105, 107, 111, 112, 114, 115, 116, 118
- Ковалевский Е.П. 212, 246, 247, 257, 258
- Коковцев М.Г. 96, 225
- Кольер Я. 58
- Кондратьев К. 84
- Кондырев И.П. 40, 41, 79
- Константин XI, император 171
- Константин Павлович, вел.кн. 194, 223
- Корнилов В.А. 29

- Коробки П.В. 236
Коробов В.А. 35, 38, 39
Котошихин Г.К. 74
Кочубей В.И. 68, 69
Кравень Э. 186
Краснокутский А.Г. 100, 101, 227, 237
Крижанич Ю. 71, 72, 232
Кутузов М.И. 46, 47, 48, 126, 129, 132, 138, 148, 160
- л'Ожье 65
Лавров П.С. 79
Лаврова С. 79
Ланжерон А.Ф. 143, 144, 149, 151, 158, 159, 226
Лашкарев С.Л. 66
Левашев П.А. 60, 61, 62, 63, 66, 67, 68, 96, 101, 102, 103, 104, 105, 110, 111, 113, 114, 115, 116, 118, 142, 182, 183, 184, 224
Лейбниц Г. 186
Леонид 196, 231
Леонтьев К.Н. 264
Леопольд I, император 172
Лесков Н.С. 97
Линь Ш.Ж. де 143
Липранди И.П. 133, 134, 135, 136, 141, 142, 152, 153, 158, 167, 259, 260, 261
Ловушкин И.Г. 79
Лукиянов И. 87, 88
Лукиянович И. 233
Лунин М. 80
Лызлов А.И. 124, 175, 178, 243
Людовик XI, король 199
Людовик XIV, король 33, 195
- Маврокордат А. 40, 47, 225, 226
Маврокордат Н. 226
Магомет II, султан – см. Мехмед Завоеватель
Мазарович С.И. 236
Макарий, монах 85, 86, 88
Макиавелли Н. 62, 172
Мак-Фарлан Ч. 194, 195
Мальтбрюн К. 192
Мамелюки 72
Манштейн К.Г. фон 152, 155
Мария-Луиза, императрица 108
Маркс К. 11
Мармон О. де 197, 203, 205, 206
Марсильи Л.Ф. 127, 130, 177, 178
Мартос А.И. 123, 137, 140, 143, 148, 149, 150, 156, 161
Марченко М.К. 155
Маттингли Г. 53
Махмуд II, султан 65, 104, 159, 161, 189, 193, 197, 198, 199, 200, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 212, 215, 216
Мелик Мехмед-паша М. 46, 47
Менгли-Гирей 39
Меншиков А.С. 28, 29
Мехмед IV, султан 43, 85, 138, 172
Мехмед Емин Али-паша 29
Мехмед Завоеватель, султан 145, 171, 172, 182, 224
Мехмед Хусрев-паша 201
Милорадович А.И. 160
Милорадович М.А. 143, 144, 151
Милорадович М.И. 233
Минин Л.Г. 79 –
Миних Б.К. фон 125, 128, 129, 130, 152, 155, 203
Михаил Федорович, царь 172, 174
Молдованджи Али-паша 66
Монтекуколи Р. 127, 132
Монтескье Ш. 112, 131, 192, 204, 225

- Морицкий Н. 173
Моцарт В.А. 17
Мошкин И.С. 82, 83, 84, 85, 88
Муравьев А.Н. 164, 243
Муравьев-Карский Н.Н. 141, 142, 201, 202, 206, 208, 215
Мурад I, султан 182
Мурад III, султан 234
Мустафа I, султан 40
Мустафа III, султан 110
Мустафа-паша Байрактар 189
Мухаммед-Али, паша Египетский 193, 202, 208
Мухлинский А.О. 188
Мютеферрика И. 181, 200
- Наполеон Бонапарт 68, 108, 128, 129, 130, 157, 191, 194, 228, 269
Нарышкины 95
Нащекин Г.А. 173
Невшехерли Ибрагим-паша 176
Негош В.П. 233
Негош П.П. 234
Негри А.Ф. 251
Неплюев И.И. 59, 65, 176
Непокойчицкий А.А. 29
Нестеров А.И. 36
Николай I, император 28, 129, 159, 168, 208, 242, 247, 270
Новосильцев И.В. 38, 39
Нуман-паша К. 46, 58
- Обренович М. 245
Обресков А.М. 59, 60, 61, 62, 66, 67, 101, 102, 113, 114
Окенфус М. 7, 8
Ольшевский М.Я. 141
Опалков И.Ф. 79
Орбини М. 234
Орлов А.Г. 66, 225
- Орлов Г.Г. 147
Осипов И. 79
Османы 17, 21, 25, 26, 30, 34, 41, 43, 44, 45, 50, 51, 54, 56, 105, 119, 123, 133, 143, 172, 173, 180, 182, 183, 192, 194, 195, 196, 209, 218, 219, 223, 224, 228, 234, 235, 239, 246, 254, 263, 266, 268
Острогорский П.П. 184
Остроумов Н.П. 189
Отрощенко И.О. 138
- Павел I, император 228
Паисий, патриарх 173
Панафидин П.И. 157, 228, 236
Панин Н.И. 50, 66
Парфений (Петр Агеев) 245
Пасван-оглу О. 189
Паскевич И.Ф. 203
Пересветов И.С. 171, 175, 182, 214
Перикл 227, 228, 231
Петр I Великий, император 7, 8, 9, 28, 40, 41, 42, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 66, 87, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 127, 137, 168, 170, 172, 173, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 192, 193, 197, 199, 200, 203, 204, 207, 215, 220, 221, 222, 232, 233, 249, 266
Петр III, император 234
Петрович В. 235
Петрович Г. (Карагеоргий) 103, 237, 247
Плещеев М.А. 38, 39
Плюшар А.А. 97
Погодин М.И. 243
Полевой Н.А. 129, 130
Полиидес Т. 163
Половцев А.А. 67
Полозов В.В. 85, 86, 88
Полуктов М. 84

- Порт Ж. де ла 67
Потемкин Г.А. 65, 125, 126, 129, 130, 143, 149, 151, 158, 163, 234
Прозоровский А.А. 125, 126, 158
Прокудин-Горский М.И. 59, 64, 179, 224
Пуквиль Ф. 139, 228, 230
Пулята Н.В. 163, 230
Пучков С. 233
Пушкин А.Н. 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 138, 167
Пушкин А.С. 9
Пушков С. 233

Раан М.Л. фон 140, 153, 156
Рагузинский С.В. 234
Раич Й. 235, 241, 243
Рареш П. 171
Расих-паша М. 46, 47, 48
Рассел Дж. 168
Ребиндер И.М. 90, 95
Репнин Н.В. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52
Репнин П.В. 101
Реутова О. 79
Рибопьер А.И. 64, 65, 68
Рико П. 177
Ришелье А.Э. дю Плесси, герцог 150, 151
Робертсон У. 131
Розальон-Сошальский А.Г. 101, 104, 105, 106, 107, 108, 111, 112, 115, 116, 118, 144, 149, 151, 162, 240, 241
Романовы 30, 221
Роу Т. 60
Роуз Х. 28, 29
Руге Е.В. фон 154
Руйе А. 197, 199
Румянцев А.И. 42, 45, 46, 47, 48, 50, 52
Румянцев П.А. 125, 126, 129, 130, 132, 147, 153, 155, 222
Руссо Ж.-Ж. 150, 207, 236
Руссов С.В. 254
Рустем 85
Руффэн П.-Ж. 68
Рюриковичи 30

Саид Э. 12, 17, 170, 189, 269
Санглен Я.И. де 127, 128
Сарти Дж. 158
Сасси С. де 187
Саттон Р. 57, 58
Сафавиды 43
Сафонов В.А. 101, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 114, 115, 116, 118
Свиньин П.П. 102, 112, 157, 236
Себастиани Г. 107, 114
Сеймур Г. 168
Селим I, султан 35
Селим III, султан 56, 65, 67, 68, 189, 197, 210
Сельджуки 35
Сен-Дени А.Ю. де 191
Сенковский О.И. 187, 188, 198, 213
Сен-При Ф.Э. де 62
Сенявин Д.Н. 67, 235
Серапион, монах 86, 87, 88
Сергеев С. 81
Серчевский Е. 213
Сильвестр, монах 84, 86, 88
Сириаси Ф. фон 135
Смайли У. 89
Смирнов В.Д. 188
Соколл М. 39
Сократ 224
Софроний (Врачанский) 242
Спиридов А.М. 238, 239, 253, 254, 255, 256

- Стайтс Р. 229
 Стахийев А.С. 59
 Степан Малый 233
 Стефанополи Д. 230
 Стефанополи Н. 230
 Строганов Г.А. 186
 Строгановы 95
 Струве И.Х. 48, 226
 Суворов А.В. 100, 126, 129
 Судакова А. 79
 Сулейман I Великолепный, султан 9, 43, 182
 Сулейман II, султан 234
 Сурдза Ион Санду, молдавский господарь 256
 Суханов А. 173
 Сырку П.А. 82
- Талейран Ш.М. де 65
 Тальманн И.М. 44, 57, 58
 Тарасов М. 233
 Татищев В.Н. 243
 Тейльс В. 59
Темперлей Г. 168
 Теплов В.А. 68,
 Тепляков В.Г. 231
 Терентьев И. (Сулейман) 100
 Титов В.П. 209
 Толстой А.К. 8
 Толстой Д.А. 8
 Толстой И.А. 55
 Толстой Л.Н. 8
 Толстой П.А. 7, 8, 44, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 65, 175, 176, 223, 225, 233
 Толстой Ф.П. 8
 Толстые 8
 Топчибашев Дж. 188
 Торнау Ф.Ф. 138, 140, 144, 159, 160, 161, 162, 164
 Тотт Ф. де 132, 133
- Тофилей, монах 85
 Трегупов С. 80
 Третьяков-Губин В.М. 35
 Трубецкой Ю.П. 82
 Тугут И.А.Ф. фон 60
 Тургенев А.И. 237, 238
 Тучков С.А. 153
- Убичини М.А. 219
 Уваров С.С. 187, 208
 Украинцев Е.И. 40, 41, 54, 59, 87
 Улефельд А.К. фон 42, 45
- Фадеев Р.А. 264
 Федор Алексеевич, царь 86
 Федор Иоаннович, царь 80, 173
 Фемистокл 196, 227, 228, 230
 Феодорит К. 35, 37
 Фидий 228
 Филипеску К. 160
 Филипп V, король 195
 Филиппов Л. 80
 Филофей, монах 221
Фишер А. 30, 73
 Фишер И.О. 250
 Фонтон П.А. 102
 Фонтон Ф.П. 145, 157, 249
 Франциск I, король 9
 Фредерик II, король 70
 Фридрих II Великий, король 129, 166, 192
 Фроман (Махмуд) 108
 Фуад-паша 29
 Фуко М. 32
- Хааг К. ван 60
 Халид А. 169
 Хметевский С.П. 224, 225
 Ходзько И.И. 154
 Хомяков А.С. 243

Хусрев-паша М. 201
Хуссейн-паша 111, 162
Хэй Дж.Г. 60
Хюбш А. фон 114
Хюбш К. фон 115

Цебриков Р.М. 142, 143, 150

Чемерзин А.И. 154
Чередеев И.П. 40
Чингисхан 35

Шатобриан Ф.Р. де 224, 228, 230
Шатов Н.Ф. 111
Шафарик П. 243
Шафиров П.П. 66, 87, 121
Шереметьев М.Б. 66, 87
Ширков С.Е. 93
Шлегель Ф. 187
Шлецер А. 243
Штоффельн Х.Ф. фон 147
Штрандман Г.Э. фон 146, 152
Шуазель-Гуфье О. де 67
Шувалов И.И. 95

Энгельгардт Л.Н. 158, 159
Энгельс Ф. 11
Эпаминонд 196
Эттинген Ф.Э., князь 44

Юстиниан I, император 246
Юшков М. 81, 82

Яковенко И.П. 245, 252, 254

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1	
У ПОРОГА СЧАСТЬЯ	28
Посланники Москвы	32
Великие посольства	41
Российские и европейские дипломаты в Константинополе	53
Глава 2	
РАССКАЗЫ О ПЛЕНЕ	71
Рассказы пленников допетровской эпохи	77
Российское образованное общество и меняющееся восприятие плена	88
Дворянские нарративы плена	100
Глава 3	
«ТУРЕЦКИЕ КАМПАНИИ»	119
Османский способ ведения войны в работах российских военных авторов	123
Зрелищность и ужас османского способа ведения войны	137
Экзотические войны	152
Глава 4	
«БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК»	168
Тема османского упадка и ее рецепция в России	170
Заемствованные идиомы	184
Османский Петр Великий?	197
Российские критики Танзимата	208
Глава 5	
НАРОДЫ ИМПЕРИИ	218
Греки	220
Славяне	232

Румыны.....	249
-------------	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	265
------------------	-----

Библиография	274
--------------------	-----

Источники.....	274
----------------	-----

Литература.....	288
-----------------	-----

Именной указатель	313
-------------------------	-----

Виктор Таки
ЦАРЬ И СУЛТАН
Османская империя глазами россиян

Редактор М. Каменская
Дизайнер Д. Черногаев
Корректор С. Крючкова
Верстка Л. Ланцова

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: www.nlobooks.ru

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 20. Тираж 1000. Заказ № К-7462.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Книги и журналы
«Нового литературного обозрения»
можно приобрести в интернет-магазине, издательства
www.nlobooks.mags.ru
и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, 8 495 781-19-00
- Галерея книги «Нина» — ул. Волхонка, д. 18/2 (здание Института русского языка им. В.В. Виноградова), 8 495 201-36-45
- «Гараж» — ул. Крымский вал, д. 9, стр. 32 (Парк Горького, слева от центральной аллеи, магазин в Музее современной культуры «Гараж»), 8 495 645-05-20
- Государственная галерея на Солянке — ул. Солянка, д. 1/2, стр. 2 (вход с ул. Забелина), 8 495 621-55-72
- Книжная лавка историка — ул. Б. Дмитровка, д. 15, 8 495 694-50-07
- Книжный киоск РОССПЭН — ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 8 499 126-94-18
- «Медленные книги» — <http://www.berrounz.ru/>, 8 499 258 45 03
- «Москва» — ул. Тверская, д. 8, стр. 1, 8 495 629-64-83, 8 495 797-87-17
- «Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, д. 8, 8 495 789-35-91
- «ММОА ART BOOK SHOP» — ул. Петровка, д. 25 (в здании ММСИ), 8 916 979-54-64
- «ММОА ART BOOK SHOP» — Берсеневская наб., д. 14, стр. 5А (Институт Стрелка)
- «Новое Искусство» — Петровский бул., д. 23, 8 495 625-44-85
- «Порядок слов в Электротееатре» — ул. Тверская, д. 23, фойе Электротееатра «Станиславский», 8 917 508-94-76
- «У Кентавра» — ул. Чайнова, д. 15 (магазин в РГУ), 8 495 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., д. 12/27, 8 495 749-57-21
- «Фаланстер» (на Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., д. 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), 8 495 926-30-42
- «Циолковский» — Пятницкий пер., д. 8, 8 495 951-19-02
- «Додо» — ул. Мясницкая, д. 7, стр. 2, 8 926 463-82-35
- «Додо» в КЦ ЗИЛ — ул. Восточная, д. 4, корп. 1, 8 495 675-16-36 (позовите Додо к телефону)
- «Додо» в ЦКИ «Меридиан» — ул. Профсоюзная, 61

HISTORIA ROSSICA

ЦАРЬ И СУЛТАН ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЯН

Монография представляет собой первый опыт культурной истории русско-турецких контактов с момента установления дипломатических отношений в конце XV века и вплоть до Крымской войны. Автор показывает, что претерпевшие серьезную эволюцию российские представления об Османской империи являются важным аспектом как российского открытия Востока, так и непростых отношений России с Западом. Основываясь на таких источниках, как дневники и воспоминания участников "турецких кампаний", рассказы пленников, дипломатическая переписка, статистические публикации и описания путешествий, В. Таки анализирует восприятие военными, дипломатами и образованной публикой в целом многовекового исторического соперника России. В исследовании, в частности, прослеживается, как формирование образов "Европы" и "Востока" в сознании россиян XVIII и XIX столетий оказало влияние на складывание современной российской идентичности. Виктор Таки — сотрудник Центра исторических исследований Санкт-Петербургского отделения НИУ ВШЭ.

